

Министерство образования и науки Российской Федерации
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

А.В. Урядова

Советская Россия 1920-х: восприятие эмиграции

Ярославль 2011

УДК 94(47+57)
ББК ТЗ(2)6
У73

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института истории РАН **П.П. Черкасов**;
доктор исторических наук,
профессор ЯГПУ им. К.Д. Ушинского **А.Б. Соколов**

Урядова А.В. Советская Россия 1920-х: восприятие
У73 эмиграции. – Ярославль: ЯрГУ, 2011. – 392 с.
ISBN 978-5-8397-0802-0

В монографии представлена точка зрения выдающихся общественных деятелей русского зарубежья и ряда эмигрантских организаций первой волны на проблемы развития Советской России и СССР в 1920-е гг.; рассматривается восприятие русскими эмигрантами советской внутренней и внешней политики, экономики; дается обзор не только теоретических воззрений русского зарубежья на те или иные знаковые события в отечественной истории, но и практическая реакция на них.

Библиогр.: 1200 назв.

УДК 94(47+57)
ББК ТЗ(2)6

В оформлении обложки использованы: Сатира и юмор русской эмиграции / Сост. С.А. Александров. М.: АИРО-XX, 1998; Письмо Главнокомандующего Русской Армией генерала П.Н. Врангеля П.Б. Струве. 3 декабря 1921. Автограф // ГА РФ. Ф. Р-5912. Оп. 1. Д. 46. Л. 1-2 (http://www.rusarchives.ru/evants/exhibitions/bulg_emig_kat/28.shtml); Письмо генерала А.П. Кутепова генералу Ф.Ф. Абрамову. 7 декабря 1926. Автограф // ГА РФ. Ф. Р-9116. Оп. 1. Д. 56. Л. 115 ([http:// www.rusarchives.ru /evants /exhibitions/ bulg_emig_kat/55.shtml](http://www.rusarchives.ru/evants/exhibitions/bulg_emig_kat/55.shtml))

ISBN 978-5-8397-0802-0

© Ярославский государственный
университет им. П.Г. Демидова, 2011

Оглавление

Введение	5
Глава 1. Социально-экономическое развитие Советской России / СССР в оценке эмигрантов	30
1.1. Голод 1921 г. и русское зарубежье	35
1.2. Сельское хозяйство и проблемы советской деревни в оценке эмигрантов	51
1.3. Отношение к советской промышленности	64
1.4. Анализ русским зарубежьем советской финансовой системы, внутренней и внешней торговли	74
1.5. НЭП как экономическая политика в оценке эмигрантов ..	89
Глава 2. Общественно-политическое развитие РСФСР/СССР в 1920-е гг. в восприятии русского зарубежья	112
2.1. Кронштадтское восстание: слова и дела эмиграции	113
2.2. Процесс над эсерами. Отношение русского зарубежья к репрессиям против небольшевистских партий	128
2.3. Государственно-церковные отношения в Советской России и деятельность Московской Патриархии	150
2.4. Дискуссии в РКП(б) / ВКП(б)	169
2.5. Эмиграция о советском строе	189
Глава 3. Попытки эмигрантского влияния на решение «русского» и «советского» вопросов в международной политике	210
3.1. Международные соглашения РСФСР 1920–1921 гг. и попытки эмиграции им противостоять	211
3.2. Международные конференции 1922–1923 гг. и русское зарубежье	231
3.3. Эмиграция о внешнеполитических успехах СССР середины 1920-х гг.	258
3.4. Внешнеполитический курс СССР второй половины 1920-х гг. в восприятии русского зарубежья	278
Заключение	291
Источники и литература	302
Источники	302
Исследовательская литература	323
Эмиграция о Советской России и в шутку и всерьез (вместо приложения)	348

*С благодарностью моей семье –
маме, мужу и сыновьям*

ВВЕДЕНИЕ

Русское зарубежье явило собой некую общность людей, оказавшихся вне России, в схожих жизненных условиях, обладавших, по сути, единой целью – возвращение на Родину. Образ России, глубоко личный, сохранялся в душе каждого эмигранта, имея, – как пишет исследователь О.Ю. Олейник, – как схожие, так и неповторимые черты в каждом из них, являя патриотизм не единомышленников, но соотечественников¹.

Для русского зарубежья была характерна «экстраполяция», перенос привычного образа жизни в дореволюционной России на зарубежную почву с попыткой ее консервации в неизменном виде (политических, общественных институтов, социальных страт, традиций, быта и т.д.). Русское зарубежье было достаточно замкнутым не столько из нежелания общения с окружающим миром, сколько из-за отсутствия необходимости такового. Об этом свидетельствует малый процент натурализации и получения иностранного подданства, наличие собственной системы образовательных и церковных учреждений, воссоздание других структур и институтов, традиционных для России*, высокая способность к самоорганизации.

Постепенно утрачивая «русскость» под влиянием окружающей их среды, тем не менее, эмигранты не становились иностранцами (не только по гражданству, но и по образу мысли и жизни). Зарубежная Россия не вписалась ни в иностранное, ни в советское общество. Расходясь во взглядах по большинству вопросов, эмигранты жили с думами о Родине, воспринимали себя изгнанниками, а мир вокруг себя – «чужим». Эмиграция представляла особый уникальный социум. Этот статус единого цель-

¹ Олейник О.Ю. Отношение к отечеству интеллигенции российского зарубежья в 1920-1930-е гг.: к постановке проблемы // Интеллигенция России в конце XX века: Система духовных ценностей в исторической динамике. Тезисы докладов и сообщений. Всероссийская научная конференция, посвященная памяти проф. В.Г. Чуфарова. Екатеринбург, 1998. С. 59.

* Определенное исключение составляла русская эмиграция в США.

ного организма подтверждается и соответствующим отношением к нему советской власти и международного сообщества.

Любовь к Родине и желание вернуться в Россию объединяли, все остальное разъединяло. Разъединяли расстояния и границы стран, в которых проживали русские эмигранты; материальные условия; интеллектуальный уровень; политические взгляды (от аполитичности до политической непримиримости к большевикам и друг к другу); религиозные разногласия и многое другое. При чем ностальгия оставалась, а политические дебаты то затихали, то вспыхивали вновь в зависимости от обстановки. Взаимоотношения в эмиграции между людьми, общественно-политическими организациями во многом зависели от отношения к революции, советскому режиму, его внутренней и внешней политике, конкретным событиям, происходившим на родине, выбору дальнейших перспектив развития России и методам их осуществления.

Постепенно все больше людей в силу финансовых и житейских сложностей, видя усиление советской власти и нежелание стран Антанты оказывать эмигрантам военно-политическую поддержку, разочаровывались в политике и отходили от нее. Оставалась лишь любовь к Родине, но и она была у каждого своя. Она могла быть платоническая – любовь без навязывания своих путей развития отношений (Россия – сама по себе, эмиграция – сама по себе); могла быть идеалистическая – любовь к той России, которой либо уже не было и не будет, либо и не существовало никогда; могла быть всепожирающе-эгоистичная – Россия может и должна быть только такой, какой мы ее себе представляем, поэтому ее такой необходимо сделать (какой «такой», каждый представлял по-своему).

Независимо от представления о будущем России, эмигранты следили за ее настоящим, как с точки зрения обычного человеческого интереса, так и с позиций возможности использования данного момента для смены власти и возвращения в Россию. Часть эмиграции стремилась проанализировать события, происходившие в Советской России, с позиций их «полезности» в деле свержения большевиков, учитывая при этом и фактор настоящего, то есть фактор их влияния на современное положение народа (имея в виду, прежде всего, его умонастроения). Такое отношение ско-

рее касалось средств, методов и результатов политики большевиков, отдельных событий.

Эмиграция продолжала жить проблемами России, прежде всего политическими, в том числе и в силу своих «корыстных» интересов. На это обратил внимание Н.А. Бердяев: «Тип “белого” эмигранта вызывал во мне скорее отталкивание. В нем была каменная нераскаянность, отсутствие сознания своей вины и, наоборот, гордое сознание своего пребывания в правде ... На меня мучительно действовала злобность настроений эмиграции. Было что-то маниакальное в этой неспособности типичного эмигранта говорить о чем-либо, кроме большевиков, в этой склонности повсюду видеть агентов большевиков. Это настоящий психопатологический комплекс, и от этого не излечились и поныне»².

Конечно, нельзя говорить, что эмигранты видели советскую действительность исключительно в черном цвете. Особенно интересны в этой связи научные работы эмигрантов по экономическим, юридическим, военным вопросам, касающиеся соответствующих аспектов развития Советского государства. Во многих нововведениях они отмечали прогресс по сравнению с предыдущими периодами, пока речь не заходила об их политической составляющей³.

В начале 1920-х гг. эмиграция оценивала российские события не столько рационально, сколько эмоционально, пребывая под впечатлением личных переживаний и потрясений первых лет революции и Гражданской войны. Приход большевиков к власти считали не более чем временным явлением, российским парадоксом, который неизбежно придет к своему логическому завершению в ближайшее время. Отсюда и отношение большинства эмиграции к советскому строю как временному, не имеющему под собой исторической базы, сознательное упрощение происходящего, недооценка глубины политических и социально-экономических изменений, их непонимание.

² Бердяев Н.А. Самопознание: Опыт философской автобиографии. М., 1990. С. 230.

³ См. например: Пятницкий Н.В., полк. Красная Армия СССР. Вып. 1-3. Париж: Офицерская школа усовершенствования военных знаний при I отделе Русского Общевоинского Союза в Париже, 1931-1933; Беем А.Л. Судьба повышенного образования в СССР. Прага: Педагогическое бюро по делам средней и низшей русской школы, 1927; Бензин В., Тесарек Р. Моторная вспашка, как средство в борьбе с голодом в России / Русское экономическое общество в Лондоне. Прага, 1922 и др.

По мере укрепления советской власти меняется и ее восприятие в эмигрантской среде. Время активной борьбы с большевизмом уходило в прошлое, родилась идея экономической борьбы. По мнению эмиграции, трансформировалась и сама власть, в связи с чем в среде русского зарубежья середины 1920-х гг. стали популярны дискуссии о ее эволюции, перерождении, вырождении, советском бонапартизме. Как отмечает исследователь В.М. Селунская, «российская эмиграция сравнительно долгое время жила мечтами о будущем, о возвращении в “обновленную Россию”...». На основе контент-анализа эмигрантских источников личного происхождения она приходит к выводу о тесной связи между степенью укоренения адаптанта в новой среде обитания и процессом трансформации отношения к России-Родине, решением вопроса о возможности компромисса и возвращения к родным пенатам в обозримом будущем или отказа от него⁴.

Русское зарубежье родилось на стыке двух исторических эпох. Русские люди, оказавшиеся за рубежом, выросли, были воспитаны, жили и работали при монархическом строе. Им были привычны традиции, устои и уклад дореволюционной эпохи. Не все граждане Российской империи поняли и приняли февральскую революцию, а уж тем более – октябрьскую. Последняя не просто привносила новшества в российскую действительность, а коренным образом преобразовывала, ломала ее. Эти изменения можно было либо принять, следовательно, остаться в России и приспособиться к ним, либо не принять, уехав из страны или борясь с ними на Родине.

Переходные периоды являются наиболее спорными с исторической точки зрения и наиболее интересными для изучения, поскольку именно в такое время спектр общественного мнения наиболее широк и разнообразен. Годы становления советского государства тем более показательны, поскольку произошла не только смена государственной системы. В России началась новая историческая эпоха.

Сложности коммуникации и отсутствие результативного диалога между Россией советской и Россией зарубежной объясняются не только политическими противоречиями. Эти проблемы вписываются в исторический подход А. Ахиезера, который счи-

⁴ URL: <http://www.auditorium.ru/books/764/ch1.pdf> (Дата обращения: 21.02.2005).

тает раскол одной из центральных категорий для понимания российского общества, социокультурных процессов, происходящих в России⁵. Да и сама история взаимоотношений русского зарубежья и Советской России – это история социального конфликта. Не случайно возникло такое понятие, как «диаспора катастроф», используемое в российском контексте применительно к 1917 и 1991 г. Подобные социальные взрывы и потрясения, по мнению английского исследователя Э.Дж. Хобсбоума, не только выявляют то, что до сих пор было скрытым, но и делают более выпуклыми и концентрированными исторические явления, в том числе порождая значительно больше исторических источников⁶.

Принято считать, что первые впечатления наиболее яркие, непосредственные, не подвергшиеся наслоениям и корректировке более поздних периодов. Таковым было и восприятие эмиграцией советских реалий. Нас интересовали ее отношение и реакция на политику и события на родине на момент их совершения, в период минимально отдаленный от произошедшего. Впоследствии они могли быть подвергнуты переоценке.

Русское зарубежье существовало на стыке двух эпох и двух систем, причем не только в силу столкновения исторического прошлого и настоящего России, но и в геополитическом смысле. Эмигранты интересовались внутривнутриполитической и экономической ситуацией в странах своего проживания, но в значительно меньшей степени, лишь в силу зависимости от них. Другое дело Россия. Эмиграция стремилась прямо или косвенно влиять на процессы, происходившие там, или, по крайней мере, быть в курсе событий.

В последние десятилетия историки все чаще обращают внимание на осмысление роли, взаимодействие и соотношение индивидуального и коллективного, единичного и массового, уникального и общего. Изучение эмиграции, ее позиции по отношению к Советской России идет в русле современных исследований.

⁵ Ахиезер А. Россия: Критика исторического опыта. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. Т. 1. С. 10.

⁶ Хобсбоум Э. Дж. От социальной истории к истории общества [Перевод Ю.А. Асеева] // Философия и методология истории: Сборник статей / Под ред. И.С. Кона. Благовещенск: Благовещенский Гуманитарный Колледж им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. С. 289-320.

Русское зарубежье породило широкий диапазон мнений относительно развития РСФСР/СССР. Дело здесь не только в ситуации, в которой оно оказалось, и не только в наличии большого числа политических и общественных структур. За рубежом сконцентрировался высокий культурно-просветительский и интеллектуальный потенциал (видные общественные и политические деятели, научная и творческая интеллигенция, военные). За границей оказалось множество социально активных думающих людей, умевших и желавших изучать, анализировать и делать выводы из документов и событий. Конечно, таковые были среди советских и иностранных граждан. Но, в отличие от первых, русские за рубежом не были стеснены рамками цензуры, давлением власти, боязнью потери работы или даже репрессий. А в отличие от вторых, были куда более заинтересованы в исследовании советских сюжетов: их восприятие российской действительности выражалось не только в словах, но и в поступках.

В силу пестрого (партийного, национального, религиозного, половозрастного и т.д.) состава эмиграции понятно, что отношение к советской политике разных групп, не говоря уже об отдельных лицах, могло быть разным, вплоть до диаметрально противоположного. Важно выявить не только и не столько различия в реакции русских за рубежом, сколько точки соприкосновения, общие доминанты, характерные для эмиграции в целом как единого социума.

Русские за рубежом оказались в водовороте послевоенного мира. Тем более интересно и важно изучение общественного мнения русского зарубежья относительно советской политики и знаковых событий в истории РСФСР и СССР. Интерес эмиграции к событиям, происходившим на родине, был многоплановым. Социально-экономические преобразования периода НЭПа вселили в нее надежды на эволюцию режима. Некоторые внутриполитические события также поддерживали эту веру, другие, напротив, свидетельствовали о скором свержении власти. Кроме того, на родине оставались родные и близкие, жизнь которых зависела от поворотов советской политики. Эмигранты волновались за них, как и за судьбу своей родины и народа в целом. Это не означает, что все русское зарубежье интересовалось политикой, было вовлечено в ее осмысление. Большинство эмигрантов были апо-

литичны. Писатель, мемуарист Р. Гуль писал в 1927 году: «Эмигранты делились надвое: с мнением и с настроением. Первые любили своего лидера, устраивали его доклады, за чайным столиком умели политически спорить и доказывать “точку зрения”. Читали русские газеты. При встрече начинали с политики. Для них В.М. Чернов читал в Шпихернзеле “О России будущего и уроках прошлого”. Чернову в Берлине отвечал Милюков в Париже. Керенский в Лондоне. Савинков – в Варшаве. Авксентьев не разделял точки зрения. Кускова разделяла “но”. Словом, можно было радостно воскликнуть: “революция” продолжается. Этого и хотели эмигранты с мнением. Этим жили. Эмигранты с настроением не требовали доказательств. Не ходили на лекции. Презирали политику. Газет не читали. Но они считали, что чего-то “не дожили”. И все хотели – “дожить”...»⁷.

В данной работе речь пойдет о позиции социально активной части русской эмиграции, мнение которой отражено в имеющихся источниках. Одни события были близки многим в русском зарубежье, вызывали эмоциональный отклик широких слоев эмиграции, например, ситуация в Русской Православной Церкви. Другие находили отражение лишь в некоторых периодических изданиях, которые своими публикациями пытались будоражить общественное мнение (например, внутрипартийная борьба в коммунистической партии).

Советская Россия в представлении эмиграции – это лишь образ, который зависел от ряда факторов: имеющейся в наличии информации (источники, их достоверность, оперативность); ее подачи и оценки, компетентности оценивающего; предмета оценки и так далее.

Нельзя говорить и о полном свободомыслии, царившем за рубежом. Была иностранная цензура, этические барьеры, в силу которых эмигранты, проживавшие, например, в Германии, в меньшей степени критиковали ее внешнеполитическое сближение с СССР, нежели аналогичные шаги других стран. К тому же не исключена и боязнь некоторых эмигрантов, в случае их положительных отзывов на те или иные советские мероприятия, быть обвиненными в приверженности большевизму, быть отверженными (не случайно, например, бывший русский посол

⁷ Гуль Р. Жизнь на Фукса. М.; Л., 1927. С. 152.

В.А. Маклаков высказывал подобные мысли только в частных письмах, а писатель, автор «Последних новостей» А.П. Ладинский доверял их только дневнику). Философ Н.А. Бердяев отмечал сознательно дирижируемую ограниченность политического мышления эмиграции: «Свобода мысли в эмигрантской среде признавалась не более, чем в большевистской России»⁸.

Все вышеуказанные положения позволяют конкретизировать выбранную тему «Социально-экономическое и общественно-политическое развитие Советской России в 1920-е гг.: восприятие и реакция русской эмиграции».

Методологическая основа исследования базируется на синтезе методов и принципов, оптимально необходимых для полного и по возможности объективного исторического анализа. В процессе исследования использовались общенаучные, исторические и междисциплинарные методы и принципы.

Из общенаучных методов привлекались абстрагирование, экстраполяция, восхождение от абстрактного к конкретному, анализ и синтез.

Базовыми являлись традиционные исторические методы и принципы: принцип историзма, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный, историко-генетический, хронологический, проблемно-хронологический методы. Изучаемая тема рассматривалась под углами диахронной и синхронной истории, в связи с чем были применены соответственно для рассмотрения синхронного прошлого – структурно-функциональный подход и реконструкция; для диахронного – генетический подход. В монографии была предпринята попытка комплексного многоаспектного подхода, опирающегося на системно-целостное видение исторического процесса. В работе также был применен синергетический подход, который позволяет рассматривать каждую систему как определенное единство порядка и хаоса. Синергетический подход является существенным дополнением «линейных» подходов в понимании истории и как нельзя лучше соответствует изучению такого особого социума, как русское зарубежье.

⁸ Бердяев Н.А. Самосознание. Опыт философской автобиографии. М.: Книга, 1991. С. 222.

Проблематика исследования позволяет опереться на данные и методологические принципы других социальных наук: исторической антропологии, исторической психологии, новой социальной истории, имагологии и других. При работе с источниками использовались как традиционные (описательные и интерпретативные), так и формализованные (контент-анализ) методы. Перечисленные подходы и методы взаимодополняют друг друга.

В историографии проблемы можно выделить четыре периода. Первый период: 1920–1930-е гг. Исследователей интересовало видение русским зарубежьем революции, гражданской войны, советских реалий⁹. Введение НЭПа привело ряд эмигрантов к изменению отношения к политике большевиков, что не осталось незамеченным для исследователей¹⁰. С конца 1920-х гг. в связи с осложнением внешнеполитической обстановки акценты вновь сменились. На первое место вышло разоблачение реваншистских замыслов зарубежной контрреволюции¹¹. С середины 1930-х гг. тема эмиграции попала в разряд «запрещенных» вплоть до «оттепели». Для работ этого периода характерно сочетание описательности и схематичности, дополненное идеологической непримиримостью. Публикации тех лет оказали существенное влияние на формирование советской историографической традиции, задав тон и тематику исследований. В этот период выделяется три основных темы, связанных с проблематикой данной монографии: антисоветская деятельность эмиграции, «активизм»; его взаимосвязь с внутренней контрреволюцией; трансформация взглядов ряда эмигрантов под влиянием НЭПа, появление новых революционных течений. В 1920–1930-е гг. история русского зарубежья изучалась и в других странах, как самими представителями

⁹ См., например: Василевский И.М. Что они пишут? Мемуары бывших людей. Л. 1925; Воронский А. Советская Россия в освещении белого обозревателя // Красная новь. 1921. № 1. С. 221-229; Кантарович Я. Зарубежная книжная литература о советской России в 1921 г. // Книга и революция. 1922. № 5 (17). С. 25-31 и др.

¹⁰ См., например: Буржуазное реставраторство на втором году нэпа. Пг., 1923. и др.

¹¹ См., например: Гришин П. Меньшевики и октябрьская революция. М.; Л., 1932; Кичкасов Н. Белогвардейский террор против СССР. По материалам процесса пяти монархистов-террористов. М., 1928; Процесс по делу террористов-монархистов. М., 1930. Михайлов Е. Белогвардейцы - поджигатели войны. М., 1932 и др.

эмиграции, так и иностранцами¹². Однако научных исследований по изучаемой проблеме создано не было.

Следующий период изучения эмиграции начинается с 1960-х гг., он идет в контексте изучения политической борьбы, истории российских партий. С середины 1970-х гг. появляются работы, не только косвенно затрагивающие историю русского зарубежья, но и посвященные именно ему. Специалистами по истории эмиграции стали В.В. Комин, Г.Ф. Барихновский, Л.К. Шкаренков¹³. Работы этого периода страдают двумя основными недостатками: заидеологизированностью, партийно-классовым подходом, приводившими к негативной оценке эмиграции; тематической односторонностью. Несмотря на сложности времени, авторы многого добились в изучении проблемы: подняли ее из небытия; ввели в научный оборот большой фактический материал, новые источники; использовали зарубежную историографию. Рассматривая эти работы в ракурсе темы нашего исследования, можно обозначить следующие сюжеты, выделявшиеся историками тех лет: активизм и антисоветская деятельность; НЭП и его роль в эволюции взглядов русского зарубежья, сменовеховство и его влияние на соотечественников, проживавших за границей; патриоты и пораженцы в рядах эмиграции.

В послевоенный период появились первые серьезные обобщающие исследования представителей эмиграции¹⁴. Несколько

¹² См., например: Головачев М. Примиренчество и пораженчество (полемика с Устряловым) // Свет. 1920.19 сентября; Гиппиус З.Н., Кочаровский К.Р. Что делать русской эмиграции. Париж, 1930; Кочаровский К.Р. Зарубежье и отечество: В чем мы согласны что делать? Белград, 1937; Petchorin (Dimitri). La Condition des Russes en France et celle des etrangers en URSS. Th.dr. Paris, 1929; Wraga R. Russian emigration after thirty years' exiles. London, 1951. Koons (Tilgham). Histoire des doctrines politiques de l'emigration russe (1919-39) . Th. let. (Univ.) Paris, 1952

¹³ См. например: Комин В.В. Белая эмиграция и Вторая мировая война. Калинин, 1979; Он же. Политический и идейный крах русской мелкобуржуазной контрреволюции за рубежом. В 2 ч. Калинин, 1977; Барихновский Г.Ф. Идейно-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции в 1921-1925 гг.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1982; Он же. Идейно-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1921-1924 гг.). Л., 1978; Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М., 1986; Он же. Белая эмиграция: агония контрреволюции // Вопросы истории. 1976. №5. С. 100-120; Он же. Конец белой эмиграции // Вопросы истории. 1979. №8. С. 85-103 и др.

¹⁴ См., например: Алексинская П. Русская эмиграция 1920-1939 гг. // Возрождение: литературно-политические тетради. Тетрадь 60. Париж, 1956. С. 33-41; Балакшин П.П. Финал в Китае: Возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем

смещаются акценты и темы: практически не затрагивается история правых партий, больше внимание уделяется политическим организациям, которые продолжили активную деятельность после войны¹⁵. Особо необходимо отметить роль П.Е. Ковалевского в изучении истории эмиграции¹⁶. В послевоенный период происходит смена тематики и в работах зарубежных авторов по истории русского зарубежья: акцент делается на изучении партий и политические течения, выдающихся деятелей русского зарубежья, колоний в разных странах, науку и культуру в эмиграции¹⁷. Можно отметить схожесть тематики русских и иностранных зарубежных исследований 1960–1980-х гг., их подходов к исследованию проблем. Происходит размывание границ между ними. Активно в изучение «России №2» включились ученые, эмигранты по происхождению, иностранцы по паспорту, образованию, образу жизни и мысли. Особо необходимо выделить, работы таких исследователей, как М. Раев, С. Брейар, М. Горбов, К. Гусев, Н. Струве¹⁸. Тема, рассматриваемая в монографии, в данных трудах затрагивается лишь косвенно.

Востоке. В 2 т. Сан-Франциско – Париж – Нью-Йорк, 1958-1959; Окунцов И.К. Русская эмиграция в Северной и Южной Америке. Буэнос-Айрес, 1967; Россия и эмиграция. Paris, 1947 и др.

¹⁵ См., например: Меньшевики / Сост. Ю.Г. Фельштинский. Benson, Vermont, 1988; Петрович Р. Младороссы: материалы к истории сменовеховского движения. London (Ontario), 1973; Прянишников Б. Незримая паутина ВЧК-ГПУ-НКВД против белой эмиграции. Н.Й., 1979 и др.

¹⁶ Kovalevsky P. La Dispersion Russe à travers le Monde et son role culturel. Chauny (Aisine), 1951; Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920 - 1970). Париж, 1971; Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия: История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека: 1920-1970. Париж, 1971-1973, Дополнение. 1973; Он же. Русские ученые за рубежом // Возрождение. Париж. 1955. №44. С.5–30; 1956. №56. С.120–134; Он же. Русские культурные ценности за границей // Хранилища памятников культуры и истории Зарубежной Руси. Сан-Франциско: Музей Русской Культуры в Сан-Франциско, 1966. С. 78-83 и др.

¹⁷ См., например: Haimson Z.N. The Mensheviks from the revolution of the 1917 to the second world war. Chicago, 1974; Nick C. Les Trotskistes. Paris, 2002; Nielsen J.P. P.N. Milukov's political evolution in emigration (1918-1943). Oslo, 1983; Johnson R. H. New Mecca, New Babylon. Paris and Russian Exiles. 1920 – 1945. Kingston and Montreal [Ont.], 1988; Le Roy Ellis. Les Russes sur la côte d'Azur: la colonie russe dans les Alpes-Maritimes des origines a 1939. Nice, 1988; Williams R. Culture in Exile. Russian Émigrés in Germany. 1881-1941. Ithaka and London, 1972; Richard J. La press de l'emigration russe. Aix-en-Provence, 1966. etc.

¹⁸ См., например: Raeff M. L'émigration et la « Cité nouvelle » // Cahiers du monde russe et soviétique. 1988. Vol. 29. № 3-4. P. 543-552 ; Raeff M. Russia Abroad. A cultural History of

Третий этап исследований по истории эмиграции датируется второй половиной 1980-х – началом 1990-х гг. Качественно новый характер работ связан как с общим курсом на демократизацию и плюрализм, так и с открывшимися для свободного доступа исследователей архивными фондами в России и за рубежом. В основном работы посвящены эмиграции в целом, как уникальному культурно-историческому явлению. Они знакомят читателей с новым для многих пластом российской истории. В трудах советских авторов стали подниматься те же темы, что и ранее в зарубежной историографии, к началу 1990-х гг. происходит постепенный отход от марксистско-ленинской парадигмы. Выходит большое количество публицистических работ («свободных эссе»)¹⁹.

С середины 1990-х гг. ведет свой отсчет современная историография истории эмиграции. Начинается ее фундаментальное исследование. Одной из особенностей этого периода является исследование эмиграции не как явления в целом (хотя есть и публикации общего характера), а отдельных ее составляющих. Большинство исследований отличает добротная фактологичность и целостность сюжетов. В последние годы появились работы, вписывающие историю эмиграции в мировую и отечественную историю²⁰. Ряд современных трудов носит не только конкретно-исторический, но и историко-теоретический характер. Публикуются исследования, выводящие на новый теоретический уровень

Russian Emigration 1919 – 1939. N.Y.; Oxford, 1990; Breuillard S. Vie politique de l'émigration russe // La première émigration russe. Vie politique et intellectuelle. Cahiers de l'émigration russe. Paris, 1994. P. 11-26 ; Gorboff M. La Russie fantôme. L'émigration russe de 1920 a 1950. Lausanne, 1995; Gousseff C. Quelle politique d'accueil des réfugiés en France ? Le cas des Russes dans les années 20 // Matériaux pour l'histoire de notre temps. 1996. № 44. P. 14-18; Struve N. Pierre Struve dans l'émigration // La première émigration russe: vie politique et intellectuelle. Paris, 1994. P. 53-56; Struve N. Soixante-dix ans d'émigration russe (1919-1989). Paris, 1996 etc.

¹⁹ Костиков В.В. Не будем проклинать изгнание... (Пути и судьбы русской эмиграции). М., 1990; Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. М., 1994. Т. 1; Млечин Л.М. Сеть Москва – ОГПУ – Париж. Минск, М., 1991; Большаков В. В. Русские березы под Парижем. М., 1990; Коваленко Ю.И. Москва–Париж. Очерки о русской эмиграции. М., 1991 и др.

²⁰ См., например: Ипполитов С.С. Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс. М.: Изд-во Ипполитова, 2004. 376 с.; Между Россией и Сталиным: Российская эмиграция и Вторая мировая война. М.: РГГУ, 2004. 345 с.; Ситниченко К.Е. «Русское зарубежье» первой волны: феномен культурной диаспоры в аспекте самоидентификации: Дис. ... канд. культурологии. Екатеринбург, 2008. 168 с. и др.

или разбирающие под новым углом прежние проблемы²¹, использующие новые методологические подходы²². Характерным явлением современной историографии является перевод на русский язык и публикация зарубежных и эмигрантских исследований по истории эмиграции²³. Происходит постепенное пересечение и размывание идейных, теоретико-идеологических и даже географических границ между трудами российских, зарубежных и эмигрантских исследователей. Новым явлением в зарубежной историографии становится интерес к исследуемой проблематике авторов из славянских стран Восточной Европы, государств Дальнего Востока, в которых в межвоенный период проживала русская эмиграция²⁴.

Постепенно сюжеты в рамках проблемы «Социально-экономическое и общественное политическое развитие Советской России в 1920-е гг.: восприятие и реакция эмиграции» перестали играть роль вспомогательных. При сохранении традиционного интереса к сменовеховству и евразийству в поле зрения исследователей попали и не изучавшиеся ранее или изучавшиеся в значительно меньшей степени течения и партии, реакция кото-

²¹ См., например: Воронова Е.В. Мифология повседневности в культуре русской эмиграции 1917-1939 гг. на материале мемуаристики: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2007. 171 с.; Петрова Т.Г. Европа в отражении русской эмиграции // Русское зарубежье. 2005. №1-2. С. 129-133. Прохоренко А.В. Философское руссиеведение в идейной полемике пореволюционной эмиграции: первая половина XX в.: Дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2006. 368 с. и др.

²² См., например: Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М., 2008; Ахиезер А. Эмиграция из России: культурно-исторический аспект // Свободная мысль. 1993. №7. С. 70-78.

²³ См., например: Брейар С. Портрет Милюкова // Отечественная история. 1993. №3. С. 155-162; Менегальдо Е. Русские в Париже. 1919-1939. М., 2001; Нильсен Е.П. П. Милюков и И. Сталин. О политической эволюции Милюкова в эмиграции (1918-1943) // Новая и новейшая история. 1991. №2. С. 124-152; Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919-1938. М., 1994; Стефан Д. Русский фашизм. Фарс и трагедия в эмиграции 1925-1945. М., 1992; Струве Г.П. Русская литература в изгнании. Париж; Москва, 1996; и др.

²⁴ См., например: Бялата эмиграция в България. Материали от научна конференция. София, 2001; Ван Чжичэн. История русской эмиграции в Шанхае. М., 2008; Йованович М. Россия в изгнании. Границы, масштабы и основные проблемы исследования // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 27-45; Савицкий И.П. Прага и зарубежная Россия (очерки по истории русской эмиграции (1918-1938)). Прага, 2002; Сладек З. Русская эмиграция в Чехословакии: развитие «русской жизни» // Славяноведение. 1993. №4. С. 23-38 и др.

рых на советскую политику и стала предметом рассмотрения²⁵. В основном ученых интересует теоретическое осмысление ими советской политики, предлагаемые возможные альтернативные пути развития. Значительно реже внимание уделяется практической деятельности, направленной на трансформацию советских реалий²⁶. Современные авторы исследуют не столько отношение эмиграции к СССР вообще, сколько к отдельным проблемам внутренней и внешней политики²⁷. Одной из особенностей изучения проблемы восприятия русским зарубежьем Советской России видится параллельный анализ собственно самой эмигрантской апперцепции и предлагаемых или предполагаемых возможных вариантов дальнейшего развития Советской России в условиях большевистского правления и без него. Другой особенностью является «партийно-политический» перекос исследований последних двух десятилетий: широко изучается позиция либерально-демократической эмиграции, катастрофически мало работ о правой (монархической) и крайне левой эмиграции (троцкисты,

²⁵ См., например: Белова Е.И. Демократическая эмиграция о советской государственности // Зарубежная Россия. 1917-1939. СПб., 2000. С. 40-46; Малыхин К.Г. Правая русская либеральная организация в 20-30-е гг. XX в.: оценка большевистского эксперимента // Известия ВУЗов. Северокавказский регион. Общественные науки. 2003. №4. С. 39-44; Соколов М.В. Партия «Крестьянская Россия» и советский «железный занавес» в 1920-е гг. // Нансеновские чтения 2008. СПб., 2009. С. 64-83; Сперкач А.И. Взгляды правых кадетов на перспективы свержения большевиков (начало 20-х годов) // Российское зарубежье: итоги и перспективы изучения. Конференция РГГУ. М., 1997. С. 37-38 и др.

²⁶ См., например: Морозов К.Н. Проведение эсеровской эмиграцией протестной кампании в Европе накануне и во время процесса социалистов-революционеров в России (8 июня – 7 августа 1922 г.) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2006. Т. 5. №1. С. 52-56; Новиков А.П. Эсеровские лидеры и Кронштадский мятеж 1921 года. // Отечественная история. 2007. №4. С. 57-64 и др.

²⁷ См., например: Бойко Ю.В. Эмигранты первой волны о положении интеллигенции в СССР // Культура российского зарубежья. М., 1995. С. 91-102; Гальмарины М.К., Леонтьев Я.В. Деятельность Берлинских комитетов помощи русским политзаключенным // Русский Берлин: 1920–1945: Международная научная конференция. М., 2006. С. 107-134; Исаков С.Г. Советская литература в восприятии русских читателей в Эстонии 1920–1930-х гг. // Нансеновские чтения 2008. СПб., 2009. С. 386-406; Лавренова А.В. Установление советско-французских отношений в 1924 году и русская эмиграция во Франции // Россия и Франция XVIII-XX века. М., 2008. Вып. 9. С. 267-297; Марченков Т.В. Судьба России в творчестве писателей русского зарубежья // История и историки. 2003. №1. С. 33-59; Мелихов Г. Помощь российской эмиграции в Китае голодающим в Советской России. 1921-1923 гг. // Россия – XXI. 1996. №11/12. С. 138-158; Седова Е.Е. Советская педагогика глазами русских эмигрантов // Нансеновские чтения 2008. СПб., 2009. С. 361-374. и др.

анархисты). Третья особенность – акцентирование внимания на научно-теоретической составляющей наследия эмиграции, без должного внимания к практическим мероприятиям по реализации программ (за некоторым исключением). На сегодняшний день историография проблемы восприятия Советской России/СССР эмиграцией может быть структурирована следующим образом: 1) работы, посвященные отношению к отдельному человеку, событию, явлению или проблеме советской истории; 2) исследования, связанные с историей отдельных эмигрантских партий, политических, общественных, национальных групп, эмигрантских колоний, проживавших в отдельных странах, периодических изданий, деятелей эмиграции и их восприятием советской политики и действительности; 3) труды по международной политике, затрагивающие вопрос о фактическом или возможном изменении положения русской эмиграции, вследствие советских внешнеполитических шагов, отсюда региональный аспект. Анализ современной историографии позволяет сделать вывод об огромном интересе к проблеме, вынесенной в заголовок данной книги. Однако разработка проблемы на сегодняшний день является выборочной, «точечной».

В работе использован широкий круг архивных материалов, представленных документами Государственного Архива Российской Федерации (ГА РФ), Дома Русского зарубежья им. А.И. Солженицына (ДРЗ), отдела рукописей Российской Государственной Библиотеки (РГБ), Национального Архива Франции (CARAN), Архива МИД Франции. Всего в различных хранилищах было изучено около 60 фондов. В научный оборот вводятся новые документы. В исследовании использованы различные группы источников.

Первую группу представляет периодическая печать и временные издания, один из самых интересных и востребованных документов по изучаемой теме: это наиболее массовый вид источников; он представляет широкий спектр эмигрантского общественного мнения (география, политическая ориентация); большинство проблем и вопросов находило в нем отражение; это документ «быстрого реагирования». У каждого периодического органа было свое видение, особенности в освещении Советской

России. Всего в исследовании привлекалось 60 наименований газет и 30 наименований журналов.

Вторую группу составила публицистика, которая по своей массовости и оперативности не уступала периодике. Кроме непосредственных публикаций в периодических и повременных изданиях, к данной группе относятся и перепечатки наиболее интересных статей отдельными оттисками²⁸, а также издание некоторыми авторами своих размышлений, докладов, выступлений в виде брошюр, носивших самостоятельный характер²⁹. Всплеск публикаций на советскую тематику, как правило, отмечался в связи с какими-либо событиями в Советской России или годовщиной таковых. Первые комплексные работы, в которых эмигранты давали анализ общественно-политической и социально-экономической ситуации в СССР, стали появляться в эмиграции во второй половине 1920-х гг.³⁰

Третья группа – философская, религиозная, педагогическая и другая научная литература. Из целого ряда наук нас, прежде всего, интересовали работы по экономике, праву, государственному строительству в СССР³¹. Они демонстрируют эволюцию взглядов, видения проблем. Эта группа источников интересна тем, что в ней советская политика трактуется исключительно с научной точки зрения, то есть с точки зрения целесообразности, эффективности, перспективности и соответствия российскому и мировому развитию.

В четвертую группу выделены документы политических партий и союзов, общественных групп и творческих объедине-

²⁸ См., например: Тихоокеанская проблема. [Сб. ст., отт. и вырезок из различных манчжурских белоэмигрантских изданий]. Б.м., б.г.; Трагедия казачества: очерк. [Оттиск из «Вольного казачества» №122-231]. В 4 ч. Прага, 1933. и др.

²⁹ См., например: Александров. Диктатор ли Сталин: Историко-догматический анализ. Paris, б.г. [1932]; Алко (Аркадьев). Пути октябрьской революции: (от капитализма к коммунизму). Б.м., 1922; Аргунов А. Между двумя большевизмами. Париж, 1919 и др.

³⁰ См., например: Baikaloff F. In the land of communist dictatorship (Labor and social condition in the Soviet Russia To-day). London, 1929; Милюков П.Н. Национальный вопрос: Происхождение национальности и национальный вопрос в России. Прага, 1925; Он же. Россия на переломе: Большевистский период русской революции. В 2 т. Париж, 1927 и др.

³¹ См., например: Алексеев Н.Н. Советский федерализм. Б.м., б.г.; Военная мысль в изгнании: Творчество русской военной эмиграции. М., 1999; Прокопович С.Н. Идея планирования и итоги пятилетки. Париж, 1934; Он же. Крестьянское хозяйство: По данным бюджетных исследований и динамических переписей. Берлин, 1924 и др.

ний, военных, национальных, религиозных и прочих организаций, которые по виду документов подразделяются на программные документы; переписку; протоколы заседаний их руководящих органов и общих собраний; сведения, информацию, сводки; обращения, воззвания, петиции, бюллетени; программы, уставы организаций, распоряжения и приказы общего порядка нижестоящим организациям; отчеты нижестоящих структур о выполнении распоряжений (в случае если это была крупная организация со своей сетью дочерних структур). Наиболее важные и не секретные публиковались по мере выхода в эмигрантской периодике или отдельными оттисками, многие изданы на современном этапе³², но большая часть является по-прежнему архивными документами. Нас, прежде всего, интересовали бумаги крупных структур, объединяющих представителей различных партий и общественных организаций³³. Они дают более репрезентативный материал. В ряде сюжетов не обошлось без привлечения узкотематических источников³⁴.

Пятая группа – источники личного происхождения: воспоминания, дневники, хроники, письма. Мемуары в эмиграции стали появляться довольно рано – с начала 1920-х гг. – и затрагивали в основном доэмигрантский период. Поэтому в работе над книгой привлекались дневниковые записи либо воспоминания, написанные в более поздний период³⁵. На рубеже 1920–1930-х гг. появляются документы данной группы, вышедшие из-под пера совет-

³² Партия социалистов-революционеров: Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. Октябрь 1917 – 1925 гг. М., 2000; Протоколы Заграничных групп конституционно-демократической партии. М., 1996-1999. Т. 4–6; Русская военная эмиграция 1920–1940-х гг.: Документы и материалы. М., 2000 –... Т. 1. –... и др.

³³ См., например: ГАРФ. Ф. Р-5888. Объединение русских эмигрантских организаций в Чехословакии; ГАРФ. Ф. 6096. Русский национальный комитет (1921-1923); ГАРФ. Ф. Р-5893. Административный центр внепартийного объединения (1920–1923) и др.

³⁴ См., например: ГАРФ. Ф. Р-5877. Русский общественный комитет во Франции помощи голодающим; ГАРФ. Ф. Р-5880. Благотворительное общество помощи политзаключенным в России; ГАРФ. Ф. Р-5920. Комитет помощи голодающим в России при союзе русских студентов в Чехословакии; ГАРФ. Ф. Р-6772. Коллекция документов о Московском процессе эсеров, собранная заграничной делегацией партии социалистов-революционеров (1921–1922) и др.

³⁵ См., например: Бурцев В.Л. Борьба за свободу России. Мои воспоминания (1882–1924). Берлин, 1924; Войцеховский С.Л. Трест: Воспоминания и документы. London (Ontario), 1974; Вонлярлярский В. Мои воспоминания. 1852–1939. Берлин, 1938 и др.

ских перебежчиков и невозвращенцев³⁶. Более точны в фактологическом отношении дневники, поскольку они писались по мере поступления информации и отражают отношение человека к событиям на момент их свершения³⁷. Близок по своим характеристикам к дневникам другой вид документов – хроники³⁸. Особенно интересно сравнить различные источники личного происхождения, исходящие от одного автора³⁹, что встречается, к сожалению, крайне редко. Еще один вид документов личного происхождения – письма. Обычно они не предназначены для публикации и носят более личный характер, поэтому авторы высказывались в них более откровенно, более эмоционально. Особый интерес представляют письма известных политических и общественных деятелей, более связанных в силу своих личных и профессиональных интересов с изучаемой проблемой⁴⁰.

Шестая группа привлекавшихся источников достаточно специфична. Это литературные произведения авторов-эмигрантов. Они не являются информативными для данной работы, но позволяют воссоздать эмоциональный окрас восприятия эмиграцией событий на Родине и служат прекрасным иллюстративным материалом. Наиболее отчетливо отношение к советской действительности прослеживается в сатирических произведениях⁴¹.

³⁶ См., например: Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. Париж, 1980 (http://lib.ru/MEMUARY/BAZHANOW/stalin.txt_with-big-pictures.html); Беседовский Г.З. На путях к термидору: Из воспоминаний бывшего советского дипломата. Париж, 1930 и др.

³⁷ См., например: Гиппиус З.Н. Дневник. В 2 кн. М., 1991 и др.

³⁸ См., например: За рубежом. Белград – Париж – Оксфорд (Хроника семьи Зерновых). 1921–1972. Париж, 1973.

³⁹ См., например: Кудрина Ю.В. Императрица Мария Федоровна. Дневники. Письма. Воспоминания. 1847 – 1928. М., 2000; Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники М., 2003 и др.

⁴⁰ См., например: ГАРФ. Ф. Р-5919, оп. 1, д. 1–157. Письма разных лиц и учреждений к митр. Евлогию и другие документы; Отдел рукописей РГБ. Ф. 760, к. 208, ед. хр. 23-25; Бирюкова О.П. письма Н. Рубакину; Дан Ф.И. Письма (1899-1946) Amsterdam: Stichting international inst.: voor socil geschiedenis. 1985, 678 с.; Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов, 1934 – 1940: Сб-к док. В 2 кн. М.: Гей, 1998; Амфи-театров и Савинков: переписка 1923-1924 гг. // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 13. М., СПб., 1993. С. 73-158 и др.

⁴¹ См., например: Дон-Аминадо. Всем сестрам по серьгам: Юбилейная шутка. Париж, 1931; Он же. Дым отечества. Париж, 1921; Лери. Онегин наших дней: Сатирическая поэма. Берлин, б.г.; Ленский М. О Рыбаке – Ленине и золотой рыбке – России. Б.м., 1920-1921. и др.

К сатирическому творчеству относится и седьмая группа источников – карикатура. Художники-карикатуристы, как и сатирики, реагировали на наиболее злободневные темы, отражая их в еще более лаконичной и эмоциональной форме рисунка. Наиболее известные авторы русского зарубежья Mad. (псевдоним) и М.С. Линский публиковались в популярных газетах и журналах «Последние новости», «Иллюстрированная Россия» и других. М.С. Линский был даже редактором парижского еженедельного журнала политической сатиры «Бич». Впервые попытка издания сборника карикатур была предпринята еще в эмиграции⁴². Подспорьем в работе с данным источником является современное издание «Сатира и юмор русской эмиграции»⁴³, в котором изображения, посвященные СССР, выделены в отдельный блок.

Привлечение этих материалов позволило получить представление о разнообразии взглядов русской эмиграции, выявить основные проблемы, выделяемые ею в развитии Советской России, проследить эволюцию и столкновение мнений в русском зарубежье, детально подойти к изучению диссертационной темы и осуществить его на основе широкой и разнообразной источниковедческой базы, обеспечив тем самым достоверность и обоснованность научных результатов.

Актуальность исследования определяется рядом положений:

Во-первых, научная актуальность работы. Несмотря на то, что проблема социально-экономического и общественно-политического развития РСФСР/СССР в 1920-е гг. в восприятии и реакции русской эмиграции отчасти была исследована, она никогда не разрабатывалась комплексно. Степень ее изученности еще крайне мала. На протяжении ряда десятилетий историками изучались лишь некоторые сюжеты: антисоветская деятельность и активизм эмиграции в отношении РСФСР/СССР; отношение представителей пореволюционных течений (евразийцев, сменовеховцев и других) к советской политике, прежде всего к НЭПу; миграционное законодательство; деятельность советских спецслужб в отношении эмиграции. Современные авторы исследуют не столько отношение русского зарубежья к Советской России в целом, сколько к отдельным вопросам внутренней и внешней по-

⁴² Альбом карикатур: Галлиполи 1920-1921. I серия. Б.м. [София], б.г. 48 с.

⁴³ Сатира и юмор русской эмиграции /Сост. С.А. Александров. М., 1998.

литики (например, к положению интеллигенции, политзаключенных, развитию в СССР литературы, образования и так далее⁴⁴). Анализ публикаций последних лет позволяет сделать выводы об огромном интересе к данной проблеме, констатировать начало ее научной разработки. Изучение связей пореволюционного русского зарубежья и отечества, как признают исследователи, является актуальным направлением междисциплинарных исторических исследований, особенно в свете их целостного теоретического осмысления⁴⁵.

Во-вторых, актуальность работы обоснована необходимостью воспроизведения широкого спектра мнений русского зарубежья: партии не только дискутировали друг с другом, но и вели активные споры внутри собственной организации, вплоть до расколов. Большинство дебатов было связано именно с советским вопросом.

В-третьих, будучи сложной и неоднозначной темой – восприятие эмиграцией советской политики и реалий требует всестороннего анализа и обобщения как социально-экономических, общественно-политических и других трудов, так и деяний русского зарубежья в ответ на изменения ситуации в Советской России, особенно в свете постоянного расширения источниковой базы. В последнее десятилетие новый масштаб приобрело не только изучение истории эмиграции, но и сбор источников по истории эмиграции, открытие новых научно-исследовательских центров в высших учебных заведениях, библиотеках и архивах страны. Это

⁴⁴ См., например: Бойко Ю.В. Эмигранты первой волны о положении интеллигенции в СССР // Культура российского зарубежья. М., 1995. С. 91-102; Гальмарини М.К., Леонтьев Я.В. Деятельность Берлинских комитетов помощи русским политзаключенным // Русский Берлин: 1920–1945: Международная научная конференция / Науч. ред. Л.С. Флейшмана; Сост. М.А.Васильевой, Л.С. Флейшмана. М.: Русский путь, 2006. С. 107-134; Исаков С.Г. Советская литература в восприятии русских читателей в Эстонии 1920–1930-х гг. // Нансеновские чтения 2008. СПб., 2009. С. 386-406; Лавренова А.В. Установление советско-французских отношений в 1924 году и русская эмиграция во Франции // Россия и Франция XVIII-XX века/ отв. Ред. П.П. Черкасов / Ин-т всеобщ. истории РАН. М.: Наука, 2008. Вып. 9. С. 267-297; Марченков Т.В. Судьба России в творчестве писателей русского зарубежья // История и историки. 2003. №1. С. 33-59; Мелихов Г. Помощь российской эмиграции в Китае голодающим в Советской России. 1921–1923 гг. // Россия – XXI. 1996. №11/12. С. 138-158; Седова Е.Е. Советская педагогика глазами русских эмигрантов // Нансеновские чтения 2008. СПб., 2009. С. 361-374 и др.

⁴⁵ См.: Тетеревлева Т.П. Акция «Помощь друзьям» // Нансеновские чтения 2008. СПб.: [Б.и.], 2009. С. 59.

дает возможность, с одной стороны, получить доступ к новым, не введенным ранее в научный оборот, источникам, а с другой – выявлять истину не только за письменным столом, но и в ходе многочисленных дискуссий, конференций и коллоквиумов по истории эмиграции.

В-четвертых, актуальность исследования определяется необходимостью осмысления культурно-национальной идентичности пореволюционной эмиграции, осознания значимости и последствий существования обособленной группы русских людей вне родины и ее контактов с другими народами.

В-пятых, изучение восприятия Советской России эмиграцией расширяет возможности анализа не только самой эмиграции, но и истории Советской России/СССР; позволяет реконструировать ее не только на основе источников советского происхождения. Это особенно важно, учитывая, какое внимание уделяется в последнее время общественному восприятию истории и его искусственной трансформации. Исследования эмигрантской апперцепции советской действительности позволяет расширить спектр изучения общественного мнения в отношении советской политики и реалий.

Поэтому данное научное исследование актуально и находится в русле проблем, интересующих российскую и мировую научную общественность.

Объектом исследования служит русская эмиграция «первой волны».

Предметом исследования являются идейные дискуссии русского зарубежья по ключевым проблемам советской политики 1920-х гг., теоретико-концептуальное, программно-политическое оформление и организационно-практическое воплощение идей и ценностных установок эмиграции в отношении Советской России.

Цель исследования состоит в анализе общественной мысли и социально-политической деятельности эмиграции первой волны, связанной с оценкой советских реалий и направленной на их изменение. В соответствии с заявленной целью были поставлены следующие задачи:

1) на основе парадигмального и проблемно-хронологического направления развития эмигрантоведения изучить исто-

риографию проблемы, выделить основные этапы ее развития, общее и особенное в советском, эмигрантском, зарубежном и современном подходах к изучению проблемы;

2) исходя из системного и сравнительного анализа, рассмотреть и критически оценить взгляды эмиграции на разные этапы советской внутренней и внешней политики (теорию и практику), проследить их взаимодействие, взаимовлияние; воссоздать общую картину восприятия эмиграцией Советской России;

3) изучить общественную реакцию русских, проживавших за рубежом на знаковые события в Советской России; взгляды русского зарубежья на их причины, ход, место в российской и всемирной истории; результаты; рассмотреть те выводы и уроки, которые сделала из них эмиграция;

4) проанализировать практические действия и шаги, предпринимаемые эмигрантами в ответ на происходившее на Родине, то есть изучить не только теоретическую составляющую восприятия, но и ее воплощение в жизнь в виде движений поддержки, протеста и других;

5) исследовать общую эволюцию и мотивацию отношения эмиграции как единого социума к советской политике периода 1920-х гг., рассмотрев, как они менялись с течением времени под воздействием изменений самой советской политики и эмигрантского бытия;

6) интерпретировать особенности эмигрантской апперцепции советской политики и реалий с учетом решения вышеперечисленных задач.

Хронологические рамки исследования – 1920-е гг. Основное политическое наполнение истории Советской России этого периода связано с НЭПом, поэтому хронологические границы обусловлены периодизацией данной политики, но не привязаны к ней жестко. Развитие внутренней и внешней политики, экономики было непропорционально и неравномерно в 1920-е гг., поэтому для данного исследования определяющим являлись их кардинальные повороты и соответственно изменения в восприятии и реакции на них русского зарубежья. Следствием чего стала вариативность хронологии (в рамках 1920-х гг.) в отдельных главах. Существенную роль в выборе хронологических рамок играла не только периодизация истории Советской России, но и эмигра-

ции, для которой 1920-е годы были временем формирования, обретения собственной идентичности. Именно в это десятилетие она воспринималась советским руководством как главный источник угроз, поэтому не только внимание русских за рубежом было приковано к РСФСР/СССР, но и наоборот.

В 1930-е годы ситуация существенно изменилась. Советский строй прочно встал на ноги, эмиграция, напротив, оказалась в состоянии внутреннего кризиса и утратила былую активность. В 1930-е гг. происходит сужение информационной базы эмиграции о Советской России: в силу специфики советской прессы снижается достоверность информации, почерпнутой из нее, уменьшается число перебежчиков, высланных, сокращается число разведывательных и подрывных операций, проводимых эмиграцией в СССР, границы закрываются все прочнее. Скудость информации и ее недостоверность накладывается на охлаждение эмиграции к политической жизни в силу обустройства собственного быта, утраты иллюзий о скором падении власти большевиков. Жизнь вне России приводила постепенно к отмиранию политического компонента эмиграции, появлению политической пассивности, апатии, разочарования.

Отход эмигрантов от политики, сужение информационной базы, уменьшение заинтересованности иностранных государств в эмиграции, для которых она стала обузой, перестав быть политическим союзником, приводит к тому, что уже к концу 1920-х гг. советская тема обсуждается скорее по инерции, не так детально, не так правдиво, даже и не так предвзято, как это было в начале того же десятилетия. Практически перестают публиковаться научные работы, посвященные отдельным аспектам деятельности советского государства (по экономике, праву, военному делу и так далее). Как пишет А. Лысенко, «понять, что происходит на Родине и чем русские изгнанники могут быть ей полезными, становилось все труднее ... Газетам оставалось жить не событиями в России, а своими чувствами к ней»⁴⁶. Если Советская Россия для эмигрантов была еще реальностью, которую часть из них знала не понаслышке, то СССР для многих являлся абстракцией. Теоретически зная основные советские законы, указы и постановле-

⁴⁶ Лысенко А. Голос изгнания: Становление газет русского Берлина и их эволюция в 1919–1922 гг. М.: Русская книга, 2000. С. 61.

ния, будучи в курсе большинства событий, происходивших на Родине, эмигранты лишь отдаленно представляли, что же это была за страна в действительности. Мало кто понимал, как эмигрант историк и публицист М. Карпович, что на родине вне зависимости от большевиков возникают «новые ткани будущего государственного организма», что одно дело – образ России в голове эмигрантов, другое – в реалии⁴⁷.

Русское зарубежье не замечало или не хотело замечать изменения ментального пространства Советской России. Политики и ученые-эмигранты оперировали, как правило, старыми мерками, совсем забывая о том, насколько сильно изменилось советское общество, о том, что появилась новая формация – советский человек, выросло новое поколение, для которого не может быть иного пути, кроме советского. Как указывалось в одном из писем эмигрантов, за прошедшие годы эмиграция почти во всем разошлась с теми, кто остался на родине, причем даже с теми, кто был против коммунистической власти: «Общее впечатление ..., что насколько мы застыли, настолько они кипят». Главным минусом русского зарубежья автор называл нежелание считаться с тем, что сделано в России⁴⁸. Вероятно, такая ситуация привела к тому, что главным объектом внимания эмиграции в 1930-е гг. стала внешнеполитическая активность СССР, особенно его вовлеченность в международные военные конфликты, открывавшие перед эмиграцией новые перспективы. Данный период дает исследователю огромные возможности для анализа, но, по нашему мнению, представляет собой отдельную тему. Поэтому наше исследование ограничивается периодом 1920-х гг.

Территориальные рамки соответствуют ареалу расселения эмиграции. При изучении темы важно было не конкретное местопребывание русских за границей, а их эмигрантское состояние как таковое. Вопрос о стране проживания был важен лишь при исследовании внешнеполитического аспекта проблемы, поскольку при его изучении выявляются некоторые особенности, связанные с реакцией эмиграции на поведение РСФСР/СССР на международной арене, в том числе в отношении отдельных стран.

⁴⁷ Письма М. Карповича Г. Вернадскому // Новый журнал. 1992. №188. С. 283.

⁴⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6460, оп. 1, д. 19, л. 15-16.

Материал необходимо предварить рядом замечаний, вводящих читателей в тему. Во-первых, в данной работе не будут рассматриваться такие вопросы, как «активизм» эмиграции, ее отношение к вопросу смены советской власти (интервенция, эволюция или революция), равно как и возвращенчество. Эти три аспекта являются проявлением реакции русского зарубежья на советскую политику, однако, это отдельные крупные темы для исследования. Во-вторых, по тем же причинам не изучается и сравнительный анализ, проводившийся эмиграцией между дореволюционным и послереволюционным государственным устройством, равно как и теоретизирование русского зарубежья по поводу будущего государственного устройства России. Хотя надо отметить, что от позиции эмиграции по этим вопросам зависело их отношение к советскому настоящему. Поэтому они вкратце будут затронуты в исследовании. Однако данная монография посвящена не рефлексии эмиграции о прошлом и причинах смены власти, и не теоретизированию о будущем, а исключительно восприятию советской действительности и реалий времени. В-третьих, до сих пор ведутся дискуссии по поводу терминов и дефиниций эмигрантоведения. Современная историография оперирует терминами «русское зарубежье», «Зарубежная Россия», «Россия за рубежом», «Россия №2», понимая под ними особый исторический феномен, характерный для эмиграции 1920–1930-х гг. Кроме данных понятий, в монографии использовался термин «русская эмиграция». Речь идет именно о русской эмиграции, поскольку в стороне остались вопросы эмиграции других национальностей. Это не означает, что среди тех, о ком пойдет речь, все имели русские корни и были этнически русскими, просто они мыслили себя частью русского социокультурного пространства (например, генерал П.Н. Врангель). В работе данные термины используются в качестве синонимов, хотя автор разделяет позицию ряда исследователей относительно того, что понятие Зарубежной России шире понятия русской эмиграции и включает в себя не только тех, кто покинул Родину, но и тех, кто остался жить в том же месте, на тех же территориях, не вошедших в состав Советской России.

Глава 1. Социально-экономическое развитие Советской России / СССР в оценке эмигрантов

Восприятие эмиграцией советской экономической политики было неоднозначным. Оно зависело от «информированности» эмигрантов. Какими сведениями о советской экономике располагало зарубежье? Один из эмигрантов отвечал: «Мы знаем и очень много, и очень мало. Мы знаем бесчисленные декреты, регулирующие социалистическое хозяйство, мы знаем цифры производства – той статистики, до которой так охочи советские «хозяйственники» ... Но насколько эти успехи реальны? И, главное, – какими средствами они достигнуты?»¹. В годы НЭПа, в том числе после высылки из РСФСР «буржуазных» экономистов, информация стала более конкретной, а ее анализ более осозанным.

За развитием экономики в Советской России эмигранты следили весьма пристально. Это был и чисто бытовой интерес («а что там творится на Родине?», «как там живут родные и близкие?»), и интерес научный (как к новому экономическому эксперименту), и даже политический (может ли данная экономическая политика привести к краху большевиков, к подрыву доверия к ним, к выступлениям против советского режима или, напротив, укрепит их), и «стратегический» (как повлияют те или иные экономические мероприятия на будущее развитие России). Поэтому экономический вопрос интересовал не только специалистов, но и широкую общественность. В 1920-е гг. в русском зарубежье вышли сотни книг и брошюр, посвященных НЭПу, его аспекты активно обсуждались на страницах периодики.

В 1920-е гг. в эмиграции возникает ряд специализированных организаций, экономические общества, кабинеты. Печатались работы на данную тему, издавалась специализированная периодика, проводились лекции, устраивались доклады, диспуты. В 1922 г. был создан кабинет С.Н. Прокоповича, научно-исследовательская деятельность которого выражалась в систематизации и обработке сведений по советской экономике, опираясь на советские источ-

¹ Гефдинг Р. Трехлетние итоги (очерки советского хозяйства) // Современные записки. 1921. №3. С. 191.

ники². В августе 1921 г. были созданы Русские кооперативные и сельскохозяйственные курсы в Праге, которые в июле 1922 г. преобразованы в «Русский институт сельскохозяйственной кооперации в Праге». Задачей института были подготовка деятелей сельскохозяйственной кооперации для России и разработка вопросов теории, истории и практики кооперативного движения, для чего институт с 1924 г. выпускал печатные записки "Кооперация и сельское хозяйство". В 1924 г. в Праге был создан Русский научный институт сельской культуры, преобразованный в том же году в Институт изучения России. Названия его отделов позволяют судить о проблематике, разрабатываемой им: 1) социологии (изучение социальных форм сельскохозяйственной жизни); 2) аграрный (изучение земельных отношений и земельного законодательства России); 3) сельскохозяйственной экономики (изучение организации русского сельского хозяйства); 4) местного самоуправления; 5) практических проблем сельскохозяйственной жизни (изучение заграничного опыта применительно к нуждам России)³. Акцент делался на сельском хозяйстве. Действовали и другие научные учреждения. У каждого экономиста-эмигранта были свои приоритетные направления исследований, но их совместная работа позволяла русскому зарубежью лучше понять экономическую ситуацию в России.

Зачастую именно экономика определяла перспективы на будущее: за кем пойдет народ, будет ли стабильным государственное развитие. Отсюда вытекали и положения о том, что чем сильнее будет экономический кризис, тем быстрее падет власть. Бывший депутат Государственной думы Н.В. Савич писал: «Разрушение экономической жизни есть наиболее могущественный фактор, ведущий большевизм к гибели»⁴. Внутриполитическая ситуация рассматривалась как не менее важный фактор, способный привести к трансформации режима, но именно как зависимый и вызываемый к жизни экономическими изменениями.

Новая экономическая политика, особенно на первых порах, анализировалась эмигрантами в неразрывной связи с политикой

² Об экономическом кабинете проф. С.Н. Прокоповича (пять лет работы) // Русский экономический сборник. 1928. Кн. 12. С. 278.

³ Организация Института изучения России // Записки института изучения России. 1925. №1. С. 259.

⁴ ДРЗ. Ф. 7, оп. 1, ед. хр. 2, л. 41.

военного коммунизма. В неудачах одной видели причину принятия другой. Поэтому чтобы разобраться в эмигрантской оценке НЭПа, необходимо кратко остановиться и на предыдущем периоде⁵. Его целью называли укрепление власти большевиков⁶, задачами виделись: уничтожение эксплуатации пролетариата буржуазией, частной собственности на средства производства и перевод их в общенародную (национализация). Эти мероприятия должны были привести к плановому хозяйству⁷. Видный экономист С.Н. Прокопович считал главной причиной введения военного коммунизма ориентацию на близкую мировую революцию; позднее он добавил стремление большевиков адаптировать опыт хозяйственных мероприятий Германии к российским условиям⁸.

Методы проведения реформ эмигранты характеризовали как политические. Причинами такого перекоса называли отсутствие рабочего аппарата, негативное отношение к интеллигенции в целом, неопределенность в разграничении функций власти (и высшей, и местной)⁹. Многие выделяли политическую детерминированность экономического развития РСФСР в качестве характерной черты¹⁰.

Отмечалось развитие диспропорции в народном хозяйстве, его разрушение как единого организма, уничтожение торгового аппарата, финансово-кредитной системы при наличии жесткой

⁵ Об отношении эмиграции к военному коммунизму см. подробнее статьи автора: Урядова А.В. «Военный коммунизм» с точки зрения эмиграции // Государство, общество, церковь в истории России XX века: Материалы IX Международной научной конференции. Иваново: Издательство ИвГУ, 2010. Ч. 2. С. 710-717; Она же. Экономика периода «военного коммунизма»: эмигрантская апперцепция // Век нынешний, век минувший...: исторический альманах / Под ред. Ю.Ю. Иерусалимского, В.П. Федюка, В.М. Марасановой, Ярославль: ЯрГУ, 2010. Вып. 9. С. 96-106.

⁶ Национально-Трудовой Союз Нового Поколения. Курс Национально-Политической Подготовки. 2-е изд., Ч. IV. Белград, 1939. С. 98-100.

⁷ Маслов С.С. Россия после 4-х лет революции. Население. Промышленность. Транспорт. Сельское хозяйство. Государственная власть. Образование. Духовные запросы. Печать. Т. 1. Париж: Русская печать, 1922. С. 68.

⁸ Прокопович С.Н. Что дал России НЭП // Русский экономический сборник. 1926. Кн. 5. С. 19-21.

⁹ Там же. С. 71; Швиттау Г.Г. Революция и народное хозяйство в России (1917–1921). Лейпциг: Центральное кооперативное издательство, 1922. 338 с.

¹⁰ См., например: Струве П. Итоги и существо коммунистического хозяйства. Берлин: Слово, 1921. С. 28-29; Прокопович С.Н. Новая экономическая политика // Экономический вестник. 1923. Кн. 1. С. 44-78; Радченко Г. Социально-экономическая структура СССР. Прага. 1928. С. 5, 13, 15.

централизации¹¹. Этот период виделся эмиграции как время политической и хозяйственной анархии, разрушившей экономическое равновесие¹².

Причинами развала народного хозяйства называли политику большевиков, а также наследие прошлого¹³. Некоторые эмигранты отмечали вынужденный характер военного коммунизма¹⁴. Меншевики, например, полагали, что он вызван мировой и гражданской войнами, интервенцией и блокадой¹⁵. С этим положением был не согласен С.Н. Прокопович, считавший его реальным представлением большевиков (на том этапе) о коммунизме¹⁶. Аналогичной точки зрения придерживался и экономист, публицист П.Б. Струве. Некоторые эмигранты подчеркивали, что Советская Россия жила не вопреки, а благодаря наследию прошлого, благодаря экономическим ресурсам и запасам, расходуя которые она и выживала¹⁷. РСФСР считали «антитезой» с экономической точки зрения (богата природными ресурсами, но бедна)¹⁸. В русской зарубежной периодике появился термин «советский империализм»¹⁹.

Серьезнейший анализ экономики периода военного коммунизма провел С.Н. Прокопович. Основной чертой политики этих и последующих лет он называл расчет на тотальное плановое производство и распределение материальных благ. Он выделил следующие составляющие военного коммунизма: уничтожение рыночной связи между субъектами хозяйствования; уничтожение хозяйственного характера управления национализированными предприятиями; уничтожение личной заинтересованности рабо-

¹¹ См., например: Югов А. Кризис НЭПа // Социалистический вестник. 1923. №21-22. С. 4-8; ГАРФ. Ф. Р-5893, оп. 1, д. 68, л. 1, 7.

¹² Пумпянский Л.М. НЭП (опыт характеристики советской экономики). Берлин: Основа, 1923. С. 7, 64.

¹³ См., например: Финансовые проблемы России // Голос России. 1919. 25 марта.

¹⁴ Радченко Г. Социально-экономическая структура СССР. Praha: Nove Rusko, 1928. С. 5, 13, 15.

¹⁵ Социалистический вестник. 1924. № 12-13. Приложение. С. 2.

¹⁶ Прокопович С.Н. Что дал России НЭП. С. 19-21.

¹⁷ См., например: А.З. Хозяиничанье Советской России // Руль. 1921. 19 апреля.

¹⁸ См., например: Ракетов А. Очерк экономического и финансового положения современной России: По официальным данным. Ревель: Варрак, 1921. С. 3.

¹⁹ Там же.

тающих на национализированных предприятиях в производительности труда; продразверстка²⁰.

Эмигрант-кооператор Г. Радченко при анализе экономики периода военного коммунизма призывал использовать не буржуазную, а социалистическую экономическую теорию. В его глазах уничтожение в России товарных отношений означало попытку перехода прямым путем не к социализму, а к коммунизму с натуральными формами производства и распределения. Важным автор считал и появление такого нового элемента, как «сознательное начало регулирования экономической жизни»²¹.

То, что большевики ясно представляли сложившуюся экономическую ситуацию, в эмиграции не вызывало сомнений. Главным доказательством тому были публикации советской периодики, которые, как отмечалось в газете «Руль», можно перепечатывать без добавлений и разъяснений. Что само по себе заменяло антибольшевистскую пропаганду²².

В эмиграции сложилось несколько точек зрения на роль военного коммунизма в будущей судьбе Советской России. С. Маракуев, представитель Русского отдела Международного аграрного бюро, считал, что кризис со временем приведет к падению Советской власти²³. Видный политический деятель П.Н. Милюков полагал, что экономические и социальные трудности заставят большевиков вернуться к государственной системе, основанной на свободной хозяйственной инициативе и частной собственности²⁴. Один из меньшевистских лидеров Ю.О. Мартов констатировал, что военный коммунизм сделал построение социализма невозможным²⁵.

Русское зарубежье внимательно следило за изменениями экономической ситуации в России. Так, во второй половине 1920 г. отмечалось некоторое ее улучшение, что объяснялось ликвидацией антибольшевистских фронтов и распространением советской власти на губернии, еще имеющие хозяйственные ресур-

²⁰ Прокопович С.Н. Что дал России НЭП. С. 57.

²¹ Радченко Г. Социально-экономическая структура СССР. С. 5, 13, 15.

²² Катастрофа // Руль. 1921. 28 января.

²³ Маракуев С. Что нужно русскому земледельцу. [Прага, 1921]. С. 5

²⁴ Антропов О.К. История отечественной эмиграции. Кн. 1. Ч. 1. С. 96.

²⁵ Мартов Л. Наша платформа // Социалистический вестник. 1922. №19. С. 3-9.

сы²⁶. В январе 1921 г. ничто для эмигрантов не предвещало смены политики. В газете «Руль» была опубликована статья «Красная барщина», в которой говорилось о тяжелом положении крестьян. В ней с сожалением сообщалось: «Большевики, конечно, понимают, на что идут, но иного выхода не ищут»²⁷.

Большинство авторов в оценке экономического положения Советской России в годы военного коммунизма сходились во мнении о финансово-экономическом и управленческом кризисе, полном разрушении дореволюционных устоев в экономике; вопросы о причинах экономического кризиса, тактике и стратегии военного коммунизма были дискуссионными. Положительные сдвиги в советской экономике отмечаются к концу 1921 – началу 1922 г., при этом подчеркивается их вынужденный и запоздавший характер, свидетельством чему являлся голод.

1.1. Голод 1921 г. и русское зарубежье

На отношении эмиграции к голоду необходимо остановиться отдельно, тем более, что анализ его причин неразрывно связан с такими вопросами, как оценка эмигрантами политики военного коммунизма и предпосылок введения НЭПа.

Отчасти русское зарубежье соглашалось с большевиками, видя в голоде последствия войн (мировой, гражданской), анархии первых революционных лет, нарушения традиционных рынков, двухлетней засухи²⁸. Роль экономической блокады ставилась под сомнение: отсутствие экспортной торговли российским хлебом должно было привести к накоплению излишков, нанеся вред лишь промышленности²⁹. Главной причиной голода считалась экономическая политика большевиков в отношении крестьянства³⁰.

Автор книги о голоде в Советской России И. Корсаков указывал следующие его причины: несовершенство системы заготовок; транспортная проблема; разрушение большевиками про-

²⁶ Гефдинг Ф. Материальное истощение советской России // Руль. 1921. 9 февраля.

²⁷ Н.Р. Красная барщина // Руль. 1921. 6 января.

²⁸ Костиков В. Не будем проклинять изгнания. С.118.

²⁹ Большевики и крестьянство. Прага: Изд-во ПСР, 1921. С. 4.

³⁰ См. например: Политическая история русской эмиграции. 1920-1940: Документы и материалы. С. 524; Иванович Ст. Пять лет большевизма. Начало и концы. Берлин: Изд-во «Библиотеки демократического социализма», 1922. С. 108.

мышленности и торговли, приведшее к таким последствиям в сельском хозяйстве, как расстройство и прекращение общего товарообмена, насильственное изъятие сельскохозяйственных продуктов в виде натуральной повинности. Он называл просчеты советской экономической политики: растущие натуральные повинности, ухудшение снабжения инвентарем, недостаток посевного материала (монополия советской власти), а следствие – резкое сокращение посевных площадей, плохая и мелкая обработка земли (что особенно сказывается в засушливые годы), убой скота. По его мнению, запасы продовольствия, доставшиеся большевикам «по наследству», породили у них иллюзию хозяйственного благополучия. Совокупность вышеперечисленных причин и привела к разорению сельского хозяйства³¹.

Публицист Д.О. Линский (Долинский), анализируя хлебные запасы прошлых лет, отсутствие экспорта (ранее исчислявшегося сотнями миллионов пудов), полуголодное существование населения, заключал, что в стране должны были быть хлебные ресурсы. Их отсутствие он объяснял системой хозяйствования, а точнее бесхозяйственностью, «милитарными» методами воздействия на крестьянина в области «изъятия излишков», то есть выкачивания урожая прошлых лет, чем парализовалась всякая активная продовольственная политика. Такая ситуация, по мнению автора, заставила крестьян производить минимум продуктов, что исключало возможность накопления запасов³².

Тема голода волновала не только эмигрантов-экономистов, но и видных общественных и политических деятелей эмиграции. Бывший министр-председатель Временного правительства А.Ф. Керенский в июле 1921 г. чуть ли не ежедневно писал об этой трагедии³³. Заметки о голоде появлялись практически во всех эмигрантских периодических изданиях³⁴.

³¹ Корсаков И. Голод в Советской России и его причины. Юрьев: Изд-во автора, 1922. С. 7-8, 13-17.

³² Линский Д.О. Борьба с голодом // Голод [Приложение к кн. 8-9 «Русской мысли»]. София: Придворная типография, 1921. С. 30-31.

³³ Керенский А. Издалека: Сб. ст. (1920–1921 гг.). Париж: Русское книжное издательство Я. Поволоцкого и К^о, 1922. С. 3-27.

³⁴ ГАРФ. Ф. Р-5877, оп. 1. д. 34 (Подборка вырезок, посвященных голоду, из эмигрантских периодических изданий).

Следили эмигранты и за борьбой Советской власти с голодом, отмечая полную бесталанность большевиков, отсутствие творчества и организаторских способностей. Особо подчеркивалось, что в охваченных голодом районах нет советской власти из-за нежелания брать на себя ответственность³⁵.

Анализируя причины голода и борьбу с ним большевиков, некоторые эмигранты приходили к выводу, что спасти Россию от голода можно, только освободив ее от коммунизма и советского строя. Одни возлагали на голод большие надежды, полагая, что доведенный до крайности народ не выдержит и выступит против большевиков³⁶. Другие считали, что голодные люди не восстают и ищут не виновников голода, а пропитание: «Убивая активность, голод не угрожает господствующему строю, он его еще и усиливает», – писал один из авторов «Руля», обосновывая это тем, что на власть предержащих продовольствия всегда хватит, поэтому они будут сыты и, чувствуя себя обеспеченными, будут психологически спокойны, а значит, сильны. Видя их обеспеченность, остальные будут тянуться к ним, чтобы получить чуть-чуть и для себя. То есть, по его мнению, голод усиливает власть³⁷.

Среди проживавших за рубежом развернулась дискуссия об участии (или неучастии) в деле помощи голодающим, размерах, методах, формах этой помощи.

Часть эмиграции была против любой помощи, в том числе и иностранных благотворительных организаций. Наиболее реакционно настроенные представители русского зарубежья предлагали использовать вагоны с продовольствием для переправки вооруженных отрядов в Россию³⁸.

Других голод убедил в мысли о необходимости новой формы борьбы с большевизмом – экономической. Так, с лета 1921 г. издатель, автор и идейный вдохновитель газеты «Общее дело» В.Л. Бурцев убеждал читателей, что помощь лишь укрепит советскую власть, и выступал в поддержку экономического бойкота³⁹. На страницах газеты «Руль» клеймились те, кто ждал от голода

³⁵ ГАРФ. Ф. Р-5893, оп. 1, д. 68, л. 63, 64, 68, 68 об., 71, 72.

³⁶ Русская военная эмиграция 1920-х–1940-х гг.: Документы и материалы. Т. 1. Кн. 1. С. 89.

³⁷ Exsul Viator. Голод // Руль. 1921. 29 января.

³⁸ ГАРФ. Ф. Р-5893, оп. 1, д. 68, л. 25.

³⁹ Русский голод и борьба с большевизмом // Общее дело. 1921. 2 сентября.

только свержения советской власти, ее редакция призывала помочь России, так как голод – это удар не по большевикам, а по русскому народу⁴⁰.

Большинству простых обывателей было и вовсе не до проблем голодающих в силу собственной бытовой и финансовой неустроенности. Однако были и состоятельные эмигранты, игнорировавшие дело помощи⁴¹. Некоторые самоустранялись от оказания помощи голодающим, считая ее делом иностранных или российских (находящихся на территории РСФСР) организаций. Так, например, корреспонденты «Нового Времени» призывали «передать все дело помощи голодающим ... в руки Святой православной Церкви»⁴²; Исполнительная Комиссия заграничной конференции членов Учредительного Собрания – положиться на государства, сохранявшие нейтралитет во время Гражданской войны⁴³.

Относительно иностранной помощи голодающим мнения эмиграции, соглашавшейся на нее в принципе, также разошлись. Одни выступали за любую поддержку, другие – исключительно продовольственную (при строгом контроле за ее распределением), третьи не возражали и против финансовой помощи и кредитов (при различном понимании их условий).

Еще в начале марта 1921 г. Административный Центр «Внепартийного объединения» (АЦ) предложил правительствам Антанты прийти на помощь голодающему населению столиц и северной России, отправив туда (при наличии определенных гарантий) продовольствие, одежду, «питательные и санитарные отряды»⁴⁴. Призывая правительства других стран оказать помощь, АЦ преследовал политические, а не гуманитарные цели: опровергнуть легенды о том, что капиталистическая Европа морит голодом рабочих; возложить ответственность за голод на самих большевиков; на этом противопоставлении усилить ненависть голодающего населения к советской власти.

Среди эмигрантов были и такие, кто выступал за бескорыстную помощь голодающим. Группы, примыкавшие к Комиссии

⁴⁰ Руль. 1921. 21 июля.

⁴¹ Руль. 1921. 25 августа.

⁴² Цит. по: Белов В. Белая печать, ее идеология, роль, значение и деятельность. С. 108.

⁴³ Помощь. 1921. 29 августа.

⁴⁴ ГАРФ. Ф. Р-5893, оп. 1, д.68, л. 4, 5, 10, 11.

Учредительного Собрания, полагали, что в деле помощи голодающим нужно установить своего рода политическое перемирие с большевиками, войти в непосредственное соприкосновение с Всероссийским Комитетом Помощи голодающим (ВКПГ), оказать ему содействие за границей, предоставить РСФСР товарный кредит. Последнюю инициативу поддерживали (с некоторыми оговорками и условиями) многие представители русского зарубежья⁴⁵.

Некоторым такая позиция представлялась опасным политическим соблазном, ведущим к соглашательству. Они были не против помощи, но считали, что нужно все тщательно взвесить и сделать так, чтобы оказывать ее именно голодающим. Опасения рождали политическую осторожность и настороженность: даже те русские, кто высказывался за помощь голодающим, подчеркивали, что для нее есть ряд ограничений. Например, были против денежных займов, поскольку считали, что эти средства большевики потратят не по назначению⁴⁶, или, осознавая их значимость, требовали предоставления гарантий их последующего погашения, выплат по долгам царского правительства⁴⁷. Выдвигались требования предоставления доказательств или дать гарантии того, что все отсылаемое доходит до голодающих. Публицист В. Белов, исследовавший в начале 1920-х гг. эмигрантскую печать, считал, что такая позиция лишь повод, «зацепка», чтобы не помогать, потому что, во-первых, никаких гарантий, кроме словесных и письменных обязательств, дать невозможно, да и зачем они нужны, если эмиграция все равно большевикам не верит; во-вторых, было изначально понятно, что с эмиграцией советская власть «ни в какие вообще разговоры о гарантиях вступать не будет, а, следовательно, из этого обстоятельства без труда можно будет создать *casus belli*: “Вот видите, мы хотели помочь, но только просим гарантий ... Советская власть никаких гарантий не предлагает, а следовательно, помощь не может быть осуществлена не по нашей вине”»⁴⁸. На самом деле, эмиграции важны были не столько формальные обязательства со стороны советской вла-

⁴⁵ ГАРФ. Ф. Р-5680, оп. 1, д. 23, л. 34.

⁴⁶ См.: Последние новости. 1921. 24 июля; 3 сентября.

⁴⁷ Воля России. 1921. 30 июля.

⁴⁸ Белов В. Белая печать, ее идеология, роль, значение и деятельность. С. 106.

сти, сколько право наблюдения и контроля на местах (своими собственными средствами или иностранными организациями) за распределением помощи. В противном случае эта помощь, по ее мнению, могла бы пойти не по назначению («Очень надо кормить чекистов за свой счет, да еще приплачивать за пересылку»⁴⁹).

Несмотря на полемику, которая развернулась в эмиграции по поводу извечных русских вопросов «кто виноват?» и «что делать?», многие эмигранты все-таки понимали, что бедствие постигло не советское правительство, а простых русских людей, которые и так страдают от коммунистической власти и нуждаются в помощи. У многих в России оставались родные и близкие. Для этой группы вопрос помогать или не помогать не стоял, другое дело – каким образом должна быть организована эта поддержка.

Безоговорочно за помощь голодающим без всяких условий и ограничений выступали сменовеховцы, указывая, что каждый месяц отсрочки помощи и кредитов стоит России 2000000 человек. Они считали «новую тактику» эмигрантов («за помощь, но против кредитов») преступной, полагая, что необходимо «отказаться от всякой тактики там, где дело идет о спасении своего народа от вымирания»⁵⁰.

На начальном этапе, в июне-июле, помощь носила в основном личный, индивидуальный характер: отправлялись посылки через международные благотворительные организации. Активную пропагандистскую деятельность в этом направлении вели видные деятели русского зарубежья, обращаясь к иностранной и эмигрантской общественности, высокопоставленным лицам. Постепенно поддержка соотечественников стала приобретать более организованный характер, на что повлияли и некоторые перемены, произошедшие в РСФСР и в мире.

Во-первых, в июле 1921 г. был создан Всероссийский общественный комитет помощи голодающим (ВКПГ, Всероспомгол), рассчитывавший в том числе на поддержку эмиграции и через который (как через посредника) она могла действовать. Во-вторых, в августе 1921 г. В.И. Ленин обратился к мировой общественности с просьбой о помощи. Это было неожиданностью для многих эмигрантов. В агентурных сведениях, составленных

⁴⁹ Русское Эхо. 1921. 19 ноября.

⁵⁰ Смена вех. 1921. № 16.

эмигрантами, отмечается стремление советских представителей в Берлине войти в контакт даже с руководителями правых русских организаций для привлечения их к совместной работе по оказанию помощи голодающим России⁵¹. В-третьих, откликаясь на призыв, официальные представители властей Германии, Франции, США выразили готовность оказать помощь, подав пример своими действиями другим странам и собственно эмиграции.

Вышеперечисленные факторы оказали существенное влияние на эмиграцию, которая стала не просто размышлять абстрактно о голоде и теоретизировать по поводу возможной помощи, а приступила к практической деятельности по ее оказанию. На первом этапе (июнь – июль) она носила несистематический и неорганизованный характер, но с конца июля – начала августа изменилась коренным образом благодаря созданию и деятельности эмигрантских комитетов помощи голодающим.

Прежде чем мы обратимся к их деятельности, рассмотрим отношение эмиграции к ВКПГ. Сама возможность деятельности такой организации была расценена русским зарубежьем как значительный политический успех российской интеллигенции, оставшейся на родине. Однако за границей не прекращались споры по поводу его работы и возможности сотрудничества с ним. Часть эмигрантов отнеслась к комитету настороженно, некоторые откровенно враждебно, что, по мнению корреспондентов газеты «Варшавский голос», выражалось в двух направлениях: «с одной стороны, скрытая вражда к тем, кто вошел в состав комитета и тем самым стал сотрудничать с советской властью, с другой – злобное издевательство над теми, кто самым участием в комитете показывает, что верит в возможность служить русскому народу не только в России самодержавной или России Деникина, Колчака, Юденича, Врангеля, но и в той России, которая управляется Советами»⁵². Были среди эмигрантов и те, кто понимал важность создания ВКПГ и желал осуществлять помощь голодающим через него.

Всероспомгол с момента возникновения был нацелен на поддержку из-за границы (в том числе эмигрантов). Для решения этих вопросов была запланирована командировка его членов в

⁵¹ ГАРФ. Ф. Р-6215, оп. 1, д. 12, л. 3.

⁵² Живое дело // Варшавский голос. 1921. 24 августа.

страны Европы. Некоторые эмигрантские организации помощи голодающим в ожидании приезда москвичей не предпринимали активных шагов, так как намеревались во время их визита скоординировать действия.

Надежды на приезд московской делегации были так велики, что в эмигрантской прессе появилась даже статья о ее прибытии, что не соответствовало действительности⁵³. Известно лишь, что в Европу удалось приехать одному из представителей Московского общественного комитета П.И. Бирюкову. Он опубликовал в русской зарубежной прессе воззвание к эмигрантскому обществу, выступил с докладами перед эмигрантами и иностранцами, призывая их оказать поддержку голодающим, дал интервью зарубежным журналистам⁵⁴.

В случае отказа советского правительства дать разрешение на выезд делегации ВКПГ за границу, Комитет угрожал самороспуском. Однако и без реализации этой угрозы он перестал существовать, когда в Политбюро победила жесткая линия. Вплоть до начала сентября многие эмигранты не верили в его разгон. Если деятельность этой организации, вопрос сотрудничества с ней и степень доверия были спорными для русского зарубежья, то проблема роспуска ВКПГ вызвала практически однозначную реакцию – протест⁵⁵.

Одни видели в этом нарушение советской властью своих обязательств и невероятные осложнения в деле помощи, другие – подтверждение своей точки зрения, что советской власти доверять нельзя. Анализируя ситуацию, эмигранты постепенно пришли к выводу, что при создании Всероссийского Общественного Комитета большевики думали не о том, как он поможет голодающим, а о том, как пустить «пыль в глаза» капиталистам. Они сыграли, с одной стороны, на общественности, с другой – у них была своя «голодная» тактика в Европе, целью которой был не столько хлеб для голодающих, сколько демонстрация своей

⁵³ Воля России. 1921. 6 августа.

⁵⁴ Руль. 1921. 14, 18, 21 августа; Голос России. 1921. 14 августа; Столь успешное втирание очков всему свету (документы о Помголе) // Источник. 1995. № 3. С. 54.

⁵⁵ См., например: ГАРФ. Ф. Р-6057, оп.1, д.3, л.4; д.4, л.22; Ф. Р-7004, оп.1, д. 1, л. 70; Ф. Р-5977, оп. 1, д. 14, л. 1-2; Ф. Р-9145, оп. 1, д. 396, л. 44-45; Бюллетень Исполнительной комиссии Совещания Членов Учредительного Собрания. 1921. №1. (1 ноября). С. 15.

аполитичности для получения кредитов и признания. Как только помощь из-за рубежа стала реальностью, комитет перестал быть нужен, «передышка кончилась, началась игра»⁵⁶. Противники сотрудничества с советской властью приводили роспуск ВКПГ в качестве доказательства невозможности эволюции большевиков⁵⁷.

Роспуск ВКПГ привел к появлению у части эмиграции неуверенности в своих силах в деле помощи, что не означало ее прекращения. Напротив, русская пресса за рубежом призывала ее продолжить и даже активизировать, учитывая сложившиеся обстоятельства⁵⁸.

За границей стали ходить упорные слухи о смертной казни, которая грозит членам Всероссийского комитета, и в эмиграции возникло новое движение – в их защиту. Узнав об аресте членов Всероспомгола, председатель Российского Красного Креста Ю.И. Лодыженский обратился в Международный комитет Красного Креста⁵⁹. К движению подключились Парижский, Берлинский комитеты помощи голодающим. Последний обратился за поддержкой к главе Американской администрации помощи (ARA) Г. Гуверу, президенту Международного комитета Красного Креста Г. Адору и верховному комиссару Лиги Наций, организатору комитета для спасения голодающих Поволжья Ф. Нансену. Председатель Парижского общественного комитета помощи голодающим Н.Д. Авксентьев получил от последнего письмо, в котором тот информировал адресата о своей переписке по поводу судьбы членов Всероссийского комитета с наркомом иностранных дел Г.В. Чичериным и о том, что сообщение о казни членов Московского комитета ложно, расследование еще только начинается и нет оснований ожидать смертных приговоров⁶⁰. Имеются сведения, что только вмешательство Ф. Нансена (в том

⁵⁶ Воля России. 1921. 3, 6 сентября.

⁵⁷ См., например: «Большевизм есть несчастье, но несчастье заслуженное» (Переписка В.А. Маклакова и А.А. Кизеветтера) // Источник. 1996. №2. С. 17-19

⁵⁸ См. например: Руль. 1921. 3 сентября; Голос России. 1921. 2 сентября.

⁵⁹ Лодыженский Ю.И. Указ. соч. С. 227.

⁶⁰ Годовой отчет Российского Общественного Комитета во Франции Помощи Голодающим в России. 15 августа 1921 – 15 августа 1922 г. Париж, б.г. С. 6.

числе с подачи русского зарубежья) спасло активистов комитета от смертной казни⁶¹.

Анализируя разгон ВКПГ и репрессии в отношении его членов, эмигранты пришли к выводу, что это не было случайностью. Советы преследовали следующие политические цели: повлиять на Европу, чтобы помощь оказывалась бесконтрольно, в связи с чем необходимо было уничтожить всех, с кем бы иностранцы могли сотрудничать, тем самым показать силу власти; доказать, что в России только одна сила – советское правительство, а все инакомыслящие будут раздавлены, внушить колеблющимся, что они должны беспрекословно подчиняться⁶².

Ликвидация Всероспомгола привела в эмиграции к следующим последствиям: в связи с арестом членов этой организации возникло движение в их защиту; эмиграция не отказалась от участия в деле помощи, а призвала ее продолжить и усилить; появилась необходимость искать другие организации, которые могли бы заниматься контролем и распределением средств, собираемых русским зарубежьем; после высылки членов Московского Комитета (С.Н. Прокопович, Е.Д. Кускова) русское зарубежье пополнилось новыми активными членами.

Основную работу по оказанию помощи России в эмиграции вели комитеты помощи голодающим. Рассказ о них, их структуре, практической деятельности, взаимодействии с другими организациями и друг с другом хотелось бы предварить впечатлением от их деятельности самой эмиграции. В газете «Воля России» указывалось, что они были образованы почти во всех европейских центрах, но не могли иметь крупного самостоятельного значения, на что был ряд причин: опирались на распыленную и нищую эмиграцию; могли собрать лишь незначительную сумму; у них не было необходимых технических и организационных сил; причины политического характера ставили под сомнение их возможность послать необходимых людей в Россию.

Редакция пришла к выводу, что «задача русских комитетов ограничивается пределами довольно скудных возможностей беженства. Это не значит, что комитеты бесполезны и организовывать их не нужно. Они могут сыграть свою, пусть небольшую

⁶¹ Костиков В. Указ. соч. С. 133.

⁶² Политика казней // Воля России. 1921. 21 сентября.

плодотворную роль, если точно установят цели и характер своей деятельности» и авторы газеты «Воля России» видели такую цель не в финансовой поддержке, а в пропаганде и воздействии на общественное мнение Запада. Но для успешной работы, по их мнению, «необходимо согласовать все усилия, придать им стройность и единообразие», по возможности, создать единый орган, что облегчит эту работу. «Однако задачи русских комитетов не исчерпываются деятельностью по организации и расширению помощи голодающим за границей. Они должны стать опорными пунктами для тех общественных элементов, которые постепенно организуются внутри самой России (контакт с ВКПГ, духовная поддержка людям, живущим в России). Пожалуй, не менее сложным, чем определение задач комитетов, является вопрос о способе их создания. Не требует доказательств основное положение: комитеты помощи за границей носят не политический, а строго деловой и технический характер. Однако нельзя сказать, чтоб политический момент отсутствовал вовсе: эти комитеты отнюдь не правительственные, своим происхождением они обязаны общественной инициативе, и основные признаки общественности – выборность, публичность, гарантии личной свободы и независимости и пр. – накладывают на них свой отпечаток. Само собой разумеется, что деловой принцип, легший в основу создания комитетов, позволяет объединиться в деле оказания помощи голодающим лицам различных политических взглядов и группировок. Но тот же принцип делового сотрудничества заставляет нас осудить создание комитетов помощи путем представительства от организаций»⁶³. С прискорбием констатировалось, что большинство организаций существует лишь на бумаге, «они влачат жалкое существование, беженская масса в них не участвует»⁶⁴.

Статья очень верно отражает основные направления работы и главные проблемы, возникавшие в Комитетах помощи в разных странах. Была у них и своя специфика. Подробнее проблема помощи голодающим в России уже освещалась автором, поэтому в

⁶³ Воля России. 1921. 14 августа.

⁶⁴ Там же.

рамках данного исследования предлагаются лишь обобщенные результаты⁶⁵.

Удалось выявить более 20 русских эмигрантских организаций по оказанию помощи голодающим. Они размещались в столицах стран проживания, местах концентрации русской эмиграции. Время деятельности – 1921–1922 гг.: большинство было создано в августе 1921 г. и прекратили свою деятельность к концу 1922 гг. (в редких случаях к концу 1923 г.). Дата создания большинства комитетов известна (сохранились учредительные документы организаций, упоминания в прессе), определить время их закрытия можно лишь в редких случаях (ввиду отсутствия источников)⁶⁶. Принципы комплектования были различными: одни образовывались при действовавших общественных русских организациях (например, Комитет помощи голодающим в России при Союзе русских студентов в Чехословакии, Комитеты Земгора); другие объединяли представителей, делегированных различными эмигрантскими структурами (большинство так называемых Объединенных комитетов); третьи действовали на основе личного членства (большинство так называемых Общественных комитетов); четвертые – представляли собой согласительные органы комитетов второго и третьего типа и создавались для координации их работы. Практически во всех странах рассеяния эмиграцией было создано по несколько комитетов помощи голодающим в связи со спорами как по организационным моментам, так и по вопросам помощи. Хотя компромисс, как видится, был возможен. Бывший российский посол в США Б.А. Бахметев предлагал, чтобы «в вопросе о голоде сопоставлялся принцип группового пред-

⁶⁵ См. подробнее: Урядова А. Голод 1920-х и русское Зарубежье. СПб.: Алетейя, 2010. 168 с.; Она же. Голод 1921 года и русская эмиграция в славянских странах // Славяноведение. 2009. № 1. С. 3-13; Она же. Помощь дальневосточной эмиграции голодающим в России в 1921–1923 гг. // Вестник Дальневосточного отделения РАН. 2008. №5 С. 107-111; Беляева А.В. Голод 1921 г. в России и русские эмигранты во Франции // Россия и Франция. XVIII-XX века / Ин-т всеобщей истории. Вып. 6 / Отв. ред. П.П. Черкасов. М.: Наука, 2005. С. 197-208.

⁶⁶ См.: ГАРФ. Ф. Р-5920, оп. 1, д. 1; ф. 5977, оп. 1, д. 11, л. 236; д. 12, л. 6, 36, 74; д. 13, л. 83, д. 14, л. 3; д. 25, л. 3; ф. 6057, оп. 1, д. 1 л. 1; ф. Р-7004, оп. 1, д. 1, л. 6, 24, 34, 70; ф. Р-9110, оп. 1, д. 1, л. 3; ф. Р-9145, оп. 1, д. 136, л. 1; Козлитин В.Д. Русская и украинская эмиграция в Югославии (1919–1945 гг.). Харьков: РА, 1996. С. 246-247; Огни. 1921. 22 августа; Помощь. 1921. 29 августа; Иванов В.П. Проблема реэмиграции в СССР в 1920-1945 гг. // Русская эмиграция в Европе (20-30-е гг. XX в.). М., 1996. С. 106.

ставительства и индивидуального. В настоящем вопросе можно будет избрать средний путь: получить представительство некоторых групп, где это возможно – добавить представительство личное, но так подобрав людей, чтобы они фактически представляли собою или были бы связаны с многочисленными организациями и чтобы, конечно, их титулы были поименованы»⁶⁷. Разобщенность только вредила авторитету эмиграции за границей и делу оказания помощи голодающим. Заинтересованные комитеты стремились к объединению и координации действий не только с помощью переписки и отдельных совместных мероприятий, но и созвав общий съезд или конференцию. Однако даже в деле помощи голодающим они не смогли прийти к общему мнению и долго не могли договориться об условиях и месте его проведения. Когда же это произошло, проблема голода несколько пошла на спад. Съезд так и не состоялся⁶⁸.

Организации помощи имели различную структуру. Во всех Комитетах для управления выбирались руководящий орган и председатель. Были случаи, когда в дополнение действовал и исполнительный орган (например, в Берлинском общественном комитете). Комитеты могли иметь региональные подотделы. Практическая работа, как правило, велась по секциям, которые образовывались в связи с основными направлениями деятельности. В большинстве комитетов имелись материально-финансовая (сбор продовольствия, одежды, денег) и агитационно-информационная секции, реже медико-санитарная и аграрно-семенная. Иногда выделялись структурные подразделения для помощи отдельным категориям граждан (детям, интеллигенции), а также помощи отдельным регионам России (например, в Константинопольском комитете). По направленности помощи Комитеты могли быть специализированными, то есть оказывающими поддержку людям отдельных профессий*, социальных (например, Лондонский ко-

⁶⁷ Политическая история русской эмиграции. 1920–1940. С. 527.

⁶⁸ ГАРФ. Ф. Р-5977, оп. 1, д. 11, л. 179-180; д. 13, л. 77; д. 14, л. 1, 7-9; ф. Р-7004, оп. 1, д. 1, л. 70-71.

* Еще до начала голода была инициирована акция «Помощь друзьям», время проведения которой совпало с кампанией помощи голодающим. Она была направлена на поддержку российских ученых (см. подробнее: Тетеревлева Т.П. Акция «Помощь друзьям» // Нансеновские чтения 2008. С. 59-64).

митет помощи интеллигенции в России⁶⁹), возрастных групп (комитеты помощи детям, существовавшие в разных странах) и так далее. В большинстве же своем эмигрантские организации помощи голодающим имели многопрофильный характер, в связи с чем, как уже отмечалось, в них создавались секции, отвечавшие за помощь той или иной категории населения.

Помощь, оказанную эмиграцией, можно разделить на крупномасштабную (вагонами) и индивидуальную (персональные и стандартные посылки). Большинство комитетов занималось лишь сбором средств, а отправку осуществляли другие организации (в основном международные). Особенностью комитетов, расположенных в государствах, соседствующих с Советской Россией, было оказание помощи непосредственно голодающим приграничной зоны (например, Варшавский, Дальневосточные комитеты), а также посредническая деятельность при переправке помощи, собранной эмиграцией, проживавшей вдали от границ. Независимо от различий и акцентов в своей работе, комитеты позиционировали себя как беспартийные организации, а свою деятельность – как аполитичную и имели одну цель – помощь голодающим в России. Кроме Комитетов, помощь оказывала Русская Православная Церковь за границей, Совет Послов, Российский Красный Крест и некоторые другие организации русского зарубежья.

Насколько существенна была эта помощь? Приведем лишь несколько примеров. Так, Лондонским Комитетом на 1 октября 1921 г. было собрано: от кооперативных организаций £ 40200, от частных лиц – £ 288, 14, 6^{* 70} (по данным Е.Б. Кудряковой – £ 567, 12, 5, хотя она и не фиксирует четко происхождение пожертвований⁷¹), не считая продовольствия, товаров и медикаментов. Парижский общественный комитет сделал единовременное перечисление только российским организациям врачей

⁶⁹ См. подробнее: Кудрякова Е.Б. Указ. соч. С. 35.

^{*} До 1971 г. фунт стерлингов не был привязан к десятиричной системе и равнялся 20 шиллингам, 240 пенсам, 960 фартингам (кроме того, использовались гроуты, флорины, кроны и полукроны). Отсюда особенность записи суммы через запятую и сложность определения курса фунта.

⁷⁰ ГАРФ. Ф. Р-5977. оп. 1, д. 11, л. 143.

⁷¹ Кудрякова Е.Б. Указ. соч. С. 29.

200000 фр.⁷², всего же к апрелю 1922 г. (за год работы) отправил в Россию одежды, обуви, продовольствия, медикаментов и денежных средств на сумму более 500000⁷³ фр.* Даже бедные студенты, поддержанные профессурой, оказали посильную помощь. Так, Комитет помощи голодающим в России при Союзе русских студентов в Чехословакии с 1 мая по 1 декабря 1922 г. отправил посылку** на сумму 122500 чешских крон⁷⁴, а Студенческий комитет помощи голодающим в Берлине (интернациональная организация) за одну неделю апреля 1922 г. по так называемым «чекам долга» собрал 100000 марок, за май еще 210000 марок⁷⁵. Сбор средств осуществляли русские газеты. Например, газета «Руль» к 12 августа 1921 г. собрала 12460,2 марок*** и 550 царских рублей⁷⁶. Кроме материальной помощи, важна была и моральная поддержка, обращения к иностранным правительствам и общественности.

⁷² Годовой отчет Российского Общественного Комитета во Франции Помощи Голодающим в России. С. 6.

⁷³ ГАРФ. Ф. Р-5877, оп. 1, д. 8, л. 1, 2 (подсчет автора); Годовой отчет Российского Общественного Комитета во Франции Помощи Голодающим в России. С. 9

* Чтобы соотнести эту цифру с уровнем жизни эмигрантов, приведем некоторые парижские цены на 1920-1921 гг.: цена проезда в метро – 20 с., хороший обед в приличном ресторане – 3 фр. 25 с. плюс 25 с. чаевые. (Ковалевский Е. Русский Париж полвека тому назад // Возрождение. 1970. №220. С. 119-120) Средний заработок мужчины в Париже в день составлял 20 фр., женщины – 13-14 фр. (Россия. Альманах. Харбин, 1926. С. 142). Через Латвийский Красный Крест отправлялись типовые продовольственные посылки на сумму 100 фр. (массой 40 фунтов), 52 фр. (20 фунтов) и 27 фр. (10 фунтов) (ГАРФ. Ф. Р-5977, оп. 1, д. 25, л. 49-51).

** Стандартная продовольственная посылка стоила 500 чешских крон.

⁷⁴ ГАРФ. Ф. Р-5920, оп. 1, д. 10, л. 10.

⁷⁵ Руль. 1922. 30 апреля, 7 июня.

*** Оценить масштабы помощи, оказанной эмиграцией, проживавшей в Германии, сложно по причине постоянной инфляции в этой стране в 1921-1922 гг. Отсюда и диспропорция сумм, пожертвованных в разные месяцы и годы. В конце ноября 1921 г. 1 доллар был равен 250-300 маркам. К концу 1921 г. ожидали четырехкратную инфляцию по сравнению с началом года (Письмо Мартова Ю.О. Щупаку С.Д. от 25.10.21 // Мартов Ю.О. Письма и документы (1917-1922)/. Сост. Ю.Г. Фельштинский (URL: <http://moshkov.cherepovets.ru/cgi-bin/html-KOI.pl/HISTORY/FELSHTINSKY/martov.txt> (дата обращения: 23.03.2008) . К июлю 1922 года денежная масса выросла более чем в 7 раз, уровень цен повысился в 40 раз, а курс доллара в 75 раз. (Поташов С. Кризис в Германии: гиперинфляция 1919-1923 годов // Биржевой лидер. 2010. №14. С. 56-62) Стандартная продовольственная посылка Американской администрации помощи (ARA) стоила 10 \$, Международного Красного Креста 2 \$ (ГАРФ. Ф. Р-5977, оп. 1, д. 15, л. 126)

⁷⁶ Руль. 1921. 12 августа.

Важным результатом деятельности комитетов явилось изменение отношения эмиграции к ситуации в РСФСР. До голода эмигранты несколько дистанцировались от происходившего в России. Трагедия породила чувство сопричастности к судьбе если не страны, то народа. Помощь имела важное значение не только для голодающих, но и для эмиграции. Она дала ей возможность почувствовать себя сопричастной к жизни в России, подняла самооценку эмиграции.

Опыт, приобретенный в начале 1920-х гг., помог русскому зарубежью оценить аналогичные ситуации, возникшие в СССР в 1924 и 1934 гг.* Создание и деятельность Комитетов помощи, общая работа эмиграции, направленная на поддержку голодающих, свидетельствовали о новом уровне и этапе социальной адаптации русских за границей. С одной стороны, эти процессы говорят о том, что эмиграция, несмотря на неприязненное отношение к советскому режиму, научилась разделять власть и народ и осознала, что в данный момент важна не борьба с ними, а всесторонняя помощь. С другой, стремление эмигрантов поделиться своим зачастую небогатым заработком наглядно демонстрирует глубину и прочность связи эмиграции с оставшимися в России.

Многие вопросы, связанные с делом помощи, вызывали в русском зарубежье дискуссии. Мнения эмигрантов разошлись непосредственно по вопросу оказания помощи как таковой: помогать – не помогать – помогать при определенных условиях и гарантиях. Высказывались различные суждения и по вопросам о видах помощи, условиях и гарантиях, иностранных посреднических организациях, международных планах помощи. Оживленные дискуссии вызвала деятельность ВКПГ, а вернее возможность сотрудничества с ним. Реакция на его роспуск в эмиграции была однозначно негативная. С течением времени точки зрения

* Голод 1924 г. эмиграция проигнорировала. Она лишь информировала о нем зарубежную общественность и выражала протест против советской экспортной торговли хлебом (Русь. 1924. 5 июля). В 1934 г. акция помощи голодающим вновь была широко-масштабной и даже вышла на новый уровень. В мае 1934 г. в Париже состоялось совещание, которое приняло решение координировать деятельность эмигрантских организаций по оказанию помощи голодающим, исходя из принципов гуманизма и милосердия (Можяева Л.А. Гучков Александр Иванович // Новый исторический вестник. 2002. №7 (http://www.nivestnik.ru/2002_2/11.shtml)).

отдельных партий и людей в отношении голода могли меняться, но не кардинально.

Разрозненность, нескоординированность действий показали, что даже, в благотворительном деле помощи эмигранты не смогли объединиться. Это является наглядным доказательством того, что попытки создания единых всеэмигрантских организаций, выработки общеэмигрантских проектов были тем более заранее обречены на провал, поскольку если дело помощи декларировалось изначально как аполитичное, то в объединении эмиграции в целом присутствовали политические цели и установки.

Таким образом, вклад русского зарубежья в дело помощи голодающим был весьма ощутим и сегодня незаслуженно обойден исследователями, в том числе и современными, изучающими как собственно эмиграцию, так и историю России и в частности голод 1921 г.

1.2. Сельское хозяйство и проблемы советской деревни в оценке эмигрантов

Большое внимание в 1920-е гг. уделялось эмиграцией крестьянству и советской политике в области сельского хозяйства⁷⁷. Аграрный характер российской экономики, значительное преобладание сельского населения над городским сделали эту сферу народного хозяйства традиционной для изучения экономистов. Некоторые политические деятели эмиграции делали ставки на крестьянство, учитывая его силу и численность, неудовлетворенность советскими реформами, а также то, что большевики не считали этот класс (за исключением его беднейших слоев) своим союзником⁷⁸. Поэтому наблюдается интерес русского зарубежья к рассмотрению положения на селе и ситуации в сельском хозяйстве.

⁷⁷ См. подробнее: Беляева А.В. Политика большевиков в отношении крестьянства в 1920-х гг. и эмиграция // Историческая психология, психоистория, социальная психология: общее и различия: Материалы XV Междунар. науч. конф. / Под ред. проф. С.Н. Полторака. СПб., 2004. С. 318-323; Урядова А.В. Сельское хозяйство и проблемы советской деревни в годы нэпа в оценке эмигрантов // Государство, общество, церковь в истории России XX века. Материалы Международной научной конференции. Ч. 2. Иваново, 2011. С. 585-592.

⁷⁸ Kokovtsoff W. Sixième année de Dictature bolchévique. P. 6.

В донэповский период эмигранты призывали, как правило, к вооруженной борьбе (восстаниям, бунтам и так далее). С учетом крестьянского состава Красной армии на нее также делали ставку. По мнению ряда эмигрантов, крестьянство было едва ли не главной угрозой коммунизма*. Нередко антибольшевистские настроения начала 1920-х гг. связывали с голодом, констатируя наличие разрозненных антисоветских отрядов местного уровня⁷⁹.

По формам борьбы эмиграция выделяла три периода крестьянского движения: 1) пассивно-оборонительная тактика, саботаж (сокращение посевных площадей, сокрытие излишков, уклонение от исполнения различного рода повинностей); 2) массовые вооруженные стихийные неорганизованные крестьянские выступления, возникшие в связи конкретными мероприятиями местной власти и имевшие целью, прежде всего, ограждение от них своей деревни, реже защиту узкоклассовых интересов; 3) организованное крестьянское движение в некоторых районах, приспособившееся к обстановке, выделение активных элементов, которые вели упорную и непрерывную вооруженную борьбу с властью, объединившись в партизанские отряды. Характерным считалось антоновское восстание как проявление самообороны крестьян от большевистских реквизиций. Наиболее здравомыслящие эмигранты понимали, что ни оно, ни другие крестьянские выступления не способны свергнуть советскую власть, а могут лишь дестабилизировать ситуацию, усилить хозяйственную разруху⁸⁰.

Русское зарубежье отмечало недовольство крестьянских масс, но признавало, что оно носит экономический, а не политический характер, не ставит своей целью свержение власти; разрозненно, не организовано, не одновременно и не имеет лидеров.

Уже к октябрю 1921 г. эмиграция констатировала практически повсеместное поражение повстанческого движения, которое объясняла наступлением осени и отсутствием причин для недовольства: население центральных губерний, среди которого оно

* Со временем позиция отдельных представителей эмиграции по этому вопросу могла меняться. Так, например П.Б. Струве, в 1925 г. еще писавший о контрреволюционности крестьянства, в 1927 г. отказался от этого тезиса, считая, что не надо преувеличивать его активность (см.: Яковлева Т.А. Пути возрождения. С. 95).

⁷⁹ ГАРФ. Ф. Р-6055, оп. 1, д. 2, л.58-59, 142; д.3, л. 48; д. 3, л. 48; д. 16, л.1.

⁸⁰ Там же, д.3, л.193, 203, 204.

разрасталось, почти не было затронуто реквизициями, сбором налогов, террором, там был достаточно хороший урожай.

Голод, охвативший Поволжье, способствовал, по мнению русского зарубежья, либерализации во властных, особенно местных, структурах, которые стали вступать в переговоры с оппозиционными группами и включили беспартийных в свой состав⁸¹.

К весне 1921 г. в русском зарубежье оформилась мысль о новой форме борьбы с большевизмом – экономической. Эмигранты стали призывать крестьян использовать все возможности вести борьбу с большевиками за установление нового государственного порядка: занимать места в исполкомах и съездах советов и добиваться разрешения там своих нужд; сопротивляться осуществлению таких мероприятий большевиков, которые вредны крестьянам и так далее. Впервые идея экономической борьбы была высказана «первым тенором» кадетской партии Ф.И. Родичевым в феврале 1921 г.⁸² Неудачи антисоветских выступлений, голод способствовали развитию этой идеи.

Некоторые эмигранты считали, что изменения аграрной политики, отход от военного коммунизма произошли под нажимом крестьянства, были вынужденной мерой, принятой вследствие голода. Они понимали, что НЭП – громадная перемена в экономической политике большевиков, в том числе и в аграрной сфере. Однако первоначально считалось, что декреты мало что могут дать: они не успокоят крестьян, не увеличат площадь засева⁸³.

Корреспонденты газеты «Время» не видели ничего нового в предлагаемой аграрной системе. Они были уверены, что в ближайший же месяц натуральная повинность в РСФСР уступит место обыкновенному денежному обложению⁸⁴. В.М. Чернов приветствовал отмену декретов периода военного коммунизма, однако в развитии индивидуального крестьянского хозяйства в годы НЭПа увидел угрозу общине, «неостолыпинство»⁸⁵.

⁸¹ ГАРФ. Ф. Р-6055, оп. 1, д.3, л. 393.

⁸² Родичев Ф. В поисках спасения // Общее дело. 1921. 20 февраля.

⁸³ ГАРФ. Ф. Р-6055, оп. 1, д. 1, л. 111-112.

⁸⁴ Недосказанное // Время. 1921. 25 апреля.

⁸⁵ Чернов В.М. Аграрный «Нэп» и полинявшее народничество // Революционная Россия. 1923. № 28-29. С. 11-12.

По мнению эмигрантов, крестьянство ко времени НЭПа было поставлено советской властью в приниженное положение⁸⁶, НЭП привнес социально-классовые изменения в общество. Особое внимание уделялось расслоению крестьянства в большом очерке «Аграрная политика власти при Нэпе и дифференциация крестьян», составленном в Совете объединенных офицерских обществ Югославии⁸⁷. Изучал этот вопрос и экономический кабинет С.Н. Прокоповича. Сам он отрицал большевистскую теорию о расслоении крестьянства на два класса – сельский пролетариат и буржуазию, считая, что крестьянские хозяйства «варьируются» около некоторого среднего уровня. Для него важнее были не количественные, а качественные изменения, в частности то, что все крестьяне жили не на прибыль с капитала, а за счет собственного труда. Из чего он делал вывод о невозможности кардинального расслоения, о сложности разграничения таких понятий, как «кулак» и «крепкий хозяин»⁸⁸. Некорректным считал определение советским правительством категории «кулака» и Республиканско-Демократический Союз (РДС): формально под это определение попадали те, кто использовал наемную силу, фактически – все зажиточные крестьяне. Такой подход, по мнению РДС, был связан с боязнью смычки середняков с кулаками⁸⁹.

Члены кабинета Прокоповича пытались понять, о каком расслоении говорят большевики, выделить критерии такового. С этой целью В. Розенберг проанализировал данные о положении крестьянства в РСФСР (количество земли, обеспеченность скотом, финансовые средства) и пришел к выводу, что большинство крестьян (около 90%) являются малоземельными или безземельными, безлошадными или с плохой обеспеченностью скотом и финансами⁹⁰. Эти данные были для автора подтверждением отсутствия расслоения на селе как по финансовому состоянию, так и по вопросу использования наемного труда. Расхождения были

⁸⁶Шилков А. Крестьянство и советская власть // Крестьянская Россия. Ч. I. С. 69; Грачев Г.П. Советское сельское хозяйство и российский крестьянин. Харбин: Наш путь, 1932. С. 7-8.

⁸⁷ ГАРФ. Ф. Р-5946, оп. 1, д. 6

⁸⁸Прокопович С.Н. Что дал России НЭП. С. 31, 53.

⁸⁹Враги крестьянства. С. 24.

⁹⁰Розенберг В. Деревня как колония // Русский экономический сборник. 1926. №8. С. 111.

выявлены лишь в затратах на сельхозорудия и в меньшей степени на продукты личного потребления⁹¹.

С такой позицией по вопросу расслоения крестьянства был не согласен другой член кабинета Прокоповича Б.Д. Бруцкус. По его мнению, большевики не препятствовали развитию частнокапиталистических начал в деревне, благодаря которым село восстанавливалось, что, в свою очередь, углубляло классовое расслоение в деревне⁹².

Видный социолог П. Сорокин соглашался с фактом отсутствия крупного землевладения и видел возможность его появления лишь в виде иностранных земельных концессионеров, «арендаторов» или «советских хозяйств». Тем не менее в вопросе о расслоении он поддерживал Б.Д. Бруцкуса. В 1923 г. он писал о приостановке процесса имущественной нивелировки и замене его процессом имущественной дифференциации, результатом которого называл полную декоммунизацию деревни и потерю коммунизмом всякой почвы среди крестьянства⁹³. Публицист В.И. Талин считал, что к 1925 г. партия окончательно потеряла русскую деревню⁹⁴.

В 1922 г. вышел новый земельный кодекс, который признал значительную свободу хозяйственной деятельности на селе. В связи с чем, по мнению ряда эмигрантов, положение сельского хозяйства улучшилось. Большое внимание закону уделил видный экономист Б.Д. Бруцкус, отмечавший отсутствие в его тексте коммунистических идей (за исключением некоторых деклараций). Он считал появление этого документа следствием народного давления, а не реальной коммунистической позицией по этому вопросу. В целом он признавал, что кодекс создает такой аграрный строй, при котором возможно постепенное возрождение русского сельского хозяйства даже при существующих народно-хозяйственных и политических условиях⁹⁵.

Г.П. Грачев, руководитель Дальневосточной организации трудового крестьянства, анализируя реализацию земельного ко-

⁹¹Обозрение русской жизни // Русский экономический сборник. 1925. №4. С. 196.

⁹²Бруцкус Б. О кризисе советского хозяйства // Руль. 1926.23 февраля.

⁹³Сорокин П. Россия после нэпа. С. 144-147, 155.

⁹⁴Талин В.И. Коммунист на деревне. Б.м., [1925]. С. 378.

⁹⁵Бруцкус Б. Новый строй земельных отношений в России (по земельному кодексу РСФСР) // Крестьянская Россия. Вып. IV. С. 125-129.

декса 1922 г., пришел к прямо противоположным выводам: формально кодекс не противоречит интересам крестьянства, заботится о нем, в действительности – государство, партия распоряжается землей как собственник⁹⁶. Выражали сомнения в эффективности кодекса и другие эмигранты, отмечавшие отсутствие в РСФСР условий для интенсификации крестьянского землепользования⁹⁷, свидетельством чего, по их мнению, было продолжающееся сокращение посевных площадей, падение урожайности, качественное ухудшение полеводства, сокращение животноводства по всем направлениям, сокращение инвентаря, гибель всех подсобных сельхозкультур. Эмигранты констатировали продолжающийся развал сельского хозяйства⁹⁸.

В 1922 г. в одной из информсводок штаба главнокомандующего русской армией Врангеля подводились итоги нового курса земельной и продовольственной политики РСФСР: «1. Новый курс ничего не изменил во взаимоотношениях власти с крестьянством, последнее по-прежнему настроено крайне враждебно к коммунистической партии; 2. Замена разверстки продналогом, несмотря и вопреки обещаниям власти не улучшила положение крестьянских масс ... Поэтому основная причина, вызвавшая упорную активную и пассивную борьбу между большевиками и крестьянскими массами, продолжает сохранять свою актуальность; 3. Крестьянство оказало упорное сопротивление большевикам в сборе продналога; 4. Применение военной силы и массовые наказания еще больше разорили и озлобили крестьян, оторвали новые крестьянские слои от земли и мирного труда ... Продовольственная политика, административная и судебная практика власти, неизбежно усилившие процессы разорения сельского хозяйства, ... вызвали естественный рост анархических начал; 5. Поэтому все заявления советских вельмож о том, что у повстанческого движения – «бандитизма» выбита новым курсом из-под ног социальная почва, лживы и неосновательны. Деревня полна недовольных и озлобленных ...»⁹⁹.

⁹⁶ Грачев Г.П. Советское сельское хозяйство и Российский крестьянин. С. 8-9.

⁹⁷ Майоров И. Земельная политика большевиков // Пути революции. С. 181.

⁹⁸ См., например: Ростовский Ю. Указ.соч. С. 55-58; Сорокин П. Россия после нэпа. С. 148

⁹⁹ ГАРФ. Ф. Р-7518, оп. 1, д. 4, л. 1-15 об.

В информсводках Народного Союза Защиты Родины и Свободы указывалось, что, несмотря на то, что в целом «стало легче дышать», население не прониклось благодарностью к власти, а наоборот, ощутило приток сил для новой борьбы с ней, возникло общее сознание слабости власти и права устраивать жизнь по-своему. Главным результатом первых лет НЭПа в деревне Союз считал установление там крепкого порядка, гарантирующего, что с падением советской власти не будет анархии, которая могла возникнуть в подобной ситуации в годы военного коммунизма¹⁰⁰.

Собравшиеся на конференцию в Париже в ноябре 1923 г. финансово-промышленные круги русского зарубежья в числе прочих обсуждали и ситуацию в сельском хозяйстве. В результате анализа они пришли к выводу, что «вся политика Советов ведет исключительно к разорению крестьянства и делает их работу бесполезной»¹⁰¹.

Осенью 1923 г. эмиграция констатировала экономический кризис в СССР (в том числе и в сельском хозяйстве). Его главной причиной называли нехватку капиталов. Ю. Ростовский писал: «Новая экономическая политика не только не приостановила развала сельского хозяйства, ... но даже не смогла задержать его стремительное, все прогрессирующее развитие. Годы нэпа добились сельское хозяйство в России и в результате мы имеем невиданную катастрофу и сельского хозяйства, и всего народного хозяйства России»¹⁰².

Однако ученые-эмигранты отмечали и определенные экономические результаты. Так, С.Н. Прокопович переход к НЭПу связывал с возвратом к производству сельхозпродуктов для продажи, указывая, что если показателем экономической ситуации в сельском хозяйстве считать размеры посевных площадей, количество скота в стране и покупательную способность крестьян, то к 1924 г. налицо положительные результаты¹⁰³.

Ситуация в стране вновь изменилась в связи с голодом 1924 г., во время которого эмиграция (в отличие от трагедии 1921–1922 гг.) не развернула кампанию помощи голодающим.

¹⁰⁰ ГАРФ. Ф. Р-6055, оп. 1, д. 26, л. 262-263

¹⁰¹ La situation économique et juridique de la Russie Soviétique. P. 3, 7.

¹⁰² Ростовский Ю. Указ. соч. С. 55.

¹⁰³ Прокопович С.Н. Что дал России НЭП. С. 62, 65.

Она лишь информировала о нем общественность и выражала протест против советской экспортной торговли хлебом во время голода¹⁰⁴. Голод 1924 г. наряду с общеэкономическим кризисом и неудачами во внешней политике, по мнению русского зарубежья, явился одной из причин выдвижения большевиками лозунга «лицом к деревне».

1925 году С.Н. Прокопович придавал особое значение, называя его годом уступок крупному крестьянскому хозяйству. По его мнению, они были предприняты в связи большей продуктивностью и производительностью такого типа хозяйств, часть которого (крупное помещичье хозяйство) была разрушена ранее, а попытки создания новых (совхозов и колхозов) к середине 1920-х гг. не удались¹⁰⁵.

Юрист, публицист А.И. Каминка с некоторыми оговорками признавал факт восстановления сельского хозяйства к 1925–1926 гг.¹⁰⁶. П.П. Мигулин, член кружка «К познанию России», также писал о положительном результате нэповских реформ в аграрном секторе к середине 1920-х гг., что, по его мнению, произошло в оживлении крестьянства, прекращении вымирания населения (которое возобновилось с началом пятилетки)¹⁰⁷. В социал-демократическом журнале «Заря» писалось о таких позитивных изменениях НЭПа, как восстановление материальных стимулов у крестьянства и начало рыночной торговли, хотя и делались оговорки относительно результатов внедрения рыночных рычагов регулирования экономики, выявивших неготовность к нему промышленности и, как следствие, тщетность преобразований в аграрном секторе¹⁰⁸. Попыткой решить данную проблему, увеличив покупательную способность крестьян, по мнению одного из авторов журнала, был вывоз хлеба из деревни, который тем не менее не решал проблемы ввиду отсутствия встречного ввоза промышленных товаров¹⁰⁹. В газете «Революционная Россия» в качестве положительного результата отмечалось расширение

¹⁰⁴ См., например: Русь. 1924. 5 июля.

¹⁰⁵ Прокопович С.Н. Что дал России НЭП. С. 67.

¹⁰⁶ Каминка А.И. Крестьянское благополучие // Руль. 1925. 18 сентября.

¹⁰⁷ Мигулин П.П. Русская аграрная проблема и сельскохозяйственная катастрофа в Советской России // Труды кружка «К познанию России». 1934. Вып. 1. С. 23-25.

¹⁰⁸ Несоветский экономист. Успехи НЭПа и его банкротство // Заря. 1923. №3. С. 67-73.

¹⁰⁹ Несоветский экономист. Цветники денежной реформы. // Заря. 1924. № 3. С. 71-76.

землепользования, которое в связи с перекосом в сторону промышленности и низкой покупательной способностью крестьян не возымело, по мнению редакции, существенного значения¹¹⁰. Представители большинства политических течений русского зарубежья указывали на эту диспропорцию, но только левые говорили о традиционности данной ситуации и для дореволюционной России.

В газете «За свободу» скептически отмечалось, что нет никого, кто принял бы на веру уступки деревне, провозглашенные большевиками¹¹¹. Многие эмигранты считали, что уступки крестьянству предпринимаются с целью выкачивания из него средств для развития промышленности. Доказательством чего, по их мнению, было повышение продналога, который они призывали не платить, зерна не сдавать¹¹². Что, собственно, и сделали крестьяне, получив хороший урожай осенью 1925 г. Не дав изъять излишки, они увеличили оборотные капиталы, лишив средств промышленность, что привело к обострению товарного голода.

По мнению советского невозвращенца Александрова, единственным выходом из этой ситуации являлся возврат к методам военного коммунизма, в необходимости которого партию убедил И.В. Сталин¹¹³. Эмиграция подмечала, что когда окрепшее крестьянское хозяйство стало противоречить ускоренным темпам индустриализации, политика вновь сменилась. Вероятно, именно поэтому С.Н. Прокопович основной проблемой советской власти к 1926–1928 гг. считал поиск «способа усиленного изъятия зерновых хлебов и продуктов животноводства из крестьянских хозяйств»¹¹⁴. Таковым, по мнению русского зарубежья, стал сельскохозяйственный налог и его скрытая форма – назначение завышенных цен на монопольные продукты¹¹⁵.

Сложившаяся ситуация дала русской прессе повод говорить о том, что поворот лицом к деревне только уловка, вынужденная

¹¹⁰ Революционная Россия. 1924. № 33-34. С. 3.

¹¹¹ «Программа уступок» // За свободу. 1925. 29 июля.

¹¹² ГАРФ. Ф. Р-5826, оп. 1, д. 167, л. 54-55.

¹¹³ Александров. Диктатор ли Сталин? Историко-догматический анализ. Paris: Возрождение, б.г. [1932]. С. 12-13.

¹¹⁴ Результаты пятилетнего плана реконструкции народного хозяйства в СССР // Бюллетень экономического кабинета С.Н. Прокоповича. 1933. № 102. С. 1-24.

¹¹⁵ Крестьянин не поверил, поверит ли капиталист? // Возрождение. 1926. 10 февраля.

передышка, к которой необходимо было прибегнуть, чтобы выиграть время для проведения кардинальных реформ на селе, переделки его на пролетарский лад в «хлебную фабрику»¹¹⁶. Свидетельством недолговечности и непрочности такой политики эмиграция считала и обвинение члена Политбюро РКП(б) Г.Е. Зиновьева в уклоне в сторону народничества.

Отмечая сложности изменения политики, уже с конца февраля 1925 г. в эмиграции появились статьи о том, что партия хватается за различные лозунги «неонэп», «лицом к деревне», но тут же бьет отбой по их поводу¹¹⁷.

Именно провал хлебозаготовительной кампании 1925 г., по мнению русского зарубежья, вынудил большевиков пойти на серьезные меры против крестьян, сделав крестьянство одним из важных источников индустриализации¹¹⁸. А. Югов причиной перегибов середины 1920-х считал стихийность, отсутствие плановости в проведении реформ.

Левые же были уверены, что к 1925 г. социалистическая перспектива была утеряна, произошла капитализация деревни («земельная аренда, узаконение батрачества, бухаринская ставка на кулака, толки о бессрочном арендном пользовании национализированной землей, кокетничанье с частными капиталистами, акционерные банки и коммунистические банкирские конторы, переговоры о признании долгов»¹¹⁹), и обратного поворота не будет, капитализм будет развиваться поступательно.

В 1926 г. изменился сельскохозяйственный налог, что эмигранты связывали с ростом ставок обложения крупных хозяйств, с тем, чтобы помешать развитию зажиточных хозяйств. Подходя к проблеме с точки зрения теории налогообложения, они не возражали против того, что сегодня называется прогрессивным налогообложением, однако критиковали постоянный рост ставки, при котором забирался практически весь чистый доход¹²⁰.

¹¹⁶ Двойная игра. // Революционная Россия. 1925. № 47.

¹¹⁷ См. например: Опасная игра // За свободу. 1925. 16 января; Предвесенние тревоги // За свободу. 1925. 20 января; Четвертый союзник // За свободу. 1925. 4 февраля; Куда поворачивать? // За свободу. 1925. 22 февраля.

¹¹⁸ Сталинский Е. Путь НЭПа // Воля России. 1926. № 2. С. 141.

¹¹⁹ Дни. 1925. 24 мая.

¹²⁰ Враги крестьянства. С. 39-42.

Годом окончательного поворота эмиграция считала 1927 г., когда развитие хозяйства на основе «рыночной модели» было скорректировано во время кризиса хлебозаготовок, а затем эта линия была продолжена политикой раскулачивания и коллективизации. С.Н. Прокопович видел всю опасность изменений, считал, что они могут привести к кризису в сельском хозяйстве¹²¹.

Кроме рассмотрения ситуации в сельском хозяйстве в целом, эмигранты уделяли внимание и частным вопросам развития советской деревни: сельскохозяйственной кооперации¹²²; колхозам и совхозам¹²³, внешней торговле хлебом, в частности ее монополии¹²⁴ и другим. Единого мнения по этим проблемам не сложилось.

Оценивая аграрный сектор, русское зарубежье отмечало диспропорции в его развитии, по сравнению с промышленностью. Эмиграция выделяла два пласта проблем: связанные собственно с политикой большевиков и традиционные, являвшиеся наследием прошлого. Среди конкретных причин назывались: предвзятое отношение к крестьянству, боязнь советской власти быстрого развития деревни и ее обогащения; приоритетное развитие промышленности, которую деревня должна была лишь кормить; избыток рабочей силы; необходимость перехода к новым улучшенным формам хозяйства; малоземелье крестьян.

По мнению эмигрантов, в годы НЭПа власть боялась давить на крестьян. С одной стороны, она видела в них главный очаг опасности и напряженности, а с другой – источник пополнения государственной кассы денежными средствами, что приводило к «заколдованному кругу»¹²⁵.

¹²¹ Прокопович С.Н. Кризис // Бюллетень экономического кабинета. 1928. № 56. С. 14.

¹²² См., например: Ленский З. Положение русской кооперации // Современные записки. 1920. Кн. I. С.155-167; Челинцев В.А. Сельскохозяйственная кооперация в России к 1925 году // Крестьянская Россия. Ч. I. С. 215-232; Прокопович С.Н. Сельскохозяйственная кооперация. М., 1922 и др.

¹²³ См., например: Рафальский С. Сельскохозяйственные коллективы советской России // Крестьянская Россия. Ч. II. С. 307-332; Бруцкус Б. О кризисе советского хозяйства // Руль. 1926. 23 февраля; Опять бредут // Дни. 1924. 2 июля и др.

¹²⁴ См., например: Бруцкус Б. Об экспорте хлеба // Руль. 1923. 9 ноября; Верещак С. Учеты, расчеты и вечные просчеты // Революционная Россия. 1926. №49-50; Загорский С.О. Еще об урожае и вывозе хлеба // Последние новости. 1923. 10 августа; Ольденбург С.С. Под знаком дефицита // Русская мысль. 1923. №6-8. С. 367-369; Партийный экспорт // Дни. 1926. 19 января.

¹²⁵ Александров. Диктатор ли Сталин. С. 12.

Подводя итоги развития деревни в первые годы НЭПа, экономист Л.М. Пумпянский отмечал, что «при общем ослаблении крестьянского хозяйства, оно, однако, получило в период НЭПа два положительных стимула: с одной стороны, сильный толчок в сторону своей землеустроительной реорганизации на началах частно-хозяйственной, хуторской и отрубной эмансипации, сделавшейся теперь стихийным устремлением крестьянства, а, с другой стороны, возможность пустить в свободный оборот остающиеся у него после уплаты натурального налога излишки, принять легально участие в народно-хозяйственном обороте»¹²⁶.

Для С.Н. Прокоповича позитивные сдвиги были очевидны. Главный итог НЭПа заключался, по его мнению, в устойчивой тенденции возрождения сельского хозяйства благодаря прекращению гражданской войны в деревне, переходу от продразверстки к налогу, признанию прав собственности крестьян на продукты их труда, восстановление рынка; а главный недостаток – в сохранении национализации земли, хотя рынок и сгладил его. Ученый считал, что в середине 1920-х у сельского хозяйства еще были перспективы развития в русле НЭПа¹²⁷.

Один из вопросов, который волновал русское зарубежье – это реальность декларируемых изменений в сельском хозяйстве. Многие из них считались вполне целесообразными в плане развития деревни и соответствия условиям времени. Но, как правило, эмигранты приходили к выводам о расхождении теории и практики в реализации советского законодательства.

Крестьянство рассматривалось русским зарубежьем как одна из главных составляющих российского общества. Эмиграция внимательно отслеживала изменения, происходившие в его структуре, материальном положении, поведении под влиянием введения НЭПа. Новым формам хозяйствования (колхозы и совхозы) внимания уделялось мало, как искусственно насаждаемым, следовательно, не жизнеспособным.

Эмиграция много писала о диспропорции развития промышленного и аграрного секторов (с приоритетом первого), что, по ее мнению, проявлялось в ценовой («ножницы цен») и налоговой политике. Оценка такой политики русским зарубежьем была

¹²⁶ Пумпянский Л.М. НЭП. С. 67.

¹²⁷ Прокопович С.Н. Что дал России НЭП. С. 61, 64.

двойкой: с одной стороны, ситуация лишала крестьянство стимула к развитию сельского хозяйства, а следовательно, замедляла и развитие экономики в целом; с другой – такая линия помогла большевикам подготовить индустриализацию страны, то есть была важна в перспективном экономическом плане. Кризис сельского хозяйства, по мнению эсеров, являлся основной причиной промышленных и финансовых затруднений в СССР¹²⁸. В.М. Чернов предупреждал, что выкачивание средств из села еще больше усугубит ситуацию в народном хозяйстве¹²⁹.

Отношение к советскому варианту решения земельного вопроса во многом зависело от позиции по аграрной проблеме в целом партии, политической организации, отдельного человека. Правые были уверены, что ситуацию в сельском хозяйстве можно выправить, только восстановив частную собственность на землю, в том числе возвратив ее крупным землепользователям. Левые, напротив, не считали это панацеей, не возражая против государственной собственности на землю, которая, по их мнению, не нарушала интересов крестьянства. Поэтому правые уделяли советским аграрным преобразованиям (как заведомо бесполезным) значительно меньше внимания, нежели левые.

Вопрос о развитии капитализма и частной собственности в советском сельском хозяйстве был дискуссионным для эмиграции. Теоретически эмиграция должна была приветствовать НЭП, однако так не происходило по ряду причин.

Во-первых, претворение реформ означало бы на деле снятие напряженности в крестьянском вопросе в России, а следовательно, провал планов тех эмигрантов, которые делали ставку на крестьянство как на главную антибольшевистскую силу.

Во-вторых, экономисты подчеркивали неравномерность, скачкообразность развития сельского хозяйства, что было связано, по их мнению, не столько со стадийностью его развития вообще, погодными условиями, другими внутренними факторами, сколько с такой проблемой, как непостоянство советской политики в аграрном вопросе. Делался вывод о ее ограниченности, непродуманности, непоследовательности, противоречивости. К то-

¹²⁸ С.В. Деревенские мотивы. // Революционная Россия. 1926. № 51-52. С. 35.

¹²⁹ [Чернов В.М.] Уроки хозяйственных осложнений // Революционная Россия. 1927. №57-58. С. 3-5.

му же, как отмечали эмигранты, крестьянство обнаруживало известное сопротивление модернизации деревни. Реформы не соответствовали их устремлениям, а следовательно, не имели будущего. Противоречивость преобразований заключалась, по мнению эмигрантов, и в том, что, с одной стороны, власть была заинтересована в богатой деревне (для развития промышленности), а с другой стороны, она боялась ее усиления. Непоследовательность и противоречивость реформ приводили экономистов к выводу об отсутствии четкой аграрной программы у большевиков, о непрогнозируемости дальнейшего развития сельского хозяйства.

В-третьих, в рядах левой эмиграции были сторонники советской аграрной политики, которые в целом поддерживали мероприятия большевиков по национализации земли, поэтому считали НЭП в аграрном вопросе отступлением, проигрышем большевиков.

1.3. Отношение к советской промышленности

Промышленность, жизнь города, положение городского населения, а особенно перемены, принесенные НЭПом в их развитие, интересовали эмигрантов.

Экономический кабинет С.Н. Прокоповича уделял большое внимание развитию города и городской жизни, социально-демографической ситуации, влиянию НЭПа на численность, состав и динамику городского населения. Отмечалось изменение социальной структуры общества: появление новой буржуазии, новой интеллигенции, деклассирование пролетариата. Основным источником была перепись 1926 г. и другие советские документы (законодательные и статистические). Были выявлены черты, не свойственные дореволюционному городу: численное преобладание женщин над мужчинами; крайняя жилищная нужда, особенно в столицах и крупных городах; и как следствие – распад семьи, появление многодетных матерей-одиночек¹³⁰.

По-разному воспринимала эмиграция изменение социальной структуры города. В отношении к буржуазии проявлялась, с одной стороны, радость за ее возрождение с идеализацией этого

¹³⁰ Всесоюзная перепись населения. 17 декабря 1926 г. // Русский экономический сборник. 1928. № 12.; Перепись (Условия производства. Некоторые черты быта. Первые итоги) // Русский экономический сборник. 1927. № 9.

процесса, с другой – разочарование, поскольку буржуазия была уже не та, что до революции. Эмигранты считали, что она состояла главным образом из «коммунистов и их клиентов» и была «зоологическая, спекулятивная, шакалиная, непроизводительная»¹³¹, нэпмана зачастую считали авантюристом. Указывалось, что по уровню жизни данная группа находилась на втором месте после коммунистической верхушки. Экономист С.О. Загорский считал, что основой новой буржуазии является крестьянство, советская интеллигенция и часть хозяйственников, отмечал возникновение средних классов, «отсутствие которых составляло ранее слабость общественного экономического и политического уклада России»¹³². Эсер Е.А. Сталинский высказывал опасения, что новая буржуазия может, воздействовав на власть экономически, стать господствующим классом или, по меньшей мере, заставить ее служить своим целям¹³³. Это было созвучно и мыслям В.М. Чернова, который отмечал энергичность, предприимчивость, дерзость и приспособляемость новой буржуазии, ее низкий культурный уровень. Ее рождение он связывал с подпольным капитализмом.

Особое внимание уделялось исчезновению старой интеллигенции: часть ее эмигрировала, часть затравлена, часть вошла в состав нового чиновничества и бюрократии, которые быстро увеличивали свою численность, все больше дистанцируясь от народа, приобретая черты старой бюрократии. Новая интеллигенция, по мнению русского зарубежья, была уже совершенно иной в силу жизненных условий, требований, предъявляемых к ней, изменившихся в этой связи воспитательных и образовательных стандартов.

Социолог П. Сорокин писал, что в городе, как и в деревне, «уравнительная работа» революции оказалась бесплодной: вновь произошла имущественная дифференциация, обеднение одних и относительное обогащение других, при общей бедности в целом. Он отмечал, что верхи все больше пополняются выходцами из бывших низов, этнически не русскими элементами (в частности

¹³¹ Сорокин П. Россия после нэпа. С. 146.

¹³² Загорский С.О. К социализму или капитализму. Б.м., 1927. С.304.

¹³³ Сталинский Е. Пути революции // Воля России. 1922. № 15 (15 апреля). С. 7, 10.

евреями)¹³⁴. Социолог и правовед Н.С. Тимашев считал, что категория руководителей выделилась не сразу, сначала была коллегиальность, происходило разделение власти. Вслед за советской традицией эмиграция стала применять термин «служащие» или «спецы», наименование «советская интеллигенция» практически не использовалось. Н.С. Тимашев отмечал следующую интересную с его точки зрения особенность: спецов всегда необоснованно обвиняли в сознательном «саботаже», которым часто объясняли экономические неудачи¹³⁵. Эмиграция писала о разрастании категории служащих, росте бюрократизма и бюрократического произвола, коррупции, взяточничестве, растратах.

Особое внимание привлекал пролетариат, поскольку именно диктатура пролетариата декларировалась Советской властью. Следовательно, если его жизнь ухудшится и он отвернется от коммунистов, у них не будет базы и социальной опоры, поэтому их можно будет свергнуть, в том числе и с помощью недовольства рабочих. Члены экономического кабинета Прокоповича вслед за советскими властями отводили рабочему классу исключительное положение. Проявлением этого в годы военного коммунизма являлось их привлечение к управлению хозяйством, в том числе через экспроприацию у крестьян и «рабочий контроль», а в период новой экономической политики – через рост заработной платы рабочих, замену уравнительного пайка дифференцированной зарплатой при сохранении ее низкого уровня¹³⁶.

Важным для пролетариата эмиграция считала установление 8-часового рабочего дня¹³⁷. Как значительный шаг в направлении раскрепощения труда оценивали новое трудовое право (без учета его практической реализации) юристы-эмигранты¹³⁸. Признаком привилегированного положения рабочих, по мнению

¹³⁴ Сорокин П. Россия после нэпа. С. 146-147.

¹³⁵ Тимашев Н.С. Большевики у власти // Руль. 1922. 17 марта.

¹³⁶ См.: Прокопович С.Н. Бюджет рабочих и крестьян // Экономический вестник (т. 6?). С. 169; Он же. Что дал России нэп. С. 73; Экономист. Чем они живут? // Возрождение. 1925. 10 июня.

¹³⁷ См.: Пестержецкий Д. Рабочий вопрос в Советской России. Берлин: Русское универсальное издательство, 1922. 62 с.; Загорский С. Рабочий вопрос в Советской России. Прага: Библиотека издательства «Свободная Россия», 1925. 116 с.

¹³⁸ Зайцев К.И., Тимашев Н.С., Боголепов А.А., Пиленко А.А. Марков А.П. Публично-хозяйственное право // Право Советской России: Сб.ст. Прага: Пламя, 1925. Кн. 1. С. 271.

С.Н. Прокоповича, явилось улучшение жилищных условий. Вместе с тем он прогнозировал скорое ухудшение квартирного вопроса, объясняя его отсутствием строительства и ремонта домов¹³⁹. Более подробно эта проблема разбиралась в статье Т. Байчурова¹⁴⁰. Еще одним свидетельством привилегированного положения рабочих считалось улучшенное питание, по сравнению с другими группами населения. Во время голода 1921–1922 гг. эмигранты неоднократно подчеркивали, что дабы избежать волнения в городе, особенно в столицах и промышленных центрах, правительство предпринимало специальные меры для снабжения их продовольствием. В лучшей ситуации находились рабочие и в отношении потребления непродовольственных товаров. Темпы роста их потребления были значительно выше в сравнении с другими социальными группами и не соответствовали ни производительности труда рабочего, ни общему национальному доходу. Такая ситуация оценивалась русским зарубежьем крайне негативно, как следствие искусственного политического перераспределения национального дохода, что создавало экономическое напряжение и грозило социальными и политическими осложнениями¹⁴¹.

Из других негативных явлений отмечались: искусственное повышение требований, падение трудовой дисциплины, конфликт рабочих и заводской администрации. Главной проблемой экономисты-эмигранты считали безработицу, которая постоянно росла. Причем, по их мнению, характер ее, по сравнению с довоенным, изменился. Она не являлась исключительно наследием аграрного перенаселения страны, как ее объясняли советские экономисты, хотя и выделялось сохранение характерного для до-революционного периода явления – прихода населения из деревни в город на заработки¹⁴². Изучение структуры безработных помогло эмигрантам прийти к выводу, что большая часть их является квалифицированными рабочими, то есть причины ее лежат, в том числе, в несоответствии «профессионально-квалификационного состава спроса и предложения труда, застойность без-

¹³⁹ Прокопович С.Н. Бюджеты рабочих и крестьян. С. 174.

¹⁴⁰ Байчуров Т. Жилищная политика // Революционная Россия. 1922. №16-18. С. 15-21.

¹⁴¹ См. подробнее: Ручкин А.Б. Указ. соч. С. 151.

¹⁴² Москва и Петроград // Бюллетень экономического кабинета С.Н. Прокоповича. 1930. №70. С. 21-22.

работицы в одних группах труда при дефиците рабочей силы по другим группам»¹⁴³. Из отрицательных сторон жизни советского рабочего констатировались задержки выплат заработной платы, задолженности, формальность и необязательность социального страхования.

Максимальный уровень жизни трудящихся С.Н. Прокопович датирует 1926–1927 гг. Эмигранты подчеркивали, что власти улучшали положение рабочих, принося в жертву интересы всех остальных классов¹⁴⁴. Отмечалось две противоположные тенденции: с одной стороны, утрата пролетариатом классовых признаков и его постепенное исчезновение, с другой – пролетаризация интеллигенции¹⁴⁵, а позже и крестьянства.

Русское зарубежье выделяло несколько проблем развития самой промышленности, которые были тесно взаимосвязаны друг с другом. Одна из них – проблема капиталовложений. Эмигранты писали, что промышленность жила за счет старых запасов¹⁴⁶, которые позволили работать на старом оборудовании без особых денежных вливаний. Однако оно устаревало, изнашивалось, что влекло к росту себестоимости, невыполнению плана. По мере устаревания оборудования и истощения запасов, Советская власть, по мнению русского зарубежья, встала на путь «эволюции» промышленности, заимствовав его от дореволюционного режима¹⁴⁷.

Кроме того, со второй половины 1920-х эмигранты отмечали полную нагрузку промышленности, что делало еще более актуальной задачу обновления оборудования, увеличения производительности труда, а следовательно, вложения капиталов¹⁴⁸. Русское зарубежье видело несколько путей увеличения капиталовложений в промышленность: за счет иностранных инвестиций и за счет внутренних ресурсов (крестьянство, налоги, государственные субсидии, денационализация), к чему и прибегло советское правительство.

¹⁴³ Безработица в СССР // Там же. № 78. С. 23.

¹⁴⁴ Авич. Рабочий вопрос в Совдепии // Руль. 1921. 5 февраля.

¹⁴⁵ Загорский С. Рабочий вопрос в Советской России.

¹⁴⁶ Шерман С. Тяжкими путями // Руль. 1926. 12 февраля; Каминка А.И. Фразеология и действительность // Руль. 1925. 18 ноября.

¹⁴⁷ Промышленник Л. Советские тресты // Руль. 1925. 8 сентября

¹⁴⁸ Враги крестьянства. С. 35-36.

Реакция эмиграции на выкачивание денег из деревни и увеличение налогообложения была резко отрицательной. Аграрный кризис приводил к падению спроса на промышленную продукцию и соответствующему ухудшению экономического положения и в этом секторе народного хозяйства. П.Н. Милюков писал: «Смыслом НЭПа являлось создание диктатуры города над деревней, искусственного подчинения крестьянского хозяйства интересам государственного хозяйства и советской буржуазии с участием связанного с государственно-буржуазным хозяйством пролетариата ... В результате крупная промышленность и транспорт, находясь на иждивении казны, нарушают своими убытками всякие надежды на установление бюджетного равновесия»¹⁴⁹. В такой ситуации он видел угрозу повторяющихся кризисов.

Улучшение ситуации могло дать государственное субсидирование. Но, во-первых, средства на него черпались за счет налогов, а, во-вторых, его применение означало бы провал советской экономической политики, так как переводило бы содержание промышленности, рабочего класса на иждивение. Из этого делался вывод о том, что НЭП, в том виде как он представлялся эмиграции, то есть в виде государственного капитализма, вскрывает полное бессилие восстановить и укрепить хозяйственный организм страны¹⁵⁰.

Количественный рост предприятий крупной промышленности, по мнению Б.Д. Бруцкуса, не сопровождался улучшением производства, качества и снижением цены. Наблюдались противоположные тенденции¹⁵¹. Особое внимание в связи с общей направленностью НЭПа эмиграция уделяла денационализации промышленности. По ее мнению, огосударствлённые предприятия и государственный капитализм в целом были тормозом в экономическом развитии. Национализированную промышленность эмигранты считали последним оплотом коммунистической экономики, которая была вынуждена держаться даже ценой тяжелых жертв национальной экономики.

¹⁴⁹ Милюков П.Н. Новости литературы: Рецензия на «Экономический вестник» под ред. С.Н. Прокоповича. // Последние Новости. Париж, 1923. 8 ноября.

¹⁵⁰ Металлист. Промышленность России в условиях нэпа // Анархический вестник. 1923. №1. С. 44-46.

¹⁵¹ Бруцкус Б. О кризисе советского хозяйства // Руль. 1926.23 февраля.

Сменовеховцы одобряли частичную денационализацию промышленности¹⁵² и примирение «между самостоятельно хозяйствующей личностью и государственным коллективом»¹⁵³. По мнению авторов «Революционной России», она была противоречива, поскольку за государством сохранялось «верховное право суверена»¹⁵⁴.

Большинство эмигрантов считали, что для вывода промышленности из кризиса необходим ее перевод на частнокапиталистическую основу, отказ от национализации, в противном случае она будет находиться на иждивении государства, так как убыточна, является источником дефицита госбюджета¹⁵⁵. Поэтому для развития промышленности, по мнению русского зарубежья, главным был поиск капиталов, в том числе и за счет самой промышленности (удешевление промышленных товаров, развитие частного сектора)¹⁵⁶. Некоторые либералы, постепенно переходившие на консервативные позиции, например представители таких периодических изданий, как «Русская мысль» и «Возрождение», считали, что в данной политике необходимо исходить из принципа невмешательства государства в экономику, продолжать дальнейшее развитие капиталистических отношений и полностью отказаться от государственного хозяйства. В противном случае, предупреждали они, оставаясь на иждивении государства, промышленность будет существовать за счет деревни и порождать кризисы¹⁵⁷. Меншевик Д.Ю. Далин (Левин) и вовсе считал рас-

¹⁵² Смена вех. 1921. № 3. С. 5

¹⁵³ Смена вех. 1921. № 2. С. 9.

¹⁵⁴ Революционная Россия. 1923. № 33-34. С. 3-4.

¹⁵⁵ См.: Брейтвейт В.Ф. Советская власть против рабочих // Заря. 1923. №5. С. 146-149; Пешехонов А. Очерки русской сельскохозяйственной действительности // Последние новости. 1923. 31 октября; Загорский С.О. Обнищание России // Последние новости. 1923. 26 июня.

¹⁵⁶ См.: Загорский С.О. Без выхода // Последние новости. 1926. 16 января; Несоветский экономист. Успехи НЭПа и его банкротство // Заря. 1923. № 3. С. 67-73; Югов А. Основные проблемы Советского народного хозяйства // Социалистический вестник. 1927. № 24. С. 7-10; Прокопович С.Н. Что дал России НЭП... С. 82.

¹⁵⁷ Веретенникова Е.В. Новая экономическая политика в социалистической и либеральной периодике Русского Зарубежья двадцатых годов XX века: Дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2005. С. 89.

ширение «сферы частного капитализма за счет государственного» неизбежным¹⁵⁸.

Еще одной причиной убыточности промышленности называлось неумелое управление ею большевиками¹⁵⁹. Под этим подразумевался целый комплекс проблем: во-первых, бюрократизация, а вернее многоступенчатость бюрократического аппарата¹⁶⁰; во-вторых, нарушение старых хозяйственных связей, финансовой системы, рыночных отношений, которые, по мнению эмиграции, так и не были восстановлены (или восстановлены в урезанном виде) в годы НЭПа¹⁶¹; в-третьих, скачкообразность политики в целом, непродуманность решений, работа согласно теоретическим планам без учета реалий или вообще отсутствие долгосрочного планирования¹⁶²; и, в-четвертых, отсутствие опыта, организаторских навыков у нового управленческого аппарата¹⁶³.

Иногда причины тяжелого положения советской промышленности эмиграция (в основном, левая) усматривала в дореволюционном наследии, войнах, революциях и политике военного коммунизма.

Русское зарубежье видело необходимость в выравнивании покупательной способности города и деревни, спроса и предложения, хотя и понимало, что отказ от «товарной интервенции» может окончательно разрушить советскую промышленность¹⁶⁴.

Выделяя проблемы в развитии советской промышленности, большинство эмигрантов писали о необходимости не отдельных мероприятий и реформ, а о коренной перестройке всей системы народного хозяйства и промышленности в частности.

Русское зарубежье отмечало не только недостатки, но и определенные успехи. Особое внимание уделялось введению хоз-

¹⁵⁸ Далин Д. Экономическая платформа РСДРП // Социалистический вестник. 1924. №14. С. 3.

¹⁵⁹ На крестьянской шее // Последние новости. 1923. 29 ноября.

¹⁶⁰ См., например: Несоветский экономист. Итоги и перспективы советского хозяйства // Заря. 1923. №10.

¹⁶¹ См., например: Югов А. Кризис НЭПа // Социалистический вестник. 1923. №21-22. С. 4-8; Воля России. 1924. №8-9. С. 191-192.

¹⁶² См., например: Югов А. Основные проблемы советского народного хозяйства // Социалистический вестник. 1927. №20. С. 5-10; №21/22. С. 3-7; №23. С. 6-9; №24. С. 7-10; Законы советской экономики // Последние новости. 1924. 8 октября; Ольденбург С.С. Политический обзор // Русская мысль. 1923-1924. № 9-12. С. 474-513.

¹⁶³ См. например: На крестьянской шее // Последние новости. 1923. 29 ноября.

¹⁶⁴ Последние новости. 1921. 19 января.

расчета и сдельной оплаты труда, которые существенно «подстегнули» работу промышленности, обозначив, однако, резкую асимметрию между количественными и качественными результатами труда¹⁶⁵. К тому же, по мнению одного из авторов газеты «Руль», переход на хозрасчет и самоокупаемость приводили к перманентному экономическому кризису: они вызвали подорожание продукции, вследствие которого изделия не находили сбыта, «понижение цен вызвало необходимость усиления налогового пресса и эмиссии», что вновь привело к подрыву промышленности и народного хозяйства¹⁶⁶. Увеличение выпуска продукции увеличивало расходы на промышленность, субсидии на нее, задолженность перед рабочими и государственным банком. При этом дефицит промышленной продукции все равно сохранялся, как и ее плохое качество.

Эмиграция констатировала и общий кризис национальной промышленности, ее отрыв от крестьянского рынка¹⁶⁷. Оживление промышленности, о котором говорили советские экономисты, русские зарубежники считали временным и иллюзорным. Свидетельством чему, по их мнению, был кризис конца 1922 г., выразившийся в перепроизводстве товаров, растрате основного и оборотного капитала, убыточности промышленности, и как следствие – финансовой катастрофе, сырьевом и топливном кризисе, кризисе сбыта, анархии в управлении промышленностью и межведомственной¹⁶⁸.

Эмигранты отмечали попытки советского правительства не только безболезненно выйти из кризиса, но и улучшить положение в промышленности. Скептики обращали внимание главным образом на такую меру, как снижение цен на промышленные товары для увеличения его сбыта на первом этапе кризиса. А. Югов считал, что отдельными административными уступками, снижением цен ситуацию в промышленности исправить нельзя, необходимы коренные изменения всей системы, в противном случае

¹⁶⁵ См. подробнее: Дмитриев А.Л., Корицкий Э.Б., Сергей Николаевич Прокопович. // Экономисты русской эмиграции: Учебное пособие. СПб., 2000. (URL: <http://fescoopa.narod.ru/prokopovich.html>)

¹⁶⁶ Constants. Знахарство//Руль. 1924. 12 марта.

¹⁶⁷ La situation économique et juridique de la Russie Soviétique. P. 8-9.

¹⁶⁸ Ростовский Ю. Указ. соч. С. 63.

произойдет только ухудшение экономической ситуации¹⁶⁹. По мнению эмиграции, такие административные реформы были палкой о двух концах, так как приводили к дальнейшим убыткам¹⁷⁰, порождая цикличность кризиса.

Из антикризисных мероприятий отмечались также сокращение государственной промышленности, ее денационализация, введение хозрасчета и самоокупаемости, раскрепощение труда и изменение форм его оплаты. Эмигранты с удовлетворением следили за развитием кустарного, кооперативного и мелкого частного-собственнического производства¹⁷¹.

Делался вывод о преобразовании промышленности на основах государственного капитализма к 1923 г. Именно этот год эмигранты выделяли как начало «неонэпа» в промышленности, или более позднего (по сравнению с сельским хозяйством) введения НЭПа, отмечая его задержку на два года по сравнению с развитием сельского хозяйства, торговли и рынка¹⁷². В целом подчеркивалась важность и полезность преобразований 1923 г. для промышленности. По мнению С.Н. Прокоповича, благодаря им к 1925 г. ситуация в промышленности стабилизировалась, но ждать от нее большего (при сохранении прежней экономической политики) не стоило¹⁷³. Большевики не пошли по пути дальнейшей капитализации и развития новой экономической политики, а приняли административные меры для выхода из кризиса, что, с точки зрения эмиграции, и положило начало свертыванию НЭПа, а затем – переходу к плановому хозяйству.

Подводя итоги изучения эмиграцией развития промышленности в годы НЭПа, укажем еще раз основные черты, выделяемые ею в качестве характерных: изменение социально-классовой структуры города, несоответствие традиционной дореволюционной классификации ее современной наполненности, эволюция представлений о традиционных классах и слоях; «паразитиче-

¹⁶⁹ Югов А. Кризис НЭПа // Социалистический вестник. 1923. № 21-22. С. 4-8.

¹⁷⁰ О понижении цен // Руль. 1923. 3 ноября; Снижение цен // Руль. 1923. 24 ноября.

¹⁷¹ La situation économique et juridique de la Russie Soviétique. P. 7 ; Тотомиац В. Кооперация в России. Прага: Наша речь, 1922. 174 с.

¹⁷² Несоветский экономист. Экономическая проблема Советской России // Заря. 1924. №5-6. С. 157-160; Несоветский экономист. Успехи НЭПа и его банкротство // Заря. 1923. № 3. С. 67-73.

¹⁷³ Прокопович С.Н. Что дал России НЭП. С. 82.

ский», дотационный, иждивенческий характер промышленности, существовавшей в основном за счет крестьянства; наличие перманентных кризисов в промышленности; проблемный характер ее развития (отсутствие капитала, свободного рынка, износ оборудования, упадок финансовой и рыночной систем, плохое управление, засилие государственного сектора в промышленности и др.); диспропорция в развитии промышленности и сельского хозяйства, как доставшаяся в наследство от предыдущего времени, так и прогрессирующая благодаря хозяйственным мероприятиям НЭПа; важная роль монополии внешней торговли в структуре советского народного хозяйства; значение крестьянства, роль иностранных субсидий для развития промышленности и, как следствие этого, необходимость изменения политики по отношению к крестьянам и правовых гарантий по отношению к иностранцам; сочетание положительных изменений в жизни городского населения, состоянии промышленности (особенно мелкой, частной), частной торговли с серьезными кризисными явлениями, характеризующими промышленность в целом (особенно тяжелую); необходимость модернизации промышленности с предложением различных путей. Советское руководство также осознало необходимость модернизации, свидетельством чему явилась индустриализация.

Учитывая вышесказанное, недейственность советских реформ при решении хозяйственных проблем страны, эмиграция делала выводы о необходимости не только экономических, но и политических реформ, эволюции всего строя, правопорядка и строения власти¹⁷⁴.

1.4. Анализ русским зарубежьем советской финансовой системы, внутренней и внешней торговли

Пристальное внимание уделялось эмигрантами развитию и деятельности частного капитала, особенно торговли (розничной и мелкооптовой). Для Советской России это было новым явлением, которое к тому же противоречило коммунистической доктрине.

¹⁷⁴ См., например: Последние новости. 1923. 30 сентября; Прокопович С.Н. Очерки хозяйства Советской России. Берлин: Обелиск, 1923. С. 125; Югов А. Индустриализация и червонец // Социалистический вестник. 1926. № 10. С. 4-6; Сталинский Е. Путь НЭПа // Воля России. 1926. № 2. С. 141.

По мнению русского зарубежья, развитие частной собственности было допущено по ряду причин. Во-первых, потому, что новая буржуазия была немногочисленным, распыленным классом, индивидуалистическим по своей сути, то есть не опасным для большевиков. Во-вторых, условия, в которых развивалось частное предпринимательство, не позволяли ему ни при каких обстоятельствах конкурировать с государством. В-третьих, советские власти практиковали политику протекционизма, допуская частный капитал лишь в те отрасли, где имелись сложности. В-четвертых, собственно экономическая польза. О частной собственности в годы НЭПа писали публицисты, экономисты, юристы: Б. Ельяшевич, С. Кон, Л. Пумпянский, Н.С. Тимашев, С.Н. Прокопович. Последний, например, указывал на эволюцию отношения к ней большевиков от терпимого в начале периода до запретительного к концу¹⁷⁵.

Общие характеристики, даваемые эмиграцией таким сферам, как финансы и торговля: инфляция, расстройство финансовой системы, внутренней и внешней торговли¹⁷⁶. Характерной чертой внутреннего рынка назывался товарный голод, порождавший спекуляцию.

Несмотря на зависимость частного сектора от государства, свободу торговли русское зарубежье считало наиболее радикальной реформой НЭПа, наибольшим шагом в сторону капитализма¹⁷⁷. Изучая законодательную регламентацию торговли, русские юристы отмечали, что перевод ее на частнособственнические рельсы коснулся не всех объектов, к тому же частная торговля притесняется, обставляется рядом ограничений¹⁷⁸.

Пик оборотов частного торгового капитала датируется 1923 г., после него вновь идет падение¹⁷⁹, которое экономисты-эмигранты объясняли изменениями советской политики в этой области (в том числе и в налогообложении) и трудной адаптацией

¹⁷⁵ Прокопович С.Н. Что дал России НЭП. С. 339-340.

¹⁷⁶ ДРЗ. Ф. 7, оп. 1, ед. хр. 3, л. 70 об.

¹⁷⁷ Ростовский Ю. Кризис НЭПа и современное положение в России. С. 142.

¹⁷⁸ Зайцев К.И., Тимашев Н.С., Боголепов А.А., Пиленко А.А., Марков А.П. Указ. соч. С. 293-394.

¹⁷⁹ См. подробнее: Ручкин А.Б. Указ. соч. С. 156-164.

к ним новой буржуазии¹⁸⁰. Однако, как считали представители торгово-промышленных кругов, борьба против частной торговли в деревне, где она серьезно укоренилась, в отличие от города успеха не имела¹⁸¹.

Давая «зеленый свет» развитию частной торговли, советское государство, по мнению эмиграции, рассчитывало не только на стабилизацию торговли в целом, но и на получение прибыли для последующего финансирования промышленности. Что, с ее точки зрения, было нереально ввиду отсутствия достаточных средств у новой буржуазии¹⁸². Русский Национальный Комитет (РНК) и вообще считал, что «всякое помещение капиталов в предприятия при сохранении советского режима невольно свяжет владельцев этих капиталов с интересами советской власти. Последняя же не преминет использовать это ... для предъявления новых требований, с угрозой потери вложенных капиталов»¹⁸³.

Важным начинанием периода НЭПа экономист А.В. Пешехонов считал составление проектов бюджета, препятствием к которому, по его мнению, была «быстро падавшая ценность бумажных денег», которая затрудняла и оценку уже выполненных бюджетов¹⁸⁴. С ним соглашался и С.Н. Прокопович¹⁸⁵. Отмечалась инфляция рубля в связи с развитием свободного рынка. Обсуждая ее, участники конференции финансово-промышленных кругов высказали мнение, что советская финансовая система, выпуская денежные средства, не учитывает ни возможности расходов населения, ни их соответствие бюджету¹⁸⁶. Поэтому русское зарубежье уделило особое внимание бюджету 1922 г., который впервые составлялся в золотых довоенных рублях¹⁸⁷. С одной стороны, это позволяло сделать его адекватный

¹⁸⁰ Вопросы производства и накопления капиталов // Русский экономический сборник. 1926. №5. С. 169.

¹⁸¹ La situation économique et juridique de la Russie Soviétique. P. 8

¹⁸² См., например: Вопросы производства и накопления капиталов // Русский экономический сборник. 1926. № 5. С. 181; Прокопович С.Н. Что дал России НЭП. С. 78

¹⁸³ ГАРФ. Ф. Р-5680, оп. 1, д. 23, л. 49.

¹⁸⁴ Пешехонов А.В. Современная Россия в цифрах. // Записки института изучения России. 1925. Т. 1. С. 172, 173, 175.

¹⁸⁵ См. подробнее: Бачурина О.Н. Проблемы советской России в работе С.Н. Прокоповича «Народное хозяйство» // Наука, культура и политика русской эмиграции. СПб., 2004. С. 167.

¹⁸⁶ La situation économique et juridique de la Russie Soviétique. P. 13-20.

¹⁸⁷ См., например: Внутренний вопрос // Революционная Россия. 1922. №16-18. С. 14-15

сравнительный анализ с бюджетом предыдущих лет, с другой – являлось для эмигрантов свидетельством обесценивания советских бумажных денег.

Главным недостатком финансовой системы С.Н. Прокопович считал отсутствие у правительства целостной программы по вопросам денежного обращения. Но в целом денежные реформы 1920-х гг. получили в его трудах положительную оценку.

Интерес эмиграции вызывало восстановление банковской системы (разрушенной в годы военного коммунизма) в виде государственных и акционерных банков.

Основой финансовой системы страны эмигранты считали налогообложение и другие выплаты. Финансисты отмечали, что советские финансы нельзя проанализировать с точки зрения, принятой на западе: успех советской финансовой системы – это лишь успех ее фискального аппарата, что означает не рост национальной прибыли, а наоборот, растущее обнищание страны. Они были уверены, что вскоре советское правительство не сможет больше повышать налоги и единственным выходом станет поиск ресурсов за границей¹⁸⁸ (торговля, концессии, займы). Сравнивая налоговую систему периода военного коммунизма и НЭПа, русские юристы приходили к следующим выводам: первая отражает разгром старого экономического порядка, говорит о борьбе с пережитками капиталистического строя, вторая свидетельствует о восстановлении прежних экономических отношений с сохранением следов разгрома предыдущего периода¹⁸⁹.

Внеэкономическая деятельность Советской России вызывала особый интерес эмиграции. Так, эсер В.В. Сухомлин считал, что только она может решить проблему капиталовложений в промышленность, в противном случае произойдет разрушение всего народного хозяйства¹⁹⁰.

В 1921 г. на страницах газеты «Руль» писалось о легкомысленном оптимизме, которым проникнуты проекты восстановления в России хозяйственной жизни путем привлечения на широких основаниях иностранного капитала¹⁹¹. Видный обществен-

¹⁸⁸ La situation économique et juridique de la Russie Soviétique. P. 13-20.

¹⁸⁹ Зайцев К.И., Тимашев Н.С., Боголепов А.А., Пиленко А.А., Марков А.П. Указ. соч. С. 334.

¹⁹⁰ Воля России. 1924. №8-9. С. 187.

¹⁹¹ Советская власть и законность // Руль. 1921. 25 декабря.

ный деятель П.Б. Струве считал надежды на зарубежную помощь показателем слабости власти¹⁹².

Можно выделить три основных сюжета внешнеэкономической политики РСФСР, которые больше всего интересовали эмиграцию: собственно международная торговля, вопрос о долгах, смыкавшийся с вопросом о кредитах и иностранных концессиях в РСФСР¹⁹³.

В первые годы советской власти именно долговое бремя дореволюционного периода было основным препятствием на пути подписания международных соглашений, поскольку большевики отказывались его признавать. Однако в 1921 г. направление советской внешней политики изменилось. С учетом неурожая и голода, вопрос прежних долгов переходил из области теоретической в область практическую – необходимы были новые кредиты.

Бывший депутат государственной думы Н.В. Савич в своем дневнике в июле 1921 г. писал: «Конечно, кредиторы с радостью примут предложение о признании старых долгов России, но никто новых займов большевикам не даст. Ведь дело не в одном признании с их стороны, а еще в доверии к прочности власти и ее платежеспособности»¹⁹⁴. Он указывал на развал и некредитоспособность экономики РСФСР.

В газете «Дни» писалось об исключительной роли, которую уделяла советская власть внешнеэкономическому вопросу¹⁹⁵. Так, один из ее авторов Р. Стерн отмечал, что советское правительство ведет активную внешнеэкономическую политику не столько в целях собственно оздоровления народного хозяйства страны, сколько в политических и пропагандистских¹⁹⁶. «Дни» понимали, что привлечение иностранного капитала, с одной стороны, укрепит большевистский режим, с другой – пойдет на пользу российской экономике.

¹⁹² Веретенникова Е.В. Указ. соч. С. 89.

¹⁹³ См. подробнее: Урядова А.В. Апперцепция эмиграцией советской внешнеэкономической политики первой половины 1920-х гг. // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2010. № 4 (14). С. 17-23.

¹⁹⁴ ДРЗ. Ф. 7, оп. 1, ед. хр. 2, л. 12.

¹⁹⁵ Стерн Р. О русском займе // Дни. 1924. 3 июля.

¹⁹⁶ Германская торговля и Россия // Дни. 1922. 7 ноября.

Аналогичную позицию занимала и редакция газеты «Руль». Ее корреспонденты указывали на отсутствие гарантий возвращения капитала, что давало им уверенность в нереальности получения кредитов¹⁹⁷. Один из них, Е. Шварц, выделял несколько этапов: 1) рубеж 1918 – 1919 гг.: советское правительство в неоднократных обращениях к Антанте высказывает намерение уплатить долги России, чтобы «бросить кость собакам империализма» и получить вторую (после Бреста) передышку; 2) конец 1919 – 1920 г.: укрепившись и освободившись от А.В. Колчака и А.И. Деникина, советское правительство отказывается от уплаты долгов и при этом с напускной ненавистью не подает и виду, что когда-то изъявляло готовность заплатить; 3) советское правительство, устами Л.Б. Красина, изъявляет намерение урегулировать обязательства России в мирном договоре¹⁹⁸. Отмечая изменчивость советской точки зрения, автор подчеркивал важность влияния новой фазы на общественное мнение Запада, прежде всего Англии и Франции. Однако Е. Шварц был настроен весьма пессимистично. По его мнению, заключение договора не являлось гарантией уплаты долгов со стороны РСФСР¹⁹⁹.

В январе 1922 г. Совет Торгово-промышленного Союза на своем совещании также обсудил вопрос о долгах. Его члены понимали, что советская власть обязалась признать довоенные русские долги в обмен на признание себя законным правительством России, что, было нежелательно для эмиграции. В результате была составлена рекомендательная записка западным правительствам, в которой условием предоставления кредита называлась смена власти²⁰⁰.

П.Н. Милюков отмечал готовность РСФСР с целью признания идти на уступки, в том числе и в вопросе о выплате долгов. По его мнению, с одной стороны, такая политика не всегда соответствовала интересам России, с другой – благодаря развитию советской внешнеэкономической активности, она переставала существовать в отрыве от Европы²⁰¹. Кроме того, исходя из инте-

¹⁹⁷ Руль. 1923. 31 октября.

¹⁹⁸ Шварц Е. Долги российского правительства // Руль. 1921. 26 января.

¹⁹⁹ Там же.

²⁰⁰ Горбунов М. Торгово-промышленная эмиграция и ее идеология // На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией. С. 129.

²⁰¹ Два пути и два года // Последние новости. 1923. 22 июля.

ресов российской (в широком смысле слова) экономики, для дальнейшего эффективного развития народного хозяйства он считал необходимым привлечение иностранного капитала, хотя не питал иллюзий по поводу его получения, учитывая инвестиционные риски и отсутствие правовых гарантий²⁰². Эту точку зрения поддерживал и другой аналитик «Последних новостей» — А. Кулишер, акцентировавший внимание на необходимости изменения советского законодательства для получения результата в деле привлечения иностранного капитала²⁰³.

Понимая важность привлечения иностранного капитала, особенно для развития промышленности, профессор и публицист С. Ольденбург, как и большинство эмигрантов, указывал на отсутствие правовых гарантий. Среди мер, призванных к привлечению инвестиций, он называл вывоз из России хлеба за границу²⁰⁴. Автор высказывал опасения, что введением НЭПа большевики создадут в глазах Запада видимость эволюции режима и смогут получить кредит²⁰⁵. Соглашался с этим и один из авторов газеты «Последние новости» Е. Владимиров, который писал, что советская власть лишь создавала иллюзию экономической привлекательности вложения средств в советскую экономику²⁰⁶.

С.Н. Прокопович отмечал нереальность получения кредита в силу несовершенства советского законодательства и отсутствия политических реформ. Более того, он считал, что не только большевики, но и любое другое правительство не в состоянии было бы выполнить такое условие предоставления кредита, как погашение прежних царских долгов. Другие условия, которые могли бы привести к закабалению страны, были, по его мнению, также неприемлемы²⁰⁷. О безнадежности усилий по привлечению иностранных кредитов писалось в 1925 г. и на страницах газеты «Возрождение»: «Смелая мечта о финансировании коммунизма

²⁰² Кому тяжело // Последние Новости. Париж, 1926. 29 января.

²⁰³ Кулишер А. Новое положение и старый враг // Последние новости. 1923. 5 апреля.

²⁰⁴ Ольденбург С.С. Под знаком дефицита // Русская мысль. 1923. № 6-8.

²⁰⁵ Ольденбург С.С. Судьба нового курса // Русская мысль. 1921. № 8-9.

²⁰⁶ Владимиров Е. Кому возвращаться? // Последние новости. 1923. 30 сентября.

²⁰⁷ Прокопович С.Н. Русская проблема после Генуи и Гааги // Последние Новости. 1922. 29 сентября.

буржуазными правительствами остается далекой мечтой. Для Советской власти наступают трудные дни»²⁰⁸.

В качестве условий получения кредитов лидер эсеров В.М. Чернов называл признание большевиками долгов прежних правительств и «права на вознаграждение экспроприированных иностранных подданных»²⁰⁹. При этом он был уверен, что никакие выступления Н.Д. Авксентьева и П.Н. Милюкова против этого роли не сыграют. Причинами отсутствия стремления иностранного капитала в советскую экономику он называл дефицит свободных капиталов на Западе; политический курс большевиков на мировую революцию; отсутствие реальных гарантий возврата кредитов²¹⁰.

Левоориентированный эсер Е. Сталинский полагал, что пока в России правят большевики, ее возвращение в европейскую экономику и политику возможно только на максимально невыгодных и тяжелых условиях. Таковыми он считал: возмещение иностранных убытков от национализации; правовые гарантии для развития бизнеса в России; обещание воздержания от пропаганды за ее пределами; возможно, военные гарантии от наращивания военной мощи²¹¹.

На необходимость политических реформ для получения кредитов указывал и социал-демократический журнал «Социалистический вестник», увязывая преобразования не столько с самим привлечением иностранных капиталов, сколько с формированием гарантии от превращения России в колониальную страну²¹². Один из лидеров и теоретиков меньшевизма Ф.И. Дан считал, что получить заем большевикам будет очень трудно, как в силу развития самого советского государства, так и в связи с высокой процентной ставкой²¹³. В 1924 г. он указывал на тщетность советских надежд на привлечение иностранного капитала из-за отсутствия правовых гарантий на его возвращение и из-за несоответствия экономических реформ политическим²¹⁴.

²⁰⁸ Экономист. Чем они живут? // Возрождение. 1925. 10 июня.

²⁰⁹ Чернов В.М. Вокруг признания // Революционная Россия. 1923. №30.

²¹⁰ Он же. Безысходное противоречие // Революционная Россия. 1925. №43. С. 14-15.

²¹¹ Сталинский Е. Россия в Генуе // Воля России. 1922. №8. С. 4.

²¹² Что же дальше? // Социалистический вестник. 1921. №20.

²¹³ Дан Ф.И. Итоги Генуи // Социалистический вестник. 1922. №11.

²¹⁴ Он же. Начало конца // Социалистический вестник. 1924. №2.

Мнения авторов правоменьшевистского журнала «Заря» разошлись: одни не верили в возможность привлечения иностранного капитала большевиками²¹⁵, другие, напротив, считали вливания в Россию удачным вложением средств и отмечали заинтересованность в этом западных государств²¹⁶.

Кроме собственно экономической цели получения кредитов, некоторые, например экономист С.О. Загорский, отмечали и политические цели. Он полагал, что средства будут израсходованы не на решение экономических проблем, а на правительственный аппарат²¹⁷.

Именно для получения займа, по мнению одного из лидеров партии эсеров В.М. Чернова, большевики борются за признание, неясным оставался для него и вопрос об условиях. Т. Байчуров, один из авторов журнала «Революционная Россия», отмечал, что европейские страны могут предоставить заём, поскольку заинтересованы в развитии хозяйственной жизни России для улучшения собственной торговли и получения сырья. Условием реализации данных проектов он видел нормализацию экономического и политического положения в РСФСР²¹⁸.

В 1924 г. на Гамбургском съезде Социалистического Интернационала партия эсеров выступила за возобновление экономических и политических отношений с Россией, хотя не все ее члены были единодушны в данном вопросе. Например, по убеждению редактора журнала «Современные записки» эсера М.В. Вишняка, для нормализации отношений со странами Запада РСФСР будет вынуждена признать долги, что ударит по ее экономике²¹⁹.

Из приведенных материалов видно, что по вопросу о выплате дореволюционных российских долгов советским правительством эмиграция была солидарна, видя лишь пустые обещания, даваемые для дальнейшего продвижения РСФСР на международной арене.

Большое внимание внешнеэкономическим вопросам, прежде всего концессиям, уделял один из основателей газеты «Руль»

²¹⁵ Байкалов А. Социалистическая революция в России // Заря. 1922. №2.

²¹⁶ Загорский С.О. В Генуе // Заря. 1922. №1.

²¹⁷ Он же. Миллиард долларов за коммунизм. Перед Гаагой. // Заря. 1922. №4.

²¹⁸ Байчуров Т. Внутренние вопросы // Революционная Россия. 1922. №16-18.

²¹⁹ См. подробнее: Веретенникова Е.В. Указ. соч. С. 138.

А. Каминка. Он рассматривал их с позиций России и западных предпринимателей. Автор отмечал, что иностранные государства, с одной стороны, хотят выкачать из России еще не потраченное золото, с другой – боятся, чтобы другие страны не обогнали их в этой гонке, а также в отношении концессий²²⁰. А. Каминка предупреждал зависимость иностранного бизнеса от советского правительства, делая вывод о возможности разорения государством концессионеров в любой момент²²¹. Он писал, что РСФСР раздает иностранцам концессии не только в связи со своими экономическими выгодами, но и в интересах дипломатии²²², поскольку для тех, кто верен принципам коммунистического строя, раздача концессий капиталистам есть измена его идеалам²²³. Особо автор выделил точку зрения одного из лидеров партии меньшевиков Ю.О. Мартова, который доказывал, что раздача концессий – это единственный выход для спасения России и получения валюты²²⁴.

Не верили в успехи советской концессионной политики и социал-демократы: «Успехи в решении вопроса о внешних займах, концессиях равны нулю. Этот вопрос снят с очереди во всем мире. Вопреки усилиям сдача концессий не продвигается вперед. Крупная промышленность не является сильной приманкой, чтобы преодолеть боязнь международного капитала перед политической системой НЭПа»²²⁵. Меньшевик Р. Абрамович полагал, что дело здесь не только в советской политике, но и в пребывающей в кризисе экономике западных стран, которая не в состоянии осилить политику долгосрочных концессий²²⁶.

В.А. Маклаков отзывался на советские гарантии иностранным концессиям следующим образом: «Теперь может быть одно из двух: либо со стороны большевиков простое надувательство, что их план получит какой бы то ни было аванс, а затем издать декрет, по которому все концессии отнимаются; или, напротив, это признание крушения коммунистического строя, сознание не-

²²⁰ Каминка А. Советские концессии // Руль. 1921. 14 января.

²²¹ Он же. Что сулят концессионерам советские концессии // Руль. 1921. 26 января.

²²² Он же. Что дают большевикам советские концессии // Руль. 1921. 20 января.

²²³ Он же. Советские концессии // Руль. 1921. 14 января.

²²⁴ Там же.

²²⁵ Далин Д. Кризис НЭПа // Социалистический вестник. 1922. №15

²²⁶ Абрамович Р. Банкроты // Социалистический вестник. 1922. №22.

обходимости увеличить национальные богатства России и решимость во имя этой необходимости допустить частичную отмену коммунизма, хотя бы для новых концессий, хотя бы для иностранцев с сохранением коммунистической терминологии, но все-таки с возвращением к старым началам»²²⁷. Как видно из приведенной цитаты, он не отрицал возможности трансформации коммунистического строя, поэтому предлагал в отношении концессий занять следующую позицию: «возражать против всего того, что могло бы повести к простому надувательству» (авансовых платежей, кредитов и так далее) «и не препятствовать тому, что могло бы внедрять в коммунистической России начала здоровой экономической жизни»²²⁸. В обоих случаях иностранцам рекомендовалось не забывать об интересах прежних владельцев собственности и достигать предварительной договоренности с ними.

После появления декрета о концессиях в эмиграции развернулись споры о возможности его использования не только иностранцами, но и русскими, которые вывезли свои капиталы и вложили их в иностранные банки. Причиной принятия декрета считали обнищание города, упадок промышленности, которая требовала восстановления. Отвечая на вопрос, чьи интересы будут защищаться, эмигранты высказывали разные точки зрения. Одни полагали, что капиталистов, поскольку декрет давал возможность вывозить концессионеру продукты за границу, давал ему торговые преимущества, обещание не национализировать, не конфисковать, не реквизировать имущество²²⁹. Другие, напротив, считали данные гарантии фикцией, предрекали зависимость иностранцев от советского правительства, которое в любой момент может нарушить гарантии или даже специально разорить концессионера²³⁰, убеждали иностранцев в отсутствии выгод и стабильности²³¹.

В.И. Ленин, внимательно изучавший эмигрантские газеты, призывал потенциальных концессионеров не обращать внимания

²²⁷ «Совершенно лично и доверительно!» Т. 1. С. 313.

²²⁸ Там же. С. 314.

²²⁹ Как большевики торгуют Россией. Прага: Изд-во партии социалистов-революционеров, 1921. С. 3-7.

²³⁰ См., например: «Совершенно лично и доверительно!». Т. 1. С. 313-314, Каминка А. Что сулят концессионерам советские концессии // Руль. 1921. 26 января.

²³¹ La situation économique et juridique de la Russie Soviétique. P. 13.

на их публикации²³². Он отмечал, что русская пресса за границей прилагала все усилия для срыва экономических договоров с РСФСР, поскольку хорошо понимала значение концессий и заграничной торговли для Советской власти²³³. Л.Б. Красин, сторонник уступок Западу во имя экономического возрождения, пытался убедить в их необходимости не только иностранцев, но и эмигрантов. Есть сведения, что 10 декабря 1921 г. он встречался с одним из лидеров партии эсеров Б. Савинковым, пытаясь доказать ему, «что коммунизм обанкротился, что в России нет никого, кроме чекистов, кто бы поддерживал большевиков, даже Красная армия уже не с ними. Все сознали, что крах неизбежен и не предотвратим, если не придут на помощь извне. Нужно, чтобы Европа спасла большевистскую власть, дала ей возможность перестроить свою политику в пользу столыпинского мужика. Тогда эволюция власти большевиков неизбежна, она изменится сама собой и без потрясений постепенно перейдет в руки более правых течений». Полпред и торгпред РСФСР в Великобритании Л.Б. Красин убеждал эмиграцию не противиться помощи иностранцев, поскольку якобы она сама не меньше большевиков в этом заинтересована – если последние падут, то наступит анархия и государство развалится, а потом его будет не собрать²³⁴.

Об экономической несостоятельности РСФСР говорилось не только в русской зарубежной прессе, пытались убедить в этом своих коллег и русские дипломаты. Так, после череды заключенных договоров, в январе 1922 г. бывший русский посланник в Швейцарии И.Н. Ефремов встретился с иностранными дипломатическими представителями в этой стране и попытался обрисовать им безвыходность советской экономической ситуации, в связи с чем, как он полагал, РСФСР и идет на уступки. Он старался доказать фиктивность советских изменений. Реакция иностранных диппредставителей была различной²³⁵.

Некоторые эмигранты оценивали перспективы советско-иностранного товарообмена весьма положительно: во-первых, те, кто понимал необходимость таких отношений для народа (осо-

²³² Ленин В.И. Речь на заседании пленума Московского совета // Полн. собр. соч. Т. 42. С. 365.

²³³ Ленин В.И. Письмо Л.Б. Красину от 9.05.1921 // Полн. собр. соч. Т. 52. С. 183.

²³⁴ ДРЗ. Ф. 7, оп. 1, ед. хр. 2, л. 60 об.

²³⁵ ГАРФ. Ф. Р-5760, оп. 1, д. 18, л. 32-32 об.

бенно в начале 1920-х, учитывая голод и ситуацию в сельском хозяйстве), а во-вторых, как ни парадоксально это звучит, представители русского зарубежья, верившие, что такой товарообмен мог бы привести к падению советской власти.

Исследователь Д.М. Серегина полагает, что тактика противодействия установлению контактов между западными деловыми кругами и правительством большевиков, выработанная российской торгово-промышленной и финансовой эмиграцией, заключалась, во-первых, в максимальном увеличении собственного авторитета в глазах Запада; во-вторых, в дискредитации большевиков и их хозяйственно-финансовой деятельности²³⁶. Исходя из вышесказанного, можно согласиться со вторым утверждением, но не с первым. Как таковой задачи самоутверждения за счет противостояния советской внешней политике у эмиграции не было, скорее это было стремление отстоять свои финансовые интересы, сохранить оставленную в России собственность (на случай возвращения).

Правительства стран, заключивших в 1921 г. торговые соглашения с РСФСР, объясняли их, прежде всего экономическими интересами, отрицая фактическое признание советской власти. Однако изменилось и восприятие советской власти на Западе, и это признали эмигранты. На страницах газеты «Руль» читаем: «В том заметно меняющемся отношении к русскому большевизму, которое проявляют к нему западноевропейские правительства и западноевропейское общественное мнение, существенную роль играет вера в возможность изменения самого большевизма и надежда на такое изменение. То, что сейчас существует в России как большевизм, не есть уже будто бы тот первоначальный большевизм, отличительной чертой которого являлось непризнание каких бы то ни было компромиссов, а является чем-то гораздо более жизненным, считающимся с условиями реальной действительности и потому способным к дальнейшей эволюции»²³⁷.

При анализе причин поворота Западных стран в сторону РСФСР назывался, прежде всего, экономический кризис и собственные народнохозяйственные нужды. Россия для многих из них являлась традиционным партнером, потеря которого вела к опре-

²³⁶ Серегина Д.М. Указ. соч. С. 43.

²³⁷ Эволюция большевизма //Руль. 1921. 15 июня.

деленным убыткам. Отмечали эмигранты и борьбу между отдельными странами за позиции на российском рынке, боязнь опоздать к «разделу пирога». В выборе стратегии экономических отношений с РСФСР для эмиграции в начале 1920-х гг. была более приемлема политика Франции и США, разрешавших своим гражданам торговлю с Россией, но не вступавшим, в отличие от Англии и Германии, в официальные отношения с ней. Хотя вскоре ситуация изменилась. В связи с чем В.А. Маклаков назвал позицию Франции политикой эгоизма, подчеркивая, что она идет на поводу премьер-министра Великобритании Ллойд Джорджа и бывшего министра-председателя Временного правительства А.Ф. Керенского, настаивавших на восстановлении торговых отношений с Россией²³⁸.

Негативное отношение эмиграции к экономическим соглашениям с РСФСР исходило из отрицательного отношения к большевикам; советской экономике, ее экстенсивному характеру и развитию за счет прежних ресурсов; отсутствию юридической и правовой базы для деятельности иностранного бизнеса; превращению России в сырьевой придаток Европы; передаче в руки иностранцев национализированной собственности, в том числе принадлежавшей ранее эмигрантам. Экономические связи с западными странами укрепляли советский режим. Кроме того, русское зарубежье понимало, что это могло стать первым шагом на пути к признанию РСФСР.

Особняком стоит отношение русского зарубежья к монополии внешней торговли. Часть эмигрантов придавала ей исключительное значение. Так, например, левый эсер Е. Сталинский считал ее регулятором всей системы НЭПа, без которой режим большевиков падет²³⁹. Эсеры признавали, что теоретически монополия внешней торговли является самым сильным орудием государственной политики, хотя и отмечали ее неэффективность в первой половине 1920-х гг.²⁴⁰

Критикуя монополию внешней торговли, приведшую к «закрытию» страны, ущемлению крестьянства, авторы газеты

²³⁸ «Совершенно лично и доверительно!» Т. 1. С. 295.

²³⁹ Сталинский Е. Путь НЭПа // Воля России. 1926. №2. С. 141.

²⁴⁰ Регулирование внешней торговли. // Голос России. 1922. 28 марта. № 927. С. 1.

«Руль», тем не менее, признавали ее важность для экономики²⁴¹. С.Н. Прокопович предупреждал, что ее отмена может привести к тяжелым последствиям, прежде всего для неконкурентоспособной промышленности²⁴². По его мнению, монополия являлась наиболее выгодной формой или системой внешней торговли для бедных колониальных и аграрных стран, стремящихся формировать свой импорт²⁴³. Именно монополия внешней торговли, несмотря на отсутствие опоры в национальной экономике, по убеждению русских финансово-промышленных кругов, позволила большевикам удержаться у власти²⁴⁴.

Другие авторы (например, экономисты С.О. Загорский, А. Югов), напротив, указывали на необходимость отмены монополии внешней торговли, аргументируя это интересами крестьян – они смогли бы свободно выходить не только на внутренний, но и на внешний рынок²⁴⁵.

Серединную двойственную позицию заняла редакция газеты «Возрождение». С одной стороны, она называла внешнеторговую монополию «последней плотиной, ограждающей казенно-социалистическое хозяйство от затопления его морем мирового капитализма»²⁴⁶, то есть понимала, что отмена ее – это гибель советской промышленности (прежде всего государственной). Но, с другой, в целях оживления общественно-политической и экономической жизни страны признавала необходимым отказ от монополии внешней торговли²⁴⁷.

Кризис внешней торговли датируется эмигрантами по-разному, выделяются и различные причины, приведшие к нему. Ю. Ростовский связывал его с 1923 г. и обуславливал пассивным характером внешней торговли, растратой остатков золотого запаса, бюрократизацией, неправильными организационными форма-

²⁴¹ См., например: Каминка А.И. Толкование цифр // Руль. 1925. 15 декабря.

²⁴² Прокопович С.Н. Что дал России НЭП. С. 82.

²⁴³ См. подробнее: Бачурина О.Н. Проблемы советской России в работе С.Н. Прокоповича «Народное хозяйство» // Наука, культура и политика русской эмиграции. СПб., 2004. С. 167.

²⁴⁴ La situation économique et juridique de la Russie Soviétique. P. 10-11.

²⁴⁵ Загорский С.О. Обнищание России // Последние новости. 1923. 26 июня; Югов А. «Индустриализация» и червонец // Социалистический вестник. 1926. №10. С. 4-6.

²⁴⁶ Усиление советского протекционизма // Возрождение. 1925. 25 ноября.

²⁴⁷ Отмена монополии Внешторга? // Возрождение. 1926. 1 сентября.

ми торговли²⁴⁸. Автор газеты «Русь» Л. Окин относил кризис к первой половине 1925 г. и обуславливал его проблемами внутреннего рынка и внутренними оборотами, а попросту отсутствием свободных средств у потребителя, обеднением населения. В качестве выхода из ситуации автор предлагал использование внешних кредитов, шансы на которые оценивал, впрочем, весьма скептически. Поэтому, по его мнению, власти и обратились к внутренним источникам, в частности к ярмаркам и кооперации²⁴⁹.

Таким образом, на отношение эмиграции к советской внешнеэкономической политике влияли как глубинные экономические причины, так и частные (экономические и политические). Наблюдается определенное противоречие: с одной стороны – заботы о России, с другой – об эмиграции, и с третьей – о международной экономике.

1.5. НЭП как экономическая политика в оценке эмигрантов

Обратимся теперь к рассмотрению русским зарубежьем НЭПа как целостной экономической политики. Ее датировка была дискуссионным вопросом для эмиграции. Автор книги «1931: что такое Россия; к чему она пришла?» отводит НЭПу шестилетие 1922–1927 гг., называя этот период «попыткой капиталистического коммунизма», когда «большевизм пробовал держаться и двигаться»²⁵⁰. Социолог П. Сорокин связывал начало новой экономической политики также с 1922 г., считая ее третьей стадией революции²⁵¹. С.Н. Прокопович датировал НЭП периодом с 15 марта 1921 г. по 1928 г. (или началом первой пятилетки)²⁵². Об исчезновении или значительном ослаблении действия рыночных механизмов в экономике он впервые написал в 1928 г.²⁵³, хотя в

²⁴⁸ Ростовский Ю. Указ. соч. С. 142.

²⁴⁹ Окин Л. Кризис внешторга // Русь. 1925. 6 мая.

²⁵⁰ 1931: что такое Россия; к чему она пришла? Белград: Русская типография, 1931. С. 33.

²⁵¹ Сорокин П. Россия после нэпа. С. 141.

²⁵² Прокопович С.Н. Народное хозяйство в СССР. Н.Й.: Изд-во Чехова, 1952. Т. 1. С. 170-176.

²⁵³ Прокопович С.Н. Современная экономическая политика, конъюнктура и природа советского хозяйства // Бюллетень экономического кабинета С.Н. Прокоповича. 1928. №56. С. 1.

изданиях его Кабинета, в статьях других экономистов эта тема поднимается уже с конца 1926 – начала 1927 г. П.Б. Струве датировал свертывание НЭПа 1926 г., а некоторые эмигранты даже 1923–1924 гг.²⁵⁴ Можно констатировать, что русское зарубежье впервые предложило периодизацию, наиболее близкую к современным российским и некоторым зарубежным²⁵⁵.

В первые недели после объявления новой экономической политики эмиграция не особо акцентировала на ней внимание (оно было приковано к Кронштадту), относясь к новости достаточно скептически, не веря в желание большевиков начать серьезные экономические преобразования и не надеясь на возможность их осуществления²⁵⁶. В НЭПе скорее видели уловку, нежели долгосрочную стратегию.

Одни полагали, что НЭП является свидетельством начала эволюции^{*} большевиков^{**}, поскольку это буржуазная политика, в которой нет ничего социалистического (например, евразийцы, сменовеховцы)²⁵⁷. Сменовеховцы писали, что с его введением советская власть отказалась «от всего, что есть неосуществимого в программе большевиков»²⁵⁸, что вовсе не означало отказа от своих идеалов вообще²⁵⁹. Они надеялись на развитие новой экономической политики, в которой видели зачатки перерождения

²⁵⁴ Сорокин П.А. Россия после НЭПа; Bahmetev A. NEP in Eclipse // Slavonic Review. 1924. Vol.III. No 8.

²⁵⁵ Некрасов А.А. Англо-американская историография новой экономической политики. Ярославль: ЯрГУ, 2005. С. 75-78.

²⁵⁶ См., например: События дня. Новая тактика // Руль. 1921. 22 марта; Результаты новых декретов // Руль. 1921. 5 мая; «Новые пути» - осуществима ли программа Ленина?// Последние новости. 1921. 27 марта и др.

^{*} Термин эволюция используется самой эмиграцией.

^{**} Исследователь Е.В. Веретенникова два параграфа диссертации посвящает исследованию проблемы эволюции большевистской власти в оценках либеральной и социалистической эмиграции. Однако у нее происходит полное смешение абсолютно разноплановых понятий: эволюции гипотетической, ожидаемой от НЭПа, с эволюцией практической (или ее отсутствием) в ходе претворения этой политики; эволюции большевиков, режима и строя вообще, экономики и т.д. Все эти пласты никак не разделены. Напротив, автор даже сопоставляет, сравнивает мнения отдельных эмигрантов по вопросу эволюции, которые, если вчитаться в приводимые исследователем цитаты, говорили о совершенно разных вещах, хоть и употребляли при этом понятие «эволюция» (Веретенникова Е.В. Указ. соч. С. 90-102, 171-202).

²⁵⁷ См. подробнее: Лушина Л.С. Проблемы новой экономической политики в идейных воззрениях сменовеховцев: Автореф. ... канд. ист. наук. М., 1990. 21 с.

²⁵⁸ Смена вех. 1922. № 4. С. 3.

²⁵⁹ Там же. № 2. С. 1.

большевизма, способные привести к трансформации режима²⁶⁰. Эволюцией, а не временной тактикой советских властей считал НЭП профессор Н.В. Устрялов. В 1925 г. он писал, что революция прошла весь свой цикл изменений и подошла к стадии, когда уже обнаруживается ее объективный исторический конечный смысл: под покровом коммунистической идеологии слагается новая буржуазная демократическая Россия²⁶¹.

Ряд эмигрантов делал ставку на НЭП именно как на политику, могущую привести к трансформации власти²⁶². Таких путей представлялось три: эволюция партийной доктрины вследствие осознания положительных результатов, привнесенных новой политикой, и ее дальнейшее развитие; разложение партии под влиянием буржуазных последствий и проявлений НЭПа; раскол коммунистической верхушки в результате развития дискуссий о путях развития народного хозяйства.

Доказательством возможной эволюции идеологии партии от социализма к капитализму служили в середине 1920-х гг. отдельные «буржуазные» мероприятия советской власти в годы НЭПа. Р. Абрамович уже в конце 1922 г. говорил о возможности трансформации государственного аппарата в сторону капитализма: «Практика большевизма, диктуемая неумолимой экономической действительностью, а также под непреодолимым давлением крестьян и рабочих масс, толчками движется в направлении экономического подъема путем возрождения в России капитализма»²⁶³.

На страницах газеты «Последние новости» развернулась дискуссия по вопросу о том, что происходит в Советской России: эволюция страны, строя, власти²⁶⁴. Е.Д. Кускова указывала на половинчатость и ограниченность начавшегося процесса эволюции²⁶⁵. С ней соглашался А. Кулишер, добавлявший, что эта половинчатость проявляется в устранении некоторых коммунистических принципов²⁶⁶. П.Н. Милюков занимал относительно сере-

²⁶⁰ Смена вех. 1922. № 2. С. 1.

²⁶¹ См. подробнее: Веретенникова Е.В. Указ. соч. С. 90-102, 171-202.

²⁶² См. например: Письмо М.Ю. Мартова П.Б. Аксельроду от 12.10.21 // Мартов Ю.О. Письма и документы (1917-1922)...

²⁶³ Абрамович Р. Банкроты // Социалистический вестник. 1922. №22.

²⁶⁴ См. подробнее: Малыхин К.Г. Социалистические и леволиберальные течения русского зарубежья 20-30-х годов ... С. 110-113.

²⁶⁵ Кускова Е.Д. Или-или // Последние новости. 1923. 13 октября.

²⁶⁶ Кулишер А. Новое положение и старый враг // Последние новости. 1923. 5 апреля.

динную позицию, полагая, что у Советов свой план действий и возврата к капитализму они не допустят. С этим соглашались и меньшевики, а также представители ряда левых партий. Они видели его несовместимость с социализмом и были уверены, что большевики сами не дадут развернуться этой политике, отмечали противодействие буржуазным реформам со стороны ряда партийных представителей, из чего делался прогноз об их безрезультатности из-за саботажа большинством партии²⁶⁷. Ю.О. Мартов усматривал в НЭПе не государственный социализм, а прямой возврат к капитализму. Он не верил в возможности строительства социализма в таких условиях, в том числе по причине политической слабости власти²⁶⁸.

Монархисты считали НЭП умелым тактическим ходом большевиков с целью разрядки обстановки²⁶⁹. Сторонники этой позиции называли новую политику вынужденной, временной мерой, которая поддерживается только для того, чтобы сохранить власть²⁷⁰. Такой точки зрения придерживались члены Республиканско-демократического союза, которые полагали, что реформы были осуществлены по необходимости и большевики «затаили» злобу против крестьянства, не признавая их союзниками²⁷¹. Эсеры разделяли эту точку зрения, указывая на маневрирование, отступление власти на заранее заготовленные позиции для сохранения возможности новой атаки²⁷².

О том, что и сами большевики вначале понимали НЭП как временный маневр, писал В.М. Чернов. По мере развития этой политики он замечал, что она стала «строем»²⁷³. Для другого эсе-

²⁶⁷ Вишняк М. На Родине // Современные записки. 1921. Т. 8. С. 362; 1922. Т. 12. С. 310-315; Из письма Ю.О. Мартова П.Б. Аксельроду от 8.06.1921. // Мартов Ю.О. Письма и документы (1917-1922) / Сост. Ю.Г. Фельштинский (URL: <http://moshkov.cherepovets.ru/cgi-bin/html-KOI.pl/HISTORY/FELSHTINSKY/martov.txt>)

²⁶⁸ См.: Мартов Ю.О. На пути к ликвидации // Социал. вестник. 1921. №18. С. 10.

²⁶⁹ Русская мысль. 1921. 8 сентября.

²⁷⁰ Враги крестьянства. С. 24.

²⁷¹ Враги крестьянства. С. 23.

²⁷² В.Р. Эволюция или беспринципность? // Революционная Россия. 1921. №9. С. 2-3; Суровцев В. Эволюционируют ли большевики? // Воля России. 1922. 18 февраля. №7. С. 1-4.

²⁷³ Новая дискуссия и «комнародничество» // Революционная Россия. Берлин, 1926. Январь-февраль. №46. С. 8.

ра Е.А. Сталинского НЭП был только уступкой во имя сохранения власти²⁷⁴.

С.Н. Прокопович писал о понимании руководством РКП(б) банкротства коммунистической политики и осознанном решении о ликвидации коммунистических начал в целях сохранения власти²⁷⁵. Он даже выводил прямо пропорциональную зависимость уступок большевиков от их страха «перед падением производительных сил и государственных доходов, а также бунтами крестьян и рабочих»²⁷⁶.

А.Ф. Керенский оценивал новую политику как единственно возможную и верил, что ее стало бы проводить любое другое оказавшееся на месте большевиков правительство, для преодоления отсталости и пережитков дореволюционного прошлого²⁷⁷.

С.О. Загорский, напротив, считал НЭП свидетельством того, что естественные силы социальной природы берут верх над искусственным большевистским вмешательством и вскоре лопнет обманчивая оболочка советского социализма и капитализм, как бабочка вылетит из куколки²⁷⁸. Для П. Сорокина НЭП означал ликвидацию коммунизма и переход к воссозданию России на «новых», то есть старых капиталистических началах. При том, что эта политика означала для него полное банкротство коммунизма, он отмечал, что коммунистическая власть под его влиянием превратится не в капиталистическую, а в простую «неограниченную тиранию авантюристов истории»²⁷⁹. В. Руднев полагал, что выбор в ту или другую сторону (свертывания или развития НЭПа) зависел не от партии, а от предпосылок общественного развития, но для этого, по его мнению, нужна была политическая и экономическая свобода, мирное сотрудничество с другими государствами²⁸⁰.

Таким образом, мнения разошлись в основном относительно того, что представляет собой НЭП с точки зрения политики во-

²⁷⁴ Малыхин К.Г. Социалистические и леволиберальные течения русского зарубежья 20-30-х годов ... С. 114.

²⁷⁵ Прокопович С.Н. Очерки хозяйства Советской России. С. 125.

²⁷⁶ Там же. С. 127-128.

²⁷⁷ Ляпорова Е.Н. Указ. соч. С. 21.

²⁷⁸ Загорский С.О. К социализму или капитализму? Прага, 1927. С. 287.

²⁷⁹ Сорокин П. Россия после нэпа. С. 141.

²⁸⁰ Дни. 1922. 31 декабря.

обще. Что это: капитализм или социализм, является ли он провалом большевистских замыслов или их эволюцией, вынужденная ли это мера или продуманный шаг, будет ли он развиваться в дальнейшем (и за счет каких ресурсов) или же это временное отступление, то есть, является ли новая политика тактикой или стратегией.

Рассмотрим восприятие НЭПа различными эмигрантскими партиями. Поскольку советская программа преобразований в целом была в духе левых партий (эсеров и меньшевиков), то в правой эмиграции возникли опасения в возможности их сотрудничества с большевиками. Однако для левых партий НЭП был «палкой о двух концах». Эсеры он сковывал, лишал основной части их социальной базы – крестьянства, что привело их к дальнейшему сдвигу вправо, от социализма к демократии вообще. Меньшевики же публиковали в «Социалистическом вестнике» статьи, по сути направленные против НЭПа. Для них он был изменой делу революции. Они видели в нем возврат к капитализму, а отсюда – их критика большевиков за отступничество от социализма и марксизма. Обвинение большевиков в крестьянском уклоне позволило меньшевикам изобразить себя защитниками рабочего класса. Для правых партий НЭП отчасти являлся подтверждением неспособности большевиков к построению социализма, бесполезности революции и вызывал определенного рода злорадство. Большинство эмигрантов не верило в возможность осуществления НЭПа в полной мере, в силу неизменности политической составляющей и из-за угроз выхода новой политики из-под контроля²⁸¹.

В отношении русского зарубежья к НЭПу наблюдается ряд противоречий. С одной стороны, эмиграция не могла не одобрять большинства реформ, поскольку они носили буржуазный характер, вели к улучшению экономического положения страны. С другой, способствовали снятию политической напряженности, что лишало часть эмиграции надежд на использование внутренних российских ресурсов для борьбы с советской властью. В результате в некоторых кругах эмиграции появляются пессимистические нотки, пораженческие настроения. Начинается поиск новых путей. Особенно со второй половины 1920-х акценты с ак-

²⁸¹ См., например: Струве П.Б. Русский коммунизм и мировая цивилизация // Россия и славянство. 1930. 1 ноября.

тивной практической работы смещаются на пропаганду, главным объектом которой становится советская экономическая политика и ее критика.

Само введение НЭПа давало русскому зарубежью и определенные козыри в идеологической борьбе: оно свидетельствовало, что большевики не смогли построить социализма и вернулись на капиталистические рельсы, что трактовалось как слабость советской власти, а следовательно, опять же вселяло надежды на возможность ее перерождения или свержения, в том числе при поддержке возродившихся капиталистических и буржуазных элементов. Некоторые даже считали, что, почувствовав свободу в годы НЭПа, народ вырвется из-под контроля, не захочет возврата в прошлое, будет требовать новых прав. Поэтому часть эмиграции надеялась, что новая политика приведет к дальнейшей деформации социализма, в том числе и политической.

На начальном этапе НЭПа русское зарубежье обратилось к причинам, вынудившим советскую власть к смене политики, практически единогласно высказавшись по этому вопросу. Такое единодушие было связано, во-первых, с тем, что за анализ экономической ситуации, как правило, брались специалисты, рассматривавшие сложившуюся ситуацию с научной, экономической точки зрения, поэтому политические пристрастия и эмоции влияли на эту оценку в меньшей степени; а во-вторых, с тем, что еще до введения НЭПа, кризис советской власти (экономический и политический) был очевиден для эмиграции. Именно он, по ее мнению (с выделением тех или иных конкретных составляющих), и был причиной смены политики.

Сменовеховцы связывали провал политики военного коммунизма с политическими факторами, с «доктринерской и утопичной» коммунистической системой²⁸². Соответственно НЭП, по их мнению, был призван постепенно изжить ее²⁸³. Видный экономист Г.Г. Швиттау, уделявший большое внимание волновой теории государственного развития, видел в революции длительный процесс нарастающего радикализма (от думского либерализма через социалистическое настроение временного правительства к коммунизму), который после прохождения своего пика (Граж-

²⁸² См., например: Смена вех. 1921. № 1. С. 12; 1922. № 13. С. 18, № 14. С. 22 и др.

²⁸³ Смена вех. 1922. № 11. С. 10.

данской войны и террора) идет на спад и, как считал автор, «под давлением фактически сложившихся производственных отношений обнаруживает тенденцию перехода от диктатуры к демократии»²⁸⁴.

По мнению членов НТСНП (Национально-Трудовой Союз Нового Поколения), причин было две: политическая (стремление дать некоторое облегчение и смягчить хоть немного общее недовольство) и экономическая (поправить хозяйственное положение страны)²⁸⁵. Эта мысль прослеживается и в статье левого эсера В. Трутовского, который полагал, что новая экономическая политика «носит на себе печать двойственности и неопределенности». Он считал, что НЭП, с одной стороны, это «уступка требованиям широких народных масс об уменьшении ... гнета», с другой – «стремление расширить пределы тех уступок, которые делаются трудящимся, до уступок, делаемых буржуазным группам, а следовательно, усиление значения этих групп и их удельного веса в общей экономике страны; это, наконец, – попытка укрепления своей политической власти ценою каких угодно принципиальных уступок и компромиссов»²⁸⁶.

И экономический, и политический кризис могли привести к падению советской власти, поэтому глубинной причиной перемен некоторые эмигранты называли стремление большевиков к самосохранению²⁸⁷. Советский невозвращенец Александров в ряду причин, приведших к НЭПу, одним из первых называл внешнюю передышку, считая второй причиной – ухудшение жизни населения, которое в совокупности с еще возможным тогда наступлением Белой армии могло привести к свержению большевиков²⁸⁸. Некоторые отмечали бессилие партии по причине отрыва от пролетариата, от имени которого она управляла, а потому полагали, что именно с целью возвращения его доверия и были начаты реформы. В связи с этим главный акцент делался на

²⁸⁴ Швиттау Г.Г. Революция и народное хозяйство в России (1917-1921). Центральное кооперативное издательство, 1922. С. 61-62.

²⁸⁵ См.: Национально-Трудовой Союз Нового Поколения. Ч. IV. С. 101.

²⁸⁶ Трутовский В. От коммунизма к капитализму // Пути революции. С. 107.

²⁸⁷ См., например: Результаты новых декретов // Руль. 1921. 5 мая.

²⁸⁸ Александров. Большевики, поднявшие меч, от меча должны и погибнуть: Исторический анализ положения советской власти. 1917-1925 гг. и перспективы будущего. Париж: Imprimerie de Navarre, 1926. С. 45-47, 49.

улучшение положения рабочего класса, развитие промышленности, мероприятия же в сельском хозяйстве, в финансовой и торговой сферой считали лишь вспомогательными, поскольку без них выполнение главной цели было бы невозможно²⁸⁹. Корреспонденты газеты «Воля России» называли вводимую политику закономерной, исходя из смены политической ситуации, изменения стратегии государственного строительства²⁹⁰.

Как видим, основными составляющими назывались неудачи военного коммунизма, который не позволил претворить революционные планы большевиков, а напротив, привел к развалу экономики, политическим антисоветским выступлениям, провалу идей мировой революции, международной изоляции. То есть серьезных противоречий по этому вопросу у эмиграции не было, напротив, здесь русское зарубежье проявляло единодушие. С разными акцентами, оттенками, нюансами, которые зависели от того, кто и когда анализировал НЭП, главной причиной считался глубокий социально-экономический и политический кризис, порожденный неудачами политики военного коммунизма.

Катализатором смены политики, по мнению русского зарубежья, послужили два события – голод 1920 г. и народные выступления (прежде всего Кронштадтское восстание). Эмиграция считала, что, среагировав на них принятием НЭПа, советское правительство опоздало. Подтверждением тому явился голод 1921 г., который осложнил введение новой политики.

Социально-экономический и политический кризис привел большевиков к реформам, главной целью которых, по мнению русского зарубежья, было сохранение власти. Преобразования, с точки зрения эмиграции, решали три основных взаимосвязанных и взаимозависимых задачи: внутривнутриполитическую, экономическую, внешнеполитическую.

1) Внутривнутриполитическая задача была связана с главной целью – необходимостью сохранения власти, которой грозила опасность в виде различного рода выступлений и протестов против нее. По мнению эмигрантов, введение НЭПа отчасти было интуитивно, отчасти – вызвано желанием прекратить антисоветские выступления (социал-демократы особо акцентировали вни-

²⁸⁹ Пути революции. С. 127-168.

²⁹⁰ Новый курс // Воля России. 1921. 13 мая.

мание на страхе большевиков перед крестьянскими выступлениями).

2) На экономическую задачу (улучшение экономической ситуации в стране) ссылались, главным образом, социалисты и экономисты русского зарубежья.

3) Внешнеполитическая задача, во-первых, была обусловлена стремлением большевиков к свершению мировой революции. Когда же в первые годы советской власти она не произошла, нужна была передышка и экономическая стабилизация с тем, чтобы получить средства на нее. Во-вторых, изменение политики давало советскому правительству больше шансов на получение кредитов и приток денежных средств в виде концессий из-за границы, что позволило бы государству выживать в капиталистическом окружении, то есть было взаимосвязано с экономической причиной.

Таким образом, как видим, весь комплекс взаимосвязанных и взаимозависимых задач, так или иначе, объединен одной главной целью – сохранением власти.

Изучение причин, целей, задач НЭПа в восприятии эмиграции позволяет более предметно рассмотреть ее отношение к результатам реализации новой экономической политики. На первом этапе анализ проводился исходя из правовой базы. Шел разбор документов как с точки зрения изменения общей политики советской власти, ее отхода от первоначального плана построения коммунизма, возможной эволюции, так и с точки зрения «жизненности» и «полезности» нового курса для русского народа.

Изучив в начале мая 1921 г. новые декреты Советской власти, информационный отдел Административного Центра пришел к выводу, что они, с одной стороны, «отяжелили хозяйственное положение», с другой – «усилили общее недовольство населения»²⁹¹, еще более накалив страсти. Многие экономисты русского зарубежья видели в новых законах прогрессивные начала.

Для эмигрантов важны были не столько законы, проводящие в жизнь новую политику, сколько ее практическое воплощение в жизнь, как в целом, так и в отдельных отраслях промышленности, транспорта и сельского хозяйства, отношение к этим изменениям населения, практические результаты для экономики и для

²⁹¹ ГАРФ. Ф. Р-5893, оп. 1, д. 68, л. 21.

народа. Первые итоги мероприятий новой политики русское зарубежье стало подводить уже в середине 1921 г.

На заседании Совета Российского торгово-промышленного и финансового союза 10 ноября 1921 г. новая экономическая политика была названа полным банкротством коммунизма. По мнению присутствующих, она не могла (при существующем строе) привести к оздоровлению народного хозяйства и возрождению России²⁹². Предсказывался провал НЭПа. Отмечалось два основных противоречия новой политики: возврат к буржуазно-капиталистическому укладу как средству удержания политической власти при одновременном укреплении антикоммунистических сил, приводящем к усилению политического террора; буржуазные начала в экономической политике при сохранении политической системы беззакония и подавления личной и экономической свободы. Аналитики Союза считали результаты первых месяцев НЭПа неудовлетворительными, углубляющими хозяйственный упадок и хаос в стране, о чем, по их мнению, свидетельствовали провал концессионной политики, неполная капитализация экономики, перевод государственных предприятий на хозрасчет. В целом отмечалась инерция в развитии экономики, а отсюда ее разложение как наследие предыдущего этапа. Подчеркивалось несоответствие психологии советских работников задачам коммерциализации экономики, а диктатуры пролетариата в целом – возможности проведения экономических реформ в духе свободы и частного предпринимательства²⁹³. Поэтому русская буржуазия была заведомо уверена в провале НЭПа, что вселяло в нее надежду на падение советской власти в ближайшее время.

Эмигранты отмечали половинчатость и противоречивость первого этапа реформ, когда тенденция к улучшению экономического состояния не выливалась на деле в реальные показатели. В качестве экономических проблем и недостатков первых лет НЭПа назывались следующие: работа за счет прежних ресурсов, ускорение и еще большее расхищение их; наличие препятствий для развития мелкой промышленности и частной торговли (от-

²⁹² Горбунов М. Торгово-промышленная эмиграция и ее идеология // На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией. С. 118.

²⁹³ Серегина Д.М. Российская торгово-промышленная эмиграция во Франции в 1920-1939 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 141-142.

сутствие сырья, капиталов, транспорта, взяточничества, боязнь карательных органов и других); отсутствие реальных результатов как в сельском хозяйстве, так и в промышленности; диспропорциональность как в развитии в целом (промышленности по отношению к сельскому хозяйству), так и отдельных отраслей²⁹⁴. Об этом же эмиграция писала и через два года после введения НЭПа²⁹⁵.

Анализируя советскую политику 1921-1922 гг., С.Н. Прокопович пришел к выводу о несоответствии базиса и надстройки в РСФСР, а точнее о том, что диктатура пролетариата не имеет корней в экономическом строе России, а следовательно, о неизбежности гибели советского строя как системы. Он отмечал преобладание политических рычагов и методов регулирования народного хозяйства над экономическими, что приводило к невозможности его эволюции. По мнению эмигрантов, к 1924 г. к проблемам НЭПа добавилось участвовавшее вмешательство советского правительства, издающего декреты и приказы, противоречившие друг другу²⁹⁶.

Уже в первые годы НЭПа В.А. Маклаков отмечал хищнический характер нового капитализма, который, по его мнению, мог привести не к развитию производства, а к еще большей ненависти к капиталу и буржуазии. Б.А. Бахметев считал такую ситуацию неизбежной. Основным противоречием он называл противоречие между коммунизмом и крестьянским бытом, но считал, что если ранее происходил поиск компромисса и полумер, то с 1925 г. они были зачеркнуты и И.В. Сталин выбрал логичный, по его мнению, для коммуниста путь новой крестьянской политики: уступать мужику более нельзя, иначе – гибель коммунизма, следовательно, другого варианта, кроме сталинского, нет²⁹⁷.

С продолжающимся упадком в народном хозяйстве, прежде всего в промышленности, связано появление пессимизма среди эмигрантов-сторонников НЭПа²⁹⁸.

²⁹⁴ Время. 1921. 29 авг.; Пути революции. С. 127-168; ДРЗ. Ф. 7, оп. 1, ед. хр. 3, л. 39 об.

²⁹⁵ Самопоедание // Руль. 1923. 6 июня; Аршинов П. Хозяйственная политика большевизма (НЭП, его смысл и значение) // Анархический вестник. 1923. № ¾ С. 34.

²⁹⁶ В собственных силках // За свободу. 1924. 3 апреля.

²⁹⁷ Цит. по: Будницкий О.В. Б.А. Бахметев – посол в США несуществующего правительства России // Новая и новейшая история. 2000. №1. С. 160-162.

²⁹⁸ ГАРФ. Ф. Р-5872, оп. 1, д. 230, л. 5.

В 1924 г. в Праге состоялся съезд русских деятелей сельского хозяйства, пригласивший к участию в нем в том числе и советских агрономов и экономистов, которым не разрешили выехать. Мероприятие стало, как отмечала периодика – «судом над всей советской экономикой»²⁹⁹, хотя его резолюции и носили экономический, а не политических характер.

Экономическое совещание Российского торгово-промышленного и финансового союза, подводя в 1928 г. итоги НЭПа, пришло к неутешительным выводам об ухудшении социально-экономического положения в России. Особо отмечались проблемы в промышленности, несколько лучше виделась ситуация в сельском хозяйстве. В качестве выводов была признана необходимость частной собственности, денационализации промышленности, отмены торговой монополии.

Среди положительных моментов некоторые эмигранты выделяли оживление промышленности, создание национального рынка, начало реорганизации народного хозяйства на частнокапиталистических принципах³⁰⁰.

С.Н. Прокопович также писал о благотворном влиянии НЭПа на народное хозяйство, которое начало возрождаться: и производительные силы, и национальный доход страны обрели тенденции к росту. Из положительных черт он отмечал введение частного предпринимательства, наемного труда, свободной торговли, восстановление кредитно-денежных отношений, банков, признание старых долгов России перед другими государствами. Он видел экономический рост, восстановление производительных сил страны, но за счет насаждения государственного капитализма. Проанализировав причины улучшения экономической ситуации, он пришел к выводу, что они заключались не столько в новой политике, сколько в ликвидации перегибов военного коммунизма³⁰¹. Он отмечал неполноту этого процесса, в частности сохранение огосударствления крупной промышленности, внешней торговли и банковского дела, национализации земли, партийной диктатуры.

²⁹⁹ Суд над советской экономикой // За свободу. 1924. 26 апреля.

³⁰⁰ См., например: Пумпянский Л.М. НЭП. С. 68.

³⁰¹ Прокопович С.Н. Новая экономическая политика // Экономический вестник. 1923. Кн. 1. С. 53-54; Прокопович С.Н. Что дал России НЭП. С. 58.

По мере развития НЭПа смещались акценты в изучении С.Н. Прокоповичем советского народного хозяйства. Так, в начале 1920-х он уделял больше внимания частной (особенно крестьянской) инициативе, в середине 1920-х под НЭПом понимал, прежде всего, развитие государственного капитализма, причем не только в экономическом плане, но и в плане политическом, с развитием соответствующих буржуазных свобод, делал выводы о скорой эволюции советской власти³⁰². Однако уже в 1926 г. указывал, что НЭП исчерпал себя как антикризисная программа, поскольку не находил условий для дальнейшего развития в силу отсутствия правовой базы и свободы рыночного хозяйства. В этом автор видел причину наступления планового хозяйства на рынок с середины 1920-х и минимизацию значения частного сектора к осени 1927 г.³⁰³

Г. Радченко проблемы в развитии советской экономики относил к неликвидированным перегибам военного коммунизма. Он ставил перед собой задачу изучить НЭП с социалистической точки зрения, выделить его положительные черты. В их числе он называл признание за сельским хозяйством преобладающего значения в экономике, легализацию и расширение рыночных отношений, переход от натуральной формы хозяйствования к денежно-меновой (хоть еще и не капиталистической), замену продразверстки продналогом, признание законности существования капиталистических форм в рамках экономической системы, плановое производство и распределение. Он обозначал наличие двух противоположных тенденций (социалистической и капиталистической), кроме того, выделял и нечто среднее между ними (например, наличие смешанных акционерных банков, развитие кооперации и прочее). Г. Радченко делал вывод о скором вытеснении и замене всех секторов государственным. Возражая большинству эмигрантов, убежденных в скором упадке СССР, он видел независимость советской экономики от Западной Европы и прогнозировал ее лидерство в мире в скором времени³⁰⁴.

³⁰² Прокопович С.Н. Что дал России НЭП. С. 57.

³⁰³ См. подробнее: Корицкий Э.Б., Нинчиева Г.В., Дмитриев Л.А., Шетов В.Х. Экономисты русской эмиграции. С. 209.

³⁰⁴ Радченко Г. Социально-экономическая структура СССР. С. 15, 17, 24-26, 41-43, 46.

Таким образом, из положительных результатов НЭПа к середине 1920-х гг. эмиграцией отмечались следующие: развитие торговли и мелкого ремесла, частнособственнической инициативы, активизация товарно-денежных отношений, что в целом облегчило жизнь, снизило напряженность ненависти к большевикам, особенно у крестьян; влияние проводимых реформ на иностранные круги, которые видели в них гарантии своей вовлеченности в советскую экономику; эволюция в умах большевиков³⁰⁵.

Рассматривая оценку итогов НЭПа, особенно интересно обратиться к мнению тех эмигрантов, которые верили в эволюцию строя под влиянием этой политики. Газета «Дни» писала в 1928 г., что все же НЭП подтвердил свой статус долговременной стратегии и «отрицать эволюцию практического государственного и хозяйственного ленинизма нелепо и смешно»³⁰⁶. Сотрудники журнала «Экономические записки» считали изменения явлениями временными, прогнозируя скорое прекращение реформ.

Главным положительным результатом с первых лет НЭПа русское зарубежье признавало незначительное ослабление коммунистической политики, приведшее к активизации населения и развитию частнохозяйственной инициативы. Некоторые эмигранты в качестве такового отмечали становление аппарата «государственного капитализма», восстановление сельского хозяйства и индустрии, хотя с оговорками, что прямого введения «капиталистического сектора» в народном хозяйстве не состоялось³⁰⁷.

Таким образом, несмотря на выделение ряда положительных моментов в новой экономической политике, эмиграция пришла к выводу о ее провале. Причины неудач НЭПа в представлении русского зарубежья подробно разбирались в двух предыдущих параграфах, это плохие организаторские и хозяйственные способности большевиков, проявлением чего был дисбаланс между промышленностью и сельским хозяйством; тяжелое наследие прежних лет; отсутствие капиталов для реформирования. Главную причину провала НЭПа эмиграция видела в его непоследовательности из-за противоречия между базисом и надстрой-

³⁰⁵ ДРЗ. Ф.7, оп.1, ед. хр. 3, л. 39 об. ГАРФ. Ф. Р-5872, оп. 1, д. 230, л. 5, ф. Р-6055, оп. 1, д. 26, л. 261. Круги НЭПа // Руль. 1922. 19 октября; Итоги НЭПа // Руль. 1922. 26 ноября; Каминка А. Народное хозяйство России в 1921 г. // Руль. 1922. 21 декабря.

³⁰⁶ Керенский А.Ф. Голос издалика // Дни. 1928. №14.

³⁰⁷ 1931: что такое Россия; к чему она пришла? С. 33.

кой, развитием экономической и политической систем, капиталистическими и социалистическими элементами, чем, собственно, и объяснялась противоречивость, непоследовательность реформ. Причины неудач НЭПа виделись и в том, что советская власть не сумела достигнуть даже видимости равновесия между социалистическим и частным сектором, поскольку у власти не было собственного (конкурентного с частным) хозяйственного аппарата³⁰⁸. Со временем экономическая система претерпела изменения, а политическая составляющая осталась прежней.

С.Н. Прокопович, оценивая экономическую политику 1920-х гг. в целом достаточно положительно, критиковал непоследовательность советского правительства в проведении экономических реформ (например, в вопросе о частном секторе³⁰⁹). П. Сорокин писал о НЭПе: с одной стороны, коммунисты вводят, с другой – обуздывают его и сводят на «нет». Он объяснял это тем, что большевики считали НЭП лишь передышкой³¹⁰. Автор отмечал, что на месте погибшего коммунизма оказался введенным не настоящий капитализм, а хозяйственно-социальный строй, представляющий смесь всех отрицательных сторон капитализма (спекуляция, хищничество, шакализм, контрасты голода и роскоши и другие), без его положительных организационно-производственных функций, и всех отрицательных сторон деспотического коммунизма (тирания, опека, бесправность, подавление стимулов к инициативе, труду), без его положительных (уничтожение неравенства, эксплуатации)³¹¹.

М.В. Вишняк пессимистически относился к НЭПу, считая его недостатками слабую экономическую, политическую, правовую базу. Как юрист он отмечал утопизм НЭПа вследствие правовой пустоты реформы, считал его несовместимым с социализмом³¹². В этом с ним был солидарен и Ю.О. Мартов. Выделяя такие принципы новой политики, как свобода торговли, концессии, инициатива частного капитала и так далее, он видел противодей-

³⁰⁸ Александров. Диктатор ли Сталин? С. 12.

³⁰⁹ Прокопович С.Н. Народное хозяйство. С. 339-340.

³¹⁰ Сорокин П. Россия после нэпа. Ч. II. С. 141.

³¹¹ Там же. С. 142.

³¹² Вишняк М. На Родине // Современные записки. 1921. Т.8. С. 362; 1922. Т. 12. С. 310-315.

ствие им со стороны ряда партийных представителей³¹³. Ф.И. Дан, как и Ю.О. Мартов, главным считал противоречие между капиталистическими элементами экономики и политической системой³¹⁴.

Противоречивый характер носили реформы с точки зрения П.Б. Струве. По его мнению, противоречие заключалось в невозможности накопления капитала внутри или привлечения в советскую экономику средств извне в силу «ее организации и правового режима». Для П.Б. Струве экономический кризис в СССР был неотделим от политического³¹⁵.

Как неоднократно подчеркивали эмигранты, экономические реформы неизбежно должны были сопровождаться политическими, иначе – провал. РНК был убежден, что экономические преобразования невозможны, пока сохраняется сам принцип советской власти³¹⁶. Даже С.Н. Прокопович, высоко оценивавший экономические реформы, указывал на то, что «переход к началам частного хозяйственной инициативы и частной собственности невозможен без коренной ломки установившегося за эти годы политического режима»³¹⁷.

Левые эмигранты верили в потенциал советской власти. Ю.О. Мартов отмечал, что, по его данным, среди «сторонников политики уступок капитализму уже раздаются голоса о том, что изменению экономики должно соответствовать изменение надстройки в смысле политической свободы»³¹⁸.

Большинство эмигрантов были уверены, что большевики не могут изменить своим политическим идеалам, следовательно, политическая составляющая, по мнению основной массы эмиграции, не могла эволюционировать, поэтому и любые попытки экономических реформ будут заведомо обречены на провал.

Подводя итог общей оценке экономического развития России в годы НЭПа эмигрантами, выделим несколько моментов.

³¹³ Из письма Ю.О. Мартова П.Б. Аксельроду от 8.06.1921 // Мартов Ю.О. Письма и документы (1917-1922)...

³¹⁴ Дан Ф.И. // Общественный вестник. 1922. № 13-14.

³¹⁵ Возрождение. 1927. 11 февраля.

³¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-5680, оп.1, д. 23, л.44, 49.

³¹⁷ Прокопович С.Н. Новая экономическая политика // Экономический вестник. 1923. Кн. 1. С. 73.

³¹⁸ Письмо Ю.И. Мартова П.Б. Аксельроду от 08.06.21. // Мартов Ю.О. Письма и документы (1917-1922)...

Датировка НЭПа русским зарубежьем была следующая: начало – 1921-1922 гг., окончание – 1926-1928 гг., при этом особенно неоднозначно воспринимался 1925 г. и как начало свертывания НЭПа, и как начало «неонэпа», то есть попытки вывести его на новый уровень.

Среди основных задач, которые должна была решить новая экономическая политика, выделялись собственно экономическая (народно-хозяйственная), внутриполитическая, внешнеполитическая. Целью считалось сохранение власти.

В отношении сущности НЭПа в русском зарубежье выделилось три основные точки зрения (в диапазоне которых находились остальные мнения). Новая экономическая политика – это:

- эволюция большевиков, осознанно избравших НЭП в качестве долгосрочной стратегии, которая, в конечном счете, вернет Россию на путь буржуазной демократии;

- временная тактическая уступка с целью восстановления сил для мировой революции и противостояния буржуазным государствам, которая закончится возвратом к строительству социализма или коммунизма;

- политика, родившаяся и развивающаяся под влиянием противостояния в коммунистической партии, от результата которого зависит и дальнейшее развитие России по тому или иному пути.

В ходе изучения новой экономической политики эмигранты не только анализировали количественные и качественные показатели изменения народного хозяйства и социального состава, советское законодательство, они пытались понять суть политики, проследить эволюцию коммунистических идей, от военного коммунизма к индустриализации через НЭП.

Выявление причин, целей и задач введения НЭПа, на которые указывало русское зарубежье, помогло проанализировать отношение эмиграции к его результатам. Говоря о безрезультатности новой политики, эмиграция противоречила своим же выводам о ее целях и задачах, которые были реализованы (экономические не в полной мере, а внутри- и внешнеполитические практически полностью). Главная же цель – сохранение власти – была выполнена. Необъективность эмиграции в оценке результатов НЭПа видится не столько в ее негативном настрое в отношении СССР,

сколько в ее разочаровании своими несбывшимися прогнозами, неожиданностью нового поворота и масштабами преобразований конца 1920-х гг. Разбор результатов был более эмоционален, критичен, менее фактологичен и доказателен, нежели анализ причин, задач НЭПа.

Русское зарубежье отмечало половинчатость, незавершенность реформ к концу НЭПа. Если судить о НЭПе не по планам большевиков и не по законодательству, а по итогам их претворения в жизнь, то результаты, с точки зрения русской эмиграции, были не слишком оптимистичны (особенно если учитывать, что сравнения проводились, как правило, с дореволюционной, а порой и с довоенной экономикой России): изменения коснулись в основном мелкой торговли и лишь частично затронули сельское хозяйство и крупную промышленность. Далеко не все представители эмиграции видели положительные изменения, произошедшие в социально-экономическом развитии страны. Большая же их часть оценивала НЭП как непретворенный замысел большевиков, не сумевший приостановить развала экономики.

Закономерность такой ситуации, по мнению русского зарубежья, исходила из противоречия между эволюцией экономических отношений и отсутствием таковой в политике³¹⁹. Главной причиной провала НЭПа эмиграция считала его непоследовательность, идущую от противоречия между базисом и надстройкой, развитием экономической и политической систем, между капиталистическими и социалистическими составляющими новой политики. Противоречивость – вот наиболее часто употребляемое в русском зарубежье слово в отношении НЭПа. Некоторые эмигранты полагали, что НЭП не удовлетворял чаяниям ни широких масс, ни отдельных слоев населения, а поэтому являлся обманом населения.

Изучение НЭПа эмиграцией начинается с момента его введения, сначала на основе законодательной базы, затем на основе данных статистики, публикаций советской прессы и свидетельств очевидцев, пополнивших ряды русского зарубежья в начале 1920-х гг. (в том числе знакомых с основами экономики, знавшими советское народное хозяйство не понаслышке).

³¹⁹ См., например: Экономическая реакция и советская власть // Руль. 1922. 29 августа.

Вовлеченность эмиграции в экономическую жизнь России была, прежде всего, теоретической: сбор, изучение, анализ информации, выводы. Это теоретизирование по вопросам советских экономических реформ иногда приводило к эволюции взглядов отдельных эмигрантов на некоторые социально-экономические вопросы, а порой и к трансформации взглядов на будущее России с учетом ее нынешнего состояния.

Косвенным воздействием русского зарубежья на экономическую ситуацию на Родине можно считать ее попытки повлиять на представителей западных стран в целях корректировки внешнеэкономических планов СССР.

Другим видом опосредованного воздействия можно назвать влияние, которое оказывали эмигрантские публикации по экономическим вопросам (особенно ученых-экономистов) на читавших их советских лидеров.

Прямое вмешательство русского зарубежья в решение экономических вопросов в Советской России/СССР проявилось лишь во время голода 1921 г. Широкая поддержка голодающих в Советской России со стороны эмиграции стала первым наглядным свидетельством возможности диалога, непредубежденности, готовности и желания русских, оказавшихся за рубежом, помочь своим бывшим соотечественникам.

В экономике вообще в значительно меньшей степени сказывалась предубежденность, предвзятость в оценках эмиграцией советских мероприятий. Основное внимание экономике уделяли, прежде всего, экономисты, промышленники, финансисты, кооператоры, ученые, бывшие государственные деятели (Б.Д. Бруцкус, Н.Н. Зворыкин, С.Н. Прокопович, Д.Н. Иванцов, Н.С. Тимашев, М.В. Бернацкий, В.Ф. Соллогуб, В.Б. Ельяшевич, А.Н. Анцыферов и др.), не только отдельные личности, но и целые организации (Экономический кабинет С.Н. Прокоповича, Российский торгово-финансовый и промышленный союз (РТФиПС), Объединение деятелей русского финансового ведомства, Комитет представителей русских коммерческих банков в Париже и др.). К тому же если вопросы политические оценивались скорее с точки зрения теории, то мероприятия в области народного хозяйства – исходя из практики и реалий времени и ситуации.

Изучение точки зрения русского зарубежья на советскую экономику периода НЭПа демонстрирует ее разносторонний, глубокий, более обоснованный и научный подход к данному сюжету, нежели в Советской России того времени. Несмотря на это, можно заметить, что преобладающей позицией было неверие в успех советской экономической политики. Причинами такого отношения были, во-первых, подход к социалистическим экспериментам с классических буржуазных позиций, во-вторых, недооценка изменений, произошедших в стране в целом и в обществе со времени революции, применение к изучению российского общества и экономики 1920-х гг. дореволюционных мерок, а в-третьих, политизированность, пусть и в меньшей степени, нежели в отношении других проблем. Отсюда и ставка части политической эмиграции на экономический кризис, способный привести к политическому провалу режима большевиков, что явилось проявлением своеобразного утопизма русского зарубежья.

Многие эмигранты среди причин введения НЭПа выделяли неудачи военного коммунизма. Если сравнить анализ русским зарубежьем проблем, с которыми столкнулись большевики, можно выявить общие, характерные для обоих этапов развития советского государства.

Эмигранты по-разному оценивали суть НЭПа: как эволюцию в сторону капитализма всерьез и надолго; как временное отступление для нового возврата к коммунизму; как своеобразную тактику, метания большевиков, не знающих, что и как исправлять. Они старались не только рассмотреть фактические итоги новой политики, но прежде всего понять ее сущность, определить место данного поворота в развитии России вообще и в экономической политике большевиков в частности. Уже тогда русское зарубежье подошло к проблемам, актуальным для современной историографии НЭПа. Особенно это касалось русских экономистов, которые изучали советские нововведения, пытались определить, был ли НЭП преднамеренным, запланированным этапом в развитии советской экономики или временным возвратом к прошлому.

При анализе развития советской экономики, социально-демографической ситуации в стране русские за рубежом часто прибегали к сравнениям России периода НЭПа со временем военного коммунизма и дореволюционным (довоенным) периодом.

Некоторые эмигранты считали, что НЭП преодолевал противоречия, доставшиеся СССР в наследство. Меньшевики даже отмечали, что новая экономическая политика доделывала то, что не успел доделать русский капитализм³²⁰.

Относительно социальной структуры общества эмигранты были единодушны, свидетельствуя о ее коренном изменении, как по сравнению с дореволюционным временем, так и по сравнению с периодом военного коммунизма. Особенно отмечалось качественно иное наполнение, соответственно определенная трансформация значения традиционных для дореволюционного социума групп (например, буржуазия, интеллигенция), изменение отношения к ним. Спорным для российских экономистов явился вопрос о расслоении крестьянства.

Советская экономика 1920-х гг. вызвала меньше всего разногласий и противоречий в среде эмиграции, большинство русского зарубежья было единодушно в ее оценке. Споры были лишь относительно сути НЭПа как политики в целом, а также в связи с теоретизированиями по поводу возможных вариантов его развития. Оценка конкретных мероприятий давалась в целом вполне объективно и сводилась к двум моментам: с одной стороны, в них виделось исправление недостатков и ситуации, сложившейся в стране к этому времени, привнесение капиталистических элементов в уклад страны; с другой – они считались половинчатыми, оставляющими без решения ряд вопросов (например, жилищный, финансовый, внутренней торговли), не меняющими экономической системы в корне (сохранение милитаризованного труда, принудительного товарообмена, государственной кооперации, истощение деревни и так далее), а также сохраняющими диспропорции в развитии народного хозяйства (между сельским хозяйством и промышленностью, частным и государственным сектором, крупными и мелкими хозяйствами и так далее). Резко критикуя большевистскую модель организации промышленности, эмигранты отмечали заинтересованность советского правительства в ее развитии. Сдвиги в аграрном секторе русское зарубежье оценивало как не «выгодные» для большевиков. В целом, по мнению большинства эмиграции, негативные стороны преобразований «перекрывали» успехи.

³²⁰ Социалистический вестник. 1922. № 21-22. С. 14.

Предложенные материалы свидетельствуют об интересе эмиграции к сопоставлению роли экономической и политической составляющей в развитии страны. В отношении военного коммунизма эмигрантами выводилась следующая закономерность: решение экономических вопросов политическими методами. В годы НЭПа отмечалось противоречие между активным развитием экономики в буржуазном русле и политической жизнью страны, не подвергшейся аналогичным изменениям.

Особое мнение имели меньшевики и некоторые эсеры, считавшие НЭП явлением негативным с точки зрения развития собственно социализма, видевшие в нем измену политическим идеалам. Анализ итогов и результатов новой политики, заимствованной, по мнению меньшевиков, из программы их партии, привел к ее корректировке.

Противоречия НЭПа, а также мнение о том, что он исчерпал все свои экономические возможности, приводил русское зарубежье к мысли о необходимости или даже скорой смене советской экономической политики.

Эмигранты видели возможность свержения власти в случае недовольства крестьян реформами. Сильное крестьянское хозяйство и отсталая промышленность также представляли, по мнению русского зарубежья, опасность для режима, но не политическую, а экономическую. Поэтому и переход к «индустриализации» рассматривался как вынужденный и в целом правильный³²¹ (другое — дело методы), хотя и ставился некоторыми (например, «Последними новостями») под сомнение.

Эмигранты отмечали незавершенность как отдельных реформ, так и НЭПа в целом, считая их следствием противоречий, заложенных в самой этой политике.

Изучение внутреннего экономического положения в Советской России/СССР позволяло лучше ориентироваться в складывающейся ситуации. Из анализа социально-экономического положения в России видна хорошая осведомленность русского зарубежья относительно данного объекта исследования. При опоре на одни и те же источники (советскую статистику, периодику) эмигрантские и советские экономисты делали порой противоположные выводы.

³²¹ Тринадцатый год // Руль. 1929. 9 ноября

Глава 2. Общественно-политическое развитие РСФСР/СССР в 1920-е гг. в восприятии русского зарубежья

В данной главе рассматривается несколько основных сюжетов, связанных с восприятием эмиграцией внутривнутриполитической ситуации в СССР. Под ней подразумевается как собственно сама советская политическая система, так и наиболее значимые, по мнению русского зарубежья, события. Не все советские события периода 1920-х гг. будут освещены в данной главе. Выборка была сделана с применением метода контент-анализа, с учетом частоты их упоминания в эмигрантских источниках, а также исходя из внутренней логики изложения. Так, например, бурная реакция последовала на процессы по делу эсеров, но упоминания о «таганцевском заговоре», «шахтинском деле» в эмигрантской прессе единичны. Подобная ситуация лишает нас объекта исследования по этим и некоторым другим вопросам. Не будет рассматриваться и такой вопрос, как национальное строительство в СССР. Более активную реакцию на вхождение республик в состав Союза проявляла национальная эмиграция, которая не является объектом изучения данной монографии.

Необходимо обратить внимание и на то, что если по вопросам экономики эмиграция отслеживала общую ситуацию, ее изменения в связи с корректировкой советского законодательства, экономической теории, то во внутренней политике больше внимания уделялось отдельным политическим событиям, их возможности изменить ход истории, то есть практической стороне вопроса. Такой «точечный» интерес сопровождался соответствующей политической оценкой.

Один из выводов предыдущей главы касался осознания эмиграцией необходимости политических реформ в СССР для улучшения положения народного хозяйства, углубления и придания эффективности экономическим преобразованиям. Политические преобразования мыслились единственным выходом из экономического и политического кризиса, в котором страна оказалась в начале 1920-х гг. Любые попытки таковых тщательно пре-

парировались эмиграцией, что не могло не заинтересовать исследователя при раскрытии сюжета о восприятии русским зарубежьем общественно-политического развития страны.

В отличие от сравнительного анализа экономической ситуации (до и после введения НЭПа), эмиграция не уделяла особого внимания сопоставлению внутривластной ситуации в годы военного коммунизма и в 1920-е. Вероятно, так происходило в силу отсутствия разительного контраста (в отличие экономики): гражданская война закончилась, но народные выступления продолжались; отношение к идеологическим противникам стало еще более непримиримым; роль партии и ее лидеров усилилась, видоизменился лишь их состав; советская система управления осталась неизменной. Может быть, именно вследствие такой «стабильности» эмиграция уделяла больше внимания отдельным событиям, способным привести к ее изменению, разрушению строя, его дестабилизации, и в меньшей степени – изучению самой советской системы и строя.

2.1. Кронштадтское восстание: слова и дела эмиграции

Заветной целью русского зарубежья было возвращение на родину, которое могло произойти лишь при смене режима. Вооруженное выступление гарнизона Кронштадта и экипажей ряда кораблей Балтийского флота против Советской власти, начавшееся 1 марта 1921 г., могло дать такую возможность. Многие эмигранты выступили в поддержку восстания. Предлагалось несколько вариантов помощи: военная с участием иностранных армий или исключительно силами эмиграции; финансовая, продовольственная и агитационно-пропагандистская.

Осознавая распыленность и отдаленность большинства своих военных формирований, русское зарубежье надеялось на Запад. Газета «Руль» предупреждала, что тот, кто отвергает вооруженную помощь из-за рубежа, должен будет обвинять самого себя, если Кронштадту придется капитулировать¹. Хорошо знавший международную ситуацию Б.А. Бахметев убеждал эмиграцию не надеяться на иностранные державы².

¹ Четыре года // Руль. 1921. 13 марта

² «Совершенно лично и доверительно!». Т. 1. С. 327-328.

Разработка в эмиграции планов свержения советской власти (в том числе совместно с западными спецслужбами) не была секретом для большевиков. Кронштадт значился в них как одна из ключевых позиций в направлении на Петроград*. Восстание воскресило надежды врангелевских офицеров в Галлиполи на возрождение боеспособности армии (в случае ее возможного участия в событиях)³, однако только на их переправку ушло бы больше времени, чем продлилось само восстание. Горячую поддержку оно вызвало у Н. Махно⁴. Однако сведений о создании реальных военных эмигрантских формирований нет.

Бесспорным лидером в поддержке восставших была партия социалистов-революционеров. Активную деятельность развернул один из ее лидеров В.М. Чернов. Был разработан план военной операции. В Ревеле стали предприниматься конкретные шаги по подготовке операции: началась мобилизация людских ресурсов, была организована разведка, приобреталось вооружение. Дальнейшая подготовка была приостановлена, как считает исследователь А.П. Новиков, из-за отсутствия финансов, руководящих военных кадров и организационной неразберихи⁵. Возможной причиной постепенного затухания этой деятельности был и ответ Временного Революционного комитета (ВРК) на предложение всесторонней поддержки: выразив благодарность, он не считал возможным воспользоваться ей немедленно, дальнейшее же решение вопроса оставлял на усмотрение, в зависимости от развития событий^{**6}. Единственное, в чем преуспел В.М. Чернов, – это

*Не все эмигранты были согласны с тем, что Кронштадт был удачным местом с точки зрения стратегии развития восстания во всероссийском масштабе. Так, например, Б.А. Бахметев уже после восстания в одном из своих писем указывал: «Нельзя придумать более невыгодного пункта в смысле революционной радиации, чем Петроград, окруженный болотами и лесами с редким чухонским населением. Всего же менее благоприятен в этом отношении Кронштадт – специфическая морская база, наполненная матросами, всем известными в свое время лояльностью большевикам, а вообще – проказничеством и забиячеством». («Совершенно лично и доверительно!». Т. 1. С. 325)

³ Смена вех: Сб. статей. Тверь, 1922. С. 82; Петроградские события // Новая русская жизнь. 1921. 7 марта

⁴ Помощь Кронштадту // Руль. 1921. 18 марта.

⁵ Новиков А.П. Эсеровские лидеры и Кронштадтский мятеж 1921 года // Отечественная история. 2007. №4. С. 60.

** Проект обращения восставших к эмиграции был разработан 15 марта и содержал призыв о «помощи довольствием, медикаментами, а главным образом военной помощью» (Вопросы истории. 1994. №7. С. 32)

⁶ Революционная Россия. 1921. № 8. С. 3-4.

регулярная информация Внепартийного объединения о событиях в Кронштадте и его окрестностях, что позволило этой организации развернуть широкую пропагандистскую кампанию в поддержку восставших за рубежом.

В Ревель и Гельсингфорс были командированы представители Б.В. Савинкова. Сам он пытался создать военные формирования в поддержку восставших в Польше. В одной из статей он призвал эмигрантов к помощи (продовольствием, деньгами и, если возможно, вооруженной силой)⁷, составил инструкцию о том, как следует действовать, чтобы свергнуть Советскую власть⁸. По мнению И.А. Бунина, Б.В. Савинков не был последователен в вопросе отношения к восстанию, проявлял политическую мимирию⁹.

На территории Финляндии подготовкой военной поддержки восстания занимался Г.Е. Эльвенгрэн. В Прибалтику приезжали русские офицеры, которых, по воспоминаниям очевидцев, во время кронштадтских событий там скопилось немало. При этом их мало интересовал вопрос о целях, движущих силах восстания, лозунгах и партийной принадлежности выступавших¹⁰. Главное, что оно было антибольшевистское. Несмотря на такую подготовку, вооруженная помощь восставшим оказана не была.

Однако русское зарубежье активно включилось в материальную и финансовую поддержку восстания. Начинается сбор средств от организаций и частных лиц, предназначавшихся главным образом для закупки продовольствия. 1 марта по инициативе С.Н. Третьякова начался сбор средств среди русских промышленников¹¹. Определенную роль сыграл в этом Российский торгово-промышленный и финансовый союз (РТПиФС)¹². Для организации помощи при нем был образован комитет в составе Н.Х. Денисова, П.О. Гукасова, Н.Н. Изнара, Т.В. Белозерского, С.Н. Третьякова, П.А. Тикстона и других.

⁷ Савинков Б. Кронштадт и монархисты // Свобода. 1921. 16 марта.

⁸ Политический архив XX века. Кронштадтская трагедия 1921 года // Вопросы истории. 1994. №7. С. 32-33.

⁹ Устами Буниных / Под ред. М. Грин. Т.2. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1977. С. 31.

¹⁰ Щетинов Ю.А. За кулисами Кронштадтского восстания // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1995. №3. С. 29.

¹¹ ДРЗ. Ф. 7, оп. 1, ед. хр. 1, л. 1об. – 2.

¹² Последние известия. 1921. 14 марта.

7 марта Красный Крест отдал распоряжение перевести из Дании 5000 английских фунтов стерлингов. Промышленники собрали 1 млн. франков¹³. 8 (по другим данным 10) марта Комитет представителей русских банков принял решение об экстренной продовольственной помощи Кронштадту. С этой целью его председатель Н.Х. Денисов выехал в Лондон для переговоров. Союз русских промышленников и финансистов обратился к министру торговли США Г. Гуверу с просьбой отправить восставшим транспорт с хлебом¹⁴. С тем же вопросом к нему и президенту У. Гардингу обратились представители Национального центра. Подобные просьбы поступили от Русского парламентского комитета в Париже и генерала П.Н. Врангеля. Кроме того, по сведениям исследователя П. Эврича, последний направил сообщение в Кронштадт, предлагая помощь Русской Армии, как только она будет мобилизована¹⁵. Н.В. Савич предлагал использовать помощь эмиграции как агитационное средство в будущей борьбе за власть. Однако, по его мнению, продовольственной поддержки недостаточно, нужен был резонанс в Красной Армии¹⁶.

Газеты «Общее дело», «Руль» опубликовали обращения к эмиграции об оказании помощи вне зависимости от политических пристрастий, предлагая для поддержки боевого духа сообщить восставшим по радио о ее начале¹⁷.

Совет Послов, состоявший из бывших русских дипломатов, совместно с бывшими членами Учредительного собрания направил в Вашингтон телеграмму Б.А. Бахметеву, в которой указывалось на желательность финансовой поддержки восставших Америкой¹⁸. По сведениям, опубликованным в советской печати, Б.А. Бахметев перечислил 100 тыс. французских франков и 25 тыс. долларов; 50 тыс. фунтов муки (по другим данным 50 вагонов¹⁹) были готовы к отправке из Амстердама в Кронштадт²⁰.

¹³ ДРЗ. Ф. 7, оп. 1, ед. хр. 1, л. 3-3 об.

¹⁴ Мухачев Ю.В., Шкаренков Л.К. Крах «новой тактики» контрреволюции после гражданской войны. С. 41.

¹⁵ Эврич П. Указ. соч. С. 119

¹⁶ ДРЗ. Ф. 7, оп. 1, ед. хр. 1, л. 1.

¹⁷ Общее дело. 1921. 6 марта; Первая помощь? // Руль 1921. 9 марта.

¹⁸ Голос России. 1921. 12 марта; Барихновский Г.В. Идеино-политический крах белой эмиграции и разгром внутренней контрреволюции. 1921-1924. Л., 1978. С. 72.

¹⁹ Кронштадтское восстание в РСФСР 1921 г. // Хронос: всемирная история в интернете. (URL: <http://www.hrono.ru/sobyty/1921kron.html>)

По данным газеты «Последние новости» к 18 марта от имени Торгово-Промышленного союза в пользу ревкома было ассигновано 100 тыс. франков; от Международного банка В.Н. Коковцов перевел 5 тыс. фунтов стерлингов; от Русско-Азиатского банка – 200 тыс. франков; от страхового общества «Саламандра» – 15 тыс. фр.; от Земско-городского комитета – 100 тыс. фр.; от банка, «имя которого еще не оглашено» – 225 тыс. фр.; один из сотрудников газеты «Руль» от своего собственного имени передал 5 тыс. рублей²¹; от Русского банка в Париже – 225 тыс. фр.; от Никополь-Мариупольского металлургического общества – 20 тыс. фр.²² По другим данным, директор международного банка перевел Д.Д. Гримму* 225 тыс. франков, Русско-Азиатский банк – 300 тыс. франков²³. В этот перечень не входят другие более мелкие суммы, поступившие от различных учреждений и частных лиц. Банки обещали продолжать платежи, пересылая их в Гельсингфорс²⁴. Сбор денег и продовольствия широко освещался в эмигрантской периодике. Подписка, объявленная газетой «Общее дело» на доставку продовольствия в Кронштадт, дала около 25 тыс. франков²⁵. Средства собирались сообща левой и правой эмиграцией. Некоторые представители русского зарубежья предлагали не афишировать участие правых, дабы не скомпрометировать восставших и не допустить их отказа от этой помощи²⁶.

Редакция газеты «Руль» считала, что особую исполнительную и передаточную функцию должны взять на себя русские, проживавшие в Финляндии и Эстонии²⁷. Форпостом помощи стал российский Красный Крест. Его Главноуполномоченный по Петрограду, Финляндии и Скандинавии, профессор Г. Цейтлер**

²⁰ Работа эсеров за границей. М., 1922. С. 66-70.

²¹ Последние известия. 1921. 18 марта.

²² Мухачев Ю.В., Шкаренков Л.К. Указ. соч. С. 40.

* Председатель образованного в Гельсингфорсе Комитета снабжения продовольствием восставших.

²³ Руль. 1921. 11 марта.

²⁴ Помощь Кронштадту // Руль. 1921. 18 марта.

²⁵ Новый мир. 1921. 22 мая.

²⁶ См. подробнее: Щетинов Ю.А. За кулисами Кронштадтского восстания // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1995. № 3. С. 28.

²⁷ Первая помощь? // Руль 1921. 9 марта.

** В разных источниках и литературе встречаются разные варианты написания (Цейдлер (Руль. 1921. 10 марта; Эврич П. Указ. соч.), Зейдлер (Суомела Ю. Указ. соч.). В русской

приехал в Выборг для оказания помощи, хотя у него не было ни денег, ни продовольствия для этого^{*}. Для содействия ему из Парижа в Ревель и Выборг отправилась группа русских общественных деятелей²⁸. В Гельсингфорсе был образован Комитет снабжения продовольствием восставших в составе Д. Гримма (председатель), Г. Цейтлера, М. Калугина и других.

Торгово-промышленный союз связался с Г. Цейтлером, сообщив, что заготовил некоторую долю провианта. По свидетельству В.А. Маклакова, Союз подписал обязательства, под которые получил несколько миллионов франков, заключил договоры с фирмами, которые должны были в нужный момент доставить продовольствие в Петроград. Но Кронштадт пал настолько быстро, что этот шаг промышленников остался известен только узкому кругу²⁹. С целью получения помощи для Кронштадта бывший премьер Временного правительства Г.Е. Львов посетил в Париже представителя Американского Красного Креста и 9 марта получил согласие на передачу всех запасов последнего в Финляндии^{**} в распоряжение Комитета снабжения продовольствием.

Есть данные и о прямых контактах эмиграции с восставшими, о присутствии ее представителей (не более 5–7 человек) в Кронштадте и приглашении их к участию в заседаниях ВРК. В частности капитан первого ранга барон П.В. Вилькен и генерал Ю.А. Явит входили в состав краснокрестной организации и были командированы сюда Г. Цейтлером³⁰. Восставшие опасались быть обязанными политическим организациям, которые стояли за Красным Крестом. С.М. Петриченко связался с Г. Цейтлером только 13 марта, когда ситуация с продовольствием стала крити-

дореволюционной традиции было принято писать Цейтлер, к тому же именно в этом варианте он указан в качестве автора написанной им книги (Цейтлер Г. О снабжении Петербурга. Выборг, 1921).

^{*} Возглавлявший в то время зарубежный Российский Красный Крест Ю.А. Лодыженский ни в своих воспоминаниях, ни в дневниковых записях не отмечает участия этой организации и этого человека в деле помощи Кронштадту. Хотя об этой работе много писали эсеры, упоминал в своих письмах В.А. Маклаков.

²⁸ Руль. 1921. 10 марта.

²⁹ «Совершенно лично и доверительно!». Т. 2. С. 85.

^{**} По некоторым данным на американских складах Выборга, Кронштадта и Петрограда имелось: 100 000 пуд. муки, 150 пуд. яичного порошка, 8000 пуд. сгущенного молока, 9000 пуд. сала, 10 000 пуд. сахара, 1200 пуд. сушеных овощей (Руль. 1921. 10 марта; Последние известия. 1921. 15 марта).

³⁰ Он же. За кулисами Кронштадского восстания ... №3. С. 35.

ческой, уполномочив его обратиться к правительствам Финляндии и других стран с просьбой о помощи³¹.

Лишь в двух документах (докладе члена комитета Г. Эльвенгрена и письме Г. Цейтлера) содержатся сведения о разовой отправке в крепость с территории Финляндии 600 пудов муки³². Есть еще данные исследователя В. Роговина (без ссылки на источник), что ко времени подавления мятежа в Кронштадт поступило 400 пудов продуктов³³. Других сведений о реальных поставках нет. Доставкой грузов в Кронштадт занимались отдельные финские контрабандисты, да и то их регулярно обстреливали и ловили пограничники.

Представитель американского Красного Креста Райан писал, что сведения, появлявшиеся в печати о прибытии в Кронштадт пароходов с гуманитарной помощью, не более чем репортерский вымысел³⁴. Он отмечал, что краснокрестные организации, желавшие оказать помощь восставшим, столкнулись с такими проблемами: невозможность ее предоставления политической или военной партии; отсутствие сообщения с Кронштадтом; противодействие финского правительства доставке помощи³⁵. Даже далекие от различного рода общественных и политических организаций эмигранты сомневались в успехе предприятия. И.А. Бунин в своем дневнике писал: «Но как и кем может быть доставлено в Кронштадт продовольствие «не позже среды»? Похоже опять на чушь и русскую легкомысленность ...»³⁶

Возникает вопрос, если были собраны такие действительно колоссальные средства, а реализовать их не получилось – куда они делись? Мы можем лишь предположить, что они пошли на дело помощи кронштадцам, бежавшим из страны после разгрома восстания, эмигрантам, а также голодающим и политзаключенным в России. Таким образом, несмотря на желание эмиграции оказать поддержку (военную и финансовую), эти планы не реали-

³¹ Эврич П. Указ. соч. С. 122.

³² Щетинов Ю.А. Крушение мелкобуржуазной контрреволюции в Советской России ... С. 101, 104; Он же. За кулисами Кронштадского восстания ... №3. С. 33.

³³ Роговин В.З. Была ли альтернатива? Партия расстрелянных. М.: Б.и., 1997. 528 с. (<http://trst.narod.ru/rogovin/t5/oglav.htm>)

³⁴ Последние известия. 1921. 17 марта; Сегодня. 1921. 17 марта.

³⁵ Общее дело. 1921. 17 марта.

³⁶ Бунин И. А. Дневники. С. 139-140. (Дневники И. Бунина // Электронная библиотека Либрсек. URL: <http://lib.rus.ec/b/98072/read#t32>)

зовались. Результативность действий эмиграции была практически нулевой.

Далеко не все русские, оказавшиеся вне родины, видели необходимость вмешательства в кронштадтские события. Например, редакция газеты «Социалистический вестник» считала, что революционное движение в России находится лишь в зачаточном состоянии и его не надо подталкивать извне³⁷. Меньшевики, являясь в Советской России на тот момент законной оппозицией, старались не вмешиваться в антибольшевистские выступления и акции. Ю.О. Мартов считал Кронштадское восстание показателем радикальных перемен, называл его бунтом большевистских масс против большевистской партии. Редакция газеты «Голос России» с радостью встретила восстание, но не в связи с его возможной ролью в деле свержения существующего режима. В статьях выражалась надежда, что советские власти оценят всю серьезность и значительность этого события и сделают надлежащие выводы. В целом же газета была пассивна в отношении Кронштадтского мятежа³⁸.

Интересна реакция интеллигенции на развитие событий. Так, И.А. Бунин в своем дневнике 7 марта писал: «Неужели правда это «революция?»... До сего дня я к этой революции относился тупо, недоверчиво, сегодня несколько поколебался». Он сомневается в правдивости газетной информации о захвате Петрограда*. Пессимист В. Кузьмин-Караваев, по словам писателя, так отозвался о Кронштадте: «Какая там революция, какое Учредительное Собрание! Это просто бунт матросни, лишенной советской властью прежней воли ездить по России и спекулировать!». 13 марта и сам И.А. Бунин, по его словам, «проснулся, чувствуя себя особенно трезвым к Кронштадту»³⁹.

Эсеровская эмиграция неоднозначно отнеслась к восстанию: правые эсеры и некоторые центристы – сдержанно, левое крыло – с революционным энтузиазмом. Публикации «Воли России» были противоречивы. На первом этапе она призывала к активной

³⁷ Грозное предостережение // Социалистический вестник. 1921. 19 марта.

³⁸ Письма Ю.О. Мартова к П.Б. Аксельроду от 24 марта 1921 г. и к С.Д. Щупаку от 30 марта 1921 г. // Мартов Ю.О. Письма и документы (1917-1922)...

* По тексту: «Петербург».

³⁹ Бунин И.А. Дневники. С. 139-140. (Дневники И. Бунина // Электронная библиотека Либрсек. URL: <http://lib.rus.ec/b/98072/read#t32>)

поддержке восстания, считала, что оно может вылиться в революцию и свержение большевиков⁴⁰, писала газета и о том, что надо дать событиям идти своим чередом, дабы не вызвать противоположных результатов⁴¹, появлялись в ней и публикации, изображавшие кронштадтские события как стихийное возмущение народных масс, в связи с чем перед партией эсеров ставилась задача предотвращения вмешательства эмиграции в его ход⁴². Событиям в Кронштадте отводилась первая полоса сначала в разделе «События в России», затем под рубрикой «Революция в России».

Вопрос о лозунгах всплывал редко. Большинство демократической эмиграции в первые дни восстания (когда еще не ясны были лозунги и цель восстания) было уверено, что мятежники выступают за Учредительное Собрание. Это, а тем более лозунг «Советы без коммунистов», не соответствовали интересам правых сил. Поэтому монархисты отнеслись к восстанию более чем сдержанно. На одном из собраний русских монархистов было прямо указано, что «с таким восстанием нам не по пути»⁴³. Монархическая периодика обошла его молчанием. Из Берлина монархистами был делегирован бывший генеральный консул в Гельсингфорсе барон фон Брук, который должен был «следить за ходом новой революции». Может быть, именно поэтому Б.В. Савинков писал, что восстание пробудило и надежды монархистов⁴⁴. Скорее всего, такое отношение было связано с самим фактом наличия антибольшевистских сил в России.

В газете «Руль» высказывалось недоумение относительно просоветского лозунга восставших, полагая это равносильным тому, что в феврале 1917 г. восставшие призывали бы лишь к устранению бюрократического правления под лозунгом «Вся власть царю!»⁴⁵. Узнав о реальном лозунге восставших, не все

⁴⁰ См., например: Воля России. 1921. 3 марта.

⁴¹ Единственная сила // Воля России. 1921. 5 марта; Печать и жизнь // Воля России. 1921. 11 марта.

⁴² Задачи, которые нельзя передать // Воля России. 1921. 6 марта.

⁴³ Цит. по: Последние известия. 1921. 14 марта.

⁴⁴ Савинков Б. Кронштадт и монархисты // Свобода. 1921. 16 марта; Савинков Б. Накануне новой революции. С. 46.

⁴⁵ Важнейшая задача // Руль. 1921. 12 марта.

эмигранты поверили в него, а периодические издания лишний раз старались не упоминать.

Не рассматривались и причины кронштадтских событий, для эмиграции они слились в одну, вполне очевидную и не нуждающуюся в анализе – недовольство советской властью. Не акцентировалось внимания и на конкретных требованиях восставших. Так, в газете «Воля России» отмечалось лишь, что выдвинуты лозунги политической свободы, отвечающие чаяниям и ожиданиям народа⁴⁶, в стране началось так давно ожидаемое народное движение и именно такая борьба может привести к свержению большевиков⁴⁷.

Нередко в периодике проводили параллели между Кронштадтским мятежом и Февральской революцией (время, характер движения, масштабы)⁴⁸. На волне эйфории русские издания иногда именовали события весны 1921 г. Третьей русской революцией и делали вывод о неизбежности падения большевиков. Авторы газеты «Последние новости» настороженно относились к подобному сравнению, да и к самому восстанию. Они считали, что народ в России еще не готов к революции, хоть и приветствовали материальную помощь восставшим, к коей стали призывать с 9 марта, обращаясь, прежде всего к французам⁴⁹.

Первые статьи о Кронштадте в русских газетах зарубежья были пронизаны эйфорией скорого падения советской власти. Некоторые эмигранты даже начали собирать свои вещи, в надежде на скорое возвращение на родину. Начальные успехи восстания не только окрылили эмиграцию, но и выявили желание ряда партий и организаций приписать их в качестве своих заслуг.

Особо русские зарубежные газеты отмечали революционный дух восстания⁵⁰. Б.В. Савинков называл в качестве возможного залога успеха Кронштадта то, что «он победит ее не силой оружия, не только пламенем революции, но еще и тем, что

⁴⁶ Период близких возможностей // Воля России. 1921. 9 марта.

⁴⁷ Неизбежное // Воля России. 1921. 3 марта

⁴⁸ См., например: Красная армия и петроградские события // Воля России. 1921. 2 марта; Время. 1921. 21 марта; Четыре года // Руль 1921. 13 марта.

⁴⁹ На помощь! // Последние новости. 1921. 9 марта.

⁵⁰ Кронштадт победит // За народное дело. 1921. 16 марта.

Кронштадтские моряки не хозяева, а служители России...»⁵¹, то есть социальным составом и базой восставших.

Постепенно до Европы стала доходить более достоверная информация. Если первые газетные публикации о восстании очень отличались друг от друга своей содержательной частью, то уже через несколько дней остались лишь идеологические расхождения и вариации в трактовке событий. Большинство русского зарубежья сошло в следующих тезисах: недовольство народа советской политикой, вызревание кризисной ситуации, недолговечность советской власти, возможность ее свержения кронштадтцами. Эмиграция стала осознавать, что быстрой революции не случилось, и боялась, что без помощи извне она может и не произойти (или превратится в затяжную гражданскую войну).

Не все эмигранты поддерживали мнение о возможности разрастания восстания во всероссийских масштабах. В газете «Голос России» отмечалась локальность события и подконтрольность основных территорий и ситуации в целом советскому правительству⁵². Именно на ее страницах на доступном в тех условиях уровне, впервые была проанализирована ситуация и сделан вывод: восстание направлено не против советской системы, а против большевиков⁵³. Такая позиция была оценена ее противниками как «большевизанство».

Среди эмигрантов были и реалисты, четко осознававшие обреченность восстания. Так, бывший военный и морской министр Временного правительства А.И. Гучков считал, что хоть оно и является показателем «начала конца» советской власти, вероятнее всего – будет подавлено и шансов на успех у него мало⁵⁴. Не разделяли революционного энтузиазма и сотрудники газеты «Социалистический вестник», называвшие Кронштадтское восстание типичным для России того времени⁵⁵.

К десятым числам отмечают первые попытки анализа событий. Так, в газете «Руль» писалось о неорганизованности и стихийности восстания. На место эйфории и уверенности в ско-

⁵¹ Савинков Б. О власти // Свобода. 1921. 19 марта; Савинков Б. Накануне революции. С. 49.

⁵² Голос России. 1921. 11 марта.

⁵³ Голос России. 1921. 16 марта.

⁵⁴ ДРЗ. Ф. 7, оп. 1, ед. хр. 1, л. 1.

⁵⁵ Грозное предостережение // Социалистический вестник. 1921. 19 марта.

ром падении советской власти приходит осознание того, что «было бы наивно ожидать бесповоротной и полной сдачи»⁵⁶.

В газете «За народное дело» выделялся такой момент в тактике подавления восстания большевиками, как репрессии, аресты семей повстанцев, «вплоть до расстрела бомбами с аэропланов мирных жителей и детей», и отмечалась полная непоколебимость восставших, самым мощным средством которых против советской власти считали кронштадтскую радиостанцию^{*57}.

И в ходе восстания, и после него эмигрантская периодика с оптимизмом писала о «начале конца», называла победу большевиков «пирровой», считала сам факт мятежа показателем скорого свержения власти⁵⁸. 19 марта газета «Руль» публикует статью «Падение Кронштадта», автор которой пытается разобраться в причинах краха восстания. Военные успехи большевиков представлялись как несостоятельные, главной причиной поражения объявляется отсутствие продовольствия. В газете еще раз указывается, что без помощи извне восстание не могло быть длительным⁵⁹.

По мнению советского исследователя С.Н. Семанова, после крушения восстания «эмигрантская печать запестрела разного рода материалами»⁶⁰. Это не так. Напротив, на первых порах эмигрантской периодике было «неловко» писать о провале мятежа, и она отмалчивалась. После поражения авторы газеты «Воля России» сетовали на то, что «шум, поднятый реакционной печатью за границей во время кронштадтского восстания, послужил на пользу большевикам и во вред восставшим»: обещания эмигрантской периодики о помощи восставшим не были исполнены;

⁵⁶ Факты и выводы // Руль. 1921. 8 марта.

* Надо отметить, что именно во время Кронштадтского восстания эмиграция впервые подчеркивала разлагающее влияние радиопропаганды восставших на советские вооруженные силы и намеревалась сама использовать радио для связи и поддержки мятежников. В дальнейшем (например, во время советско-финской войны) этот прием использовался более активно.

⁵⁷ Кронштадт победит // За народное дело. 1921. 16 марта.

⁵⁸ См., например: Кронштадт не сдается. // Воля России. 1921. 10 марта; Четыре года // Руль. 1921. 13 марта; Демидов. Завершившийся круг. // Последние новости. 1921. 15 марта; Пиррова победа. // Воля России. 1921. 20 марта; Время. 1921. 21 марта.

⁵⁹ Падение Кронштадта // Руль. 1921. 19 марта.

⁶⁰ Семанов С.Н. Указ. соч. С.130

используя русскую зарубежную прессу, большевики доказывали коалицию буржуазии и эсеров⁶¹.

По эффекту воздействия на эмиграцию Кронштадт можно сравнить с голодом 1921 г. Это был повод для объединения и демонстрации реальных возможностей: «За эмиграцией – показать, имеет ли она силы и способности не для разговоров и провозглашений, а для спешного дела. Первая скорая помощь должна быть налажена способными на то кругами, независимо от их политической номенклатуры»⁶². Однако, как и в ситуации с голодом, активная работа не привела к объединению. К тому же, в отличие от гуманитарного характера помощи голодающим, поддержка восставших носила политический окрас и порождала больше противоречий. Как верно подмечал один из авторов газеты «Руль», Кронштадт стал поводом не для объединения, а для новой полемики политических групп, выяснений, насколько позиции Кронштадта соответствуют их собственной позиции⁶³. Реакция русского зарубежья на восстание явилась наглядным показателем политической и практической слабости эмиграции. В газете «Новый мир» даже указывалось, что если бы не было Кронштадта, его следовало выдумать для проверки сил эмиграции⁶⁴.

По-разному эмиграция восприняла и разгром восстания. Одни газеты писали, что поражение было предопределено его несвоевременностью, другие отмечали, что без помощи извне рассчитывать на успех было бессмысленно. Были и те, кто занимался самокритикой, обвиняя эмиграцию в неспособности объединиться в деле помощи⁶⁵. Кронштадт послужил поводом для рефлексии эмиграции относительно ответственности за поражение, отсутствия единства как внутри русского зарубежья, так и с восставшими, антисоветского потенциала (в смысле поддержки будущих восстаний и внутренней контрреволюции в России). Как писал кадет Ф.И. Родичев, «события давно жданные, всегда совершаются не так, как думали, или не тогда, когда предвидели»⁶⁶.

⁶¹ Большевики и эсеры // Воля России. 1921. 30 марта.

⁶² Первая помощь // Руль 1921. 9 марта

⁶³ Падение Кронштадта // Руль. 1921. 19 марта.

⁶⁴ Новый мир. 1921. 22 мая.

⁶⁵ См., например: Вызов // Руль. 1921. 18 марта; Падение Кронштадта // Руль. 1921. 20 марта.

⁶⁶ Общее дело. 1921. 20 марта

Среди причин поражения восстания чаще всего выделялось отсутствие возможности доставки продовольствия и военной поддержки со стороны иностранных государств. В связи с последним эмиграция обращала внимание и на такое событие, как подписание именно в это время англо-советского договора, который в газете «Последние новости» назывался ударом по России⁶⁷. Реже среди причин поражения эмиграция упоминала об отсутствии поддержки восстания внутри страны и со стороны самого русского зарубежья. Административный Центр указывал, что Кронштадт потребовал особо напряженной работы, которая полностью не могла быть выполнена из-за отсутствия средств⁶⁸.

Для Б.А. Бахметева провал восстания не явился неожиданностью. Для него был важен не результат, а сам факт восстания как проявления антисоветского движения внутри страны⁶⁹. Его итог виделся ему в следующем: «1. Оно явилось ярким доказательством правильности нового курса в русской политике, основанного на неизбежности народного восстания и свержения большевиков изнутри ...; 2. События в России положили конец тому очарованию фактическим положением, которое Московский совет, несомненно, оказывал на политическое мнение мира ...; 3. Народное движение в значительной степени подорвало возможность вооруженного нападения большевиков на Польшу, Румынию и тем избавило как Европу, так, в конечном счете, и Россию, от весьма больших осложнений...»⁷⁰

Подавление восстания привело часть русского зарубежья к подрыву веры в близкий крах советской власти. Лозунги, выдвинутые восставшими, методы и ход восстания повлияли на эволюцию теории борьбы с коммунизмом и идеи будущего устройства России. Было пересмотрено отношение к советской действительности. После поражения мятежа усилились позиции «новой тактики» П.Н. Милюкова.

Восстание заставило эмиграцию задуматься о целях, задачах антисоветских, антибольшевистских сил, действовавших в России; о соотношении их со своими интересами; об изыскании точек

⁶⁷ Удар по России // Последние новости. 1921. 17 марта; Англо-русское соглашение // Последние новости. 1921. 17 марта.

⁶⁸ ГАРФ. Ф. Р-5893, оп. 1, д. 29, л. 1.

⁶⁹ «Совершенно лично и доверительно!». Т. 1. С. 324.

⁷⁰ Там же. С. 326-327

соприкосновения и общих идей. В.М. Чернов и после поражения восстания не утратил веры в их дальнейшее развитие и возможность свергнуть власть. Урок, который он извлек из взаимодействия кронштадцев и эмиграции, заключался в необходимости передислокации сил русского зарубежья на территорию лимитрофных государств для создания военного штаба, налаживания агитационно-пропагандистской работы и издательской деятельности. Внепартийное объединение поддержало его инициативы формально, и на деле ничего не изменилось. Причин, по мнению исследователя А.П. Новикова, было две: уже тогда многие эмигранты не захотели жертвовать своим комфортом во имя неясных перспектив и опасной работы в «захолустье» Прибалтики; А.Ф. Керенский усматривал в этих предложениях В.М. Чернова угрозу своему авторитету и влиянию во Внепартийном объединении⁷¹.

Интересно отметить, что, говоря о поддержке эмиграцией Кронштадта, советские лидеры выделяли и даже сравнивали между собой двух представителей русского зарубежья – П.Н. Милюкова и В.М. Чернова. Так, В.И. Ленин отмечал реализм первого в принятии лозунга Советов и прожектерство второго, отстаивавшего лозунг Учредительного Собрания⁷². А.В. Луначарский, напротив, полагал, что во время мятежа В.М. Чернов сдвинулся со своей учредилковской позиции и примкнул, как и П.Н. Милюков, к лозунгу «советская власть без коммунистов» (хотя позднее отрекся от него)⁷³.

После поражения восстания одной из основных тем стала помощь бежавшим из Кронштадта и сбор средств с этими целями. Темами для обсуждения эмигрантской прессы стали амнистия, объявленная советским правительством участникам восстания, возвращение некоторых из них и последовавшие за этим аресты⁷⁴. И через год, и через несколько лет в русских зарубежных газетах в дни восстания продолжали выходить статьи в память о нем и как напоминание об упущенном шансе.

⁷¹ Новиков А.П. В.М. Чернов в годы третьей эмиграции: эстонский период (1920 – 1922) ...

⁷² Ленин В.И. Речь на Всероссийском съезде транспортных рабочих // Полн. собр. соч. Т. 43. С. 139-140.

⁷³ Луначарский А. Бывшие люди Очерк истории партии эсеров. М., 1922. С. 77.

⁷⁴ ГАРФ. Ф. Р-6140, оп. 1, д. 9, л. 12.

Таким образом, Кронштадт был встречен эмиграцией с воодушевлением, надеждой на дальнейшее развитие вширь и вглубь, вплоть до свержения советской власти. Деятели зарубежья попытались установить связь с восставшими. Некоторые политические группы его не поддерживали.

В эмиграции не было достигнуто единства мнений относительно восстания, но единство действий (материальная и моральная поддержка восставших) установилось практически сразу. Русское зарубежье начало сбор средств и продовольствия. Особую роль в этом сыграл Комитет снабжения продовольствием восставших, образованный в Гельсингфорсе. Однако собранные средства так и не были доставлены в Кронштадт, или был переправлен лишь их незначительный процент. Главным препятствием явилась позиция финских властей по этому вопросу.

Подавление восстания вызвало разочарование и осознание собственного бессилия. Русское зарубежье не смогло организовать иностранное военное содействие, наладить доставку продовольствия. Именно эти пункты эмиграция считала и главными причинами поражения восстания.

Рефлексия относительно самого восстания и вовлеченности эмиграции в дело помощи кронштадтцам привела русское зарубежье к неутешительным, пессимистическим выводам о собственной разобщенности и недееспособности, заставила задуматься о дальнейшем жизненном пути. Пессимизм проявился и в отношении свержения советской власти в ближайшем будущем. Лозунги, выдвинутые восставшими, методы и ход восстания повлияли на эволюцию теории борьбы с коммунизмом и идеи будущего устройства России.

2.2. Процесс над эсерами. Отношение русского зарубежья к репрессиям против меньшевистских партий

Меньшевик Д.Ю. Далин на основе программы большевиков писал об их уверенности в мирном становлении советского строя, без подавления и репрессий, подтверждением чему называл свободную деятельность оппозиционных партий в первые месяцы власти. Если террор был связан с началом Гражданской войны, то с ее окончанием он должен был закончиться, как считал автор. Но поскольку большевизм, по мнению автора, стал «универсаль-

ным партийным государством», это должно привести к уничтожению других партий⁷⁵.

После Кронштадтского восстания, одним из уроков которого В.И. Ленин назвал необходимость усиления борьбы с социал-революционерами⁷⁶, произошла смена политики в отношении этой и других оппозиционных партий.

26 сентября 1921 г. состоялось собрание Исполнительной Комиссии Совещания Учредительного Собрания, посвященное памяти жертв большевистского террора. С речами-обвинениями в адрес репрессивной политики советской власти выступали представители различных партий⁷⁷. Была принята резолюция, в которой рассказывалось о политических убийствах, внесудебных преследованиях, содержании заключенных в тюрьмах, применении пыток для признательных показаний и так далее. В ней подчеркивалось, что комиссия не просит помощи и вмешательства государств во внутреннюю борьбу, а обращается исключительно к общественному мнению Европы, с тем, чтобы оно заклеямило виновников террора⁷⁸. В 1920-е гг. это было актуально в связи с изменением международного отношения к Советской России. Русская зарубежная пресса, особенно накануне подписания какого-либо договора с РСФСР (СССР), задавала со своих страниц вопрос, обращенный к иностранцам, как можно общаться со страной, в которой нарушаются все принципы демократии, попираются основные свободы.

Сведения о деятельности оппозиционных партий в Советской России очень разнились: от констатации многообразия пусть и подпольных организаций до практически их полного уничтожения. При этом в качестве наиболее активных и эффективных также назывались различные политические организации⁷⁹. Чаще всего в информационных эмигрантских сводках отмечалась работа на родине эсеров и меньшевиков. Многие из

⁷⁵ Далин Д. После войн и революций. Берлин, 1922. С. 23-24, 50-51.

⁷⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 371.

⁷⁷ Собрание памяти жертв большевистского террора // Руль. 1921. 28 сентября; Русский митинг протеста в Париже // Руль. 1921. 4 октября.

⁷⁸ Бюллетень Исполнительной Комиссии Совещания Членов Российского Учредительного Собрания.. 1921. 1 ноября. №1. С. 8-9.

⁷⁹ См., например: Мерцалов Е. Политические партии в Советской России // Варшавское слово. 1920. 3, 4 июля; ГАРФ. Ф. Р-6055, оп. 1, д. 1, л. 396, 340-341; Маслов С.С. Россия после 4-х лет революции... Т. 2. С. 68-72.

представителей этих партий к тому времени находились в тюрьмах. В газете «Революционная Россия» читаем, что в РСФСР сидят все анархисты, меньшевики, максималисты, эсеры, кооператоры и беспартийные, причем сидят долго, без предъявления обвинений⁸⁰. В меру возможностей велся учет численности политических заключенных⁸¹.

Первоначально эмигранты высказывали мнение, что большинству заключенных власть просто не сможет предъявить обвинения, поэтому инициировать процесс для нее нереально и опасно⁸². За границей считали, что большевики, несмотря на гонения в отношении эсеров, все-таки их уважают⁸³. В ряде документов отмечалось улучшение отношения большевиков к оппозиционным партиям в первые годы НЭПа, доказательством чего считали амнистию меньшевиков и эсеров (не офицеров), участвовавших в Кронштадтском восстании; «снисходительную полемику» советской периодики с эмигрантской социалистической печатью, ее цитирование; участвовавшие упоминания мартовской революции в самых сочувственных тонах; слухи о готовящейся амнистии.

В конце августа 1921 г. в эмиграции появились слухи об освобождении политзаключенных, а в одной из телеграмм даже сообщалось, что Центральный Исполнительный Комитет назначил особую комиссию для пересмотра дел меньшевиков, эсеров и анархистов и дал ей право одних из них освобождать, а «непримиримых врагов советской власти» высылать за границу. В связи с чем Ю.О. Мартов опасался, что комиссия переусердствует и вышлет за границу десятки людей, которым тут будет невозможно пристроиться⁸⁴. К октябрю стало понятно, что за исключением пары десятков человек все остальные остались в тюрьмах⁸⁵.

На этом фоне появление в иностранной печати слухов о приглашении Ю.О. Мартова и В.М. Чернова на переговоры в Мо-

⁸⁰ Революционная Россия. 1921. №8. С. 27.

⁸¹ См., например: Социалистический вестник. 1921. №18. С. 14.

⁸² Советская каторга // Воля России. 1920. 16 декабря; Ярославские пленники // Революционная Россия. 1920. №1. С. 27.

⁸³ См., например: ГАРФ. Ф. Р-5893, оп. 1, д. 68, л. 103-110.

⁸⁴ Письмо Ю.О. Мартова П.Б. Аксельроду 31.08.21 // Мартов Ю.О. Письма и документы (1917-1922) ...

⁸⁵ Письмо Ю.О. Мартова П.Б. Аксельроду от 12.10.21. // Там же.

скву по вопросу о коалиционном правительстве (большевики-меньшевики-эсеры) для эмигрантов было странным, но не случайным. Они полагали, что таким образом Советы «пускают пыль в глаза» европейским державам, стремясь выбить займы. Виделись им в этом и отголоски партийных дискуссий в ВКП (б), в частности проявление точки зрения сторонников ставки на капитализм, полагающих, что без коалиции большевики не устоят⁸⁶. В этой связи некоторые представители русского зарубежья даже стали вынашивать план образования «единого революционного фронта», «введение специалистов не большевиков в советское правительство в виде коалиционного кабинета из всех партий трудящихся, стоящих на основе великой революции»⁸⁷.

Одним из самых громких процессов начала 1920-х гг. было дело эсеров⁸⁸. Заграничная делегация партии эсеров в конце зимы – начале весны 1922 г. сама предлагала организовать суд из представителей трех международных объединений как социалистических, так и коммунистических партий, чтобы тот рассмотрел все выдвинутые большевиками против ПСР обвинения⁸⁹, и либо положить конец вымыслам большевиков, либо, в случае вины перед ПСР, ответить за это⁹⁰.

Суд, но совершенно другого рода, не заставил себя ждать, он начался в Москве летом 1922 г. Формально толчок ему дала брошюра бывшего члена партии эсеров Г.И. Семенова (Васильева) «Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917–1918 гг.», вышедшая в Берлине и практически сразу переизданная в Москве. Эмигрантские социалистические издания оценили ее как фальсификацию и провокацию*. Особого мнения придерживался Б. Савинков, который и

⁸⁶ Письмо Ю.О. Мартова П.Б. Аксельроду от 30.10.21 // Мартов Ю.О. Письма и документы (1917-1922) ...

⁸⁷ ГАРФ. Ф. Р-6055, оп. 1, д. 1, л. 83-85.

⁸⁸ См. подробнее: Беляева А.В. Эмиграция и процесс над эсерами 1922 г. // Демидовский временник: Исторические исследования в Ярославском государственном университете: Сб. науч. тр. Ярославль, 2004. С. 242-252.

⁸⁹ ГАРФ. Ф. Р-6772, оп. 1, д. 8, л. 12-13.

⁹⁰ Революционная Россия. 1922. №21-22.

* Эсеры-эмигранты уделяли немало времени разоблачению провокаторов в своих рядах. Для этого проводились мероприятия по укреплению дисциплины в партийных ячейках, создавались специальные комиссии для расследований. Фотографии и информация о деятельности выявленных провокаторов и шпионов печаталась в «Революционной России».

послал Г. Семенова из Варшавы с террористическими поручениями. Он предложил партии эсеров доставить доказательства того, что тот – большевистский провокатор⁹¹. Для остальных это было очевидно⁹². Комиссия, созданная для ведения кампании по делу эсеров, провела опрос людей, знавших Г. Семенова (Васильева), пытаясь понять его мотивы⁹³.

Провокации на этом не закончились. Забегая несколько вперед, отметим, что уже в ходе процесса были выкрадены и обнародованы документы Административного Центра Внепартийного объединения, в работе которого участвовало много видных эсеров-эмигрантов. Заграничная делегация ПСР выступила с заявлением, в котором констатировала, что ни один из обвиняемых не принадлежит к этой организации, более того, когда объединение начало свою деятельность, они уже находились в тюрьме. В заключении указывалось, что попытка «уличить» эсеров в организации восстаний на основании выкраденных документов «свидетельствует лишь о полном бессилии большевистских прокуроров найти в полицейских доносах и провокаторских показаниях достойный материал для обоснования заготовленного ранее приговора»⁹⁴.

В документах заграничной делегации ПСР неоднократно повторялась мысль, что данный процесс – суд не над конкретными людьми за их противоправные действия, а суд над партией. Эмигранты верили, что процесс станет разоблачением не эсеров, а большевиков, ПСР же выйдет из него идейно и морально окрепшей, поддержанной сочувствием, участием и активной помощью социалистических партий и трудовых масс. Характеризуя это противостояние, М. Вишняк называл его «историей пролетарской революции», «5-летней тяжбой между мартом и октябрём», ПСР и РКП⁹⁵.

⁹¹ Лебедев Вл. Конец Савинкова // Воля России. 1922. №14-15. С. 188.

⁹² Революционная Россия. 1922. №16/18. С. 11-12; №19. С. 11; Чернов В. Иудин поцелуй // Голос России. 1922. 25 февраля.

⁹³ Революционная Россия. 1922. №19. С. 13, 14, 45, 46.

⁹⁴ Революционная Россия. 1922. №21-22. С.39; Заявление заграничной делегации ПСР. Берлин, 14 июля. // Партия социалистов-революционеров: Документы-материалы. Т. 3. Ч. 2. М., 2000. С. 925.

⁹⁵ Вишняк М. На Родине (партия с.-р.) // Современные записки. 1922. №12. С. 298.

Еще до суда журнал «Революционная Россия» пытался привлечь внимание международного социалистического движения к этому событию. Публиковались обращения Р.А. Абрамовича, Ю.О. Мартова, Ф.И. Дана, Э. Бернштейна, А. Франса, К. Каутского⁹⁶. С начала весны 1922 г. заграничная делегация ПСР стала рассылать различным эмигрантским организациям, социалистическим и рабочим партиям разных стран циркулярные телеграммы, письма, резолюции по данной проблеме⁹⁷.

7 марта заграничной делегацией ПСР была создана комиссия для ведения «кампании по делу эсеров». В нее вошли Б.Н. Рабинович, М.М. Тер-Погосян, позднее – В.М. Зензинов и В.В. Сухомлин. В ее компетенции был поиск материалов и их рассылка социалистическим и рабочим центрам в разных странах, составление меморандумов, обращений и так далее⁹⁸. Уже 8 марта были разосланы документы 73 организациям, 9 марта – по 244 адресам было отправлено краткое коммюнике, воззвание заграничной делегации эсеров и телеграмма социалистическим партиям мира, 10 марта – меморандум заграничной делегации «К социалистическому миру», 14 марта – по 73 адресам циркулярная телеграмма с призывом немедленного вмешательства. Когда из Москвы поступили сведения о готовящейся смертной казни заключенных эсеров, заграничная делегация ПСР циркулярной телеграммой на трех языках (английском, французском, немецком) обратилась к рабочим всего мира выступить в защиту осужденных. К июню география почтовых отправок расширилась за счет Америки.

В марте 1922 г. эсеры-эмигранты сформулировали три важнейших требования к советскому правительству: прекратить террор по отношению к российским социалистам и освободить всех политических узников; в случае же суда над заключёнными эсерами перенести слушания в специальную международную социалистическую комиссию, образованную из представителей трех Интернационалов; ни при каких обстоятельствах не превращать

⁹⁶ Революционная Россия. 1922. №19. С. 16-18.

⁹⁷ ГАРФ. Ф. Р-6772, оп. 1, д. 6; За свободу. 1922. 29 марта.

⁹⁸ ГАРФ. Ф. Р-6772, оп. 1, д. 13.

суд в акт политической мести, не допустить смертной казни осуждённых⁹⁹.

Со 2 по 5 апреля 1922 г. в Берлине прошла Международная социалистическая конференция, на которой в качестве гостей присутствовали В.М. Чернов, В.М. Зензинов и В.В. Сухомлин¹⁰⁰. Они использовали ее как трибуну для защиты заключенных товарищей. Эсерами был составлен меморандум, имевший главным образом пропагандистское значение, который был разослан по рабочим и социалистическим организациям Европы и Америки (более 3,5 тыс. экземпляров) и распространен среди участников конференции (50 экземпляров)¹⁰¹.

В ответ стали появляться публикации в не эсеровской эмигрантской периодике, приходили письма-отклики, обозначилась реакция западной общественности¹⁰². Телеграммы и письма протеста направлялись заграничной делегации ПСР, советскому правительству, Коммунистическому Интернационалу¹⁰³. Цель была одна – защитить подсудимых, опровергнуть выдвинутые в их адрес обвинения. Такая массовая реакция стала для большевиков неожиданностью.

Судебный процесс ознаменовал новый этап протестной кампании заграничных эсеров – организацию защиты своих соратников на суде. Ставка делалась на помощь представителей международного рабочего и социалистического движения. Была проделана большая организационная и техническая работа. Шел поиск источников финансирования для поездки в Москву иностранных адвокатов-социалистов, готовился необходимый материал для защиты. Рассматривался вопрос о поездке в РСФСР заграничных эсеров и меньшевиков. Однако на совместном заседа-

⁹⁹ Новиков А.П. Заграничная делегация ПСР – организатор международной антибольшевистской кампании 1922 года // <http://socialist.memo.ru/firstpub/y06/novikov1.htm#y5>

¹⁰⁰ См. подробнее: Международная социалистическая конференция (объединённое заседание исполкомов трёх интернационалов): Стенографический отчёт. М., 1922; Сухомлин В.В. Итоги Берлинской конференции // Революционная Россия. 1922. №19. С. 29-36; Отчёт о Берлинской конференции трёх Интернационалов // Революционная Россия. 1922. №19. С. 36-42.

¹⁰¹ См.: Отчёт комиссии ЗД ПСР по ведению кампании в связи с процессом над социалистами-революционерами // Революционная Россия. 1922. №19. С. 46; Партия социалистов-революционеров: Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. С. 846.

¹⁰² ГАРФ. Ф. Р-6772, оп. 1, д. 6; За свободу. 1922. 29 марта.

¹⁰³ См.: Единый фронт // Революционная Россия. 1922. №16/18. С. 56.

нии представителей этих партий и иностранных защитников было решено, что их присутствие на процессе осложнит его и может принести вред¹⁰⁴.

Когда начался суд, заграничная делегация усилила «кампанию и организацию систематической информации рабочей и социалистической прессы в ходе процесса»¹⁰⁵. Интенсификация работы требовала привлечения дополнительных средств. Вопрос был поставлен на повестку дня региональных групп. Для сбора пожертвований был проведен специальный концерт. В результате этих мероприятий получено более чем 250000 марок¹⁰⁶.

Основной сферой деятельности комиссии по-прежнему оставалась информационная, поэтому в целях ее улучшения в мае 1922 г. Заграничной делегацией ПСР был создан одноименный отдел¹⁰⁷, ежедневно выпускавший материал о ходе процесса (на немецком языке), который воспроизводила почти вся зарубежная социалистическая и даже буржуазная пресса.

Особую роль в организации, координации и развертывании протестного движения сыграли В.М. Чернов и эсеровская периодическая печать. Газета «Голос России» помещала на своих страницах материалы о ходе и итогах судебного процесса. Газета «Народная трибуна», выходившая на французском языке, и ежедневный бюллетень «Социалист-революционер», издававшийся на немецком, французском, английском, итальянском и еврейском, давали оперативную информацию о ходе судебного процесса и положения социалистов в России. О репрессиях писали такие издания, как «Воля России» и «Революционная Россия».

Материалы судебного процесса или краткие резюме печатались практически всеми левыми эмигрантскими изданиями. Поражает информированность зарубежных корреспондентов, а также оперативность в освещении событий. Как указывал эмигрант П. Берлин, у русской общественности за рубежом было два ис-

¹⁰⁴ См. подробнее: Новиков А.П. Заграничная делегация ПСР – организатор международной антибольшевистской кампании 1922 года // [http:// socialist.memo.ru /firstpub /y06/novikov1.htm#y5](http://socialist.memo.ru/firstpub/y06/novikov1.htm#y5)

¹⁰⁵ Революционная Россия. 1922. № 19. С.30.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Там же.

точника информации о событиях на родине – советская пресса и судебные процессы¹⁰⁸.

24 июля 1922 г. в Париже в зале «Глоб» эсеры организовали митинг протеста против суда, на котором, кроме русских эмигрантов, присутствовали и выступали такие видные деятели зарубежных социалистических и рабочих партий, как К. Либкнехт, Розенфельд, П. Фор и другие¹⁰⁹. Резкой критике подверглись выдвинутые обвинения, само ведение процесса и приговор.

Активно поддерживали эсеров меньшевики, другие левые партии¹¹⁰. Ими было выпущено совместное обращение «К социалистическим партиям и рабочим организациям»¹¹¹, которое, как и сам процесс, вызвало новую волну солидарности с российскими социалистами¹¹².

Левое крыло эмиграции считало, что большевики нарушили обещания, данные ими социалистической и рабочей общественности (создали невыносимые условия для работы иностранных защитников, которые, в конце концов, вынуждены были уехать; печатали в советской периодике искаженные отчеты о процессе; в суд допускали только коммунистов; лишили подсудимых всех прав, гарантий защиты; не заслушивали свидетелей со стороны подсудимых и так далее)¹¹³. Юрист и публицист М. Вишняк, как и многие эмигранты, считал, что подсудимые рассматривались не с процессуальной, а с политической точки зрения. Аналогичного мнения придерживался и другой юрист В. Кузьмин-Караваев, отмечая, что в центре внимания было осуждение социально-политической мысли, программа и действия партии вообще, а не

¹⁰⁸ Берлин П. Уроки московских процессов // Современные записки. 1937. №63. С. 398.

¹⁰⁹ Последние новости. 1922. 25 июля.

¹¹⁰ См. подробнее: Морозов К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства. М., 2005. С. 84–108.

¹¹¹ Обращение заграничных делегаций РСДРП, БУНДа, левых социалистов-революционеров и ПСР «К социалистическим партиям и рабочим организациям» от 12 июня 1922 г. // Социалистический вестник. 1922. №12. С. 3.

¹¹² Подробнее см.: Двенадцать смертников. Суд над социалистами-революционерами в Москве. С. 86–96; Красильников С.А., Морозов К.Н. Предисловие // Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь – август 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги: Сборник документов. С. 97–103; Морозов К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика. С. 245–274.

¹¹³ ГАРФ. Ф. Р-6772, оп. 1, д. 13, л. 299.

конкретные факты, инкриминируемые конкретным подсудимым¹¹⁴.

Как считали эсеры-эмигранты, большевикам не удалось на суде выполнить задуманного, поэтому они стали «поднимать шум по поводу деятельности других эсеров, которые якобы из-за границы занимались шпионажем в пользу Антанты», делали они это для того, чтобы оправдать смертный приговор¹¹⁵. Он был вынесен двенадцати подсудимым с отсрочкой его исполнения. Отношение к этому решению эсеров-эмигрантов было однозначное – восхищались подвигом и стойкостью подсудимых*, считали результат суда моральной и политической победой эсеров и полным поражением большевиков, но отсрочка была воспринята как «нечто более утонченное и жестокое, чем казнь, – это медленная пытка заложничества»¹¹⁶. Не все эмигранты были солидарны с такой оценкой. Некоторые издания соответствующей направленности, например берлинская газета сменовеховцев «Накануне» и софийская газета возвращенцев «На Родину», узрели в отсрочке особую форму условного осуждения¹¹⁷. П.Н. Милюков полагал, что большевики добились желаемой цели – обезвредили своих соперников.

Президиум ВЦИК решил, что приостановление смертной казни будет зависеть от дальнейшей деятельности ПСР. Однако для заграничной делегации долг был выше сострадания, за что она публично просила прощения у осужденных¹¹⁸.

Ю.О. Мартов обвинял эсеров в том, что, когда был вынесен смертный приговор осужденным, они растерялись и снизили активность¹¹⁹, с чем вряд ли можно согласиться. Отсрочка приговора была расценена как издевательство над правосудием, борьба за жизнь осужденных и за смягчение наказания были продолжены.

¹¹⁴ Кузьмин-Караваев В. Кто они? // Руль. 1922. 12 августа.

¹¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-6772, оп. 1, д. 13, л. 300.

* Некоторые даже противопоставляли их поведение (стойкие, непоколебимые, героические) с покаянием морально разбитого Б. Савинкова перед советской властью. (Лебедев Вл. Конец Савинкова. // Воля России. 1922. №14-15. С. 164-189).

¹¹⁶ Революционная Россия. 1922. № 21-22. С. 37; За свободу. 1922. 23 июня.

¹¹⁷ Вишняк М. На родине (партия социалистов-революционеров) // Современные записки. 1922. XII. С. 302.

¹¹⁸ Революционная Россия. 1922. №21-22. С. 37.

¹¹⁹ Письмо Ю.О. Мартова А.Н. Штейну от 15.03. 22. // Мартов Ю.О. Письма и документы (1917-1922) ...

Сразу после окончания процесса ПСР выпустила в Берлине книгу (на пяти языках) «Двенадцать смертников. Суд над социалистами-революционерами в Москве», в которой рассматривались цель, подготовка, ход и итоги судебного процесса¹²⁰. Вступительную статью к ней написал К. Каутский, основной же текст принадлежал В. Войтинскому. Автор сравнивал процесс над эсерами с делом Бейлиса и Дрейфуса – «такая же ложь, фальсификация, инсценировка народного гнева»¹²¹. Заканчивалась книга призывом провести моральную блокаду силами мирового пролетариата против Советской России.

Кроме этого, были изданы: сборник «Че-Ка» (на четырех языках), состоявший из документальных очерков о преступлениях ВЧК в 1919–1921 гг., предисловие к которому написал В.М. Чернов¹²²; «Воспоминания о советских тюрьмах» О.Е. Черновой-Колбасиной, второй жены В.М. Чернова¹²³; серия фотооткрыток, посвященных процессу¹²⁴. Издание книг и открыток имело не только политическое, информационное, но и финансовое значение. Они были востребованы и оказались прибыльными. 1 октября 1922 г., уже после окончания процесса, заграничная делегация ПСР создала фонд помощи заключенным и ссыльным эсерам. За 8 месяцев работы им было собрано 800 долларов, 2548500 немецких марок, 2010 французских франков, 125 швейцарских франков, 70 английских фунтов стерлингов¹²⁵.

После окончания процесса на какое-то время статьи на эту тему исчезли со страниц эмигрантской, даже эсеровской печати. Новый всплеск публикаций наблюдается в связи с годовщиной процесса. Одна из статей заслуживает особого внимания, так как она необычна самой постановкой вопроса, связанной с отсрочкой исполнения смертного приговора. «Революционная Россия» писала, как первое время надеялись, что «решение о заложничестве» вскоре будет ликвидировано. Но, – как бы сетует газета, –

¹²⁰ Двенадцать смертников. Суд над социалистами-революционерами в Москве. Берлин, Изд-ие заграничной организации П.С.Р., 1922. 134 с.

¹²¹ Двенадцать смертников. Суд над социалистами-революционерами в Москве. С. 90.

¹²² ЧЕ-КА: Материалы по деятельности чрезвычайной комиссии. Берлин: Изд. Центрального Бюро партии социалистов-революционеров, 1922. 256 с.

¹²³ Чернова-Колбасина О.Е. Воспоминания о советских тюрьмах. Париж: Издание парижской группы содействия Партии Социалистов-Революционеров, 1922. 35 с.

¹²⁴ ГАРФ. Ф. Р-6772, оп. 1, д. 8, л. 4.

¹²⁵ Революционная Россия. 1923. №28-29. С. 39.

прошел один год, и ничего не изменилось, приговор не приведен в исполнение, и не известно, сколько будет продолжаться эта пытка¹²⁶. Складывается такое впечатление, что осужденные «мешали» деятельности партии. На наш взгляд, ее члены, находившиеся на свободе, несмотря на их позицию, все-таки не хотели брать на себя моральную ответственность за смерть своих товарищей.

В начале сентября 1922 г. до эмиграции дошли слухи, что член ЦК ПСР Е.М. Тимофеев совершил самоубийство. Это стало поводом для новых выступлений в защиту осужденных и выяснения их судьбы¹²⁷. Опасаясь нового протеста, советские газеты опубликовали опровержение слухов о самоубийстве. 23 октября эсер Ю. Сандомир, 20 декабря 1923 г. член ЦК ПСР, один из 12 «смертников» В. Морозов покончили жизнь самоубийством, что произвело сильнейшее впечатление на эмиграцию. Она расценила это как «вымаривание поодиночке»¹²⁸. В предсмертном письме последнего мотивами такого поступка назывались нечеловеческие условия тюремного существования, на которые «смертники» оказались обречёнными в течение неопределенно долгого времени¹²⁹. Большевики «продемонстрировали лояльность», не расстреляв осужденных, но создали им такие условия, когда смерть казалась наилучшим выходом из ситуации. То есть формально большевики были как бы и ни при чем – это эсеры проявили слабость. Их смерти были восприняты как жертвенный подвиг. Чтобы предотвратить новую протестную кампанию за границей, в январе 1924 г. ВЦИК отменил смертные приговоры осуждённым по процессу 1922 года и назначил разные сроки заключения с последующей высылкой в отдалённые районы страны.

Когда первых эсеров-смертников А.Р. Гоца и Е.М. Тимофеева выпустили из тюрьмы, эмиграция даже не успела на это отреагировать, поскольку, практически сразу же (через полмесяца) они опять возвратились в тюрьму. Обвинение, предъявленное им, касалось в том числе и связей с эмиграцией. Новая голодовка осужденных, связанная с этим арестом, уже не возымела такого

¹²⁶ Революционная Россия. 1923. №30. С. 1-2.

¹²⁷ Чернов В.М. Борьба – смертью // Голос России. 1922. 8 сентября.

¹²⁸ Революционная Россия. 1923. №32. С. 31.

¹²⁹ Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь – август 1922 г.)... С. 583 – 584.

результата, как предыдущие, что было явным показателем очередной смены политики большевиков. Замечают это и эмигранты, указывая на то, что в 1925 г. происходит введение внесудебных расправ в виде ссылок в отдаленные районы страны без права работать в советских учреждениях, возврат к прежним методам (арестам и судам, разгону местных небольшевистских организации)¹³⁰. После 1925 г. публикации на эту тему идут на спад.

Исследователь Л.А. Можаяева полагает, что процесс над эсерами сильно ударил по авторитету ПСР¹³¹. Как считали сами эсеры-эмигранты, он стал не только поражением большевиков (в плане недостижения ими того результата, на который они рассчитывали – разгром и обезглавливание ПСР), но и позволил партии эсеров морально вырасти и окрепнуть, вызвал на Западе осуждение действий большевиков, оказал большое моральное воздействие на русское зарубежье.

Процесс способствовал росту сплоченности в рядах эсеров. Протестная кампания стала единственным случаем, когда правоэсеровская эмиграция согласилась координировать свои действия с заграничной делегацией партии социалистов-революционеров и признать ее руководящую роль в акции¹³². Ввиду постановки такой цели, как спасение однопартийцев, оставшихся на родине, противоречия между отдельными группами сгладились. Это в свою очередь привело к активизации их деятельности вообще, увеличению ее эффективности.

Снизилось напряжение в отношениях между эсерами-эмигрантами и российскими эсерами. Подсудимые показали пример остальным членам организации своей стойкостью и способностью к самопожертвованию, проявленному и лидерами партии за рубежом*, что также сблизило верхушку и низы партии.

¹³⁰ Революционная Россия. 1923. №44. С. 24.

¹³¹ Можаяева Л.А. Чернов Виктор Михайлович //Новый исторический вестник. 2002. №7. (http://www.nivestnik.ru/2002_2/15.shtml)

¹³² Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь – август 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги: Сборник документов. С. 474–477.

* Когда в 1923 г. прошел слух, будто большевики готовы обменять сидящих в тюрьме членов ЦК ПСР на видных эсеров-эмигрантов, о своей готовности ехать в Москву заявили В.М. Зензинов, Н.С. Русанов, В.М. Чернов, С.П. Постников, Г.И. Шрейдер, А.Ф. Керенский, Е.К. Брешко-Брешковская. Слух оказался ложным, но можно не сомневаться, что все добровольцы (а некоторые из них имели у своих сопартийцев весьма подмоченную прошлыми ошибками репутацию), оказавшись в тюрьме, подняли бы

Зарубежные эсеры постоянно поддерживали осужденных и их семьи, высылая деньги, продукты и предметы первой необходимости.

Ставка на помощь и солидарность рабочих и социалистических организаций Запада оправдала себя. Международная кампания в защиту эсеров явилась первой широкомасштабной акцией протеста против действия советских властей.

Задумывая процессы над представителями оппозиционных партий, большевики, в том числе, хотели стравить их друг с другом. Однако с 1922 г. происходит прямо противоположный процесс: сближение левых партий, в частности эсеров и меньшевиков, против общего врага – большевиков¹³³. Оно наблюдается и в России, и в эмиграции, где проходят совместные акции протеста, заседания для выработки и принятия общих решений, заявлений, обращений. Более того, после процесса эсеров между этими двумя партиями больше не было партийных трений, они больше не вели друг против друга публичной полемики.

Процесс над эсерами был самым громким, но, кроме эсеров, в тюрьмах оказались и представители других партий. Узнавая обо всех случаях нарушения политических прав и свобод в России, эмигранты немедленно реагировали, помещая информационные материалы в своих периодических изданиях, обращаясь к общественному мнению Запада¹³⁴.

В связи с арестами студентов русские студенческие организации Чехословакии написали протест против разрушения высшей школы и гонений¹³⁵, а пражское благотворительное общество политзаключенных предлагало обратиться с воззванием через прессу и даже создать специальную студенческую секцию¹³⁶. Эсер В. Зензинов в одном из своих писем высказал схожую мысль и в отношении Соловков, в связи с чем вышеуказанное

свой авторитет в глазах российских эсеров (См. подробнее: Морозов К.Н. Особенности, парадоксы и итоги судебного процесса социалистов-революционеров 1922 года // Отечественная история. 2006. №4. С. 21).

¹³³ См. подробнее: Морозов К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922-1926): этика и тактика противоборства. М.: РОССПЭН, 2005. С. 84-108.

¹³⁴ См., например: Письма Ю.О. Мартова от 30.05.21, 8.06.21, 10. 08.21 // Мартов Ю.О. Письма и документы (1917-1922) ...; Возрождение. 1927. 27 сентября, 6 октября.

¹³⁵ ГАРФ. Ф. Р-9145, оп. 1, д. 606, л. 234.

¹³⁶ Там же, д. 9, л. 3, 11 (текст воззвания).

общество постановило обратиться с воззванием информационного характера и с призывом потребовать ликвидировать ссылку на Соловках к европейской и американской прессе, к социалистическим партиям, рабочим организациям, интернационалистам и отдельным лицам, а также в Лигу Наций, к Ф. Нансену, М. Горькому, А. Франсу, развернуть кампанию в Париже и Лондоне¹³⁷.

Широкий резонанс получили аресты меньшевиков. Некоторые эмигранты ожидали, что по окончании процесса над эсерами настанет очередь меньшевиков по обвинению их в «пособничестве контрреволюционерам в стране и непрекращающемся саботаже власти»¹³⁸, особенно учитывая, что большинство из них находились в тюрьмах, а организация практически прекратила свою деятельность в РСФСР.

Еще в июне 1921 г. меньшевики основной формой поддержки заключенных выбрали не митинги протеста (опасались, что не смогут организовать большое их количество, что вызовет злорадство большевиков), а сбор пожертвований. Последнее, по мнению одного из лидеров партии Ю.О. Мартова, имело как моральное, так и утилитарное значение. К тому времени меньшевики уже отослали в Москву 3000 марок¹³⁹. Сбор и распределение средств не были узкопартийными¹⁴⁰. В конце октября Ю.О. Мартов отмечал, что «теперь на заключенных начинают поступать приличные суммы, так что они нуждаться не будут»¹⁴¹. Он никак не пояснял эту фразу. В ноябрьском письме сообщал, что в ближайшее время меньшевики будут обсуждать вопрос о посылках заключенным, а также планируют создать в Париже, совместно с эсерами Красный крест¹⁴².

В конце 1921 г. некоторые арестованные меньшевики по примеру эсеров хотели начать голодовку с целью добиться отмены приказа о высылке в Туркестан, ЦК запретил им это и стал

¹³⁷ ГАРФ. Ф. Р-9145, оп. 1, д. 606, л. 11-11 об.

¹³⁸ ГАРФ. Ф. Р-5946, оп. 1, д. 12, л. 47.

¹³⁹ Письмо Ю.О. Мартова С.Д. Щупаку от 8.06.21 // Мартов Ю.О. Письма и документы (1917-1922) ...

¹⁴⁰ Гальмарины М.К. Леонтьев Я.В. Деятельность Берлинских комитетов помощи русским политзаключенным // Русский Берлин. 1920-1945. С. 108.

¹⁴¹ Письмо Ю.О. Мартова П.Б. Аксельроду от 30.10.21 // Мартов Ю.О. Письма и документы (1917-1922) ...

¹⁴² Письмо Ю.О. Мартова С.Д. Щупаку от 2.11.21 // Там же.

искать способ добиться результата другими путями. За поддержкой он обратился к иностранной общественности, призывая ее в случае продолжения репрессий объявить большевикам моральный бойкот со стороны европейских социалистических и рабочих партий. Это был серьезный аргумент для большевиков, которым требовалась поддержка в вопросах внешней политики¹⁴³. Возможно, именно широкая международная кампания заставила большевиков отказаться от еще одного показательного процесса.

По инициативе меньшевиков в январе 1922 г. в Праге был создан комитет помощи русским социалистам (при участии представителей чехословацких социалистических партий), который получил название «Благотворительное общество политзаключенным в России». Эта организация декларировала неполитический характер своей деятельности, ставила своей целью «оказание материальной помощи заключенным в России путем пересылки денежных сумм для улучшения питания, на лечение, учреждение библиотек, для устройства лекций»¹⁴⁴. Общество собрало и переправило политзаключенным в Россию в 1927 г. – 4000 чешских крон, в 1928 г. – 8500 ч. кр., в 1929 г. (собрано) – 3777 ч. кр.¹⁴⁵; отправлялись продовольственные посылки¹⁴⁶.

Активную работу в поддержку сотоварищей, оставшихся на родине, вели и анархисты. После высылки ими была выпущена книга «Гонения на анархизм в Советской России»¹⁴⁷. В 1922 г. был создан Анархистский Черный Крест (с отделениями в Нью-Йорке и Берлине)¹⁴⁸, в 1923 г. в Чикаго – «Свободное общество» («Free Society»). В 1924 г. американские организации объединились в Русский политический комитет помощи, состоявший не только из анархистов. Его секретарем стал Б. Еленский¹⁴⁹. Не-

¹⁴³ Письмо Ю.А. Мартова Б.Н. Николаевскому от 30.06.22, Письма А.М. Горького от 1.06.22 А. Франсу и А.И. Рыкову; Письмо Ю.О. Мартова П.Б. Аксельроду от 7.01.22 // Там же.

¹⁴⁴ ГАРФ. Ф. Р-5880, оп. 1, д. 1, л. 7.

¹⁴⁵ Там же, л. 3.

¹⁴⁶ Чехословацкий комитет помощи арестованным социалистам // Руль. 1922. 17 января; Помощь арестованным социалистам // Руль. 1922. 18 июня.

¹⁴⁷ [Горелик А. и др.] Гонения на анархизм в советской России. Берлин: «Группа русских анархистов в Германии», 1922. С. 4, 14.

¹⁴⁸ История анархического Черного Креста (электронная брошюра) (URL: <http://www.avtonom.org/index.php?nid=690>; http://avtonom.org/files/history_abc_rus.pdf)

¹⁴⁹ Yelensky B. In the struggle for equality. The story of anarchist Red Cross. Chicago: A Berkman aid fund., 1958. 64 p.

смотря на разногласия и разделения внутри этой организации, ее помощь политзаключенным продолжалась вплоть до 1939 г.¹⁵⁰

В июне 1923 г. на основе берлинского Черного Креста был образован Объединенный комитет защиты заключенных революционеров в России из представителей левых направлений русской эмиграции (анархисты, левые эсеры, эсеры-максималисты). С октября Комитет стал издавать неперIODический бюллетень с целью ознакомления западного общественного мнения с положением революционеров в СССР. За 1923–1926 гг. вышло около 10 машинописных бюллетеней, которые переводились на другие языки и рассылались в зарубежную левую печать. Эта организация ставила перед собой прежде всего информационно-пропагандистские цели. Комитет призывал западное общественное мнение выступить в защиту революционеров, притесняемых большевиками, образовывать аналогичные структуры во всех странах¹⁵¹. Его деятельность находила отклик среди иностранцев, что проявлялось в проведении многочисленных совместных митингов, выпуске петиций, создании иностранных комитетов, работающих в тесном сотрудничестве с Объединенным Комитетом защиты заключенных революционеров¹⁵².

С 1924 г. в тесном взаимодействии с Международной ассоциацией трудящихся (МАТ) он начал кампанию за политическую амнистию в СССР. К 1 мая 1924 г. Комитет приурочил кампанию протеста против большевистских репрессий. Им была выпущена серия почтовых открыток «Жертвы большевизма» с фотографиями М. Спиридоновой, И. Каховской, А. Измайлович, А. Барона, Д. Когана (на трех языках), которые продавались на митингах, а средства поступали в фонд Объединенного Комитета.

Политический характер организации породил внутренние противоречия, отдельные организации стали выходить из него. В декабре 1926 г. было сообщено о роспуске Объединенного Коми-

¹⁵⁰ См. подробнее: Гальмарины М.К., Леонтьев Я.В. Деятельность Берлинских комитетов помощи русским политзаключенным // Русский Берлин. 1920-1945. С. 127.

¹⁵¹ Анархический вестник. 1923. № 1. С. 88

¹⁵² См. подробнее: Гальмарины М.К., Леонтьев Я. Деятельность берлинских комитетов помощи русским политзаключенным (URL: http://socialist.memo.ru/books/html/berlinskie_komiteti.html)

тета¹⁵³. Однако сбор пожертвований организациями и отдельными лицами, входившими в него, был продолжен.

Помощь оказывалась не только деньгами, но и продуктами, лекарствами, одеждой, книгами, журналами. Посылки могли быть как коллективные (от комитета), так и личные. Традиционно пожертвования собирались в виде членских взносов, по подписным листам, поступали средства, вырученные от лекционных туров, от балов, концертов, продажи специальных открыток, брошюр и так далее. В апреле 1929 г. прошел вечер в пользу заключенных левых эсеров и максималистов. В нем приняли участие известные в Германии деятели искусства и литературы радикального лагеря¹⁵⁴. С января по июнь 1928 г. И.З. Штейнберг предпринял поездку по США и Канаде. Он выступил 96 раз в 13 городах, произнося речи на русском, английском, немецком языках и на идиш, которые заканчивались сбором средств в пользу заключенных левых эсеров¹⁵⁵.

14 февраля 1923 г. на заседании Административного бюро МТР (Международного товарищества рабочих) в Берлине немецкими и русскими анархистами был учрежден Комитет защиты анархо-синдикализма. Комитеты или группы помощи русским анархистам возникли также в Париже, Лондоне, Берлине и Буэнос-Айресе¹⁵⁶. В апреле-мае 1924 г. во Франции, Германии, Голландии, Норвегии, США, странах Латинской Америки прошли митинги за амнистию анархистов, социалистов и беспартийных революционеров. В 1925 г. эта кампания усилилась, охватив еще большее количество стран¹⁵⁷.

В ноябре 1926 г. анархисты вышли из Объединенного комитета и образовали Фонд помощи заключенным и ссыльным анархистам и анархо-синдикалистам в России при Международной ассоциации трудящихся (МАТ), действовавший до 1936 г. Возглавили Фонд А. Беркман и М. Мрачный,

¹⁵³ Знамя борьбы. 1927. №20-21. С. 26.

¹⁵⁴ Знамя борьбы. 1930. №27-28. С. 32.

¹⁵⁵ См. подробнее: Гальмарини М.К. Леонтьев Я.В. Деятельность Берлинских комитетов помощи русским политзаключенным // Русский Берлин. 1920-1945. С. 116-118.

¹⁵⁶ Гальмарини М.К., Леонтьев Я. Деятельность берлинских комитетов помощи русским политзаключенным (URL: http://socialist.memo.ru/books/html/berlinskie_komiteti.html)

¹⁵⁷ Знамя борьбы. 1925. № 9-10. С. 20.

руководившие соответственно Парижской и Берлинской секциями. В 1925–1926 гг. в списках этой организации значилось 1200–1400 заключенных и ссыльных анархистов и 700 левых эсеров. В 1926–1936 гг. корреспондентами Фонда в СССР было 60–70 анархистов. На основании их сообщений в Берлине и Париже издавался Бюллетень.

В феврале 1928 г. в Нью-Йорке возник Комитет им. М. Спиридоновой для помощи заключенным революционерам в России. Там же появилась группа содействия левым эсерам и максималистам. Анархисты образовали особый берлинско-парижский Фонд помощи под эгидой Синдикалистского Интернационала, просуществовавший до 1932 г. Как и Объединенный комитет, Фонд помощи сумел установить постоянную переписку с арестованными анархистами в России, снабжая их едой, одеждой, деньгами и литературой. Причем материальная помощь поступала заключенным и в конце 1920-х¹⁵⁸.

В январе 1922 г. по инициативе левого эсера А.А. Шрейдера в Берлине представителями ПЛСР была создана узкопартийная организация – Комитет помощи деньгами и продуктами заключенным левым эсерам¹⁵⁹. Предпринимались попытки организации аналогичной структуры в Харбине. Следует также отметить постоянные контакты между комитетами помощи в Берлине, Париже и Праге¹⁶⁰.

В ноябре 1921 г. в Париже был создан Политический Красный Крест (ПКК) (под руководством эсеров О.С. Минора и В.М. Зензинова¹⁶¹), который за три первых месяца своего существования собрал и отправил в Россию 2600 фр.¹⁶²

В марте 1922 г. в Берлине также был создан ПКК. Судя по всему, он стал наследником местного Русского общественного комитета помощи голодающим в России. Он просуществовал меньше года, собрав за это время 249 тыс. марок, на которые от-

¹⁵⁸ См. подробнее: Гальмарини М.К. Леонтьев Я.В. Деятельность Берлинских комитетов помощи русским политзаключенным // Русский Берлин. 1920-1945. С. 118.

¹⁵⁹ Знамя труда. 1922. 15 марта. С. 23.

¹⁶⁰ См. подробнее: Гальмарини М.К. Леонтьев Я.В. Деятельность Берлинских комитетов помощи русским политзаключенным // Русский Берлин. 1920-1945. С. 110.

¹⁶¹ Руль. 1921. 27 ноября; Социалистический вестник. 1921. № 22. 15 декабря.

¹⁶² Социалистический вестник. 1922. № 5 (27). С. 19.

правил через АРА 42 посылки заключенным¹⁶³. В ноябре 1922 г. он был распущен, а на его базе 6 ноября в Берлине возникла широкая общественная организация «Общество помощи политическим заключенным и ссыльным в России». На первых порах председателем стала Е.Д. Кускова, в начале 1923 г. его возглавил Р.М. Бланк, а затем – В.М. Зензинов. Бессменным секретарем оставался Г.Я. Аронсон.

По мнению первого председателя этой организации, деятельность Общества должна была основываться на тех же принципах гуманитарной помощи и беспартийности, что и деятельность Красного Креста. Оно декларировало себя исключительно гуманитарной организацией, поэтому не связывало свою деятельность с помощью представителям отдельных партий и течений, равно как и включала в свой состав представителей различных политических направлений (меньшевиков, эсеров, бундовцев, кадетов и других). Задачи Общества состояли в сборе средств для помощи политзаключенным и в ознакомлении как эмигрантской, так и иностранной общественности с современным положением в русских тюрьмах и ссылке¹⁶⁴.

Для реализации этих целей с сентября 1924 г. издавался не-периодический бюллетень «Хроника преследований в Советской России»¹⁶⁵.

Активное содействие в деле сбора пожертвований оказывали газеты «Дни» и «Руль». Средства поступали от проведения лекций, литературных, творческих, танцевальных вечеров и концертов, показа кинофильмов¹⁶⁶ и перечислялись в «Московский Красный Крест», социал-демократам (курировал Л.О. Дан), эсерам (С.Я. Левин), кадетам (А.И. Гессен), левым эсерам. Именные посылки отдельным заключенным посылались реже.

В 1928 г. собранные деньги пошли: эсерам – 260 марок, левым эсерам – 100 мар.¹⁶⁷, в 1929 г. соответственно – 760 мар. и 200 мар.¹⁶⁸, затем перечисления левым эсерам прекратились, и в

¹⁶³ Дни. 1922. 9 ноября.

¹⁶⁴ Дни. 1922. 9 ноября; ГАРФ. Ф. Р-6140. Оп. 1. Д. 9. Л. 21, 22, 23.

¹⁶⁵ ГАРФ. Ф. Р-6140, оп. 1, д. 9, л. 2-18 (№ 1), л. 19-20 (№ 2)

¹⁶⁶ См., например: Руль. 1923. 8 апреля; 15 апреля; 17 апреля; 20 апреля; 25 апреля; 28 апреля.

¹⁶⁷ ГАРФ. Ф. Р-6140, д. 3, л. 4, 11.

¹⁶⁸ Там же, л. 12, 16.

1930 г. было передано эсерам – 690 мар.¹⁶⁹, в 1931 г. – 400 мар.¹⁷⁰ Итого с 01.03.28 по 01.03.33 – эсерам 2110 мар., левым эсерам – 300 мар. Комитет отправлял не только денежные, но и продовольственные и вещевые посылки¹⁷¹.

Судя по воспоминаниям Г.Я. Аронсона, по крайней мере в 1920-е гг., связь арестованных с волей была регулярной и частой, ежедневно доставлялись газеты, книги, иностранная пресса, нелегальные русские издания. Помощь в этом оказывал Красный Крест в лице Е.П. Пешковой и М.Л. Винавера, часто посещавших тюрьму¹⁷².

Активную работу Общество помощи политзаключенным вело вплоть до прихода к власти Гитлера, о чем свидетельствуют воспоминания Г.Я. Аронсона, а также приходно-расходные журналы, сохранившиеся до марта 1933 г.¹⁷³ Аналогичные организации, созданные на широкой непартийной основе действовали в Праге, Париже и других городах, была попытка создания такой структуры в Лондоне.

Эта и другие благотворительные организации оказали существенную материальную и моральную поддержку заключенным и их семьям.

Подводя итоги, отметим, что наибольший резонанс в эмиграции вызвал процесс над эсерами. Русское зарубежье внимательно следило за судьбой меньшевистских партий, их отдельных представителей, оставшихся на родине. Зарубежные отделения и представительства различных партий стремились помочь своим однопартийцам. Главной целью было улучшение их положения, в связи с чем партии ставили перед собой несколько задач.

Первой была информационная, связанная с ознакомлением зарубежной (русской и иностранной) общественности с политической ситуацией в Советской России. Публиковались сведения о преследованиях по политическим мотивам, данные о советских тюрьмах и каторгах, условиях содержания в них и так далее. Информационная задача была сопряжена с задачей агита-

¹⁶⁹ ГАРФ. Ф. Р-6140, д. 3, л. 24, 26.

¹⁷⁰ Там же, д. 4, л. 4,

¹⁷¹ Там же, д. 2, л. 144, 211, 212.

¹⁷² Аронсон Г.Я. На заре красного террора. Берлин: Б.и., 1929. С. 91-92.

¹⁷³ Там же; ГАРФ. Ф. Р-6140, оп.1, д. 3-5.

ционно-пропагандистской, которая имела два направления: российское и зарубежное. В начале 1920-х, когда еще это было возможно, происходила переправка литературы, которая доставлялась прежде всего заключенным. Таким образом, поддерживались и даже несколько подогревались антисоветские настроения. Информация, дополненная воззваниями эмиграции, имела целью обратить внимание представителей зарубежных левых партий и широкой западной общественности на политические притеснения в СССР. Третья задача, которую решала эмиграция в отношении своих однопартийцев, оставшихся в России, – их моральная поддержка, которая подкреплялась решением четвертой задачи – материальной помощью заключенным и их семьям.

Для ее оказания создавались отдельные структуры внутри партий (как правило, узконаправленные для поддержки исключительно членов своей партии), специальные международные организации по инициативе русского зарубежья, межпартийные комитеты. Большую роль в передаче посылок политзаключенным от эмиграции и сведений о жизни осужденных за рубеж сыграли сначала некоторые легальные, а затем подпольные российские организации, особенно «Помощь политическим заключенным» (Помполит), возглавлявшаяся Е.П. Пешковой. То есть если говорить о 1920-х гг. (особенно о первой половине), связь и контакты между зарубежьем и Россией были, причем двусторонние.

В отличие от событий, связанных с голодом, и кронштадтским восстанием, левая эмиграция смогла объединить свои усилия в деле помощи заключенным и выступить не только единым сплоченным фронтом, но и привлечь к этому западную общественность. Это способствовало разворачиванию широкой протестной кампании в защиту политзаключенных в СССР. Активно велся сбор и переправка средств и продовольствия.

В силу того, что процесс над социалистами-революционерами был наиболее крупным и громким, ПСР была самой информированной из зарубежных партий, доводившей имевшиеся сведения до русской и зарубежной общественности. Партия не отказалась от своей политической активности, несмотря на «пытку заложничества» и угрозу исполнения смертной казни в отношении осужденных. Кампания против

преследований социалистов в России вылилась в мощное протестное движение.

Активная позиция эсеров, меньшевиков, анархистов и представителей некоторых других партий помогла в 1920-е гг. многим политическим заключенным. Сыграла свою роль постоянная и регулярная апелляция к мировой общественности. Советские лидеры опасались потерять союзников и единомышленников в лице рабочих и социалистических партий других стран. К тому же, в начале 1920-х гг. СССР стремился добиться признания и лишние проблемы и «антиреклама» были ему не нужны. Кроме того, эмиграция оказала ощутимую материальную и моральную помощь не только самим заключенным, но и их семьям.

2.3. Государственно-церковные отношения в Советской России и деятельность Московской Патриархии

В данном разделе речь пойдет не столько о государственной политике в религиозном вопросе в целом, сколько о ее влиянии на деятельность Русской Православной Церкви (РПЦ). Это была самая многочисленная и до февральской революции доминирующая с точки зрения законодательства религиозная организация, поэтому именно РПЦ стала главным объектом притеснений. Поскольку большинство русских эмигрантов были православными, жизнь и проблемы Московской Патриархии им были небезразличны¹⁷⁴.

С первых дней пребывания на чужбине до эмигрантов стали доходить слухи о том, как складывается судьба Церкви на Роди-

¹⁷⁴ См. подробнее: Урядова А.В. Вопросы религиозного воспитания и образования на педагогическом съезде русской эмиграции в 1925 году // Макарьевские чтения: Материалы восьмой международной конференции. Горно-Алтайск: РИО Горно-Алтайского государственного университета, 2009. С. 320-333; Она же. Смерть патриарха Тихона и русская эмиграция // Государство, общество, церковь в истории России XX века: Материалы VIII Междунар. науч. конф. Иваново: ИвГУ, 2009. Ч. 1. С. 240-245; Она же. Государственно-церковные отношения в Советской России в 1920-х гг. с точки зрения эмиграции // Макарьевские чтения: материалы седьмой международной конференции / Отв. ред. В.Г. Бабин. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2008. С. 130-146; Она же. Русская Православная Церковь за рубежом и ее значение для эмиграции, Европы и России // Проблемы истории Русского зарубежья. Материалы и исследования. Выпуск 2. М.: Наука, 2008. С. 9 – 21 и др.

не. И здесь необходимо отметить две основные составляющие: юридическое и фактическое положение церкви. Первое направление – исследование правовых документов, регламентирующих положение Церкви, отошло в эмиграции на второй план. Этим занимался юрист, философ права, социолог Н.С. Тимашев. Несмотря на то, что его статьи (по названиям) были посвящены правовой основе государственно-церковных отношений, фактически в них разбиралось реальное положение дел. Анализируя ситуацию в Советской России и ее законодательство, юристы-эмигранты, как правило, приходили к выводам, что законодательство не соблюдается, существует законодательная неразбериха, когда одни законы противоречат другим и в итоге опять же не выполняются.

Н.С. Тимашев посвятил религиозной ситуации в Советской России ряд статей, докладов, книгу «Religion in Soviet Russia», изданную на английском и переведенную затем на португальский, датский, китайский и испанский языки¹⁷⁵. Говоря о Церкви, он выделил два главных последствия, к которым привела революция. Первое – позитивное: внутреннее укрепление, выход на первый план ее внутренней, духовной сущности. Второе – негативное: отделение церкви от государства, поскольку оно периодически переходило во вражду. Наступление большевиков на Церковь Н.С. Тимашев считал демонстративным проявлением внешней мощи дряхлеющей власти, актом бессилия. Он отмечал, что до весны 1922 года религиозная политика «советской власти должна быть охарактеризована не как сплошное гонение, а как система частных, хотя и весьма болезненных в совокупности ударов». Причину этой «мягкости» Н.С. Тимашев видел в соображениях тактического характера, боязни религиозного противодействия¹⁷⁶. Он выделял два этапа борьбы с Церковью: 1) большевики «пытались донять Церковь, не выступая непосредственно против самой церкви», конфискуя церковные земли,

¹⁷⁵ Л-р А. Современное положение Церкви в Советской России (Доклад Н.С. Тимашева). // Руль. 1923. 20 января; Тимашев Н.С. Церковь и Советское государство // Путь. 1928. №10. С. 53-86; Он же. Кодификация советского церковного права. // Путь. 1929. № 17. С.54-61; Он же. Война и религия в Советской России // Новый журнал. 1943. Кн.5. С. 182-197; Timasheff N.S. Religion in Soviet Russia. New York: Sheed and Ward, 1942. 171 с.

¹⁷⁶ Тимашев Н.С. Сильны ли еще большевики // Руль. 1922. 8 сентября.

имущество, лишая доходов, проводя антирелигиозную пропаганду, способствуя расколу, борясь с церковными этическими традициями («могучая эпопея», надругательства над священниками и церковным имуществом, поощрения сект)¹⁷⁷, но потерпели поражение в этой борьбе; 2) применение новой двойственной тактики: с одной стороны – попытки вовлечения Церкви в советское строительство («живая церковь»), с другой – стремление к ее развалу (изъятие ценностей и последовавшие за ним репрессии)¹⁷⁸.

Н.С. Тимашев указывал, что Церковь юридически не признается, ее приходы подвергаются гонениям. Автор пришел к выводу об отрицании свободы совести и о наличии в СССР государственной религии в виде марксизма. Эту мысль с некоторыми вариациями Н.С. Тимашев повторял и в более поздних статьях, называя воинствующий материализм «исповеданием новой власти», «живой двигательной силой», проводя тезис об отрицании свободы совести в СССР¹⁷⁹. В нескольких публикациях автор возвращается и к мысли о том, что, учитывая опыт французской революции, большевики видели опасность в применении насильственных мер борьбы с религией, поэтому главными методами стали лишение ее материальной базы и мировоззренческая борьба. Н.С. Тимашев отмечал определенное потепление отношения государства к Церкви в период НЭПа (из тактических соображений) и датировал его начало 1923 г.¹⁸⁰ К рассмотрению государственно-церковных отношений в СССР эмиграция вернулась вновь в 1929 г. в связи с выходом нового советского закона «О религиозных объединениях».

Проблема Церкви в Советской России интересовала эмиграцию не столько с профессиональной точки зрения (юридической, церковной и так далее), сколько с точки зрения православной, духовной, гуманистической: в какую Россию они возвратятся и что необходимо сделать, чтобы православные традиции сохранились если не на Родине, то за рубежом.

¹⁷⁷ Л-р А. Указ. соч.

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ Боголепов А.В., Тимашев Н.С., Маклецов А.В. Административное право // Право Советской России: Сб. ст. Прага, 1925. Кн. 1. С. 121-214.

¹⁸⁰ Тимашев Н.С. Церковь и Советское государство // Путь. 1928. №10. С. 56-57.

Русские эмигранты уже в 1919–1921 гг. выделяли две прямо противоположных тенденции. Первая – «религия окончательно изгнана из общественного и государственного обихода, ... загнана в подполье, хотя прямому преследованию и не подвергается»¹⁸¹, гонения распространяются лишь на отдельных представителей клира и мирян, настроенных наиболее реакционно. В связи с этим в эмигрантской прессе печатались небольшие заметки об арестах, убийствах, расстрелах священнослужителей и особо ревностных прихожан, о закрытии церквей и их использовании не по назначению, о вскрытии мощей. Как следствие происходит падение религиозности, нравственности, особенно у молодежи¹⁸². Вторая тенденция связана с тем, что невзгоды и тяготы жизни, да и сами гонения, приводят к религиозному подъему населения, воссозданию в кругах интеллигенции религиозно-философских кружков и обществ. Зачастую эти явления имеют скрытую, а иногда и подпольную форму, не связанную с самой РПЦ, которая уже давно оторвалась от масс, как считали эмигранты. То есть делался вывод, что религиозность, напротив, усилилась¹⁸³. Причем, если говорить о 1921 г., то, как правило, рост религиозности связывали с голодом¹⁸⁴.

Иногда газеты печатали доходившие до них слухи о церковной жизни в Советской России¹⁸⁵, причем в отличие от других сюжетов этот в 1920–1921 гг. затрагивался значительно реже. «В результате, – сетовал корреспондент газеты «Руль», – нет другой стороны жизни в советской России, о которой бы мы знали меньше, чем о жизни церковной. Мало того, здесь мы просто лишены каких бы то ни было источников осведомления»¹⁸⁶.

Ситуация изменилась в связи с голодом и изъятием церковных ценностей. Первое, на что обратила внимание эмигрантская периодика, – на инициативы Патриарха Тихона по сбору добровольных пожертвований в пользу голодающих. Эмиграция поддержала их, установив в церквях (в Англии, Франции, Германии,

¹⁸¹ Руль. 1921. 15 апреля.

¹⁸² ГАРФ. Ф. Р-6055, оп. 1, д. 1, л. 398.

¹⁸³ ГАРФ. Ф. Р-6055, оп. 1, д. 2, л. 199.

¹⁸⁴ Там же, л. 58

¹⁸⁵ См., например: Воля. 1920. 18 мая.

¹⁸⁶ Руль. 1921. 15 апреля.

Маньчжурии) кружечный сбор¹⁸⁷, на который затем было закуплено зерно и отправлено на имя Патриарха для дальнейшего распределения через приходы¹⁸⁸. Харбинский общественный комитет помощи голодающим, откликаясь на призыв Патриарха, принимал в качестве пожертвований даже церковные ценности¹⁸⁹. Русское зарубежное духовенство обратилось с призывом о помощи «Ко всем верующим в Бога Правительствам и народам всего мира»¹⁹⁰.

Из благих начинаний Патриарха ничего не вышло, и правительством была инициирована кампания по изъятию церковных ценностей. Эмиграция знала об этом, но сами изъятия, их финансовая, юридическая и каноническая сторона, как ни странно, не особенно обсуждались ею. На страницах русских зарубежных газет помещались заметки, в которых большевики обвинялись в варварстве и глумлении над религией, в нарушении законов, превышении власти. Но, как правило, эти сообщения носили исключительно информационный характер.

Гораздо больший отклик у эмигрантов вызвали проявления протеста со стороны духовенства и мирян против изъятий. В этом религиозном подъеме зарубежье видело потенциал для будущего свержения советской власти, выводилась даже некая формула – «чем сильнее притеснения – тем сильнее будет сопротивление», тем более, если речь идет о вере, которая объединяет не отдельные партийные, социальные, профессиональные группы людей, а практически все население России.

Когда кампания по изъятию церковных ценностей привела на скамью подсудимых многих активных мирян, священнослужителей, видных архиереев и даже Патриарха, эмигранты не могли остаться безучастными к их судьбе. В то же время они писали, что арестованный Патриарх для большевиков в тысячу раз опасней, чем пишущий воззвания¹⁹¹. К тому же в середине 1921–1922 гг. русское зарубежье отмечало религиозный подъем, сначала стихийный, а затем под руководством духовенства, и развитие

¹⁸⁷ См., например: ГАРФ. Ф. Р-5977, оп. 1. д.13, л. 109.

¹⁸⁸ Костиков В. Не будем проклинать изгнание... (Пути и судьбы русской эмиграции). М., 1990. С.137.

¹⁸⁹ Мелихов Г.В. Белый Харбин: Середина 20-х. М.: Русский путь, 2003. С. 327-328.

¹⁹⁰ Никон (Рклицкий). Указ. соч. Т.VI. С. 39-44.

¹⁹¹ Руль. 1922. 14 мая.

на религиозной почве национального самосознания¹⁹². Некоторые эмигранты полагали, что настал момент, который необходимо использовать для свержения власти: в России налицо недовольство. Так думали не все, некоторые просто старались облегчить участь Московской Патриархии и верующих, оставшихся на родине. Основным видом помощи стала духовная и моральная поддержка.

Высшим Церковным Управлением (ВЦУ) за границей было издано постановление по поводу ареста Патриарха Тихона. В документе содержится пункт об отлучении от Церкви мирян, выступивших против Патриарха¹⁹³. В нем говорится о необходимости вознесения верующими в церквях зарубежья молитв за него, чтении особой ектинии.

Иногда проходили совместные моления с представителями других церквей. В дело помощи пошли дипломатические рычаги. Именно в это время молодое советское государство добивалось дипломатического признания или хотя бы заключения торговых договоров. Эмиграция попыталась воздействовать на зарубежные правительства, их лидеров, глав церквей, чтобы те, с одной стороны, надавили на советское правительство в вопросе освобождения Патриарха и облегчения участи Церкви, а с другой – задумались, стоит ли вести с Советской Россией вообще какие-либо переговоры, раз здесь не соблюдаются элементарные буржуазные свободы, такие как свобода совести и вероисповедания. В этих целях эмиграция буквально начала «забрасывать» правительства, парламенты, лидеров государств и Церквей воззваниями и петициями. Ответы на них иногда направлялись одновременно в два адреса – Русской Православной Церкви за границей (РПЦЗ) и советскому правительству. Священнослужители вновь и вновь возвращались к этим проблемам в своих проповедях и молитвах.

Русские заграничные иерархи выступили и с личными обращениями. Митрополит Антоний (Храповицкий), председатель ВЦУ, обратился к Президенту Франции с письмом-просьбой о выступлении в защиту Патриарха Тихона. Есть сведения, что аналогичная просьба была адресована королю Англии, в парламент США. Обращения послужили толчком для начала перепис-

¹⁹² ГАРФ. Ф. Р-6055, оп. 1, д. 3, л. 48; д. 16, л. 1, д. 1, л. 392.

¹⁹³ Руль. 1922. 25 июня.

ки МИД этих стран по вопросу о возможных средствах для достижения эффективности предполагаемого выступления в пользу Патриарха Московского¹⁹⁴.

Архиепископ Евлогий (Георгиевский), управляющий Западно-Европейскими приходами, вступил по этому вопросу в личную переписку с Архиепископом Кентерберийским. Последний в свою очередь написал запрос английскому правительству и составил молитву для англиканской церкви о спасении Патриарха Тихона и его сподвижников. Он также пригласил другие христианские церкви совместно воздействовать на советское правительство для прекращения гонений¹⁹⁵. Между Архиепископом Кентерберийским завязалась переписка с помощником Комиссара НКВД Л.М. Караханом, о которой глава англиканской церкви информировал русскую эмиграцию в лице бывшего царского дипломата в Великобритании Е.В. Саблина¹⁹⁶.

Писали обращения русские организации, не связанные непосредственно с Церковью, но переживавшие за ее судьбу и жизнь Патриарха. 27 мая 1922 г. состоялось собрание русских парижских организаций, на котором Русский Национальный комитет предложил принять проект резолюции «Народам, их правительствам, христианским церквям и всем религиозным общинам»¹⁹⁷. 30 мая он был утвержден, а затем напечатан с некоторыми изменениями¹⁹⁸ для широкого распространения во всех странах рассеяния. Задача ознакомления с ним правительств и общественного мнения в разных государствах была возложена на русские дипломатические представительства. Контроль осуществлял М.Н. Гирс. Оно было доведено до сведения ряда правительств и церквей¹⁹⁹. Иногда при передаче данного воззвания в правительственные круги той или иной страны, эмигрантские колонии, проживавшие на этой территории, сопровождали их еще и своими обращениями. Воззвания в поддержку Церкви были приняты

¹⁹⁴ Архив МИД Франции. Europe 1918-1940. USSR. 123. л. 12-14, 26-26 об, 27-27 об. 29, 37

¹⁹⁵ ГАРФ. Ф. Р-5680. оп. 1, д. 23, л. 52.

¹⁹⁶ Там же, д. 104, л. 48-50.

¹⁹⁷ ГАРФ. Ф. Р-5680. оп. 1, д. 104, л. 48-50.

¹⁹⁸ Архив МИД Франции. Europe 1918-1940. URSS. 123. Р.4-7, ГАРФ. Ф. Р-5680. оп. 1, д. 23, л. 24-25.

¹⁹⁹ ГАРФ. Ф. Р-5680. оп. 1, д. 104, л. 14, 60, 64-64 об.

русскими эмигрантами в Дании, Германии (подписало 28 общественных организаций), в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев²⁰⁰. 12 июля 1922 г. издается новое обращение парижских эмигрантских организаций «Народам, их правительствам, христианским церквам и всем религиозным общинам», в котором основное внимание уделено гонениям на Петроградскую епархию и ее архиерея митрополита Вениамина²⁰¹.

Эмигранты знали, что Патриарху и другим архиереям ставились в вину не только их собственные «преступления», но и политические выступления против советской власти зарубежных епископов. Один из эмигрантов писал (письмо не подписано): «Конечно, для большевиков это только лишний повод оправдать свои гонения на Церковь, но они рады им пользоваться. Равнодушному и безбожно настроенному общественному мнению на Западе они указывают на участие нашей заграничной иерархии в политике, как на доказательство, что Церковь будто бы представляет не религиозные, а политические стремления и что этим оправдывается борьба с нею»²⁰². Автор письма предостерегал, что в России у иерархов создается представление, что вместо помощи зарубежная Церковь обрекает их на новые гонения. РПЦЗ нашла свой выход из этой ситуации – политических выступлений не прекратила, но заявила, что поддерживает с Московской Патриархией лишь молитвенное, а не административное общение.

В эмиграции появились слухи, что Патриарх сложил с себя сан, породившие опасения церковной анархии. Однако вскоре было получено послание митрополита Агафангела (Преображенского), пояснявшее, что в связи с пребыванием под следствием, Патриарх временно поставил во главе церковного управления его²⁰³.

Чуть позже русское зарубежье узнало о деятельности обновленцев по низложению Патриарха и захвату власти*. И.Н. Ефремов, работавший в Российской Миссии в Швейцарии, высказывал опасения, характерные для многих эмигрантов: раз

²⁰⁰ ГАРФ. Ф. Р-5680. оп. 1, д. 104, л. 5-8; 10-13, 64-76; Руль. 1922. 21 мая.

²⁰¹ ГАРФ. Ф. Р-5680. оп. 1, д. 104, л. 52.

²⁰² ГАРФ. Ф. Р-5826, оп. 1, д. 167, л. 94.

²⁰³ Там же, д. 104, л. 3-4.

*Эмиграция не разделяла обновленцев на течения.

большевики пошли на то, чтобы созвать собор^{**} и отстранить Патриарха от власти, то на этом они не остановятся, не доведя «своего преступления до конца, совершив убийство Патриарха»²⁰⁴.

Российский Земско-Городской Комитет помощи Российским гражданам за границей выражал уверенность в том, что мир «нельзя ввести в заблуждение постановлением живоцерковного собора»²⁰⁵. 31 мая 1923 г. он призвал остановить посягательство на Патриарха²⁰⁶.

В связи с активизацией деятельности обновленчества, Архиерейский Синод РПЦ за границей издал обращение с его разоблачением²⁰⁷. Успех живоцерковников уже тогда неизменно увязывался с содействием им советской власти. Особенно много писали зарубежные «Церковные ведомости» об успехах обновленчества в то время, когда Патриарх находился под арестом. Одновременно с этим эмигранты указывали на его кризис, который датируют 1923 г.²⁰⁸

Активность живоцерковников несколько снизилась, но не прекратилась после выхода Патриарха на свободу. Поэтому митрополит Антоний (Храповицкий) обратился с воззваниями к главам Церквей о лишении обновленцев церковного общения. Архиерейский собор РПЦЗ принял определение «Об отношении к церковным событиям, происходящим в Советской России», которое касалось «Живой церкви»²⁰⁹.

В связи с обновленчеством эмиграция выделяла еще одну проблему, коснувшуюся РПЦ, – ее взаимоотношения с Вселенской Патриархией. Впервые ее негативная роль выявилась в 1923 г. во время Всероссийского Собора, созванного в Москве «Живой Церковью», на который приехали и представители этой Патриархии. Эмигранты полагали, что после «советской власти и ее детища – Живой Церкви, – никто не причинил стольких огор-

^{**} Обновленческий.

²⁰⁴ ГАРФ. Ф. Р-5680. оп. 1, д. 104, л. 109.

²⁰⁵ От Земгора // Руль. 1923. 20 мая.

²⁰⁶ ГАРФ. Ф. Р-5680. оп. 1, д. 104, л. 106.

²⁰⁷ Архив МИД Франции. Europe 1918-1940. URSS. 123. Р. 136-142.

²⁰⁸ Стратонов В. Кризис церковной смуты в России и дальнейший ее рост за рубежом // Путь. 1929. №17. С. 78; Отзыв владыки Антония о лжесоборе // Никон (Рклицкий). Указ. соч. Т. VI. С. 118-119.

²⁰⁹ Никон (Рклицкий). Указ. соч. Т. VI. С. 98-101.

чений почившему Святителю^{*}, как Константинопольская Патриархия»²¹⁰. И не только отношение к обновленцам было тому причиной. Причин было несколько. Во-первых, вопреки канонам и воле Патриарха Тихона, Вселенский Патриарх объявил автокефалии церковных областей Российской Церкви в Финляндии, Эстонии и Польше. Во-вторых, эмигранты считали, что Константинопольская Патриархия, находившаяся под «денежным влиянием» советской власти, пыталась свергнуть Патриарха Тихона (только сопротивление и угрозы турецких властей помешали этому)²¹¹. В-третьих, она стремилась (позднее ей это частично удалось) подчинить себе западно-европейские приходы РПЦ. В-четвертых, Вселенская Патриархия первой (в 1924 г.) признала обновленческий синод как истинную Русскую Православную Церковь^{**}.

Эмиграция понимала трудности, с которыми столкнулся Патриарх Тихон на пути противостояния Константинопольской Патриархии и пыталась помочь ему хотя бы агитационно-разъяснительной работой за границей, обращаясь, прежде всего к главами поместных Церквей. В ответ на публикацию советских «Известий» о признании Вселенским Патриархом русского обновленческого синода²¹², митрополит Антоний (Храповицкий) напомнил Константинопольскому Патриарху, что по канонам тот не имеет права вмешиваться в дела другой автокефальной Церкви. Тот не только не отреагировал на это, но и выступил против русских зарубежных архиереев: обратился к Патриарху Сербскому Димитрию с просьбой о закрытии русского Архиерейского Синода в Сремских Карловцах; над русскими архиепископами, проживавшими в Константинополе, началось следствие, им было запрещено священнослужение и предъявлены требования прекратить поминовение Патриарха Тихона, выступления против советской власти, рекомендовано признать ее.

* Имеется в виду Патриарх Тихон.

²¹⁰ Правда о заветах Патриарха Тихона // Двуглавый орел. Париж. 1927. № 5. С. 23. Эти же мысли высказываются в работе: [Горчаков М.] Возбудители раскола. С. 25.

²¹¹ Правда о заветах Патриарха Тихона // Двуглавый орел. Париж. 1927. № 5. С. 24.

** Патриарх Мелетий в 1924 г. и сам вводит в подведомственных ему Патриархиях новый стиль. За свою обновленческую деятельность он изгоняется сначала с Константинопольского, а затем с Александрийского престола.

²¹² Известия. 1924. 1 июня.

Еще одна проблема, к которой обращалась эмигрантская периодика, – прозелитизм Ватикана. В то время как в России уже начались гонения на Русскую Церковь, вместо того, чтобы выступить в ее защиту, представитель Ватикана на Генуэзской конференции вел переговоры с советскими делегатами. Такое отношение привело к тому, что, обращаясь к главам христианских Церквей, эмигранты долгое время обходили стороной Папу, видя его стремление использовать тяжелое положение Московской Патриархии для распространения в России католицизма.

Возвращаясь к событиям в самой Московской Патриархии, обратимся к реакции эмиграции на окончание процесса по делу Патриарха и его освещению. В газете «Руль» читаем: «Надо было политической шумихой прикрыть факт ограбления церквей, надо было объяснить контрреволюционной агитацией негодование населения ... И задача эта все-таки не была достигнута ...»²¹³. Объединенная комиссия представителей всех русских эмигрантских организаций в Варшаве выпустила воззвание, в котором говорилось, что хоть суд над Патриархом и отложен по неизвестным причинам, но вероятнее всего это лишь временная отсрочка, а ожидание только усиливает ужас (напоминает отношение к отмене смертного приговора эсерам). Нельзя забывать, что в тюрьмах сидят и другие представители веры, например, архиепископ католической церкви Цепляк. Комиссия призывала спасти и освободить всех²¹⁴. К этому протесту присоединились русские общественные организации Парижа²¹⁵.

Церковь выстояла, Патриарх был освобожден. Не последнюю роль в его спасении сыграли обращения эмиграции, инициировавшие широкое международное движение в защиту гонимой Православной Церкви. Нельзя забывать и о заявлении Патриарха Тихона в Верховный Суд РСФСР, в котором он признавал ошибочность некоторых своих посланий относительно Советской власти, справедливость привлечения его к уголовной ответственности и еще раз подчеркивал приверженность РПЦ аполитичности и объявлял, что он не враг советской власти. Эмиграция по-

²¹³ Руль. 1922. 18 мая.

²¹⁴ К процессу Патриарха Тихона // Руль. 1923. 20 мая.

²¹⁵ Процесс Патриарха. Протест русских общественных организаций в Париже // Руль. 1923. 8 июня.

нимала всю сложность ситуации, в которой находился Первоиерарх, и, тем не менее, для нее это заявление было настоящим шоком.

Изучая русское зарубежное мнение, реэмигрант А.В. Бобрищев-Пушкин отмечал в 1925 г., что слухи относительно документов о признании советской власти Патриархом в эмиграции ходили самые нелепые (например, о подмене его загранированным коммунистом). Он объяснял это так: «Относительно Тихона неловко было перейти к ругани против того, кого прежде канонизировали – неловко, в печати. Но в разговорах его без стеснения называли «мерзким стариком» и предателем...»²¹⁶ Последнее вызывает сильное сомнение, но отчасти советский публицист прав: большинство эмигрантов не поняло и не приняло патриаршей перемены. И если до этого Патриарха считали самым непримиримым борцом с коммунизмом, то теперь эмиграция испытала некое разочарование.

Для разъяснения и успокоения паствы митрополит Антоний (Храповицкий) в 1923 г. опубликовал статью «Не надо смущаться». В ней он объяснял, что Патриарх на самом деле не сказал в заявлении ничего нового по сравнению с предыдущими документами, а четко идет по выбранному ранее пути аполитичности, который уже спас множество жизней. Положительная сторона документа виделась ему и в том, что он позволил сохранить Патриаршество и дал шанс на постепенную легализацию Московской Патриархии и противостояние обновленцам. Митрополит подчеркивал, что Патриарх сделал это не ради спасения собственной жизни, а во имя сохранения и упрочения Церкви²¹⁷. Зарубежники понимали, что это заявление лишь одно из звеньев будущих компромиссов, на которые, вероятно, пойдет в ближайшем будущем Глава Церкви. Не случайно, поэтому, в определении Архиерейского Собора РПЦЗ от 18 октября 1924 г. говорилось: «В случае появления каких-либо распоряжений Его святейшества, носящих ... явные следы насильственного давления на совесть Св. Патриарха со стороны врагов христовых, таковых распоря-

²¹⁶ Бобрищев-Пушкин А.В. Патриоты без перчаток. С.12-13.

²¹⁷ Никон (Рклицкий). Указ. соч. Т.VI. С. 165-168.

жений не исполнять, как исходящих не от его Святейшей воли, а от воли чуждой»²¹⁸.

Архиепископ Анастасий (Грибановский) уже тогда точно определял цель новой политики Главы Церкви: «приобрести некоторые льготы для Церкви (открытие богословских школ, миссионерских журналов и проч.) и через это увеличить ее силы и средства в борьбе с церковными отщепенцами». Архиепископ понимал, что Патриарх решил пойти на уступки, но не в области веры и канонов, что это «подчинение не за страх, а за совесть советской власти, как попущенной волей Божией – и естественно вытекающее отсюда осуждение всей контрреволюции»²¹⁹.

После бурных событий 1921–1923 гг. эмигранты отмечали некоторый спад антирелигиозной деятельности и борьбы с церковью. Уже нет того фанатизма, скорее это работа по обязанности и по привычке. Такая ситуация, а также кончина Главы Церкви в 1925 г. привели к перемещению внимания русского зарубежья на события собственно в самой Московской Патриархии.

Смерть Патриарха еще более осложнила и без того тяжелую долю РПЦ в СССР. Она выявила необходимость единения всех русских православных в отсутствие Главы Церкви как ее связующего звена. Вот, например, что говорил в своем докладе Н.А. Клепин, председатель Русского национального кружка имени преп. Серафима и преп. Сергия Радонежского в Белграде: «Видимый оплот Церкви и России ушел, и не известно, будет ли дано избрать заместителя ... Нет живого воплощения церковного и национального единства, и мы должны тем крепче держаться за то невидимое, что сохраняет свою силу всегда ..., тем неуклоннее должны мы ощущать и держаться нашего единства в духе и вере ...»²²⁰. В связи со смертью Патриарха в зарубежных приходах прошли панихиды, на которых о нем говорили только самые теплые слова и вспоминали его с любовью.

Однако мысли о единении остались лишь мыслями (иногда словами докладов и статей), в реальной же жизни смерть мудрого руководителя и духовного наставника, пытавшегося сохранить

²¹⁸ Цит. по: Стратонов И. Русская церковная смута. Берлин: Парабола, 1932. С. 110.

²¹⁹ Письма архиепископа Анастасия князю Г.Н. Трубецкому // Вестник РСХД. 1987. №151. С. 230.

²²⁰ Благовест. 1925. № 1. С. 60-61.

единство Церкви любыми путями, явилась катализатором разногласий, вплоть до расколов в РПЦ на родине и за рубежом. Наиболее дальновидные эмигранты предвидели эту опасность. Так, архиепископ Анастасий (Грибановский) в июне 1925 г. писал: «До сих пор у нас был, по крайней мере, видимый символ нашего православного единства – это Святейший Патриарх: в нем мы все сходились, как лучи в центре, хотя бы на перифериях мы и расходились между собой ... С уходом его – мы можем превратиться в саморазделившееся царство, которое не устоит пред натиском врагов ...»²²¹.

В 1925 г. «Церковные ведомости» опубликовали документ под названием «Выдаваемое большевиками за завещание Патриарха Тихона»²²². Он сопровождался статьей митрополита Антония (Храповицкого), где доказывалось, что документ этот поддельный²²³. Похожую мысль высказывал тогда и митрополит Евлогий (Георгиевский): «Возможно, что документ кем-то составлен и, что называется, подсунут к подписи... Могло быть использовано и болезненное состояние Патриарха... Документ имеет характер политический, а не церковный, не касается ни догматов, ни канонов, ни обрядов, а говорит об отношении к советской власти в пределах советского государства...»²²⁴.

Вскоре эмигранты получили доказательства подлинности документа: подпись Патриарха была засвидетельствована 59 епископами, а также местоблюстителем митрополитом Петром. Убедившись в подлинности завещания, русское зарубежье усомнилось в его добровольности. Так, видный деятель зарубежья А.В. Карташев на страницах «Русского времени» писал следующее: «Вы спрашиваете меня, подлинен ли последний документ, опубликованный коммунистами под именем «Завещания Патриарха Тихона»? Вопрос аналогичен по сложности с другим: подлинны ли три прежних документа, одновременно подписанные Патриархом Тихоном, о признании им «советской» власти? Подлинной оказалась подпись под ними Патриарха. Но, как теперь точно известно, изготовлены были эти гнусные по тону и языку

²²¹ Письма архиепископа Анастасия князю Г.Н. Трубецкому // Вестник РСХД. 1987. №151. С. 230.

²²² Церковные Ведомости. 1925. № 9/16. С. 21-23.

²²³ Там же. С. 3-4.

²²⁴ Вечернее время. 1925. 11/24 апреля.

акты в ГПУ, а святейший Патриарх-Мученик решил их подписать в жертвенном порыве, ради спасения церкви, жертвуя своей внешней мирской репутацией»²²⁵. Однако так считали не все, в частности архиепископ Анастасий (Грибановский) отмечал, что этот документ отвечает «направлению мысли и действий Св. Патриарха в последние годы»²²⁶, то есть написан в том же русле, что и предыдущие документы. Он опасался, что преемники Патриарха «пойдут дальше, чем хотел он, и разрыв будет объявлен, прежде всего с их, а не с нашей стороны ... в России просто может начаться церковная анархия»²²⁷.

Неоднозначную реакцию вызвал в эмиграции и вопрос о патриаршем престолонаследии. К тому времени зарубежье окончательно утвердилось во мнении, что Церковь в Советской России не свободна, следовательно, и правящий архиерей, который возглавит ее, будет не свободен в своих решениях, что может привести к пагубным последствиям.

За рубежом было высказано предложение избрать Патриарха из архиереев-эмигрантов. Идея эта витала в русском зарубежье еще с 1921 г., но тогда речь шла об избрании наместника Патриарха для эмиграции²²⁸. К ней вернулись вновь, когда Патриарх был арестован, и даже обсуждали в 1923 г. на заседаниях Архиерейского Синода РПЦЗ и Архиерейского собора²²⁹, который постановил: «Признать, что представители епархий, находящиеся за пределами России, выражают голос свободной русской заграничной Церкви, но ни отдельное лицо, ни собор иерархов не представляет собой власти, которой бы принадлежали права, коими во всей полноте обладает Всероссийская Церковь в лице ее законной иерархии»²³⁰. Вопрос о выборах Патриарха за границей был вновь поднят в 1925 г.²³¹ Архиерейский Синод вынес следующее решение: в случае, если «советская власть будет препятствовать осуществлению каноническим Местоблюстителем Пат-

²²⁵ Русское время. 1925. №310.

²²⁶ Письма архиепископа Анастасия князю Г.Н. Трубецкому // Вестник РСХД. 1987. №151. С. 233-234.

²²⁷ Там же. С. 232-233.

²²⁸ ГАРФ. Ф. Р-5919. оп. 1, д. 11, л. 1-1об.

²²⁹ ГАРФ. Ф. Р-6343, оп. 1, д. 3.

²³⁰ Там же, д. 2. л.14 об.

²³¹ Никон (Рклицкий). Указ. соч. Т. VI. С. 205.

риаршего Престола своих прав и обязанностей и не допустит канонического избрания нового Патриарха», «... а будет путем насилия и обмана навязывать и укреплять власть обновленческого синода, или насилловать архипастырскую совесть Местоблюстителей или нового Патриарха, предоставить Председателю Архиерейского Синода Высокопреосвященному Митрополиту Антонию, с правами временного, до созыва канонического Всероссийского Священного Собора, Зам. Патриарха, представлять Всероссийской Православной церкви и, насколько позволяют условия и обстоятельства, руководить церковной жизнью и церковью не только вне России, но и в России»²³². На наш взгляд, это было не более чем декларацией, попыткой «напугать» советскую власть. Зарубежные архиереи не были утопистами и прекрасно понимали, что в существующих условиях они не смогут управлять Церковью в России. Кроме того, данное назначение противоречило бы канонам. Поэтому на практике ничего не изменилось, но вопрос о возглавлении РПЦ еще долго не сходил с повестки дня эмиграции.

Кандидатура митрополита Петра (Полянского) на пост местоблюстителя патриаршего престола не вызывала у эмиграции одобрения. Причин тому было несколько. Во-первых, сказалось общее ненормальное положение в церковном управлении в России. Во-вторых, личные позиции митрополита Петра были ослаблены тем, что его монашеский «стаж» был небольшим. В-третьих, исходя из его высказываний в бытность помощником Патриарха, эмиграция опасалась, что он ужесточит политику в отношении зарубежного духовенства. В-четвертых, как и Патриарх Тихон, митрополит Петр вновь поднял вопрос о легализации, что ставило на повестку дня осуждение заграничных архиереев, которое советские власти выдвигали в качестве одного из обязательных условий легализации. Не случайно митрополит Анастасий (Грибановский) высказывал опасение, что если митрополит Петр останется во главе, то временный разрыв РПЦЗ с Московской Патриархией будет неизбежностью.

Если в апреле 1925 г. митрополит Антоний (Храповицкий) в одном из своих писем утверждал, что в России нет законного Си-

²³² Никон (Рклицкий). Указ. соч. Т. VI. С. 205-206.

нода, а митрополит Петр сам себя объявил местоблюстителем²³³, то в мае архиепископ Анастасий (Грибановский) уже не сомневался в его полномочиях, и так писал о нем: «Местоблюститель Патриаршего Престола – человек известный нам по своему прошлому – не имеет и малой доли того авторитета и тем менее ореола исповедничества, каким обладал наш почивший святой Отец. Тем не менее, мы готовы оказать ему полное послушание, если он не потребует от нас чего-либо противного канонам и нашей архиерейской совести. К сожалению, я не уверен в этом, ибо он слишком спешит протянуть руку общения и дружбы Советской власти ...»²³⁴.

Незадолго до ареста митрополита Петра до зарубежья дошли сведения о его борьбе с обновленцами, а также документ, подписанный Патриархом Тихоном, подтверждающий его назначение местоблюстителем. В 1926 г., когда состоялся первый после смерти Патриарха Тихона заграничный Архиерейский собор, одним из главных вопросов, обсуждаемых на нем, был вопрос об отношении к местоблюстителю Патриаршего престола митрополиту Петру. Были заслушаны и одобрены постановления Архиерейского Синода о признании его в этой должности²³⁵, и имя его стало возноситься при богослужении.

Различные точки зрения сложились в эмиграции о церковном управлении Московской Патриархии в первой половине 1920-х гг. Интересно мнение архиепископа Анастасия (Грибановского): пока Патриарх и митрополит Петр противостояли большевикам – их не смели трогать, как только они выразили отрицательное отношение к церкви в эмиграции (закрыв ВЦУ, написав послания повиноваться советской власти), их арестовали, потому что свою работу они выполнили. Большинство же правых считали, что Патриарху и его местоблюстителям необходимо было открыто противостоять безбожной советской власти. Однако наиболее мудрые и дальновидные политики, а особенно церковные деятели, понимали, что такое противостояние не привело бы ни к чему хорошему, Церковь оказалась бы обезглавленной и насту-

²³³ ГАРФ. Ф. Р-6343, оп. 1, д. 267.

²³⁴ Письма архиепископа Анастасия князю Г.Н. Трубецкому // Вестник РСХСД. 1987. №151. С. 229.

²³⁵ ГАРФ. Ф. Р-6343, оп. 1, д. 2, л. 42.

пила бы церковная анархия, а затем безбожие или засилье живоцерковников.

Вскоре митрополит был арестован и сослан, а Московскую Патриархию возглавил назначенный им заместитель – митрополит Сергей (Страгородский). Уже в 1926 г. в своем послании к пастве он попытался дистанцироваться от «зарубежников»: «Обрушиться на заграничное духовенство за его неверность Советскому Союзу какими-нибудь церковными наказаниями и было бы ни с чем не сообразно и дало бы лишний повод говорить о принуждении нас к тому Советской властью. Но выразить наш полный разрыв с таким политиканствующим духовенством и тем самым оградить себя на будущее время от ответственности за его политиканство это для нас желательно и вполне возможно. Для этого только нужно установить правилом, что всякое духовное лицо, которое не пожелает признать своих гражданских обязательств пред Советским Союзом, должно быть исключено из состава клира Московского Патриархата и поступать в ведение заграничных поместных православных церквей, смотря по территории. Теми же обязательствами должно быть обусловлено и существование за границей особых русских церковно-правительственных учреждений, вроде Священного Синода или епархиального Совета»²³⁶. Обсуждая этот документ в сентябре 1926 г., зарубежные епископы пришли к выводу: «В послании митр. Сергея мы имеем совершенно свободное (едва ли не первое за 5 лет) письменное выражение воли высшей церковной власти, для нас вполне обязательной»²³⁷.

В течение почти полугода Архиерейский Синод вел вполне конструктивную переписку с митрополитом Сергием (Страгородским). Русскому зарубежью было известно и об аресте заместителя местоблюстителя, который не пошел на уступки Советской власти. Как считали эмигранты, эти же причины привели к аресту ряда иерархов, вступавших в управление Московской Патриархией. Эти аресты и другие антирелигиозные действия властей вызвали протест русского зарубежья.

Приступив вновь после ареста к управлению Церковью, Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергей

²³⁶ ГАРФ. Ф. Р-6343, оп. 1, д. 263, л. 20-21; Церковный Вестник. 1926. №14. С. 16.

²³⁷ Цит. по: Декларация митрополита Сергея от 29 июня 1927 г. и борьба вокруг нее // Отечественная история. 1992. № 6.

(Страгородский) в 1927 г. выпустил так называемую «Декларацию о лояльности», вызвавшую не просто бурную реакцию в эмиграции, а настоящий раскол и изменение в расстановке зарубежных церковных сил. В Европе возникло две русские церковные организации: Русская Православная Церковь Заграницей (РПЦЗ, «карловчане»), не принявшая позицию митрополита Сергия, и западноевропейская епархия под руководством митрополита Евлогия (Георгиевского), выразившая согласие с политикой Сергия, верившая, что лояльность Церкви и государства будет взаимной, и на какое-то время вошедшая в состав Московской Патриархии. Однако изучение этих разногласий не входит в нашу задачу, хотя они и являются следствием событий, произошедших на Родине²³⁸.

Подводя итог, отметим, что эмиграцией выделялись два основных аспекта в отношении к религиозной ситуации в Советской России: правовой аспект религиозной политики советского государства и государственно-церковные отношения как таковые. При этом особое внимание акцентировалось на ситуации именно в Русской Православной Церкви, что вполне понятно, поскольку большая часть русской эмиграции, да и населения оставленной родины принадлежала к этой конфессии, а сама РПЦ рассматривалась большевиками как один из главных идеологических противников.

Среди церковных проблем, наиболее взволновавших эмиграцию в 1920-х гг., можно выделить следующие: изъятие церковных ценностей в пользу голодающих в 1921–1922 гг., и неразрывно связанные с ним суд над Патриархом Тихоном, репрессии против клира и мирян; смерть Патриарха Тихона, его «Завещание», вопрос о наследовании Патриаршего престола; попытки обновленчества, Константинопольской Патриархии и Ватикана узурпировать церковную власть в России, прозелитизм последнего; декларация митрополита Сергия (Страгородского) и ее влияние на Церковь за границей; религиозная ситуация в стране в це-

²³⁸ Данный вопрос был детально освещен автором в диссертации на соискание степени канд. ист. наук (Беляева А.В. Русская православная церковь за границей (1919–1926 гг.). Ярославль, 1998), диссертации на соискание степени доктора истории университета Сорбонны (Koukouchkina-Beliaeva A. L'Eglise orthodoxe russe à l'étranger de 1919 à 1939. Paris, 1999.), а также в ряде статей.

лом, сохранение православных традиций; советская официальная политика (законодательство) в религиозном вопросе.

Еще раз подчеркнем, что русское зарубежье не могло не замечать противоречий в государственно-церковных отношениях: между законодательной базой и реальной практикой, между объявленной свободой совести и притеснениями, которым подвергалась Церковь. Понимая всю сложность ситуации, в которой оказалась РПЦ, эмиграция, тем не менее, неоднозначно относилась к попыткам иерархов Московской Патриархии вписаться в новые условия жизни. Этот вопрос стал поистине «яблоком раздора», породив не просто разногласия в русском зарубежье, как это случилось, в общем-то, по любому поводу, а самый настоящий церковный раскол, продолжающийся и поныне.

2.4. Дискуссии в РКП(б) / ВКП(б)

Любое нестроение могло дестабилизировать государственное управление, а, следовательно, привести к гибели режима. Эмиграция надеялась, что сработает поговорка «рыба тухнет с головы», поэтому наблюдала за ситуацией в партии самым пристальным образом.

Первые статьи о разложении партии появились в эмигрантских газетах еще до введения НЭПа²³⁹. В феврале 1921 г. в газете «Руль» отмечалась полемичность одной из последних речей В.И. Ленина и ее направленность против ближайших единомышленников (Н.И. Бухарина и Л.Д. Троцкого), указывалось, что из теоретического спора полемика превратилась в обвинительный акт. В газете констатировался тот факт, что это первый случай вынесения внутрипартийной дискуссии на публику, что является свидетельством явного раскола не только в партии, но и в Совнаркоме²⁴⁰. Аналитики газеты «Воля России» объясняли такую публичность ослабеванием внешнего давления. На левом фланге, по их мнению, стояли Н.И. Бухарин, Л.Д. Троцкий и другие советские милитаристы и чрезвычайщики, на правом – «хозяйственники с Лариным и Каменевым, Ленин же был в оппортунистическом, умеющем быть “себе на уме”, но в то же время на-

²³⁹ Разложение большевизма // Воля России. 1920. 22 декабря.

²⁴⁰ Львов Л. Ленин против Троцкого // Руль. 1921. 2 февраля.

стойчивом и властном “центре”»²⁴¹, равновесие сохранялось за счет того, что правая и левая оппозиции нейтрализовали друг друга, центр лавировал.

В одном из информационных сообщений (июнь 1921 г.) указывалось на раскол ЦИКа на два течения: «более левое, преследующее только идею коммунизма без всяких компромиссов, под предводительством Троцкого, и менее левое – Ленина, стремящееся, во-первых, к восстановлению сношений с иностранными торговыми буржуазными рынками, и, во-вторых, к признанию мелкой частной собственности». Второе течение виделось как более сильное, показателем чего считалось уменьшение крестьянских реквизиций. Сообщалось, что раскол совершенно ни в чем не проявляется, «благодаря внутренней спайке самой коммунистической организации»²⁴². Бывший депутат государственной думы Н.В. Савич отмечал роль внешнеполитических факторов (отсутствие внешней угрозы) в появлении разногласий между В.И. Лениным и Л.Д. Троцким²⁴³.

Начальник информационного отдела штаба главнокомандующего русской армией выделял три противоборствующие группы: 1) «демократического централизма» (Л.Д. Троцкий), ратующую за милитаризацию промышленности, железную дисциплину труда, огосударствление профсоюзов; 2) «демократического центра» (Н.И. Бухарин, Т.В. Сапронов, Е.Н. Игнатов); 3) «рабочую оппозицию» (А.Г. Шляпников), противостоящую первой группе и выражающую резкое недовольство рабочих советским режимом, требующую полного преобразования всего государственного аппарата, выборности всех советских органов, немедленной передачи производства в руки профессиональных организаций, отказа от большевистской теории и ее практических методов²⁴⁴. Это первый документ, который пытается разобраться не только в сути, но и в деталях дискуссии, хотя и не точно отражая ситуацию. В нем впервые отмечается появление «рабочей оппозиции», но при этом суть позиции децистов и их лидеры называются неверно. В.И. Ленин и вовсе не упоминается, что, вероятно,

²⁴¹ Большевистская оппозиция // Воля России. 1921. 10 февраля.

²⁴² ГАРФ. Ф. Р-6055, оп. 1, д. 1, л. 86.

²⁴³ ДРЗ. Ф. 7, оп. 1, ед. хр.1, л. 68 об.

²⁴⁴ ГАРФ. Ф. Р-6055, оп. 1, д. 1, л. 339.

отражает позицию автора о его роли и месте во внутривнутрипартийной дискуссии.

Авторами газеты «Руль» в дискуссии о демократии, а точнее о выборности выделялись следующие группы: 1) группа А.Г. Шляпникова, выступавшая за передачу всего хозяйства в руки профсоюзов, а не партии, 2) группа «демократического централизма» (сапроновцев) и близкая к ней группа игнатовцев, настаивавших на необходимости выборности во всех ячейках снизу доверху, с чем были согласны и В.И. Ленин с Г.Е. Зиновьевым; 3) группа Л.Д. Троцкого, ратующая за назначенчество, «производственную демократию». На тот момент редакция газеты «Руль» считала вопрос о выборности основным пунктом расхождения между В.И. Лениным и Л.Д. Троцким²⁴⁵. Газета «Последние новости» стала писать об усилении разногласий, закончившихся «бунтом Троцкого и началом пресловутого спора о «демократии в партии» только с 1922 г.²⁴⁶

Меньшевик Д. Далин также выделял в «дискуссии о профсоюзах» три течения: 1) коммунистическая диктатура (Л.Д. Троцкий); 2) «рабочая демократия» (утопическое течение, верящее в немедленное наступление всеобщего благосостояния» при допуске рабочих масс к хозяйственному устройству, смягчении диктатуры, изживании бюрократии); 3) серединное, желающее их примирить (В.И. Ленин)²⁴⁷.

Схожую схему противостояния в партии рисовал и эсер В.М. Чернов: левые (Л.Д. Троцкий), центристы (В.И. Ленин) и рабочая оппозиция (А.Г. Шляпников). Между ленинской группой и группой Троцкого он поместил «промежуточную и эклектическую группу» во главе с Н.И. Бухариным, а между сторонниками Ленина и «шляпниковцами» – группу «демократического централизма». Однако он считал вопрос о профсоюзах частностью, видя суть спора в основах военного коммунизма²⁴⁸. С этим соглашались и некоторые другие эмигранты, отмечая, что противоречия все больше касались «не мелочей партийной жизни, а заключают

²⁴⁵ К расколу в партии // Руль. 1921. 13 февраля.

²⁴⁶ Милуков П.Н. Десять лет // Юбилейный сборник «Последних новостей». С. 17.

²⁴⁷ Далин Д. После войн и революций. Берлин: Грани, 1922. С. 39.

²⁴⁸ См.: Коновалова О.В. Указ. соч. С. 215.

в себе полное осуждение самой доктрины и основ большевистской политики»²⁴⁹.

Один из авторов «Руля» Л. Львов считал «рабочую оппозицию» наиболее боевой группой, расценивая ее выступление как конфликт «низов» с «верхами», который впервые проявился на октябрьской московской конференции, а к февралю 1921 г. еще более расширился, перепутав «отношения между самими «главками» большевизма и поставив Ленина против Троцкого»²⁵⁰.

Меньшевики называли «рабочую оппозицию» здоровым началом²⁵¹, которое изнутри борется за демократизм в партии и выступает против политики уступок капитализму²⁵², с чем соглашались и представители других политических течений эмиграции²⁵³. Они отмечали, что эта и другие оппозиции будут еще больше толкать В.И. Ленина «на путь бонапартизма». Причину прекращения дискуссии Д. Далин видел в Кронштадтском восстании, приведшем, по его мнению, к изменению политики и введению продналога.

Национально-трудовой Союз Нового Поколения (НТСНП), напротив, считал, что НЭП вызвал раскол в партии и привел к появлению «рабочей оппозиции» (А.Г. Шляпников, В.В. Осинский)²⁵⁴.

В.М. Чернов полагал, что победа В.И. Ленина в профсоюзной дискуссии (благодаря личным качествам и разобщенности оппозиции) сыграла важную роль в формировании партийного единства при переходе к НЭПу, однако отмечал, что введение НЭПа, в свою очередь, спровоцировало появление новых течений внутри партии²⁵⁵.

Эмиграция высоко оценивала не столько «рабочую оппозицию», о которой стали писать только с 1921 г., сколько сам факт наличия дискуссий в партии. Относительно же этой группы отмечали, что она не имеет под собой глубоких основ, потенциала,

²⁴⁹ ГАРФ. Ф. Р-6055, оп. 1, д. 1, л. 338.

²⁵⁰ Львов Л. Ленин против Троцкого // Руль. 1921. 2 февраля.

²⁵¹ Социалистический вестник. 1921. №1. С. 17.

²⁵² Письмо Ю.О. Мартова П.Б. Аксельроду 24.06.21. // Мартов Ю.О. Письма и документы (1917-1922) ...

²⁵³ ГАРФ. Ф. 6055, оп. 1, д. 5, л. 304.

²⁵⁴ Национально-Трудовой Союз Нового Поколения. Ч. IV. С. 103.

²⁵⁵ См. подробнее: Коновалова О.В. Указ. соч. С. 214-215.

как для смены или эволюции режима (отсутствие существенных противоречий с программными установкам партии), так и для борьбы за власть (нет сильных лидеров).

Выделенным критериям отвечало противостояние В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого, именно они выделялись в центре конфликта, на который эмиграция делала ставку, подчеркивая их споры практически по всем вопросам внутренней и внешней политики, по вопросам тактики и стратегии, а также то, что у обоих лидеров есть поддержка масс²⁵⁶.

С марта 1922 г. отмечалось колебание верхов и усиление крайних течений в партии²⁵⁷. Некоторые считали, что левая оппозиция – это движение активно реакционное и показательное для своего времени. Поэтому в годы НЭПа раскол в партии – не только свидетельство ее разложения и кризиса власти, но и показатель роста новых общественных тенденций, связанных с развитием капиталистических отношений²⁵⁸.

В.М. Чернов не видел значительной силы в левом крыле, считал его не способным изменить курс партии. Он полагал, что программа развития страны в начале 1920-х была только у Л.Б. Красина (расширение частной инициативы, привлечение иностранного капитала, мирное сотрудничество с капиталистическими странами). У правых он отмечал отсутствие смелости и влияния²⁵⁹.

С 1922 г. в сводках с фронтов партийной борьбы появляется фигура И.В. Сталина. Авторы газеты «Последние новости» обращали внимание на принципиальную глубину разногласий в партии, оппозицию старались классифицировать по степени ее отхода «от утопизма к реализму», констатируя, что И.В. Сталин лучше Г.Е. Зиновьева как крайнего левого, а Оссоветацкий, рекомендовавший примирительную политику относительно «мелкобуржуазных элементов», лучше И.В. Сталина. Эта постановка вызвала возражения редакций таких изданий, как «Руль» и «Дни», считавших, что «оба хуже», на что в газете «Последние

²⁵⁶ См., например: ГАРФ. Ф. Р-5872, оп.1, д. 156, л. 1; д. 5, л. 190.

²⁵⁷ ГАРФ. Ф. Р-7518, оп. 1, д. 4, л. 24 об., 27-29 об.

²⁵⁸ Спектатор. Русский «Термидор»: (Сумерки коммунизма). Харбин: Свобода России, 1927. (Без нумерации страниц).

²⁵⁹ См. подробнее: Коновалова О.В. Указ. соч. С. 216.

новости» был дал детальный разбор правых и левых элементов оппозиции²⁶⁰.

В мае 1921 г. «Руль» поместил информацию об отставке Г.Е. Зиновьева, причиной которой, по мнению газеты, являлось его неверие в результативность нового курса, уверенность в том, что он приведет к краху и гибели большевизма, причем в «интернациональном масштабе»²⁶¹. Авторы газеты «Последние новости» были согласны с этим, отмечая, что исключение Г.Е. Зиновьева из политбюро характеризовало переход от неудавшейся ему политики «мировой революции» к «национализации революции» и политике «социализма в одной стране». Исключение из партии Оссовета редакция газеты считала показателем того, как далек И.В. Сталин от уступок крестьянству и от политики действительного «оживления советов». По мнению редакции «Последних новостей», борьба И.В. Сталина и Л.Д. Троцкого, с которым Г.Е. Зиновьев и Л.Б. Каменев заключили союз, не способствовала выяснению положения, ввиду двойственной тактики Л.Д. Троцкого²⁶².

В Докладе Народного Союза защиты Родины и Свободы «О борьбе между «правыми» и «левыми» коммунистами в советской России» (май 1923 г.) выделялись следующие партийные группировки: 1) правые (Л.Б. Каменев, А.И. Рыков, И.В. Сталин); 2) левые (Н.И. Бухарин и некоторые члены рабочей оппозиции); 3) военная партия (Л.Д. Троцкий, М.В. Фрунзе, И.И. Вацетис, М.Н. Тухачевский, В.К. Блюхер, Н.И. Подвойский)²⁶³.

Во главе левых Н.В. Савич (на январь 1923 г.) также называл Н.И. Бухарина. Кроме этого крыла, по его мнению, были сильны и представители среднего течения (Л.Д. Троцкий, Г.Е. Зиновьев, Ф.Э. Дзержинский), которые держали в руках армию, флот, внешторг, то есть самое «доходное» из того, что осталось в России²⁶⁴. Он замечал происходившую перестановку, в частности присоединение к левым Л.Б. Каменева и М.М. Литвинова, что помогло их карьерному росту. Г.В. Чичерин же, как представитель правого крыла, «погибшего вместе со здоровьем Лени-

²⁶⁰ Милюков П.Н. Десять лет // Юбилейный сборник «Последних новостей». С. 17.

²⁶¹ Безнадежные попытки // Руль. 1921. 11 мая.

²⁶² Милюков П.Н. Десять лет // Юбилейный сборник «Последних новостей». С. 23.

²⁶³ ГАРФ. Ф. 5872, оп. 1, д. 213, л. 2.

²⁶⁴ ДРЗ. Ф. 7, оп. 1, ед. хр. 3, л. 59.

на», потерял, по мнению Н.В. Савича, вес и сохранял свой официальный статус исключительно для иностранцев. Он полагал возможным разрешение конфликтной ситуации в партии за счет распространения революции в соседних странах или войны на Западе. В противном случае Н.В. Савич предвидел неминуемое столкновение между правым и левым крылом (вплоть до вооруженного противостояния), что могло привести к падению большевиков (в течение весны)²⁶⁵. В мае 1923 г. автор относит Г.Е Зиновьева и Ф.Э Дзержинского уже к сторонникам левого лагеря, к правому причисляет Л.Б Красина, Г.В Чичерина, М.М Литвинова. Л.Д. Троцкий, со слов А.И. Гучкова, потерял популярность среди командного состава армии, держался в стороне от борьбы, выжидая, чем она кончится²⁶⁶.

Как видим, начиная с 1922 г., а особенно с весны 1923 г. после обострения болезни В.И Ленина, эмиграция постепенно исключила его из анализа внутрипартийной борьбы, противопоставляя в основном И.В Сталина и Л.Д Троцкого. В газете «Руль» больше акцентировалось внимание на полемике Л.Б Каменева и В.В. Осинского²⁶⁷. Отмечалось, что «погоня за ленинским “кафтаном”»²⁶⁸ началась еще до его смерти. По мнению Совета объединенных офицерских обществ в КСХС, болезнь В.И Ленина способствовала упрочению положения левых течений, образованию «тройки», привела к усилению «петроградского диктатора Зиновьева», разложению партии (ограничение доступа в нее, уничтожение самостоятельности местных организаций, падение дисциплины)²⁶⁹. Н.В Савич считал, что В.И Ленин перестал быть политической величиной к весне 1923 г., и называл его «живым трупом»²⁷⁰. Его влияние виделось эмиграции лишь во внешней политике, меньше в спорах в отношении процесса эсеров.

Некоторые эмигранты считали, что падение роли В.И Ленина было связано не только с болезнью, но и с отстаиваемой им позицией, отсутствием экономических результатов,

²⁶⁵ Там же.

²⁶⁶ ДРЗ. Ф. 7, оп. 1, ед. хр. 3, л. 77 об.

²⁶⁷ Смысл политики // Руль. 1923. 26 апреля.

²⁶⁸ Александров. Кто управляет Россией. Берлин: Парабола, 1933. С. 53.

²⁶⁹ ГАРФ. Ф. Р-5946, оп. 1, д. 12, л. 13-13 об., 76 об.

²⁷⁰ ДРЗ. Ф. 7, оп. 1, ед. хр. 3, л. 77 об.

внешнеполитическими просчетами²⁷¹. В этой связи отмечалось наличие двух течений: за НЭП как передышку и против него как измены коммунизму.

Расстановка сил внутри партии по-разному расценивалась русским зарубежьем. Одни считали, что ортодоксальные коммунисты не решительны, не имеют глубоких основ, слабы, поэтому не оказывают на ход событий никакого влияния²⁷². Другие отмечали примерное равенство сил, их взаимную враждебность друг к другу и добавляли к внутренним противоречиям – противоречия в вопросах внешней политики: первая группа была за компромисс с иностранными капиталистами (А.М. Лежава, Л.Б. Красин, В.И. Ленин, Г.В. Чичерин, М.М. Литвинов), вторая против, за усиленную коммунистическую пропаганду в капиталистических странах (Л.Д. Троцкий, Ф.Э. Дзержинский)²⁷³. О прямой взаимосвязи партийных разногласий конца 1923 г. с международными событиями (провалом коммунистических партий в Германии и Болгарии) писал и невозвращенец Александров, который полагал, что борьбу с оппозицией также облегчили внешние обстоятельства (нахождение у власти в Англии рабочего правительства, во Франции – правительства левого блока, признание РСФСР западными державами)²⁷⁴. В.М. Чернов считал, что в противоречиях между различными направлениями в партии сказывался также скрытый антагонизм между партаппаратом и госаппаратом²⁷⁵.

Однако большая часть эмиграции все же делала акцент на борьбе за наследие В.И. Ленина. В газете «Руль» указывалось, что большевики поступили неосмотрительно, не выбрав ему преемника при жизни, поскольку это неизбежно вызывало внутрипартийную борьбу и как следствие могло привести к падению власти²⁷⁶. Соглашалась с этим и редакция газеты «За свободу», отмечая, что у вождя не оказалось не только наследников, но и наследства²⁷⁷.

²⁷¹ ГАРФ. Ф. Р-5946, оп. 1, д. 12, л. 13 об.; Ф. Р-7518, оп. 1, д. 4, л. 24 об., 27-29 об.

²⁷² См., например: ГАРФ. Ф. Р-6055, оп. 1, д. 5, л. 304.

²⁷³ См., например: ГАРФ. Ф. Р-5872, оп. 1, д. 175, л. 1.

²⁷⁴ Александров. Большевики, поднявшие меч от меча должны и погибнуть. Исторический анализ положения советской власти. 1917-1925 гг. и перспективы будущего. Париж: Impregimerie de Navarre, 1926. С. 108-109

²⁷⁵ См. подробнее: Коновалова О.В. Указ. соч. С. 215.

²⁷⁶ Смерть Ленина // Руль. 1924. 24 января.

²⁷⁷ Год без головы // За свободу. 1925. 24 января.

В.М. Чернов в качестве возможных лидеров после смерти вождя называл Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева и И.В. Сталина, но не возлагал надежд на раскол партии и не видел потенциала для ее эволюции. Он писал, что раскола не будет, «будут лишь отколы. Все самостоятельное, все осмеливающееся на серьезную оппозицию будет подавляться еще в зародыше и беспощадно отсекается»²⁷⁸.

Смерть В.И. Ленина, по мнению НТСНП, послужила лишь смене форм: от интриг перешли к открытой борьбе. При этом лидерство в этой борьбе эмигрантами виделось по-разному: одни полагали, что на какое-то время Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев и И.В. Сталин составили триумвират «наследников Ленина», другие же, напротив, считали, что между ними идет борьба. Как указывалось в одном из информационных материалов, собранных русским зарубежьем по вопросу о внутрипартийной дискуссии, «представление, что эсесерией правит “тройка” – Зиновьев, Каменев и Сталин – есть представление, стилизующее действительность. Большее значение имеет “политбюро”»²⁷⁹. Чтобы понять расстановку сил, эмигранты старались вычленить сильные и слабые стороны советских лидеров, выяснить, на что каждый из них делает ставку, на какие силы опирается²⁸⁰.

Весной 1924 г. русское зарубежье отмечало оживление в партии, связанное с организацией XIII съезда и направленное на предотвращение дискуссий. Фиксируется обеспокоенность в высших эшелонах власти. В подготовительных мероприятиях к съезду прослеживалось навязывание общественности мнения, что «бывшая зимой дискуссия подтвердила незыблемость политики “тройки”, являющейся ныне хранительницей “ленинизма”»²⁸¹. Эмигранты полагали, что на съезде Г.Е. Зиновьев и Л.Б. Каменев смогут вернуть ситуацию на круги своя (диктатура партийной верхушки, крен экономики влево), то есть произойдет восстановление истинного «ленинизма», всякая борьба с которым будет

²⁷⁸ Ненарком. Вокруг советского «Центра центров» // Революционная Россия. 1923. №33. С.26.

²⁷⁹ ГАРФ. Ф. Р-6055, оп.1, д. 8, л.9.

²⁸⁰ См. например: ГАРФ. Ф. Р-6055, оп. 1, д. 5, л. 305; д. 8, л.9, 29; Ф. Р-5826, оп. 1, д. 167, л. 123; ДРЗ. Ф. 7, оп. 1, ед. хр. 3, л. 77 об. ; Александров. Кто управляет Россией. С. 59; Национально-Трудовой Союз Нового Поколения. Ч. IV. С. 103.

²⁸¹ Перед новой дискуссией? // За свободу. 1924. 20 мая.

рассматриваться как посягательство на заветы Ленина²⁸², что приведет власти в тупик. Но этим надеждам не удалось оправдаться²⁸³. XIII съезд «разочаровал» эмиграцию: Л.Д. Троцкий оппозиции не составил, Г.Е. Зиновьев заявил о прекращении всех дискуссий²⁸⁴.

Новый виток оппозиционной борьбы эмиграция отмечает с осени 1924 г., увязывая его с открытыми выступлениями Л.Д. Троцкого во время ноябрьских праздников²⁸⁵. Русское зарубежье вновь отдало ему «пальму первенства» во внутрипартийной борьбе²⁸⁶. Ему противопоставлялись «цекисты», имевшие больше реальных возможностей, следовательно, шансов на успех. Учитывая, что ЦК принял положение по самоорганизации, редакция газеты «Русь» не видела другой возможности перехода власти к Л.Д. Троцкому, кроме как переворот²⁸⁷.

Осеннее выступление Л.Д. Троцкого в газете «За свободу» было названо продолжением и развитием борьбы, начавшейся еще в 1923 г. вокруг ленинского наследия. Составляющими его идеологии назывались: указание, что СССР может рассчитывать в своем существовании исключительно на поддержку европейского пролетариата и не может рассчитывать на поддержку русского крестьянства как стихии, существенно ему чуждой; обличение НЭПа как дающего простор для анархии производства²⁸⁸. Редакция газеты «За свободу» не видела в них особой угрозы, считала, что его сила не в программе, а в личных качествах, благодаря которым он мог легко сплотить вокруг себя все оппозиционные течения и не пролетарские элементы²⁸⁹. В.М. Чернов также считал его увольнение не следствием борьбы в партии, а устранением яркого и талантливое соперника посредственностями²⁹⁰.

«Закат» Л.Д. Троцкого вызвал искреннее недоумение эмиграции. В газете «За свободу» отмечалась мелочность обвинений при увольнении Л.Д. Троцкого на покой, сводившихся к наруше-

²⁸² Болезнь, загоняемая внутрь // За свободу. 1924. 24 мая.

²⁸³ Русь. 1924. 25 апреля.

²⁸⁴ Русь. 1924. 13 июня.

²⁸⁵ См., например: Мужик просыпается // За свободу. 1924. 9 ноября.

²⁸⁶ См., например: Склока // За свободу. 1924. 15 ноября.

²⁸⁷ Р.Г. Взрыв изнутри // Русь. 1924. 23 ноября.; Пауки в банке // Русь. 1924. 12 декабря.

²⁸⁸ ГАРФ. Ф. Р-6055, оп. 1, д. 8, л. 10-11.

²⁸⁹ Закат Троцкого // За свободу. 1924. 29 ноября; Склока // За свободу. 1924. 15 ноября.

²⁹⁰ Ненарком. Перетасовка карт // Революционная Россия. 1926. №46 С. 18-22.

ниям партийной дисциплины и лишь потом в «притянutom за уши» отходе от принципов «ленинизма»²⁹¹. Это казалось эмиграции невероятным: в ее глазах он был настолько значимой фигурой в советской политике, что такая ситуация не могла произойти без ущерба для самой власти. Некоторые русские зарубежные издания задавались даже вопросом, не является ли закат Л.Д. Троцкого закатом «красной звезды» вообще²⁹². Выдвигались и более парадоксальные версии о возможном завершении ссоры Г.Е. Зиновьева и Л.Б. Каменева возрождением монархии²⁹³.

В развитии событий января 1925 г. многие эмигранты по-прежнему склонны были видеть «последнюю схватку», которая вот-вот приведет к гибели коммунизма. В этой связи Л. Окин в статье «Пауки в банке» обратился к расстановке сил в советской верхушке, стараясь проанализировать сильные и слабые стороны сложившихся группировок. За И.В. Сталиным – высшие партийные круги, государственный и административный аппарат (в том числе ГПУ)^{294*}. Г.Е. Зиновьев в одиночестве. Группа Л.Б. Красина имеет вес лишь благодаря своим заграничным связям, поэтому не имеет самостоятельного значения, а может лишь усилить одну из сторон. Высоко он оценивал силы Л.Д. Троцкого (особенно в армии), однако видел, что у него нет организованного управления оппозицией. При таких условиях, делал вывод автор, переворот в пользу «Бонапарта-Бронштейна» легче легкого, но сам Л.Д. Троцкий, по мнению автора, видимо, мало доверял своим сторонникам, к тому же боялся «окончательно порвать со старыми товарищами по партии», проявлял медлительность и нерешительность²⁹⁵. В этом же обвиняет его и редакция газеты «Русь», полагая, что он опасался открыто выступить против ЦК, боясь уничтожения партии в целом антисоветскими элементами. Поэтому, писала газета, момент, когда Л.Д. Троцкий мог чего-

²⁹¹ Год без головы // За свободу. 1925. 24 января.

²⁹² Закат Троцкого // За свободу. 1924. 29 ноября.

²⁹³ Русь. 1924. 13, 19, 20 декабря.

* НТСНП сравнивал И.В. Сталина с Борисом Годуновым, который освободился от опасных ему бояр, назначив их на воеводства, подразумевая отстранение от руководящих постов сторонников Л.Д. Троцкого и их перевод на почетные посты в провинциях или за границу и назначение на их место своих сторонников (См.: Национально-Трудовой Союз Нового Поколения. Ч. IV. С. 103).

²⁹⁵ Окин Л. Пауки в банке // Русь. 1925. 4 января.

либо добиться, – упущен²⁹⁶. Л. Окин, однако, верил, что, несмотря на это, остановить само оппозиционное движение уже невозможно и вскоре оно выльется в крупные события²⁹⁷, да и популярность Л.Д. Троцкого за время гонений возросла²⁹⁸.

Газета «За свободу» писала в начале 1925 г. об определенных партийных разногласиях по вопросам внутренней политики, связанных с неонэпом и поворотом к деревне²⁹⁹. В.М. Чернов связывал новый этап внутрипартийной борьбы с противоречиями НЭПа³⁰⁰. Монархисты усматривали взаимосвязь партийной борьбы с внутри- и внешнеэкономическими вопросами, прежде всего с вывозом хлеба. В «Вестнике Высшего монархического совета» выделялось три точки зрения коммунистического руководства: 1) левых коммунистов (Г.Е. Зиновьев), делавших ставку на рабочих и промышленность в ущерб крестьянству, уповающих на возобновление военного коммунизма, усиление террора; 2) умеренных (Г.Я. Сокольников) – на внешнеэкономические ресурсы при поощрении НЭПа; 3) центристов, делающих ставку на рабочих, но не в ущерб крестьянству. Монархисты отмечали, что тактические споры выявили явный раскол и острую вражду в партии, обнаружив зловещую борьбу за власть и взаимную ненависть главарей³⁰¹. Лишь иногда внутрипартийную борьбу экстраполировали на мировой уровень, относясь к ней как к борьбе интернационала и совнаркома. Подразумевая при этом борьбу двух линий в партии: одной, нацеленной на решение внутренних проблем СССР, другой – на мировую революцию³⁰². Эмигрант Александров, характеризуя 1925 г., писал, что оппозиция притихла, но это не означает ее слабость и силу ЦК, просто каждый раз разлад в партии происходит параллельно экономическому и политическому кризису³⁰³.

В январе 1925 г. газета «Русь» практически еженедельно отслеживала ход борьбы: 11 января она писала, что сенсации в во-

²⁹⁶ Троцкий должен был подчиниться // Русь. 1925. 15 января.

²⁹⁷ Окин Л. Пауки в банке // Русь. 1925. 4 января.

²⁹⁸ Окин Л. Триумф Бронштейна // Русь. 1925. 30 января.

²⁹⁹ Куда поворачивать? // За свободу. 1925. 22 февраля.

³⁰⁰ См. подробнее: Коновалова О.В. Указ. соч. С. 220.

³⁰¹ К новолетию // Высший монархический совет. Вестник. 1925. 25 января.

³⁰² Русь. 1925. 18 января.

³⁰³ Александров. Большевики, поднявшие меч ... С. 108.

просе внутривластной борьбы прекратились; однако 18 января вновь сообщала об изменении положения «на советском Олимпе» – Л.Д. Троцкий опять выдвинулся на первый план, что «подкузьмило» Г.Е. Зиновьева; а уже 29 января констатировала победу зиновьевской группировки.

Внутрипартийные дискуссии 1924–1925 гг. всерьез заинтересовали эмигрантов. Сначала под впечатлением декабрьской дискуссии многие стали «собирать чемоданы», готовясь к возвращению домой, затем, узнав о сдаче Л.Д. Троцким своих позиций, уверились, что никаких перемен во внутреннем положении СССР нет и быть не может³⁰⁴. Газета «Русь» убеждала читателей, что это была лишь мнимая «ликвидация» раскола, которая только усложнила положение правящей партии, поскольку он ушел вглубь, борьба стала шире, а в будущем еще усилится, на что и призывала эмигрантов рассчитывать³⁰⁵.

В феврале в русской заграничной прессе активно проводится мысль, что удаление Л.Д. Троцкого не привело к возвышению Г.Е. Зиновьева, в проигрыше оказались оба. Журнал «Наш мир» опубликовал карикатуру, на которой из воздушного шара с надписью «СССР» вываливался Л.Д. Троцкий и тянул за собой Г.Е. Зиновьева со словами: «Тов. Зиновьев, вы тоже очень тяжелый»³⁰⁶. Причины падения последнего виделись в «чрезмерной ретивости в осуществлении всемирно революционных проектов»³⁰⁷. На страницах газеты «Русь» предполагалось два возможных варианта дальнейшего развития событий: возвращение Л.Д. Троцкого или приход к власти новых сил (если борьба этих лидеров была лишь средством к их устранению)³⁰⁸. Последнее газета отмечала с апреля 1925 г., высоко оценивая шансы И.В. Сталина на успех в захвате власти, указывая при этом на нежелание сторон открывать публичные дискуссии³⁰⁹. Акцентировал внимание на роли И.В. Сталина и невозвращенец Дмитриевский, соглашаясь с тем, что его борьба с Л.Д. Троцким соседствовала с настраиванием против него Г.Е. Зиновьева и Л.Б. Камен-

³⁰⁴ Русь. 1925. 11 января.

³⁰⁵ Там же.

³⁰⁶ Наш мир. 1925. 15 февраля. № 7. С. 56.

³⁰⁷ Русь. 1925. 8 февраля.

³⁰⁸ Там же.

³⁰⁹ На кремлевских верхах // Русь. 10 апреля.

нева и позволила ему одновременно победить обе группировки³¹⁰.

Некоторые эмигранты подчеркивали, что хоть Л.Д. Троцкий и был оппозиционером, большевистской системы он менять не собирался³¹¹. Из крушения Л.Д. Троцкого делался вывод о несбыточности надежд эмиграции на раскол партии. По его поведению, примирению с Г.Е. Зиновьевым русское зарубежье сделало выводы о его поражении. Определенные надежды, которые эмигранты возлагали на Троцкого, не оправдались³¹². Они иронизировали: если есть нео-НЭП, то может быть и нео-Троцкий³¹³.

В 1926-1927 гг. эмиграция отмечает стремление Г.Е. Зиновьева к созданию мощного блока, объединяющего его, Л.Б. Каменева и Л.Д. Троцкого для продолжения борьбы с И.В. Сталиным. В.М. Чернов писал: «Троцкий, Зиновьев, Каменев, Радек издеваются над идеей «социализма в одной стране» и насмешливо спрашивают насчет «социализма в одном уезде», или даже «в одном участке»³¹⁴. Главным теоретиком сил, находящихся у власти, он считал Н.И. Бухарина, который продолжил ленинскую «комнародническую» линию, которую В.М. Чернов приветствовал. И.В. Сталин, по мнению аналитиков «Революционной России», вплоть до второй половины 1920-х гг. даже и не пытался разрабатывать вопросы большевистской теории, проблемы развития России, являя собой «классический тип большевистского чиновника»³¹⁵.

Анализируя ситуацию в партии в 1926 г., В.М. Чернов отмечал неопределенность ситуации: «Никто вполне не обрел самого себя, а если кто и обрел, то не смеет открыто казаться тем, чем внутренне уже стал. ... Все, не исключая даже Красина, останавливаются на полдороге. ... И конечно, не могут победить Зиновь-

³¹⁰ Дмитриевский С. Сталин. Берлин: Стрела, 1931. С. 295-299.

³¹¹ Александров. Большевики, поднявшие меч. ... С. 122-124.

³¹² Русь. 1925. 21 июня.

³¹³ В.П. Неотроцкий// За свободу. 1925. 17 апреля.

³¹⁴ Чернов В. В мире переотражений // Революционная Россия. 1928. № 63-64. С. 7.

³¹⁵ См. подробнее: Малыхин К.Г. Социалистические и леволиберальные течения русского зарубежья 20-30-х годов: Оценки большевистского реформирования России. Очерки истории: Учебник. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского государственного педагогического университета, 2009. С. 84.

ева те, в которых столько “внутреннего Зиновьева”»³¹⁶. Дискуссии о сущности госкапитализма и социализма, по его мнению, носили неконструктивный характер, суть же спора была в том, что делать дальше, после НЭПа³¹⁷.

Подчеркивались организованность и чрезвычайный накал борьбы, приведшей к расправе с оппозиционерами в виде их исключения из партии³¹⁸. Причины сурового наказания Александров видел главным образом в расхождении их стратегии со сталинской, выдвинутой им в качестве лозунга партийного и государственного строительства («построение социализма в одной стране»). Другой причиной разногласий эмиграция называла вопрос об отношении к крестьянству вообще и его обложении налогами в частности³¹⁹. Некоторые представители русского зарубежья полагали, что на самом деле принципиального расхождения между оппозицией и сталинцами нет, скорее оно сознательно раздувается. Лидеры не столько отстаивают свои программы, сколько пользуются ими в качестве орудия борьбы с оппонентами. Доказательством этого, по мнению эмиграции, являлось объединение Л.Д. Троцкого с Г.Е. Зиновьевым и Л.Б. Каменевым, нападавшими на него до этого совместно с И.В. Сталиным³²⁰. П.Н. Милюков считал, что такой триумвират лучше Л.Д. Троцкого самого по себе³²¹.

В этом противостоянии Александров выделял два периода: до октября 1926 г., когда после расправы, оппозиция капитулировала^{*}; с апреля 1927 г., когда наблюдается ее новая активизация³²². Отмечается, что борьба выходит на новый уровень, о чем свидетельствует ее распространение на низовые уровни партии; усиленное снятие с должностей партийцев-выходцев из других

³¹⁶ Чернов В.М. Безысходное противоречие // Революционная Россия. 1925. №43. С. 15-16.

³¹⁷ Новая дискуссия и комнародничество. С. 7.

³¹⁸ Александров. Кто управляет Россией. С. 158, 162

³¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-5826, оп. 1, д. 167, л. 27

³²⁰ РФ. Ф. Р-5826, оп. 1, д. 168. л. 122.

³²¹ Юбилейный сборник «Последних новостей». С.23.

^{*} Карикатурист-эмигрант М. Линский изобразил победу И.В. Сталина над Л.Д. Троцким на Съезде партии (559 голосами против 65) в виде боксерского поединка и нокаута последнего. Внизу карикатуры была подпись «557... 558... 559! Готов!» (Иллюстрированная Россия. 1926. № 2 (35). С. 3.)

³²² Александров. Кто управляет Россией. С. 163, 166.

партий как ненадежных, давших большой процент оппозиционеров; перенос ее за границу, в Коминтерн; арест, а затем высылка Л.Д. Троцкого; смена характера борьбы (из противоборства идеологий начала 1920-х она превратилась в сражение за власть).

Для В.М. Чернова и его товарищей по эмиграции разгром оппозиции не стал неожиданностью, а скорее был закономерностью: она явилась жертвой собственных же усилий по созданию большевистской диктатуры. К тому же, чтобы победить, им нужно было, по его мнению, опереться на здоровые силы, вывести движение за рамки партии, то есть отказаться от советской политической системы и монополии партии на власть³²³.

Некоторые эмигранты, разбирая причины поражения оппозиции, акцентировали внимание на личностном факторе, полагая, что победа была обусловлена не столько идеологией или программой И.В. Сталина, сколько его личными характеристиками, организаторскими способностями и должностью, которую он занимал. Уже в 1924 г. заговорили о термидорианстве и бонапартизме И.В. Сталина (затушевывается лозунг мировой революции, ориентация на мирные отношения с Западом)³²⁴, хотя не все были согласны с этой точкой зрения³²⁵.

Несмотря на победу И.В. Сталина, русское зарубежье отмечало отсутствие единства в партийных рядах³²⁶, неустойчивость власти и неизбежность будущих перемен³²⁷. В конце 1920-х русское зарубежье видело три главные причины противостояния: концессионная политика, не принимаемая ни правыми, ни левыми; стремление И.В. Сталина к неограниченной власти, чему мешала оппозиция; крестьянский вопрос, бывший главным для правых. Наличие борьбы в партии рассматривалось эмигрантами как положительный фактор. С одной стороны, она свидетельствовала о непрочности режима, с другой – в ней виделось начало процесса перерождения, эволюции партии. Поэтому часть русского за-

³²³ См. подробнее: Коновалова О.В. Указ. соч. С. 224.

³²⁴ Милюков П. 2 диктатора – 2 революции // Последние новости. 1940. 2 февраля; ГАРФ. Ф. Р-5826, оп. 1, д. 168, л. 122-123.

³²⁵ См., например: Левин И.О. Сталинцы и оппозиция. // Борьба за Россию. 1927. 10 декабря. С. 8.

³²⁶ ГАРФ. Ф. Р-5826, оп. 1, д. 177, л. 2-3.

³²⁷ Зайцев К. Агония коммунистической партии // Борьба за Россию. 1928. 18 февраля. № 65. С. 2-4.

рубежья отнеслась к разгрому левой оппозиции даже с некоторым сожалением, поскольку тем самым восстанавливалось партийное единодержавие.

Кроме левой оппозиции, эмиграция выделяла еще два крыла в партии: центристское (И.В. Сталин) и правое (А.И. Рыков), которые в ходе борьбы с левой оппозицией выступили единым фронтом. Однако после ее разгрома появилась возможность развития НЭПа в новом направлении, а следовательно, повод для выступления правой оппозиции, о которой в эмиграции начали писать с 1928 г. Сильной стороной считали программу правых³²⁸, привлекавшую беспартийное население, чиновничество, партийное «болото», которые хоть и выступали в поддержку пятилетки, но на деле были против нее³²⁹. Это вновь дало эмиграции надежды если не на распад партии, то на ее ослабление³³⁰. Слабыми сторонами считали личные качества А.И. Рыкова, его слабость как организатора, отсутствие поддержки со стороны крупных коммунистов, наученных опытом расправы с левой оппозицией³³¹, неоднородность правой оппозиции³³², нерешительность, отсутствие революционного мужества и отказ от главного орудия борьбы (агитации), что, по мнению эмиграции, являлось главной причиной поражения правых³³³.

Подводя в 1929 г. итоги внутрипартийной борьбы, журнал «Революционная Россия» писал, что большевики еще не казнят, но активно клеветают друг на друга, с тем, чтобы, когда начнется физическое истребление, никто не встал на защиту обвиняемых³³⁴. Отсутствие общественной реакции и, более того, поддержка московской парторганизацией разгрома правой оппозиции для эмиграции стали свидетельством окончательного оформления диктаторской единоличной власти И.В. Сталина*.

³²⁸ ГАРФ. Ф. Р-6055, оп. 1, д. 8, л. 10.

³²⁹ Элита-Вильчковский К. Последний и решительный бой // Младоросс. 1930, март. №2. С. 6-7.

³³⁰ ГАРФ. Ф. Р-5826, оп. 1, д. 103, л. 80, 82.

³³¹ Там же, д. 1772, л. 121.

³³² Чернов В.М. Очередь за правыми. // Бюллетень американской ПСР. 1930. №2-3. С. 3-4.

³³³ Минский Мужик. Правда о Советской России (по личным наблюдениям и материалам советской печати и статистики). Н.Й., 1937. С. 65.

³³⁴ Бой на Олимпе // Революционная Россия. 1929. №73. С. 1-3.

* Заслуга введения термина «сталинизм» в 1927 г. принадлежит газете «Дни».

Н.С. Тимашев считал, что И.В. Сталин «унаследовал» эту власть от В.И. Ленина, избавившись постепенно от всех других претендентов на наследство³³⁵. Некоторые эмигранты, поняв, что ни народ, ни русское зарубежье, ни иностранные державы не помогут возрождению России, сделали ставку на нового вождя, посчитав, что именно он поведет ее по пути демократического развития. Так, П.Н. Милюков из всех претендентов на власть в 1920-е гг. рассматривал И.В. Сталина как наименьшее зло, возлагал на него определенные надежды, видел в нем человека, радующего за национальные интересы, расценивал его политику как государственный капитализм³³⁶. К концу 1920-х редакция газеты «Последние новости» констатирует противоречивость политики И.В. Сталина (принятие то левой, то правой платформы), ее шатания из стороны в сторону, расхождение слов и дел³³⁷. Она выделяет следующие этапы становления его личной диктатуры: устранение Н.А. Угланова, захват московской организации, кампании против М.И. Фрумкина в ведомстве финансов. В свете борьбы с оппозицией ей был дан и анализ 1929 г.: проведение предвыборной «чистки», провокация «правых» на открытый конфликт. Поэтому, как указывала редакция, во второй половине 1929 г. И.В. Сталин путем репрессий «закрыв рот критике» внутри самой партии, практически устранил от власти «правую оппозицию» и ее сторонников³³⁸.

В 1932 г. вышла книга Александрова «Диктатор ли Сталин? Историко-догматический анализ», в которой прослеживается становление Сталина как лидера. Автор связывал воедино дискуссии в партии с 1925 по 1928 гг., отмечал их незавершенность к 1932 г. Сравнивая тактику советских лидеров, Александров приходил к выводу, что, используя идеи В.И. Ленина, И.В. Сталин, применяя «ежовые рукавицы» по отношению к оппозиции и подавлению воли основной массы партийцев, сумел добиться того, чего первому вождю не удалось – единства партии и централизма в управлении, поэтому видел в нем способности организатора и

³³⁵ Тимашев Н.С. Сталин перестал спокойно спать // Борьба за Россию. 1928. 10 ноября. №103. С. 1-3.

³³⁶ Советский брюмер // Последние новости. 1928. 4 ноября.

³³⁷ Предъюбилейная чистка // Последние новости. 1927. 30 октября.

³³⁸ Милюков П.Н. Десять лет // Юбилейный сборник «Последних известий». С. 25-29.

политика³³⁹. Александров даже считал, что если бы И.В. Сталина не избрали на должность Генерального Секретаря и Наркома РКИ, то развал партии и падение советской власти были бы неминуемы³⁴⁰. Он полагал, что спор о возможности строительства социализма в СССР являлся жизненной проблемой, новым «сredo» коммунистической партии – «сталинизмом» и был убежден, что И.В. Сталин, в отличие от В.И. Ленина, сумел убедить партию и народ в возможности реализации этого лозунга, что способствовало огромному росту доверия к нему. При этом, давая характеристику личности вождя, Александров сомневался, что он сам верит в свою теорию социализма в одной стране. Более того, автор считал его авантюристом и маньяком, крепко держащимся за власть³⁴¹.

Другой эмигрант А.И. Завротский к сильным сторонам правления И.В. Сталина относил сплочение партии (дисциплина, субординация и так далее), высокую технику сыска, следствия, пропаганды, создание сильной армии, спекуляцию на народном невежестве и вербовку сторонников советской власти путем подмены отсутствующих жизненных благ преимуществами и привилегиями; к слабым – ложь, как основу советской пропаганды³⁴². Выделяло русское зарубежье и умение И.В. Сталина использовать оппозицию в своих интересах, лавируя и заимствуя идеи то одной, то другой стороны, устраняя оппозицию ее собственными руками³⁴³.

Подводя итоги оценке эмиграцией внутрипартийных дискуссий, отметим, что всплески борьбы внутри коммунистической партии эмиграция связывала с двумя обстоятельствами: во-первых, с болезнью и смертью В.И. Ленина, а во-вторых, с изменениями правительственного курса и собственно ситуации в Советской России. Речь шла не только об идейно-политическом противостоянии по вопросам теории и практики государственно-

³³⁹ Александров. Диктатор ли Сталин? С. 7-9, 26.

³⁴⁰ Александров. Кто управляет Россией. С. 22.

³⁴¹ Александров. Диктатор ли Сталин? С. 14-16.

³⁴² Завротский А.И. Сила Сталина и его ахиллесова пята. Реклама идей. Шанхай, 1934. С. 66-110.

³⁴³ См., например: Мигулин П.П. Русская аграрная проблема и сельскохозяйственная катастрофа в Советской России // Труды кружка «К познанию России». 1934. Вып. 1. С. 26.

го строительства, но и о борьбе за власть. Несмотря на то, что русское зарубежье выделяло в среде большевиков многочисленные группы, чья позиция по ряду вопросов расходилась с официальной линией партии, тем не менее, наибольшее внимание акцентировалось на левой оппозиции. Ведущая роль отводилась Л.Д. Троцкому, в котором видели наиболее реального претендента на власть. В Л.Д. Троцком (как позднее в И.В. Сталине) некоторые представители эмиграции видели национального борца, способного возродить великодержавную мощь былой России³⁴⁴.

В связи с бурным развитием событий, восприятие эмиграцией процессов, происходящих в партии, менялось. В начале 1920-х оно было более эмоциональным, в конце изучаемого периода эмоции уступили место объективным оценкам, русское зарубежье приблизилось к политическому реализму.

Выделялись два пласта внутрипартийной борьбы: личная и коллективная борьба за власть; идейные противоречия. Последние могли возникнуть по частным вопросам партийного и государственного строительства, но было три основных проблемы, считавшиеся русским зарубежьем наиболее дискуссионными: стратегия развития социализма (мировая революция или социализм в одной стране); стратегия и тактика экономического развития страны; внешнеполитическая концепция. В первой половине 1920-х гг. они дополнялись спорами по вопросу о демократии.

Эмиграция подмечала лавирование некоторых лидеров (главным образом И.В. Сталина), причем, как считало большинство русского зарубежья, не в целях улучшения положения в стране, а именно для противостояния оппозиции и борьбы за власть.

Оценивая характеристику оппозиции эмиграцией, можно заметить, что если основные проблемы, вокруг которых шли споры, выделялись достаточно точно, то качественная характеристика оппозиции была слабым местом русского зарубежья. Оно не всегда точно представляло, кто и против кого выступает в партии; силы и значение оппозиции переоценивались им, как и в отношении многих событий, которые могли привести к свержению власти. К тому же, как правило, говоря о противоречиях в ВКП(б), эмиграция выделяла лишь партийные верхи. Об участии

³⁴⁴ Окин Л. Триумф Бронштейна // Русь. 1925. 30 января.

рядовых членов партии в дискуссиях практически не упоминалось. Некоторое внимание уделялось чисткам партии (в том числе и в низовых ячейках)³⁴⁵, расслоению партии и противоречию между низами и верхами.

Русское зарубежье не давало специальной периодизации развития внутрипартийных дискуссий. Хотя достаточно хорошо прослеживаются следующие этапы: 1) противостояние В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого «рабочей оппозиции»; 2) триумvirат, «тройка» Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева И.В. Сталина; 3) период уходов-возвращений Л.Д. Троцкого; 4) левая оппозиция; 5) правая оппозиция, – которые в основном совпадают с трактовкой и периодизацией внутрипартийной борьбы, выделяемой современными историками. Созвучны с современными исследованиями и выводы эмигрантов о том, что борьба за социализм совмещалась с борьбой за лидерство, в которой победил И.В. Сталин. К концу 1920-х гг. эмигранты отмечают формирование «сталинизма», переход к единовластию и личной диктатуре.

2.5. Эмиграция о советском строе

Поворот от военного коммунизма к новой экономической политике был по-разному воспринят эмиграцией. Одни считали, что любые реформы бесполезны до тех пор, пока у власти находятся большевики и действуют в рамках существующего строя. Другие были уверены в слабости власти, которая введением НЭПа пошла на уступки, совершив своего рода тактический маневр. Однако, как отмечалось в предыдущей главе, оценив значимость проведения первых экономических преобразований, русское зарубежье констатировало их неполноценность без подвижек политических, в реализации которых сильно сомневалось. Третьи считали, что новая экономическая политика была осознанным шагом, вызванным идеологической эволюцией, а следовательно, она неизбежно приведет и к политической трансформации режима, коррекции системы государственного управления.

³⁴⁵ ГАРФ. Ф. Р-6055, оп. 1, д. 5, л. 303; Крупов. О чистках и проверках // За свободу. 1924. 2 апреля; «Очистительные жертвы» // За свободу. 1923. 27 августа.

В эмиграции разгорелись дискуссии вокруг проблемы «советского термидора». Ю.О. Мартов связывал его с тем, что партия всегда закрывала В.И. Ленина от народа, но с введением НЭПа он вынужден будет устранить этот барьер и опереться прямо на массы: «Это и есть момент 9-го термидора, когда Робеспьер активно пытался освободиться от своей маленькой партии ... Робеспьер на этом сломал себе шею. Посмотрим, сумеет ли Ленин избежать этого финала и стать во главе термидорской ликвидации революционного периода, вместо того чтобы быть ее жертвой»³⁴⁶. Он указывал, что большинство людей и русских, и иностранцев, побывавших в России, сходятся на констатации образования «нового русского общества», перерождении коммунистической партии в бонапартистскую или термидорскую³⁴⁷. Уверенность в бонапартизме приводила к попыткам наладить контакты с высокопоставленными советскими чиновниками. Так, в одном из писем из России Ю.О. Мартову сообщали, что на фоне новой политики усилилось значение военных, и, по мнению одного из советских генералов, термидор уже произошел (НЭП), ожидается 18 брюмера³⁴⁸.

Уподобляли НЭП термидору и сменовеховцы, сравнивая период военного коммунизма с якобинской диктатурой. Надежды на эволюцию большевиков питал П.Н. Милюков. Меньшевики опасались, что под влиянием большевиков, переродившихся в термидорианско-бонапартистскую партию, государственный строй может принять военно-полицейскую форму³⁴⁹. При этом отмечали явное противоречие между политическим (жесткий однопартийный режим) и экономическим (развитие капиталистических отношений) курсом, которое только увеличилось к середине 1920-х³⁵⁰. Они не желали восстановления капиталистических начал в России³⁵¹, надеялись на их временный и вынужденный характер, верили в скорую смену политики.

³⁴⁶ Письмо Ю.О. Мартова П.Б. Аксельроду от 24.06. 21. // Мартов Ю.О. Письма и документы (1917-1922) ...

³⁴⁷ Письмо Ю.О. Мартова П.Б. Аксельроду от 30.10. 21 // Там же.

³⁴⁸ Письмо Ю.О. Мартова П.Б. Аксельроду от 03.12. 21 // Там же.

³⁴⁹ Социалистический вестник. 1921. № 19; 1922. №2.

³⁵⁰ Социалистический вестник. 1924. № 2.

³⁵¹ См., например: Мартов Л. На пути к ликвидации // Социалистический вестник. 1921. №18. С. 10; Мартов Л. Новая платформа // Социалистический вестник. 1922. № 19; Абрамович Р. // Социалистический вестник. 1922. №2.

Большинство эмигрантов, признавая наличие подвижек в социально-экономической сфере, все же весьма скептически оценивали возможность аналогичных перемен в области политической, а следовательно, трансформацию режима в целом. Так, например И.О. Левин писал: «Можно, например, и то лишь в весьма ограниченном смысле говорить об экономическом термидоре с 1921 г., с момента введения нэпа, но нет никакого основания говорить пока о термидоре политическом, сколько бы ни толковала оппозиция о термидорианском перерождении правящей партии»³⁵².

Экономист С.Н. Прокопович, возлагавший вначале на НЭП определенные надежды, в конце 1923 г. указывал, что он оказался не более чем «жалким компромиссом» между принципами личной хозяйственной заинтересованности и государственного принуждения, осуществленным «в порядке диктатуры коммунистической партией»³⁵³.

П.Б. Струве, более того, называл «частичный возврат к капиталистическому строю» – «средством сохранения политической власти коммунистов», которые не могли допустить даже малой степени свободы, поскольку она означала бы гибель коммунистической власти, ее политическую капитуляцию. То есть «в политике Советов не произошло никакого радикального и глубокого изменения»³⁵⁴.

Начало политическим изменениям, по мнению эмиграции, могло положить введение буржуазных прав и свобод. Поэтому русское зарубежье не могло оставить без внимания законодательную базу как фундамент государственного строительства.

Юрист евразиец Н.Н. Алексеев ставил под сомнение действительность самоуправления в советском государстве, отмечая, что реально власть может быть только в руках органов, которые работают на протяжении длительного времени (что не характерно для Съездов, их исполнительных комитетов, Совнаркомов). В СССР же она, по его мнению, находилась в руках неофициальных органов власти – диктатуры коммунистической партии, которая

³⁵² Левин И.О. Сталинцы и оппозиция. // Борьба за Россию. 1927. №55. С. 8.

³⁵³ Русская мысль. 1923. Кн. VI-VIII. С. 451.

³⁵⁴ Цит. по: Пайпс Р. П.Б. Струве о русской революции // Вестник русского христианского движения. 1978. № 126. С. 190-191

базируется на следующих принципах: чистого принуждения; авторитета вождей и единения коммунистической партии; произвольно допущенном принципе правительства³⁵⁵. То есть, делал он вывод, советская демократия отодвигается на второй план, страна же управляется на основе олигархического начала³⁵⁶ и покоится на трех главных основаниях: «1) на привычке русского народа к самоуправлению; 2) на подчас неправомерных действиях правящей партии, допускающей произвол и лишение целых групп населения избирательных прав («буржуев», «кулаков» и др.); 3) на специфике современного советского права, отдавшего преимущество городу (и фабрике) перед деревней»³⁵⁷. При этом Н.Н. Алексеев все-таки расценивал опыт создания и деятельности Советов как положительный и важный для самоуправления и самоорганизации в будущем³⁵⁸.

О формальной автономии, которую давал на местах лозунг «Вся власть Советам», писал эсер, председатель отделения Земгора в Италии Г.И. Шрейдер, отмечая при этом, что она вступала в противоречие с партийной диктатурой. Была необходима централизация. Еще в 1919 г. газета «Голос России» отмечала самодержавные замашки советских чиновников и возврат к централизму в ущерб местным властям³⁵⁹. Эта «жестокая борьба между центром и местами, когда центральная власть десятками упраздняла местные советы», закончилась, по словам Г.И. Шрейдера, полной победой центра, закрепленной в новой конституции РСФСР 1924 г.: советы лишались высшей местной власти, которая переходила к Исполнительным комитетам, становящимся основой всей системы управления³⁶⁰.

Н.Н. Алексеев отмечал, что каждый элемент советского государства обладал правом самоопределения, самоуправления и автономии, но лишь в теории, на практике децентрализация вла-

³⁵⁵ Алексеев Н.Н. Государственный строй// Право Советской России. Прага: Пламя, 1925. Кн. 1. С. 29-120.

³⁵⁶ Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. С.336-337.

³⁵⁷ Цит по.: Доронченков А.И. Указ. соч. С. 57-58.

³⁵⁸ Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. С.358.

³⁵⁹ Отношение советской власти к солдатским комитетам // Голос России. 1919. 28 марта.

³⁶⁰ Шрейдер Г. Царское в советском (К пересмотру системы управления) // Революционная Россия. 1927. №57-58. С. 41

сти была чисто административной³⁶¹. Среди особенностей национального строительства³⁶² он выделял приспособление к ситуации, когда вхождение в федерацию (добровольное или оккупационное) сопровождалось принятием большевистской программы и нового государственного строя. Автор подчеркивал противоречие между интернационализмом и правом наций на самоопределение³⁶³. Соглашаясь с тем, что федерализм – наиболее эластичная форма государственного устройства и наилучшая при децентрализации, Н.Н. Алексеев сомневался, является ли советский федерализм федерализмом³⁶⁴, высоко оценивая при этом наличие в нем качеств, которых лишены западные федерации: силы притяжения и влияния, которые содействуют вхождению в СССР³⁶⁵.

Н.С. Тимашев относил СССР к типу государств «с раздвоенной властью, с властью, распадающейся на две системы, из одной которой принадлежат все почести, обычно с властью связываемые, а другой все то реальное, что дается властью»: «формально правит так называемая «советская власть», то есть власть, по идее базирующаяся на представительстве «трудящихся», но которая по существу находится в полном подчинении у своеобразной социальной организации, именуемой коммунистической партией»³⁶⁶.

Аналогичную характеристику давал и В.М. Чернов, подчеркивая, что Советы лишь формально являются высшими государственными органами, на деле же управляет ЦК партии, который через Политбюро осуществляет надзор за государственными институтами. Он отмечал, что такое управление вполне соответствует ст. 1 Конституции, провозглашающей ее гарантом диктату-

³⁶¹ Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. С.334, 335.

³⁶² Об отношении эмиграции к проблеме национального строительства см. подробнее: Урядова А.В. Национальные процессы в Советской России в начале 1920-х гг.: взгляд из эмиграции // 1920 год в судьбах России и мира: апофеоз Гражданской войны в России и ее воздействие на международные отношения: сборник материалов межд. науч. конф. Архангельск: Солти, 2010. С. 175-178; Uryadova A. The Decision of the National Question in Soviet Russia in 1920-s in the Perception of Russian Emigration // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. Journal of Siberian Federal University. Humanities & social sciences. 2011. Т. 4. №4. С. 492-500.

³⁶³ Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. С. 336-337.

³⁶⁴ Алексеев Н.Н. Советский федерализм. Б.м., б.г. С. 240.

³⁶⁵ Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. С. 317.

³⁶⁶ Тимашев Н.С. Проблема национального права в Советской России // Современные записки. 1926. №29. С. 394.

ры пролетариата³⁶⁷. Соглашался с этим положением эсер Г.И. Шрейдер, который выводил обоснование партийной диктатуры из Конституций и «Декларации прав трудящихся и эксплуатируемого народа», отвергавших буржуазный принцип разделения властей и наделивших ряд советских органов одновременно исполнительной и законодательной властью с целью ее полного сосредоточения в партии³⁶⁸.

Именно в эмиграции в это время появилась теория, что в СССР власть находилась не у государства, а у партии. Русское зарубежье датировало начало складывания диктатуры партии первой половиной 1920-х гг., годами «механической постройки советского государства»³⁶⁹, окончательное формирование – временем сталинского правления³⁷⁰. Тогда «под именем диктатуры пролетариата в России установилась диктатура небольшой олигархии, составленной из верхов коммунистической партии», которая добилась своего господства и «совершенно обеспечила свое перманентное переизбрание»³⁷¹, на трон было посажено «новое коммунистическое дворянство», партия «была превращена коммунистической олигархией в социальный питомник нового господствующего сословия»³⁷².

В 1927 г. П.Н. Милюков писал о ядре партии, которое фактически неограниченно управляет и ей самой и через нее – всей Россией. По отношению к населению партия – привилегированный класс, по отношению к своему начальству – безгласное стадо³⁷³. А в 1940 г., подводя итог этой «эволюции» власти, он отмечал постепенное превращение «диктатуры пролетариата» в «диктатуру партии над пролетариатом», затем в «диктатуру ЦК над партией», а далее в «диктатуру Сталина над ЦК»³⁷⁴.

³⁶⁷ См. подробнее: Коновалова О.В. Указ. соч. С. 233-234.

³⁶⁸ Шрейдер Г. Перспективы коммунистической диктатуры // Революционная Россия.. 1927. №59-60. С. 25

³⁶⁹ См., например: ГАРФ. Ф. Р-6215, оп. 1, д. 6, л. 8.

³⁷⁰ Изгоев А. Рожденное в революционной смуте (1917-1932). Париж: Б.и., 1932. С. 17, 21.

³⁷¹ Изгоев А. Политические партии // Русская мысль. 1923. Кн. III-V. С. 263.

³⁷² Там же. С. 267.

³⁷³ Милюков П.Н. Россия на переломе: Большевицкий период русской революции. Т. 1. С. 164.

³⁷⁴ Милюков П. 2 диктатора – 2 революции // Последние новости. 1940. 2 февраля.

В 1925 г. на немецком языке вышел труд Н.С. Тимашева «Основы советского государственного права», в котором доказывалось, что правительственные органы Советского государства являлись только «показным лицом» советского политического режима, действительный же суверенитет принадлежал коммунистической партии³⁷⁵. Автор придавал наличию партократии первостепенное значение и в отношении «прав национальностей», поскольку «федерализму, который выступает в качестве одного из важнейших конструктивных принципов советской системы, в системе коммунистической партии соответствует строжайший централизм», имея в виду руководящий партией ЦК, и обязательность его решений для всех ячеек независимо от национальной принадлежности и территориального расположения³⁷⁶. Поэтому Н.С. Тимашев полагал, что даже декларируемый федерализм – это временная мера, и вскоре он будет заменен централизмом. Он отмечал, что, несмотря на право самоопределения и признание суверенитета союзных республик, автономию отдельных территорий, в реальности они не действуют, поскольку в СССР господствует централизация. Юрист выделял следующие особенности советского законодательства по национальному вопросу: 1) не равно для различных национальностей; 2) тесно переплетается в своем осуществлении с началом федерализма, порождая при этом определенные парадоксы несоответствия (сопряженье в условиях равноправия, например, РСФСР и Туркменистана (в СССР) или «основного ядра РСФСР» и Карельской республики (в РСФСР)); 3) носит преимущественно декларативный характер. Принятие такой национальной политики он объяснял тремя причинами: необходимостью развития национальных коммунистических ячеек; боязнью национального движения; стремлением создать привлекательный образ СССР за границей³⁷⁷.

Внимание советской государственной системе было уделено Зарубежным Съездом 1926 г. Так, в докладе В.П. Носовича, называвшемся «Общая характеристика советских декретов», говорилось о том, что они дают ложное представление о советском

³⁷⁵ Омельченко Н.А. В поисках России: Общественно-политическая мысль русского зарубежья о революции 1917 г., большевизме и будущих судьбах российской государственности. СПб.: Изд-во РХГИ, 1996. С. 358.

³⁷⁶ Тимашев Н.С. Проблема национального права в Советской России ... С. 394.

³⁷⁷ Тимашев Н.С. Указ. соч. С. 390-392, 397.

строе как обеспечивающем неприкосновенность прав населения, самостоятельности законодательных, судебных и административных органов власти. Он считал, что советские органы подменяют собой судебные и другие, выносят решения противоречащие законодательству. В.П. Носович делал вывод, что правовая и экономическая задача большевиков – разрушение всех учреждений и институтов, лежащих в основании правовых государств, и прежде всего религии, собственности и семьи³⁷⁸.

Правоведы Н.С. Тимашев и Н.Н. Алексеев отмечали, что сам процесс законотворчества и принципы юриспруденции в СССР нарушают все известные традиционные нормы³⁷⁹. С этим были согласны многие эмигранты, отмечавшие чрезмерную легкость в решении правовых вопросов, законодательную чехарду, неопределенность многих документов и другие юридические несоответствия³⁸⁰. Автор, писавший под псевдонимом Старый Юрист, называл советское законодательство одним из наиболее ярких проявлений безнадежного творческого бессилия: «власть ищет спасения или в возвращении к отвергнутым формам, или в безнадежных попытках окончательно разрушить и вырвать с корнем все остатки прошлого»³⁸¹. Отмечались отсутствие гарантий применения даже такого законодательства, а также партийная, а не государственная инициатива в законотворчестве³⁸².

Анализируя публично-правовое положение советских граждан, ряд видных юристов-эмигрантов пришел к выводу, что даже с точки зрения законодательства, не говоря уже о практике, «форма властвования в Советской России должна быть признана деспотической в техническом смысле слова», хотя и отмечали, что в годы НЭПа стали возникать «некоторые зародыши свободы, «наиболее явные в области неприкосновенности имущества и

³⁷⁸ ГАРФ. Ф. Р-7035, оп. 1, д. 6, л. 26.

³⁷⁹ Алексеев Н.Н., Тимашев Н.С. Источники права // Право Советской России. Кн. 1 С. 12-19.

³⁸⁰ Советские законоискусники // Руль. 1922. 27 ноября. ГАРФ. Ф. Р-5893, оп. 1, д. 68, л. 118; Ф. Р-5680, оп. 1, д. 23, л. 47.

³⁸¹ Старый Юрист. Заметки о советском законодательстве (независимый суд) // Борьба за Россию. 1926. № 2. С. 13.

³⁸² ГАРФ. Ф. Р-5680, оп.1, д. 23, л. 49.

свободы труда и передвижения, и весьма слабые в других областях»³⁸³.

Эсеры отмечали зарождение «советской демократии», некоторые уступки, на которые были вынуждены идти большевики: в городе – демократизация профсоюзов, отказ от методов командования, назначенчества, формального членства; в деревне – активное привлечение в Советы беспартийных крестьян. Некоторые восприняли это как «начало советского политического НЭПа»³⁸⁴. Они считали, что политика большевиков представляла маневр и уступки, зависела от ситуации в стране, при этом главной целью была не забота о благе государства и народа, а стремление удержаться у власти³⁸⁵, это «пыль в глаза» народа, которая на деле не приводила ни к каким политическим изменениям. В результате чего, по мнению Е. Сталинского, обострились противоречия между властью и народом, формула диктатура наверху, демократия внизу – не работала³⁸⁶.

Журналист Д.М. Горбацевич (псевдоним Минский Мужик), анализируя советское законодательство, отмечал его декларативность и несоблюдение на практике, уничтожение инициативы на местах³⁸⁷. По его мнению, Конституция 1918 г. знаменовала первый этап большевистской диктатуры (не пролетариата, а над пролетариатом), формирование новой бюрократии назначенцев. Он отмечал ее соответствие всем завоеваниям февральской революции, но в то же время – формальный характер и абсолютное несоблюдение в жизни: централизм, уничтожение в народе всего самостоятельного, творческого, роспуск большинства меньшевистских объединений, тотальный контроль над оставшимися, замена социализации земли национализацией, рабочего контроля в промышленности – контролем назначенцев, превращением милиции в армию, попрание права наций на самоопределение (например, в Грузии), уничтожение автономии Советов. По мнению

³⁸³ Боголепов А.В., Тимашев Н.С., Маклецов А.В. Административное право // Право Советской России. Кн. 1. С. 121-214.

³⁸⁴ См. подробнее: Коновалова О.В. Указ. соч. С. 232.

³⁸⁵ Н.Р. Эволюционируют ли большевики? // Воля России. 1922. №7. С. 3

³⁸⁶ Сталинский Е. Перерождение большевизма // Воля России. 1925. № 6. С. 184; Он же. Советская демократия (на внутреннем фронте большевизма) // Воля России. 1925. №12. С. 139-146.

³⁸⁷ Минский Мужик. Правда о Советской России. С. 15, 137.

Д.М. Горбачевича, Конституция 1924 г. только закрепила завоевания советской бюрократии, предоставив ей права дальнейшего продвижения по пути диктатуры, результатом чего явились «столыпинская деревня» (хутора) и полный контроль чиновничьей бюрократии над государственной индустрией³⁸⁸.

На стремительный рост бюрократии как на скрытую опасность для советской политической системы обращал внимание Г.И. Шрейдер³⁸⁹. Другой эсер В.М. Чернов увязывал ее с механизмом всеохватывающего государственного аппарата, дублирования партией государственных функций, совмещение одними и теми же людьми партийных и государственных должностей. Благодаря этому, по его мнению, и удалось обеспечить двойной запас прочности советской политической системе³⁹⁰. Диктатура коммунистической партии, всевластие ЦК, которые подменяли деятельность государственных органов, вызывала наибольшее недовольство со стороны эмиграции. К концу 1920-х гг. речь шла уже не только о ней, но и о единоличной диктатуре³⁹¹, которая, как следует из предыдущего параграфа, представлялась в лице И.В. Сталина. Несмотря на этот негатив, к середине 1920-х гг. в эмиграции впервые возникает мысль, что советская власть на тот момент стала цементом, склеивающим русскую государственность³⁹².

Советское государственное устройство явилось предметом дискуссии П.Н. Милюкова и П.Б. Струве в 1925 г. Первый считал, что современная Россия – республика, второй, опираясь на точку зрения П.П. Гронского, доказывавшего, что СССР вообще не является государством, отрицал это³⁹³.

Отмечалось, что из попыток советского государства строить социализм на деле ничего не получается: коммунизм олицетворяется властью имущей коммунистической партией, на деле же советский режим – это деспотия и тирания³⁹⁴. Некоторые эмигран-

³⁸⁸ Там же. С. 11-12.

³⁸⁹ Шрейдер Гр. Перспективы коммунистической диктатуры. // Революционная Россия. 1927. №59-60. С. 25-26; Он же. Царское в советском (К пересмотру системы управления) // Там же. №57-58. С. 39.

³⁹⁰ Коновалова О.В. Указ. соч. С. 238.

³⁹¹ П.Я. Диктатура // Борьба за Россию. 1928. 28 января. №62. С. 4-5.

³⁹² Агурский М. Идеология национал-большевизма. С. 81.

³⁹³ Возрождение. 1925. 21 июня.

³⁹⁴ Тимашев Н.С. Эмиграция и Россия // Руль. 1923. 6 декабря.

ты видели отсутствие у режима опоры в массах, считали, что поддержание его существования происходит исключительно принуждением, террором, силовыми методами³⁹⁵.

Оценивая политическую ситуацию в РСФСР, «Административный центр» (АЦ) в марте 1921 г. отмечал следующие тенденции: разрыв власти не только с крестьянством, но и рабочим классом, на активную помощь которых она не могла больше рассчитывать; вырождение руководства страны в нестабильную военно-бюрократическую касту, разложение административного аппарата изнутри. Такая ситуация, по мнению АЦ, парализовала власть в центре и дезорганизовала ее на местах, приводила пролетариат и крестьянство в другие партии, увеличивала число и масштабы восстаний, особенно в крестьянской среде. Делался вывод, что Россия находится в состоянии революции против советской власти, которая неизбежно приведет к ее свержению, хотя и не скорому³⁹⁶.

Общественно-политические процессы начала 1920-х гг. на родине представлялись русскому зарубежью следующим образом: потеря властью популярности, ее изоляция; экономическая разруха и политический гнет, порождающие недовольство; перерастание последнего в антибольшевистские движения; усиление террора³⁹⁷.

Интересная мысль высказывалась в сводках о положении в России, составленной для Совета Объединенных офицерских обществ в КСХС: «Советская власть, не могущая существовать без террора, обычно избирает какую-либо враждебную ей идейную группу, хотя и не проявляющую никакой особенной активности в данный момент, и обрушивается на нее». Во второй половине 1922 г. таковой считалась беспартийная интеллигенция и духовенство³⁹⁸. В этот период особое внимание уделяется высылке неугодных из страны. Для эмиграции это явление было удивительным. Она сравнивала ситуацию с недавним прошлым, когда людей не выпускали из России на основании их оппозиционного настроения. Русское зарубежье приходит к выводу, что власть более

³⁹⁵ См., например: Струве П.Б. Россия // Русская мысль. 1922. Кн. III. С. 115.

³⁹⁶ См.: ГАРФ. Ф. Р-5893, оп. 1, д. 68, л. 1-5, 7-12, 21-28, 35, 36.

³⁹⁷ ГАРФ. Ф. Р-5946, оп. 1, д. 3, л. 220, 291-293.

³⁹⁸ ГАРФ. Ф. Р-5946, оп. 1, д. 3, л. 19 об-20.

не боится антисоветской агитации на Западе, а поскольку интеллигенты России не нужны, то от них избавляются³⁹⁹. В газете «Руль» высылка интеллигенции была названа «гримасой истории». По мнению редакции, она свидетельствовала о тяжелых политических условиях, поскольку высылаемые, как правило, не имели никакого касательства к политике, а начавшийся поход и против спецов подтверждал вывод о недалёковидности советской власти, которая не заботится о будущем хозяйственном устройстве страны⁴⁰⁰. Удивляясь продолжению и даже усилению террора, несмотря на начало НЭПа, редакция была склонна видеть в этом слабость власти⁴⁰¹. В сложившихся условиях, отмечается переориентация некоторой части интеллигенции, которая поступает на службу к большевикам, поскольку начинает идентифицировать престиж и интересы большевизма с престижем и интересами России⁴⁰². Русское зарубежье видело, что интеллигенции приходится особенно тяжело, не только физически, но и морально⁴⁰³.

Уже с 1922 г. эмиграция констатировала, что население в массе своей держалось нейтрально или даже поддерживало власть. Как писал Н.В. Савич, «сотни тысяч, если не миллионы русских людей, поддерживают эту власть, а десятки миллионов им служат...»⁴⁰⁴. Оставались среди эмигрантов и «оптимисты», считавшие, что все население РСФСР было враждебно советской власти⁴⁰⁵, но все же реализм постепенно преобладал. Все меньше людей поддерживало точку зрения относительно того, что советская власть держится исключительно на терроре, особенно учитывая длительность пребывания большевиков у власти⁴⁰⁶. М.Н. Гирс уже в апреле 1921 г. указывал на изменение методов

³⁹⁹ Высылка интеллигентов // Руль. 1922. 12 сентября.

⁴⁰⁰ Высылка из России // Руль. 1922. 5 октября; Поход против спецов // Руль 1922. 13 сентября.

⁴⁰¹ Террор // Руль. 1922. 16 сентября.

⁴⁰² ГАРФ. Ф. Р-5872, оп. 1, д.208, л. 1.

⁴⁰³ На очереди // За свободу. 1924. 8 апреля; Под кровавым градом // За свободу. 1924. 21 июня; ГАРФ. Ф. Р-6055, оп. 1, д. 1, л. 75, 82.

⁴⁰⁴ ДРЗ. Ф. 7, оп.1, ед. хр. 2, л. 33.

⁴⁰⁵ ГАРФ. Ф. Р-5872, оп. 1, д. 155, л. 1.

⁴⁰⁶ См., например: Франк С.Л. Из размышлений о русской революции// Русская мысль. 1922. Кн. I-II. С. 225, 246.

воздействия власти в районах восстаний – от вооруженных к пропаганде⁴⁰⁷.

Некоторые слои русского зарубежья достаточно спокойно воспринимали советский принцип управления государством (советизм, власть Советов), считали, что он призван стать «потенцированным воплощением, кульминационным пунктом демократизма», его новым улучшенным вариантом. Особенно после того, как лозунг «Советы без большевиков» был выдвинут Кронштадтским восстанием, некоторые слои эмиграции обратили на него особое внимание. Уже в дни восстания П.Н. Милюков писал, что Советы популярны в народе, поэтому их можно взять за основу будущего устройства России, создав с их помощью любую власть. Он призывал эсеров и меньшевиков не бороться с ними, не спешить с лозунгом Учредительного собрания, а временно оставить Советы как местные органы, с тем, чтобы уменьшить сопротивление и затем разрушить советский строй изнутри⁴⁰⁸. О возможности сохранения системы Советов в будущем (с некоторой трансформацией или без нее) писали и другие политические течения (например, евразийцы и младороссы).

Сенсацией в эмиграции стала книга одного из лидеров партии народных социалистов А.В. Пешехонова «Почему я не эмигрировал?»⁴⁰⁹, в которой он не критиковал большевиков, а напротив, отмечал их заслуги, главной из которых считал восстановление государственности, государственного аппарата управления, который, несмотря на все его несовершенства, справлялся со своими задачами⁴¹⁰. Однако обвинявшие автора в большевизанстве эмигранты игнорировали тот факт, что автора устраивала форма, но не содержание. Он отмечал, что в Советской России существует расхождение между словом и делом, советским законодательством и реалиями жизни. А.В. Пешехонов писал, что с формальной точки зрения там демократия, фактически же – все структуры власти, в том числе и Советы, являются декорацией, техническим аппаратом⁴¹¹, торжествует диктатура коммунисти-

⁴⁰⁷ ГАРФ. Ф. Р-5680, оп. 1, д. 10, л. 166- 166 об. , 199, 201 об, 252.

⁴⁰⁸ Последние новости. 1921. 18 марта.

⁴⁰⁹ Пешехонов А.В. Почему я не эмигрировал? Берлин: Обелиск, 1923. 77 с.

⁴¹⁰ Там же. С. 51.

⁴¹¹ Там же. С. 6; Что рассказывает А.В. Пешехонов // Сегодня. 1922. 10 октября.

ческой партии, и прежде всего ее Политбюро⁴¹², которые держатся исключительно благодаря жандармским методам. Поэтому автор отмечал, что, несмотря на восстановление большевиками государственности, этот ее вариант хуже, чем был до революции. Во многом с ним были согласны такие общественно-политические деятели, как Е. Кускова, В. Станкевич, М. Осоргин, члены парижской группы кадетов, признавшие «новую тактику» П.Н. Милюкова.

А.Ф. Керенский, а также группа правых эсеров во главе с Н.Д. Авксентьевым считали, что большевики не сделали ничего положительного в деле восстановления российской государственности⁴¹³. То, что они создали, не является государственным аппаратом в понимании современного цивилизованного государства, это – система насилия⁴¹⁴. К Советам они относились как к придатку коммунистической партии⁴¹⁵. Разделяли эту точку зрения В.М. Чернов и его единомышленники. Они были убеждены, что существование Советов как выборных демократических органов власти нужно большевикам для создания видимости народовластия, на деле же это технический аппарат в руках партии, контролируемый ею и используемый исключительно в партийных интересах⁴¹⁶. Наличие государственной власти в Советской России левые эсеры не считали заслугой большевиков⁴¹⁷. В.М. Чернов пришел к выводу, что, восстановив государственность такого типа, большевики сделали шаг назад к самодержавию⁴¹⁸.

Однако даже те эмигранты, кто признавал Советы как демократическую форму правления, констатировали несоответствие идеи ее реализации, при которой основные принципы были искажены, все атрибуты народовластия отменены: сохранялись в законодательстве, но реально не соблюдались или даже не могли

⁴¹² Пешехонов А.В. Почему я не эмигрировал? С. 68.

⁴¹³ См. подробнее: Белова Е.И.. Демократическая эмиграция о советской государственности // Зарубежная Россия. 1917-1939. Сб. ст. СПб., 2000. С. 40-46.

⁴¹⁴ См., например: Трагедия русской интеллигенции: (Прения по докладу Н.Д. Авксентьева) // Последние новости. 1923. 20 июля; Вишняк М. На родине и на чужбине // Современные записки. 1925. № 26. С. 396.

⁴¹⁵ Вишняк М. О «свободных советах» // Дни. Берлин. 1930. № 72. С. 10.

⁴¹⁶ Коновалова О.В. Указ. соч. С. 239.

⁴¹⁷ См. подробнее: Белова Е.И. Указ. соч. С. 40-46.

⁴¹⁸ Чернов В.М. Исповедь навыворот // Воля России. 1923. №13. С. 28.

соблюдаться (например, замена выборов назначением, невозможность ряда категорий населения участвовать в выборах⁴¹⁹).

К выборам, как к одному из символов демократии, было особое внимание. Журнал «Революционная Россия» писал об «имитации воли выборщиков», при которой вся работа направлена на поддержку коммунистов⁴²⁰. В газете «Руль» отмечалось полное безразличие участников к ним, отсутствие агитации и пропаганды. Выборы 1922 г. были названы первыми, давшими надежду одним и вызвавшими опасение других на проникновение оппозиции в Советы. По мнению редакции, этот орган не пользовался престижем, поэтому выборы не вызвали ни активизма сил противостоящих большевикам, ни применения коммунистами давления и принуждения в ходе кампании⁴²¹.

Эсер Г.И. Шрейдер критиковал советское избирательное право за его неопределенность, свободное и произвольное толкование на практике, соответствие не основам избирательного права и Конституции, а постоянно изменявшейся избирательной инструкции⁴²². Другим его недостатком он называл открытое голосование, исключаящее свободу волеизъявления граждан. Поскольку в СССР гарантий юридической неприкосновенности личности, свободы печати и независимости суда не было, поэтому исход выборов, считал Г.И. Шрейдер, зависит от власти⁴²³. Особое внимание в связи с реформой местных Советов он уделил выборной кампании 1924 г., отмечая ее направленность на создание сильной и влиятельной советской власти в деревне, «коммунистичиванию» Советов в целом⁴²⁴. В газете «За свободу» выборы 1924 г. назывались марионеточными и бутафорскими, отмечалось изменение их механизма с целью «из некоммунистического противобольшевистского населения получить исключительно коммунистических «депутатов» в государственные и губернские учреждения»⁴²⁵.

⁴¹⁹ См., например: ГАРФ. Ф. Р-6215, оп. 1, д. 6, л. 11.

⁴²⁰ Выборы в Московский Совет. // Революционная Россия. 1921. №8 (июнь).

⁴²¹ Перевыборы Советов // Руль. 1922. 28 октября.

⁴²² Шрейдер Г. Перспективы коммунистической диктатуры ... С. 26.

⁴²³ Шрейдер Г. И. Перевыборы советов и местная реформа в Советской России // Записки института изучения России. Т. 1. 1925. С. 179.

⁴²⁴ Там же. С. 185.

⁴²⁵ Тоже «выборная компания» // За свободу. 1924. 23 октября.

Особое внимание эмиграция уделяла национальному составу в советском руководстве, а точнее его еврейской составляющей. Интересна точка зрения Н.В. Савича, который неоднократно на страницах своего дневника писал о власти не большевиков, а евреев. Он был убежден, что «партийная коммунистическая ячейка выборная только по названию, она комплектуется по приказу сверху, причем все верховодство в руках у евреев», более того, он отмечал, что в России существует только два класса: еврейство и остальные⁴²⁶. Общество «Спасти Россию» подсчитало, что из 556 советских комиссаров 448 евреев⁴²⁷.

Некоторые эмигранты, выделяя правое и левое крыло в руководстве страной, указывали, что в первом – евреи преобладают, во втором их почти нет. Якобы именно поэтому возникло недружелюбное отношение левых к ним, вплоть до антисемитизма, началась борьба (инициированная Ф.Э. Дзержинским) с еврейским населением. Выводилась даже прямая взаимосвязь антисемитизма и партийных разногласий, высказывалось предположение, что «от исхода борьбы Дзержинского с еврейскими коммунистами ... будет зависеть и исход борьбы между правыми и левыми коммунистами»⁴²⁸. Н.В. Савич полагал, что с победой левого крыла в 1923 г. усилилось влияние еврейства и гонение на РПЦ⁴²⁹.

Русское зарубежье писало и об антиеврейских настроениях масс⁴³⁰. К 1928 г. эмиграция отмечает следующие тенденции – происходит «разжидование» партийных лидеров⁴³¹, хотя на менее значимых постах евреи по-прежнему занимают большинство и имеют сильное влияние на партийную политику⁴³².

Особая тема дискуссии русского зарубежья – соотношение старого и нового в политической практике большевиков, большевизма и российского традиционализма. Многие эмигранты указывали на сходство большевистских методов управления государством и обществом с политикой царского самодержавия⁴³³. В

⁴²⁶ ДРЗ. Ф. 7, оп. 1, ед. хр. 3, л. 48 об., 69, 70.

⁴²⁷ ГАРФ. Ф. Р-9145, оп. 1, д. 399, л. 1.

⁴²⁸ Там же, л. 3.

⁴²⁹ ДРЗ. Ф. 7, оп. 1, ед. хр. 3, л. 77 об.

⁴³⁰ ГАРФ. Ф. Р-6055, оп. 1, д. 1, л. 374.

⁴³¹ Там же, д. 8, л. 9-10; Неожиданные откровения // За свободу. 1924. 21 октября.

⁴³² ГАРФ. Ф. Р-5826, оп. 1, д. 103, л. 304.

⁴³³ См. подробнее: Омельченко Н.А. Указ. соч. С. 354-356.

существующем строе, порядке управления усматривали не только собственно большевистскую сущность, но и наследие прошлого, без которого «большевизм на русской почве являлся бы чудом». Так, историк-эмигрант А.А. Кизеветтер писал, что большевики под другими терминами воскрешают многие приемы старого порядка, правда, добавлял он, в отличие от царизма ведут Россию в пропасть сознательно⁴³⁴. В.А. Маклаков видел проявление наследия старого режима в неуважении к праву, преклонении перед волей народа, в основе которых лежит, прежде всего, неуважение к личности и ее правам⁴³⁵.

Одной из отличительных черт советского общества эмиграция считала его всестороннюю идеологизацию. Партийная идеология становилась общегосударственной, начиналась борьба с инакомыслием, попрание свобод. По мнению П.Б. Струве, советская идейная установка сочетала в себе «отрицание бога и отрицание свободы человеческого лица»⁴³⁶. При большевиках, писал он, «существует один, официальный, сверху установленный образ мыслей», который «штампуются коммунистической партией». По мнению автора, «такого наглого и безудержного, такого хищного и зловредного абсолютизма не знала еще ни история России, ни история какого-либо другого государства и народа»⁴³⁷.

Во второй половине 1920-х гг. о советском строительстве и общественно-политических изменениях в СССР зарубежье стало писать реже. П.Б. Струве отмечал общий внутренний и внешний кризис советской власти, обращая особое внимание на речи Н.И. Бухарина, итоги НЭПа, политику в отношении крестьянства. В газете «Возрождение» публиковались статьи и фельетоны о советском быте, бесправных женщинах, плохих школах, расхлябанности и так далее, но редко давались обобщающие аналитические материалы. Еженедельник «Дни» писал о бессмысленных репрессиях, когда в разгар капитального строительства уничтожаются лучшие инженеры, а во время подготовки к наступлению в Маньчжурии расстреливают военачальников и так далее, назы-

⁴³⁴ «Большевизм есть несчастье, но несчастье заслуженное» (Переписка В.А. Маклакова и А.А. Кизеветтера) // Источник 1996. №2. С. 16.

⁴³⁵ «Большевизм есть несчастье, но несчастье заслуженное» (Переписка В.А. Маклакова и А.А. Кизеветтера) // Источник 1996. №2. С. 18

⁴³⁶ Струве П. «Штурм небес» ... С. 174.

⁴³⁷ Струве П.Б. Дневник политика // Россия и славянство. 1929. 12 января.

вая это троцкистской реакцией, на путь которой встал И.В. Сталин⁴³⁸.

Невозвращенец Александров считал 1925 г. годом кризиса советской власти, когда продолжаются волнения крестьян, недовольство рабочих, учащаются нападки на правящую группу, создавшие острое положение в партии. При этом, отмечал автор, власть боится применять репрессивные меры периода военного коммунизма. Заслугу разрешения ситуации он приписывал исключительно Сталину, который, по его мнению, сумел доказать необходимость возврата методов военного коммунизма (в отношении населения) при установлении социалистического строя. Автор противопоставлял тактику, применяемую правящей группой во второй половине 1920-х гг. в отношении оппозиции (осторожность и осмотрительность) и в отношении населения (циничность и издевательства). Он полагал, что к концу 1920-х гг., убедив партию и народ в возможности построения социализма в одной стране, И.В. Сталин колоссально повысил свой авторитет. По мнению Александрова, к тому времени оппозиция в партии перестала существовать, как собственно и сама партия, в качестве политического организма, а ее деятельность была подменена руководством И.В. Сталина и его ближайшего окружения⁴³⁹. С этим были согласны и другие представители русского зарубежья⁴⁴⁰.

В стремлении понять, к чему идет власть, изменяется ли она, какой строй в СССР, что это за строй (коммунизм, социализм, капитализм), русские эмигранты активно спорили друг с другом. НЭП одним виделся «мирной революцией»⁴⁴¹, другим приспособлением (с учетом того, что изменений в политике не происходило)⁴⁴². Некоторые эмигранты четко обозначали двойственность советского режима: политически – диктатура пролетариата, экономически – коалиция с буржуазией. Такой путь развития, по мнению О.Л. Чижиова, был избран, чтобы, оторвавшись от пролетариата, потерявшая силу правящая партия вернула его до-

⁴³⁸ Керенский А. Расстрелы // Дни. Еженедельник. 1929. 27 октября. С. 14-15.

⁴³⁹ Александров. Диктатор ли Сталин? С. 26-31.

⁴⁴⁰ См. например: Рысс П. Звериный быт // Борьба за Россию. 1929. 26 января. №114. С. 1.

⁴⁴¹ См., например: Устрялов Н.В. Под знаменем революции. С. 141; Шрейдер А. Пути октябрьской революции // Пути революции. Берлин. 1923. С. 95-106.

⁴⁴² Писманик Д. Борьба или вынуждение // Борьба за Россию. 1927. 14 мая. №25. С. 1-3.

верие⁴⁴³. Редакция газеты «Руль» выражала согласие с тем, что НЭП – это государственный капитализм с диктатурой пролетариата, необходимый большевикам, чтобы удержать власть в своих руках⁴⁴⁴. Поэтому, несмотря на появление в середине 1920-х в эмиграции такого сюжета, как «неонэп», он вскоре сменился другим – его быстрым свертыванием⁴⁴⁵.

Оценка экономических и политических результатов была зачастую диаметрально противоположной. Большинство придерживалось точки зрения о наличии определенных экономических подвижек, при отсутствии или ограниченности политических изменений, причина чего виделась в партийных установках⁴⁴⁶. Мало кто в эмиграции верил в возможность политических преобразований в СССР. Правда, были и те, кто говорил о положительном эффекте НЭПа для укрепления власти, восстановления государственности⁴⁴⁷.

Оценивая советский строй в 1920-е гг., большинство эмиграции сходилось в следующих тезисах: формальный характер законодательства, которое не соблюдается на практике; постепенная централизация управления; декларативность федеративных принципов; переход от диктатуры пролетариата, к диктатуре партии, олигархии, единовластию в лице И.В. Сталина; дублирование, а затем подмена функций советских органов партийными, рост бюрократии.

По-разному оценивало русское зарубежье политические итоги большевистского правления в 1920-е гг. Были в его среде те, кто относился к советскому режиму резко отрицательно, как к антинациональному, деструктивному, лишенному творческого потенциала, но находились и те, кто рассматривал преобразова-

⁴⁴³ Чижов О.Л. Пути развития социалистической революции // Пути революции. С. 127-168.

⁴⁴⁴ Новый курс // Воля России. 1921. 13 мая. №202.

⁴⁴⁵ Четвертый союзник // За свободу. 1925. 4 февраля; Куда поворачивать? // За свободу. 1925. 22 февраля.

⁴⁴⁶ См., например: Кускова Е.Д. Или-или // Последние новости. 1923. 13 октября; По подводу статьи «Или-или» // Последние новости. 1923. 13 октября; Прокопович С.Н. Новая экономическая политика // Экономический вестник. 1923. Кн. 1; Ядро истины // Руль. 1922. 13 августа; В.Р. Эволюция или беспринципность? // Революционная Россия. 1921. №9. С. 3 и др.

⁴⁴⁷ См., например: Александров. Большевики, поднявшие меч ... С. 45-47, 49; Он же. Кто управляет Россией. С. 5; Пешехонов А.В. Почему я не эмигрировал? С. 50-51 и др.

ния как исторически закономерные, вполне оправданные и обоснованные, направленные на благо страны и интересов русского народа.

Приведенные выше данные свидетельствуют о неподдельном интересе эмиграции к общественно-политической ситуации в Советской России/СССР. При этом рождались диаметрально противоположные точки зрения как по отдельным вопросам (восстаниям, репрессиям и другим событиям), так и по проблеме власти в целом: от оптимизма в связи с ее предполагаемой скорой эволюцией и перерождением в демократию до пессимизма по поводу ее укрепления, а следовательно, невозможности внутренних политических перемен или ее свержения извне. Противоречия наблюдались не только между представителями разных партий, но и между однопартийцами. Как правило, именно советская внутренняя политика приводила к наиболее бурным дискуссиям, вплоть до размежевания и даже расколов в эмигрантских организациях. Происходило переосмысление ситуации. Появлялись новые течения, оценивавшие советское руководство, исходя не из его сравнения с прошлым, а учитывая его эффективность и целесообразность, соответствие современным условиям.

Подводя итоги внутреннему положению в России в 1920-е гг., эмиграция выделяла ее волнообразное развитие, отмечая, что периоды левых уступок (особенно в отношении деревни) во второй половине 1920-х были чаще, чем ранее, что объясняла экономическим и политическим усилением деревни⁴⁴⁸.

Особое внимание русского зарубежья приковывали события, способные привести к смене режима. Ситуация могла измениться при наличии «катализатора» (какого-либо события, например, гонения на церковь), который бы усилил и ускорил реакцию народа, сплотив его и вызвав общенародное движение.

Кронштадтское восстание породило определенные надежды в среде зарубежья. Однако на первых порах восставшие отказались от поддержки зарубежья, а эмиграция не смогла быстро среагировать, объединиться в деле помощи, преодолеть свои противоречия и узкопартийные интересы. В результате Кронштадт

⁴⁴⁸ ГАРФ. Ф. Р-5826, оп. 1, д. 177, л. 4.

еще раз доказал несостоятельность и недееспособность русского зарубежья.

Другое дело – помощь политзаключенным. Она была хорошо налажена, оказывалась не только на широкой межпартийной основе, но и с привлечением международной общественности. Так же дело обстояло и с отношением к религиозным гонениям – эмиграция старалась поддерживать священнослужителей и мирян, притесняемых в вопросах веры. Но здесь деятельность высшей церковной власти, а точнее ее взаимоотношения с властью советской вызвали противоречия, которые к концу 1920-х переросли в настоящий церковный раскол.

Определенные надежды возлагались на внутрипартийные дискуссии, которые могли привести к развалу или расколу партии или, по крайней мере, к ее ослаблению, следовательно, к возможному падению власти. Но к концу 1920-х русское зарубежье отмечает единство партии и даже появление личной диктаторской власти в лице И.В. Сталина, что отвечало историческим привычкам и чаяниям народа. Многие эмигранты в годы НЭПа считали, что в РСФСР/СССР не было ни социализма, ни капитализма. Они сосуществовали, сочетая худшие из своих сторон.

Практически все эмигранты, полемизируя по отдельным вопросам внутренней политики, свидетельствовали о том, что она стихийна, не продумана, отмечали отсутствие четкой программы политических преобразований. По мнению русского зарубежья, реальное государственное устройство не соответствовало советскому законодательству. За такой политикой они не видели будущего, предрекали ее крах. Однако вскоре НЭП, на который многие эмигранты делали ставку, сменился политикой коллективизации и индустриализации. Это вызвало рост пессимизма в среде русского зарубежья относительно возможности свержения советской власти⁴⁴⁹. Косвенно об изменении отношения к советскому государству свидетельствует начало использования в 1927 г. эмигрантской периодической аббревиатуры СССР⁴⁵⁰. Эмигранты с горестью отмечали, что вопреки их прогнозам советское государство просуществовало 10 лет и продолжает развиваться.

⁴⁴⁹ ГАРФ. Ф. Р-5826, оп. 1, д. 168, л. 46-52.

⁴⁵⁰ Волнения в СССР // Руль. 1927. 10 ноября.

Глава 3. Попытки эмигрантского влияния на решение «русского» и «советского» вопросов в международной политике

Эмиграция всегда пристально следила за деятельностью советских властей на международной арене. П.Н. Милюков, оценивая советскую внешнюю политику, подразделял ее на несколько этапов¹. 1919 г. он считал «почти полным пробелом» в истории советской дипломатии, который начинает преодолеваться со второй половины 1919 г. и с этого времени идет по некой средней линии, равнодействующей между линией мировой революции и линией реальных потребностей России и международной обстановки. Далее он выделял 4 периода: 1) 1920–1921 – заключение торговых договоров является единственно возможной и желательной целью в Европе; 2) 1922–1923 – Европа сама пытается привлечь советскую власть на международные конференции с целью выработки *modus vivendi*; 3) 1924 (когда цели второго периода не осуществились) – период попыток отдельных держав восстановить нормальные международные отношения с советской властью, хотя бы ценой фактического или даже правового признания этой власти; 4) 1925–1926 – разочарование, последовавшее за признанием. За разочарованием вновь пробудилось и сознание международной опасности коммунистической пропаганды².

К вопросу периодизации советской внешней политики обращался и другой эмигрант – А. Болдырь. Ее отсчет он вел с 1920 г. когда, несмотря на интервенцию, были начаты первые переговоры с другими странами: 1) 1920–1921 гг. – попытки вступить в регулярный торговый обмен, 2) 1922–1924 гг. – собственно внешнеполитические сношения. Он отмечал, что первоначально Европа хотела установить единую политику в отношении

¹См. подробнее: Урядова А.В. Советская внешняя политика в восприятии П.Н. Милюкова и «Последних новостей» // Мыслящие миры российского либерализма: Павел Милюков (1859-1943). Материалы Международного научного colloквиума. Москва, 23-25 сентября 2009. М., 2010. С. 190-200.

² Милюков П.Н. Россия на переломе: Большевицкий период русской революции. Т. 1. С. 278-279.

к советскому правительству на основе общих принципов международного порядка, но, приняв ее (в 1922 г. в Каннах), показала незнание сущности коммунизма, поскольку он не способен был идти на эти условия, потому что «самая характерная черта его будет против европейской цивилизации, стремление разрушить ее»³.

3.1. Международные соглашения РСФСР 1920–1921 гг. и попытки эмиграции им противостоят

Международная политика Советской России конца 1910-х – начала 1920-х гг. была направлена на достижение международного признания нового государства сначала де-факто, а затем и де-юре. В условиях гражданской войны, политической неразберихи перед государствами стояла непростая дилемма: признавать ли новую российскую власть или продолжить контакты со старым дипломатическим корпусом.

В конце 1918 – начале 1919 гг. в Париже было сформировано русское Политическое совещание, состоявшее в основном из бывших дипломатов, которое поставило своей целью представлять интересы России на Парижской мирной конференции в 1919–1920 гг. Среди задач значились: сохранение территориальной целостности России; перенос всех решений, затрагивающих ее интересы, до выборов признанного российского правительства; осуждение союзниками большевизма и поддержки либеральных сил в России. Не добившись права участия в Версальском конгрессе, представители русской эмиграции вынуждены были ограничиться подачей меморандумов и записок⁴.

С 1920 г. от неконструктивной критики внешней политики эмиграция переходит к ее анализу. Пражская газета «Воля России» в сентябре 1920 г. писала о переменах в отношении Антанты к Советской России⁵. Сравнивая международное восприятие

³ Болдырь А. Бессарабский вопрос. Кишинев: Tipografia centralei cooperativelor, 1930. С. 44-45.

⁴ Миронова Е.М. Дипломатическое ведомство антибольшевистской России // Проблемы истории Русского зарубежья: материалы и исследования/Ин-т всеобщ. ист. М.: Наука, 2005. Вып. 1. С. 77; Она же. Дипломатические представительства белой России в эпоху революций, Гражданской войны и эмиграции. (История деятельности. Создание новых форм, Принцип существования) // Диаспора. СПб., 2004. Вып. VI. С. 103.

⁵ Россия и Антанта // Воля России. 1920. 15 сентября.

РСФСР в 1919 и 1920 гг., газета «Шанхайская жизнь» отмечала, что последний год, как и предыдущий, прошел под знаком мировой борьбы вокруг России, «разница, однако, в том, что если в 1919 г. Россия намеренно игнорировалась версальскими победителями как величина, и на место этого понятия подставлялись искусственные окраинные образования, то в 1920 г. эта величина уже не замалчивается как таковая за полной невозможностью сделать это»⁶. Несмотря на то, что газета в целом давала просоветский материал, эта оценка была вполне объективна и с ней соглашались многие эмигранты.

В одной из агентурных эмигрантских сводок за лето 1920 г. работа большевиков в иностранной политике была признана чрезвычайно напряженной. Уже тогда русские за рубежом выделяли три ее направления: внешнеэкономическое, международно-политическое (международное признание) и идеологическое (распространение мировой революции и агитация коммунистических, социалистических и рабочих партий за присоединение к III Интернационалу). Дипломатические успехи 1920 г., по мнению многих эмигрантов, были обусловлены не столько умелой дипломатией как таковой, сколько военными успехами большевиков, прежде всего на польском фронте.

Уже тогда за рубежом замечают разногласия, которые возникают у советского правительства как по общим вопросам внешней политики, так и в связи с конкретными ее шагами. О разногласиях по вопросу внешней политики (в английском вопросе) между М.М. Литвиновым и Л.Б. Красиным вслед за «Дейли Экспресс» писал русский посол в Великобритании Е.В. Саблин⁷.

Наблюдения за развитием событий приводят автора одной из информационных сводок к следующим заключениям: «... большевики вынуждены в момент для них благоприятный отказаться хотя бы и на время от своей основной цели – мировой революции ... чтобы удержаться в самой России»⁸.

Меньшевик П. Гарви был солидарен с этим, отмечая, что, когда стали рушиться расчеты на мировую революцию,

⁶ Шанхайская жизнь. 1921. 1 января.

⁷ «Чему свидетели мы были...». Кн. 2. С. 401-402.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-6215, оп. 1, д. 7, л. 29-30.

В.И. Ленин объявил о передышке, что дало возможность изменить внешнюю политику, разработав тактику «и войны, и мира». Это выразилось в том, что, «не оставляя своей подрывной работы за границей, руководимой Коминтерном и Профинтерном, он стал одновременно искать мира и соглашения с капиталистическими правительствами»⁹.

Эмиграция выдвигала две диаметрально противоположные точки зрения относительно предпочтительного сценария развития событий западными державами: 1) необходимо продолжать экономическую блокаду, что ослабит большевиков и приведет к их падению, 2) необходимо снять блокаду, что приведет советскую власть к эволюции; снятие блокады советскому хозяйству все равно не поможет, а населению поможет бороться с советской властью¹⁰, а отсюда настрой на развитие международной торговли с РСФСР. Появление силлогизма о пользе снятия блокады в целях свержения большевизма в умах эмиграции В.А. Маклаков связывал с политикой Д. Ллойд Джорджа¹¹.

Отдавая себе отчет, что рано или поздно контакты стран Запада с РСФСР состоятся, Канцелярия МИД при главнокомандующем вооруженными силами на Юге России Деникине (Париж) предложила российским посольствам и дипломатическим миссиям выработать проекты, отражающие реакцию русских дипломатических служб на признание РСФСР правительствами стран, в которых они работали, и оговаривающие условия жизнедеятельности эмигрантов в них после этого. Одним из первых такой проект был выработан в Риме, он был одобрен С.Д. Сазоновым, который предлагал взять его за основу русским дипломатам в других странах, переработав применительно к местным условиям¹². Деникинская Канцелярия МИД разослала дипломатическим служащим специальное письмо с указаниями относительно их дальнейших действий в случае признания Советской России странами, в которых они пребывали¹³.

⁹ Гарви П. Закат большевизма: Десять лет диктатуры. Рига: Nakotnes kultura, 1928. С. 13.

¹⁰ О блокаде // Воля России. 1920. 23 ноября.

¹¹ «Совершенно лично и доверительно!». Т. 1. С. 310.

¹² ГАРФ. Ф. Р-5680, оп. 1, д. 16, л. 1-6.

¹³ Там же, д. 18, л. 14-14 об.

По мнению эмиграции, советское правительство придавало огромное значение миру с Латвией и Польшей¹⁴. Б.А. Бахметев, посол России в США, полагал, что РСФСР не составило бы труда завоевать прибалтийские государства, заключение же мирных договоров с ними свидетельствовало о нежелании обострять отношения с Великобританией¹⁵. По его мнению, любая внешняя война в тот период была выгодна большевикам, особенно если приходилось защищать территориальную целостность страны. И наоборот, «мир, бездействие Красной армии, необходимость вновь вернуться к внутренним проблемам – убийственны для большевиков». Поэтому не случайно, что еще до заключения мирного договора с Польшей бывший посол в США говорил о том, что следствием этой «нелепой политики» явился «небывалый успех большевистской власти», и был только рад, если бы перемирие состоялось¹⁶.

Эмиграция видела колебания большевиков в отношении польского вопроса: на что делать ставку – на продолжение войны и придание импульса революционному движению в Германии или на достижение дипломатических уступок со стороны Антанты и прочных экономических связей с Европой, а может быть, и официального признания, получив, таким образом, передышку¹⁷. В.А. Маклаков отмечал сомнения (кого поддержать – Польшу против Германии или наоборот) и у эмигрантов¹⁸. Советско-польские отношения впервые заставили русское зарубежье задуматься о целесообразности выбора: поддержать большевиков в их отстаивании российских границ и национальных интересов или одобрить действия их противников, которые ослабляют Советскую Россию и даже облегчают положение Белой армии на юге России, согласившись с их территориальными претензиями. Даже бывший министр иностранных дел Российской империи

¹⁴ См., например: Впечатления первых беженцев, вернувшихся из России // Рижский день. 1920. №12.

¹⁵ «Совершенно лично и доверительно!» Т. 1. С. 168, 174.

¹⁶ Там же. С. 220.

¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-6215, оп. 1, д. 7, л. 22-24.

¹⁸ «Совершенно лично и доверительно!» Т. 1. С. 201.

С.Д. Сазонов признавался, что у него сердце разрывается на части при мысли: «желать ли потерь полякам или большевикам»¹⁹.

Меньшевики не возражали против Рижского мира, несмотря на резкие обвинения со стороны других демократических групп, особенно кадетов, в том, что таким образом они поддерживают политику расчленения России²⁰. После подписания Рижского мирного договора многие эмигранты сочли его неприемлемым для России, но верили, что он носит временный характер и скоро большевики вновь нападут на Польшу.

Понимая, что договорами со странами-лимитрофами развитие советской внешней политики не ограничится, эмигранты старались предпринять возможные превентивные меры, дабы не допустить признания РСФСР западными странами. Убеждения, агитация и пропаганда, персональный авторитет – вот те средства, которыми располагала для этого эмиграция²¹.

В начале января 1921 г. в Париже прошло частное совещание членов Всероссийского Учредительного собрания при участии 33 бывших депутатов. В числе прочих на нем обсуждались следующие вопросы: «1) Об отношении иностранных держав к советской власти; 2) Об отношении к возможным торговым соглашениям с советской властью (о блокаде); 3) О силе соглашений, заключенных при раздаче концессий до установления законной государственной власти в России; 4) Об отношении к отторжению иностранными державами отдельных частей ... России; 5) Отношение к а) окраинным государственным образованиям и б) национальностям»²².

Были приняты резолюции, в которых говорилось, что все соглашения, заключенные большевиками от имени Российского государства, – недействительны, и в случае восстановления законной власти будут отменены. Вместе с тем, участники совещания отдавали себе отчет, что «необходимо устранить все искусст-

¹⁹ Два генерала (к психологии Гражданской войны) // Голос минувшего на чужой стороне. 1926. № I/XIV. С. 189-199.

²⁰ Волин С. Меньшевизм в первые годы НЭПа // Меньшевики после Октябрьской революции: Сб. ст. и воспоминаний. Newton: Chalidze pub., 1990. С. 143.

²¹ См. подробнее: Урядова А.В. Советская внешняя политика в 1920 г.: взгляд из эмиграции // Век нынешний, век минувший...: Исторический альманах. Вып. 7 / Под ред. Ю.Ю. Иерусалимского. Ярославль, 2008. С. 79-84

²² Частное совещание членов Всероссийского Учредительного собрания. Париж, 1921. С. 10.

венные препоны к возобновлению экономического общения России с внешним миром и прекратить блокаду во всех ее формах, ибо тяжесть блокады... падает главным образом на плечи ни в чем не повинного населения»²³. Совещание отвергло обязательную силу концессий, раздаваемых иностранцам советской властью, считая их расхищением русского государственного состояния. Оно выступило с протестом против возможной оккупации российских земель иностранными государствами²⁴.

На совещании был избран руководящий орган в лице Исполнительной комиссии. С конца января главное место в его работе занимало рассмотрение вопросов международно-политического характера, в частности изучение и анализ сначала проектов, а затем и самих договоров РСФСР с Афганистаном, Великобританией, Персией и Польшей, и зарубежных проектов экономического восстановления России в целях определения степени их соответствия российским национальным интересам²⁵. Но ни само совещание, ни его Исполнительная комиссия, ни другие русские общественно-политические организации и отдельные деятели в плане воспрепятствования советским внешнеполитическим инициативам ничего не добились.

В 1921 г. РСФСР подписала первые договоры со странами Востока (Ираном, Афганистаном, Турцией, Монголией). По советско-иранскому договору, РСФСР отказалась от всех привилегий, которыми пользовалась до революции. Главную причину принятия такого невыгодного соглашения, эмиграция видела в желании «насолить» Великобритании. Особенно удивляла русское зарубежье, прописанная в документе обязанность воздерживаться от пропаганды большевистских идей в Иране²⁶.

Аналогичный документ, отменявший договоры с царским правительством, был подписан и с Монголией. Однако, видимо, в силу отсутствия интереса эмиграции к данному региону, этот договор практически не обсуждался ею.

²³ Частное совещание членов Всероссийского Учредительного собрания. С. 11, 12.

²⁴ Там же. С. 13.

²⁵ Кошкидько В.Г., Чубыкин И.В. Парижское совещание членов Учредительного собрания 1921 г. (на материалах Пражской коллекции ГАРФ) // Зарубежная Россия. 1917-1939: Сб. ст. СПб., 2000. С. 19.

²⁶ Руль. 1921. 20 января; ГАРФ. Ф. Р-6055. оп. 1, д. 20, л. 1.

В советско-турецком договоре выражалось согласие не признавать никаких международных актов, навязанных силой (прежде всего Севрского мирного договора 1920 г.). Устанавливалась новая северо-восточная граница Турции. Еще до появления текста договора эмиграция располагала данными, что он будет выгоден для турецких националистов, а суть его, как и других советских дипломатических шагов на Востоке, – подрыв господства Великобритании²⁷. В эмиграции отмечали, что отношения с Турцией являются «краеугольным камнем всей большевистской политики на мусульманском Востоке»²⁸.

Советско-афганский договор положил начало дипломатическим отношениям России и Афганистана. Несмотря на общее негативное восприятие любых шагов советского правительства, советско-афганское соглашение виделось части русского зарубежья шагом вперед по сравнению с предыдущим периодом²⁹. Газета «Руль», оценивая этот документ в свете его сопоставления с британско-советским соглашением, пришла к выводу о еще большем противоречии между ними (чем между британско-советским и советско-иранским договорами)³⁰.

Эмигранты восприняли вышеперечисленные договоры вполне адекватно, выделяя в них три основные тенденции: 1) противостояние английской внешней политике в этом регионе; 2) продолжение традиционной восточной политики России; 3) агитационно-пропагандистские шаги для распространения коммунизма. Особенно положительно был оценен советско-афганский договор.

Что касается стран Европы³¹ и Америки, русское зарубежье видело два пути, которым те могут пойти: «Один – узкий путь мелкого своекорыстия, ничтожного расчета на максимальную, временную выгоду. Другой – широкий путь настоящей дальновидности и предусмотрительности...»³² (имея в виду будущее

²⁷ Советско-турецкий договор // Руль. 1921. 15 апреля.

²⁸ ГАРФ. Ф. Р-6055. оп. 1, д. 20, л. 7.

²⁹ Там же, л. 4-5.

³⁰ Советские восточные переговоры // Руль. 1921. 3 апреля; Европа и русский вопрос // Руль. 1921. 22 декабря.

³¹ См. подробнее: Урядова А.В. Европейская политика РСФСР в 1921 году глазами эмиграции // Век нынешний, век минувший...: Исторический альманах. Вып. 9 / Под ред. Ю.Ю. Иерусалимского. Ярославль, 2009. С. 109-119.

³² Алексинский Г. Два пути. // Огни. 1921. 15 августа.

свержение большевиков и возвращение эмиграции). Выбор иностранных государств разочаровал русское зарубежье. 1921 г. ознаменовался целой чередой новых договоров с Великобританией, Польшей, Германией, Норвегией, Австрией и Италией. Это был настоящий «прорыв» в Европу, и первым шагом в этом направлении было торговое соглашение с Великобританией³³.

О решимости Великобритании начать сближение с РСФСР еще в начале 1918 г., чтобы повлиять на Брест-Литовский договор, писал бывший советник посольства в этой стране К.Д. Набоков³⁴. Уже тогда К.Д. Набоков предрекал в недалеком будущем быструю смену общей ориентации международной политики, он просил своих соотечественников за рубежом не возлагать надежд на помощь Великобритании³⁵. Интерес Великобритании к восстановлению торговых связей с РСФСР отмечал в конце 1919 г. и посол Временного правительства во Франции В.А. Маклаков³⁶. Как писал советский исследователь тех лет, «вся внешняя и внутренняя эмиграция, затаив дыхание, прислушивалась к британско-советским переговорам и уповала, что победа консерваторов сможет что-нибудь изменить в неминуемом ходе событий»³⁷.

В ноябре 1920 г. бывший русский посол в Великобритании Е.В. Саблин прогнозировал подписание договора со дня на день³⁸, однако оно все затягивалось. Оценивая перспективы британско-советских переговоров, М.Н. Гирс, старейший из русских послов, в январе 1921 г. не верил в их реализацию, так как сомневался в возможности уступок³⁹. Видимо, это обстоятельство и являлось одной из причин длительной разработки договора.

³³ См. подробнее: Урядова А.В. Англо-советское соглашение 1921 г.: взгляд из эмиграции // Век нынешний, век минувший...: Исторический альманах. Вып.6 / Под ред. Ю.Ю. Иерусалимского, В.П. Федюка, В.М. Марасановой; Ярослав. гос. ун-т. Ярославль: ЯрГУ, 2007. С. 68-80.

³⁴ Набоков К.Д. Испытание дипломата. Стокгольм: Северные огни, 1921. С. 188-189.

³⁵ См. подробнее: Кононова М. Структура, статус и механизм функционирования российских дипломатических загранучреждений в эмиграции (1917-1925) // Русская эмиграция в Европе. Вып. 2. С. 30-31.

³⁶ «Совершенно лично и доверительно!» Т. 1. С. 129.

³⁷ Бобрищев-Пушкин А.В. Патриоты без Отечества. С. 20

³⁸ Маргулиес М.С. Год интервенции. Берлин, 1923. Кн. 3. С. 261.

³⁹ «Чему свидетели мы были...» Кн. 2. С. 403.

В январе 1921 г. газета «Руль» писала об отсрочке подписания британско-советского договора, причем со стороны большевиков, что представлялось весьма странным для редакции. Высказалось предположение, что «переговоры только средство для агитации, для возбуждения недовольства в английских рабочих»⁴⁰. В другой статье причины этого виделись в том, что прописанные в проекте обязательства конкретно касаются только России⁴¹.

В газете «Время» отмечалось недовольство большевиков пунктом об отказе от пропаганды в странах, входящих в сферу влияния Великобритании⁴². Б.А. Бахметев считал, что Великобритания осознала отсутствие реальных возможностей для торговли с РСФСР, поэтому для нее переговоры – блеф, целью которого является временная передышка и успокоение общественного мнения относительно событий в Малой Азии и Иране⁴³, то есть противостояние там большевистской политике. В газете «Руль» переговоры сравнивались со сказкой о белом бычке⁴⁴. В.А. Маклаков считал, что затягивание переговоров является следствием торга, идущего между державами⁴⁵. Остро сатирически он отражен в новой версии песни «Коробейники», предложенной Л.Г. Мунштейном (Лоло)⁴⁶.

Российский торгово-промышленный и финансовый союз выступил против проекта этого торгового соглашения, аргументируя это тем, что большевики хищнически распродают запасы сырья и растрачивают казну страны, что может разорить Россию, лишив ее золотого фонда⁴⁷. Редакция газеты «Время» считала преувеличенным то значение, которое эмиграция придавала этому документу: «бумага эта ничего не изменит в смысле задержа-

⁴⁰ Новая отсрочка // Руль. 1921. 21 января.

⁴¹ Англо-советский договор // Руль. 1921. 29 января.

⁴² Время. 1921. 7 февраля.

⁴³ «Совершенно лично и доверительно!» Т. 1. С. 222.

⁴⁴ Просветление // Руль. 1921. 16 января.

⁴⁵ «Совершенно лично и доверительно!» Т. 1. С. 218, 222.

⁴⁶ Советская «коробушка» (Пародия) // Мунштейн Л.Г. (Лоло). Пыль Москвы: Лирика и сатира. Париж, 1931. С. 159-160

⁴⁷ См. подробнее: Серегина Д.М. Российская торгово-промышленная эмиграция во Франции в 1920-1939 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 43.

ния того социально-политического процесса, который протекает сейчас в России»⁴⁸.

В феврале 1921 г. состоялась Парижская конференция. Эмигранты ожидали обсуждения на ней, в том числе и «русского вопроса», а в частности трех основных проблем: 1) отношение к советскому правительству; 2) долги и 3) определение (временно) границ России. К тому времени уже был опубликован проект британско-советского соглашения, поднимавший их в числе прочих⁴⁹. Однако конференция уклонилась от обсуждения «русского вопроса», признав при этом Эстонию, Латвию и Грузию. Как считал журналист газеты «Руль» Е. Шварц, причиной отказа от обсуждения отношения к РСФСР послужила опасность нового разъединения союзников – Великобритании и Франции⁵⁰. Эта конференция стала показательной, продемонстрировав отношение западных держав к Советам и бывшим русским дипломатам, возможности эмиграции влиять на международную политику.

Замалчивание «русского вопроса» на конференции никоим образом не отразилось на подписании советского торгового соглашения с Великобританией, которое состоялось 16 марта 1921 г. и означало признание РСФСР «де-факто»⁵¹.

Помимо неприятия этого акта, как подписанного незаконным с точки зрения эмиграции правительством, русская эмиграция, проживавшая в Великобритании, волновалась о возможных последствиях для нее, особенно учитывая, что еще до подписания договора правительство предприняло меры по ограничению, а затем и полному прекращению деятельности здесь русского посольства⁵².

В апреле 1921 г. Канцелярией МИД при главнокомандующем вооруженными силами на Юге России Деникине (Париж) было направлено письмо в российские дипломатические и консульские установления, в котором относительно данного соглашения указывалось, что оно вызывает «тревожное внимание» среди эмигрантов, не признающих советской власти, «независимо

⁴⁸ Время. 1921. 7 февраля. №136.

⁴⁹ Шварц Е. Русский вопрос на парижской конференции // Руль. 1921. 1 февраля.

⁵⁰ Шварц Е. Итоги конференции // Руль. 1921. 5 февраля.

⁵¹ См. подробнее: Шишкин В.А. Становление внешней политики послереволюционной России (1917-1930 гг.) и капиталистический мир. СПб., 2002. С. 109.

⁵² Набоков К.Д. Испытание дипломата. С. 193.

от политической оценки этого акта, в нем усматривают некоторую угрозу для непосредственных интересов, личных и имущественных, русской заграничной колонии, особенно в связи с возможностью, что примеру Англии последуют другие страны»⁵³. Но, как сообщалось, при внимательном рассмотрении этого соглашения большинство опасений не оправданы, положение эмигрантов оно не затрагивает.

В документе подчеркивалось, что «официальные агенты, которых Советское правительство получает право назначить в Англию, не признаются за нормальных дипломатических или консульских представителей, а являются исключительно представителями по осуществлению соглашения»⁵⁴, то есть занимаются вопросами британско-советской торговли и визируют паспорта русских, въезжающих в Великобританию для торговли. Поэтому российским дипломатическим и консульским представителям предписывалось принять все доступные меры к тому, чтобы английские коллеги случайно, по неосведомленности не нарушили прежнего существующего порядка, и не более того.

Совещание при Совете русских послов также пришло к выводу, что оно не меняет юридического положения эмиграции, «поэтому российским представителям надлежит по-прежнему выполнять принадлежащие им по закону функции в прежней полноте и в деле сношений этих русских граждан с Англией»⁵⁵.

Заключение этого соглашения нарушало и планы тех слоев эмиграции, которые делали ставку на открытую интервенцию при участии Великобритании.

Анализируя причины и цели подписания договора, эмигранты отмечали следующие: со стороны Великобритании 1) оградить свои политические интересы, остановить движение большевиков на Востоке (Индия, Иран, Афганистан)⁵⁶; 2) доказать Рабочей партии и всему населению Великобритании, что «не нежелание правительства, а материальные условия и самая сущность большевизма делают невозможным установление мирных отношений

⁵³ ГАРФ. Ф. Р-5680, оп. 1, д. 18, л. 24.

⁵⁴ Там же, л. 24-25.

⁵⁵ Цит. по: Миронова Е.М. Дипломатические представительства Белой России // Диаспора. Вып. VI. С. 129.

⁵⁶ «Чему свидетели мы были...» Кн. 2. С. 403.

и снабжение Запада «обильным» хлебом и сырьем из России»⁵⁷. Бывший русский посланник в Швейцарии И.Н. Ефремов доказывал их несостоятельность⁵⁸. М.Н. Гирс видел обоснованность первой, но сомневался, что заключением договора Великобритания могла добиться товарообмена с Россией, указывал на наличие финансовых и концессионных расчетов⁵⁹. Н.В. Савич считал, что целью Великобритании было желание «поддержать большевизм, продлить в России анархию, ускорить гибель ее экономической и политической мощи. Словом, это явная война против русского народа в целом»⁶⁰.

В марте 1921 г. члены парламентской комиссии А.И. Гучков и В.И. Гурко, редактируя по ее поручению протест против британско-советского договора, указывали, что признание укрепит большевиков морально и принесет России много лишений, ничего не дав английскому народу⁶¹. Отчасти соглашался с этим и Б.А. Бахметев, отмечавший, что Великобритания не желает падения советской власти, которое бы привело к хаосу и неизвестности, в то время как советская власть в нынешней ситуации не является опасным врагом, к тому же отношения с РСФСР могут принести определенные выгоды. Что приводит дипломата к мысли о китаизации России как объективной цели современной английской политики⁶². В качестве второстепенных причин соглашения Б.А. Бахметев называл желание Великобритании играть роль «первой скрипки» в русском вопросе и изменить независимое положение Америки в отношении России⁶³.

Наиболее удивительным и даже несколько шокирующим для эмиграции было не столько само подписание договора, сколько время, когда это произошло. Нестабильная внутриполитическая ситуация в РСФСР (Кронштадтское восстание и другие антисоветские выступления), по мнению русского зарубежья, повлияло на английское рабочее движение, ослабило позиции большевиков, в том числе на Востоке. То есть основания для за-

⁵⁷ ГАРФ. Ф. Р-5680, оп. 1, д. 6, л. 92.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ «Чему свидетели мы были...» Кн. 2. С.403.

⁶⁰ ДРЗ. Ф. 7, оп. 1, ед. хр. 1, л. 13.

⁶¹ Там же, л. 14 об.

⁶² «Совершенно лично и доверительно!». Т. 1. С. 391-393.

⁶³ Там же. С. 330.

ключения договора, выделявшиеся ранее, отошли на второй план. Следовательно, по мнению В.А. Маклакова, причины его подписания были другие, в частности финансово-экономические – международная конкурентная борьба за российский рынок⁶⁴.

Таким образом, эмигранты выделяли следующие главные причины, по которым договор подписала Великобритания: 1) экономическая; 2) внутривнутриполитическая; 3) внешнеполитическая: колониальная и противопоставления другим странам; 4) антисоветская и антикоммунистическая; 5) антирусская. Со стороны РСФСР видели лишь две цели: 1) мир, чтобы удержаться у власти и 2) мировая революция, чтобы расширить эту власть. Эти положения не вызывали особых дискуссий в русском зарубежье. Единство мнения эмиграции распространяется и на предполагаемую безрезультатность данного соглашения.

Британско-советское соглашение было первой весточкой перемен на международной арене. Советская Россия получила первую поддержку среди западноевропейских держав. «Россия, которую думали вычеркнуть из мировой карты, оказывается теперь одним из сильнейших государств, – писала газета «Новый мир». – Разоренная, изнуренная, она стоит на такой высоте международного могущества, которой не достигала никогда ...»⁶⁵. Редакция газеты «Время» видела в этом не только успех советского государства, но и залог будущей безопасности России после падения большевиков⁶⁶. Председатель Комитета российских эмигрантов в Берлине С. Боткин писал: «Как ни неприятна эта новая «победа» большевиков, она не является вполне неожиданной. Особенно реальное значение соглашение это вряд ли будет иметь, но, конечно, поднимет падающий престиж советской власти», что, как он полагал, продлит ее существование⁶⁷.

Но не все эмигранты до конца верили в серьезность данного соглашения. Так, например в 1922 г., Н.В. Чайковский и Б.Н. Савинков обратились с нотой к Уинстону Черчиллю, лейтмотивом которой являлась необходимость антибольшевистского соглашения Великобритании с Польшей и Финляндией, а также

⁶⁴ «Совершенно лично и доверительно!». Т. 1. С. 342.

⁶⁵ Новый мир. 1921. 6 апреля.

⁶⁶ Сајус. Недоказанное // Время. 1921. 25 апреля.

⁶⁷ ГАРФ. Ф. Р-5680, оп. 1, д. 11, л. 86-87.

военными силами русской эмиграции, для последующей реализации его в виде военного конфликта⁶⁸.

Глядя на Великобританию, писал в январе 1921 г. корреспондент газеты «Руль», буржуазные немецкие партии высказываются за восстановление торговых и политических отношений с Россией⁶⁹, несмотря на предостережения эмиграции⁷⁰. 6 мая 1921 г. был заключен советско-германский договор.

Он вызвал опасения русской колонии, проживавшей в Германии. Ходили самые фантастические слухи (например, о необходимости всем регистрироваться у советского Представителя, о предстоящей высылке в Советскую Россию лиц призывного возраста⁷¹). Статья 8 соглашения гарантировала русским гражданам, находившимся в Германии, в отношении их личности и имущества применение постановлений международного права и общих германских законов, но было не ясно положение органов защиты прав и интересов русских беженцев⁷². В этой связи С. Боткин встречался с заведующим русскими делами МИД Германии Мальцаном, придя по итогам встречи к выводу, что «большевики могут хвастаться новым успехом и положение их отныне здесь упрочится»⁷³.

Часть эмигрантов считала, что договор не принесет ничего нового⁷⁴. Некоторые отмечали его возможное экономическое значение⁷⁵, видели в нем новый шаг в развитии российско-немецких отношений, вовлечение России в международный хозяйственный обмен⁷⁶. Что касается экономической части соглашения (как и прочих подобных документов), вопрос о реальных результатах представлялся русскому зарубежью спорным⁷⁷.

⁶⁸ ГАРФ. Ф. Р-6055, оп.1, д.22, л.3. (на фр. яз.)

⁶⁹ Германия и Советская Россия // Руль. 1921. 27 января.

⁷⁰ См., например: Exul Viator. Германия и Россия // Руль. 1921. 5 февраля.

⁷¹ ГАРФ. Ф. Р-5680, оп. 1, д. 10, л. 4.

⁷² Русско-германское соглашение. Защита интересов русских в Германии. // Руль. 1921. 18 мая.

⁷³ ГАРФ. Ф. Р-5680, оп. 1, д. 10, л. 3-4

⁷⁴ См., например: Советско-германский договор // Руль. 1921. 10 мая.

⁷⁵ См., например: Голос России. 1921. 10 мая.

⁷⁶ См., например: Сажус. Русско-германский договор // Время. 1921. 16 мая.

⁷⁷ См., например: Каминка А. Русско-германские соглашения (торговые сделки в Германии) // Руль. 1921. 20 мая.

При анализе документа выявляются два противоположно оцениваемых эмиграцией результата, как и в отношении большинства международных договоров РСФСР с другими странами: с одной стороны, положительный ввиду вовлечения страны в европейскую политику; с другой – отрицательный, как соглашения, способствовавшего укреплению советского режима, снижавшего шансы эмигрантов на возвращение и способного повлиять на их положение за границей. Русское зарубежье понимало, что заключение торговых договоров совершалось не для признания советского режима, а в интересах определенных капиталистических кругов, поэтому необходимо четко разделять практическое и политическое значение подобных документов.

Эмиграция отмечала, что если западные правительства стремились, прежде всего, извлечь практическую (экономическую) выгоду, то советское – было заинтересовано и в экономических, и в политических результатах. Доказательством виделось стремление советских представителей включить в торговые договоры политические пункты, сделать эти документы переходной ступенью к договорам политическим и далее к признанию⁷⁸. Недаром Н.В. Савич, оценивая результаты вышеназванных документов, констатировал фактическое признание большевиков, которое незамедлительно приведет и к юридическому⁷⁹.

Усиление итальянской агитации за признание советского правительства и заключение с ним политических и экономических соглашений, отмечавшееся газетой «Руль»⁸⁰, позволило с марта 1921 г. начать здесь деятельность советской экономической делегации. Анализируя причины сближения Италии с РСФСР, М.Н. Гирс считал, что таким образом эта страна стремится скорее решить свои внутренние дела, «чем добиться «товарообмена» с Россией, в возможность которого мало кто верит»⁸¹. 26 декабря 1921 г. было подписано советско-итальянское торговое соглашение.

В Швейцарии, несмотря на серьезный экономический кризис и череду международных договоров других правительств с

⁷⁸ ГАРФ. Ф. Р-6055, оп. 1, д. 5, л. 321 об.

⁷⁹ ДРЗ. Ф. 7, оп. 1, ед. хр. 1, л. 17 об.

⁸⁰ За признание большевиков // Руль. 1921. 3 февраля.

⁸¹ «Чему свидетели мы были» Кн. 2. С. 403.

РСФСР, правительство, как отмечал И.Н. Ефремов, придерживалось точки зрения о недопустимости отношений с Советами⁸².

Сложно продвигался и переговорный процесс с США, чему в том числе способствовал Б.А. Бахметев. Он добивался публичного провозглашения принципов американской политики в отношении России, то есть непризнания большевиков⁸³. Такая нота была подготовлена. Посол особо выделял в ней два момента. Во-первых, четкое разделение на русский народ, с одной стороны, и советское правительство, с другой. Первому выражалось сочувствие и обещалась поддержка; со вторым – декларировался отказ от установления дипломатических отношений. Во-вторых, рассматривались польский и другие вопросы. Подчеркивалось, что Польша, воспользовавшись ситуацией для нападения на Россию, вызвала дезориентацию, ложный патриотизм русского народа⁸⁴. Б.А. Бахметев считал ноту одним из своих важнейших дипломатических успехов.

В ноябре 1920 г. в США состоялись президентские выборы и эмигранты стали опасаться, что с приходом к власти кандидата от Республиканской партии Уоррена Гардинга американское правительство возьмет курс на сотрудничество с советским правительством. К радости русского зарубежья и во многом благодаря Б.А. Бахметеву, который разработал широкий план действий и постепенно реализовывал его, американское новое правительство не встало на путь сотрудничества с РСФСР.

К лету 1921 г. Б.А. Бахметев отмечал усиление антибольшевистской позиции американского правительства, чему «способствовало не только общее консервативное направление нынешнего правительства, но также и ряд внутренних и внешних обстоятельств»⁸⁵. В августе 1921 г. была опубликована нота госсекретаря США по «русскому вопросу» с отказом американского правительства признавать советских полномочных представителей, в ней чувствовался «почерк» русского дипломата, заслуги которого

⁸² ГАРФ. Ф. Р-5760, оп. 1, д. 18, л. 32 об.

⁸³ См. подробнее: Будницкий О.В. Б.А. Бахметев – посол в США несуществующего правительства России // Новая и новейшая история. 2000. № 1. С. 134-166.

⁸⁴ Будницкий О.В. Б.А. Бахметев – посол в США несуществующего правительства России // Новая и новейшая история. 2000. № 1. С. 153.

⁸⁵ «Совершенно лично и доверительно!». Т. 1. С. 395.

с большим удовольствием отмечала русская эмиграция, проживавшая в Европе⁸⁶.

Если в вопросах политики американское правительство было непримиримо, то в вопросах экономики дела обстояли иначе. Еще в 1920 г. Б.А. Бахметев писал, что правительство этой страны отрицательно относится к идее торговли с большевистской Россией, но вряд ли сможет противостоять общественному мнению и давлению торгово-промышленных и финансовых кругов⁸⁷. Правительство США разрешило отдельным лицам и организациям вести торговые и экономические отношения с РСФСР, особенно учитывая развитие таковых в Европе, что, по мнению Б.А. Бахметева, было «соломоновым решением»⁸⁸.

Вслед за вышеперечисленными договорами торгово-политические соглашения с РСФСР были подписаны в конце 1921 – начале 1922 гг. Норвегией, Австрией, Чехословакией, Швецией. Русские дипломатические представители следили за отношением стран их пребывания к РСФСР и пытались повлиять на эту политику. Однако от них мало что зависело – страны смотрели друг на друга, на развитие тенденций международной политики, учитывали свою внутривнутриполитическую ситуацию. Из этих стран только в Чехословакии проживало большое число русских эмигрантов. Поэтому отсутствие какой-либо реакции в Норвегии, Австрии и Швеции вполне объяснимо. Что касается Чехословакии, то здесь спокойствие русских эмигрантов, видимо, было связано с их поддержкой русского правительства и определенными гарантиями с его стороны.

1921 г. был годом прорыва РСФСР на международной арене. Он заключался не только в подписании договоров и соглашений. Изменилось восприятие советской власти на Западе, и это признали эмигранты. По этому поводу газета «Руль» писала: «В том заметно меняющемся отношении к русскому большевизму, которое проявляют к нему западноевропейские правительства и западноевропейское общественное мнение, существенную роль играет вера в возможность изменения самого большевизма и надежда на такое изменение. То, что сейчас существует в России

⁸⁶ «Совершенно лично и доверительно!». Т. 1. С. 226.

⁸⁷ ГАРФ. Ф. Р-5680, оп. 1, д. 6, л. 91.

⁸⁸ Там же, л. 93.

как большевизм, не есть уже будто бы тот первоначальный большевизм, отличительной чертой которого являлось непризнание каких бы то ни было компромиссов, а является чем-то гораздо более жизненным, считающимся с условиями реальной действительности и потому способным к дальнейшей эволюции»⁸⁹.

В 1920–1921 гг. на оценку внешней политики РСФСР и западных стран в отношении ее сказывался такой фактор, как Гражданская война. Пока она была в разгаре, эмиграция не могла даже предположить другого варианта, как выступление иностранных держав против большевиков, их признание было «прямой изменой и ударом»⁹⁰. Однако уже в начале 1920 г. Б.А. Бахметев отмечал изменение ситуации и считал, что наиболее благоприятной в этом случае будет политика нейтралитета, невмешательства, ожидания, хотя не боялся и признания, поскольку не верил в него⁹¹.

Существенную роль в оценке советской внешней политики на этом этапе, особенно со стороны дипломатов, играла общая международная ситуация, расстановка сил и шаги отдельных правительств в условиях послевоенного мира. Европа приближалась к кризису, в то время как большевизм наращивал обороты, советская власть приобретала свойства «активного великодержавного фактора»⁹². Б.А. Бахметев так обосновывал сложившуюся ситуацию: во-первых, разочарование в принципах, провозглашенных при завершении войны, особенно со стороны не европейских народов, чьи права были ущемлены и чьи взоры поэтому обратились к Москве; во-вторых, политику самих большевиков, поддерживающих эти устремления и, в отличие от европейских держав, стремящихся помочь им (например, Турции, Армении).

С тем, что национальная русская программа во внешней политике осуществляется именно большевиками (в отношении Бессарабии, Польши, Азербайджана, Армении, Грузии, Прибалтики) был согласен и В.А. Маклаков, полагавший, что они способствуют сохранению территориального единства России. Более того, он отмечал, что своими действиями большевики даже возвраща-

⁸⁹ Эволюция большевизма // Руль. 1921. 15 июня.

⁹⁰ См., например: «Совершенно лично и доверительно!» Т. 1. С. 169.

⁹¹ Там же. С. 170, 271

⁹² Там же. С. 286.

ют России известный международный престиж⁹³. Большинство эмигрантов подчеркивало, что в силу большевистского характера это великодержавие не будет иметь успеха и развития, но и игнорировать его как весьма существенный фактор внутренней и внешней политики – нельзя.

Некоторые эмигранты находили положительное и в экономической части соглашений, а также в развитии русской дипломатии как таковой. Наибольшими противниками экономической блокады и сторонниками немедленного признания советской власти было левое крыло эмиграции (в частности левые меньшевики и левые эсеры). Однако говорить о том, что именно их совместные усилия в этом направлении привели к признанию большевиков Западом (как считает исследователь П.К. Антропов⁹⁴), означает явно преувеличивать их возможности.

Еще одно обстоятельство накладывало отпечаток на восприятие эмигрантами внешней политики – это зависимость от политики стран, где они пребывали и деятельность которых критиковать было затруднительно.

Некоторые русские эмигранты руководствовались в оценке внешней политики прежней (военной) расстановкой сил. Так, для С.Д. Сазонова верность союзникам по Первой мировой войне стала политическим кредо, он не допускал восстановления дипломатических отношений с бывшими неприятельскими странами даже после ее окончания*.

Изучая оценку эмиграцией внешней политики, нельзя забывать о «пристрастиях» к той или иной стране. Известно, что издавна в России сложилось несколько лагерей, в том числе германофилов и франкофилов. Первая мировая война хоть и внесла коррективы, но не смогла полностью изжить эти «пристрастия». Это были не только личные симпатии, но и предпочтения целых партий. Так, меньшевики придерживались антиантантовской и

⁹³ «Совершенно лично и доверительно!» Т. 1. С. 299, 302, 303

⁹⁴ Антропов П.К. История отечественной эмиграции. Кн. 1. Ч. 1. С. 106, Назаров М. Миссия русской эмиграции. С. 48

* Не случайно, возглавивший в апреле 1920 г. белое движение Юга России П.Н. Врангель в мае 1920 г. отправил С.Д. Сазонова в отставку и поставил задачу скорейшего восстановления отношений с «бывшими неприятельскими странами» (Миронова Е.М. Дипломатическое ведомство антибольшевистской России // Проблемы истории Русского Зарубежья. Т. 1. С. 86-87).

прогерманской линии⁹⁵. Попытки преодолеть узость подобных взглядов прослеживаются в работе русского монархического съезда, состоявшегося в Рейхенгалле в 1921 г. В выступлениях делегатов, в частности, звучали следующие мысли: «ни одно государство ничего не делало, не делает и не будет делать для России вне своих прямых ясно осознанных ... интересов». Ввиду этого не должно быть разделения монархистов на «антантофилов, германофилов и других филов ...»⁹⁶

С одной стороны, эмигранты всеми силами не желали заключения соглашений с РСФСР, с другой – постепенно стали осознавать, что длительная изоляция страны по ряду причин невозможна. Одной из них были интересы западных финансовых и промышленных кругов, второй – боязнь конкуренции других государств в захвате российских рынков. Поэтому русское зарубежье, пытаясь влиять на правительства отдельных стран, обосновывало несостоятельность восстановления ими торговых отношений с РСФСР их же интересами. Главное, на что стали делать акцент эмигранты, – это агитационно-разъяснительная работа о невыгодности торговых отношений и протест против выдачи или сведения к минимуму кредитов РСФСР.

С конца 1921 г. В.А. Маклаков начинает отсчет новой эры отношений Европы с большевиками в связи с введением НЭПа (осознание невыгодности полного крушения России; поворот большевизма на капиталистические рельсы). Поэтому задача эмиграции состояла в том, чтобы считаться с новой постановкой вопроса, стараться его обезвредить и использовать⁹⁷.

Во внешней политике РСФСР в этот период эмигранты выделяли две основные составляющие: 1) собственно политическую (международные договоры и контакты с другими странами) и 2) идеологическую, агитационно-пропагандистскую⁹⁸. Несмотря на попытку эмиграции, оказать влияние на иностранные государства, уже тогда их правительства не особо прислушивались к мнению русского зарубежья, руководствуясь своими интересами.

⁹⁵ Волин С. Меньшевизм в первые годы НЭПа // Меньшевики после Октябрьской революции ... С. 144.

⁹⁶ Двуглавый орел. 1921. 1 (14 июня). С. 18.

⁹⁷ «Совершенно лично и доверительно!» Т. 2. С. 129-130, 147.

⁹⁸ ГАРФ. Ф. Р-6055, оп. 1, д. 1, л. 179.

Под влиянием происходивших изменений, неизбежно должна была произойти хотя бы частичная эволюция общественного мнения русского зарубежья. Одним из ее проявлений стала «новая тактика» П.Н. Милюкова, настроенного западнически и, несомненно, испытывавшего влияние европейской политики. Однако надо сказать, что это явление было скорее исключением из правила, поскольку большинство эмигрантов по-прежнему были настроены весьма негативно в отношении смены внешнеполитического курса западных держав.

Происходит трансформация планов военной эмиграции, нацеленной на интервенцию при помощи западных стран в ближайшее время, поскольку их правительства не только отказались участвовать в этом мероприятии, но и сократили, а затем и вовсе прекратили финансовую поддержку белых формирований, вплоть до требования распустить белую армию. Таким образом, внешнеполитическая ситуация привела к развенчанию иллюзии о возможно скором воплощении в жизнь военного свержения советской власти за счет вторжения эмигрантских формирований с помощью иностранных правительств.

Новые веяния международной политики в отношении РСФСР привели к изменению положения эмиграции, хотя на данном этапе оно было еще не кардинальным.

3.2. Международные конференции 1922–1923 гг. и русское зарубежье

С момента установления советской власти эмигранты рассматривали ее правительство как незаконное. В связи с этим они регулярно обращались к странам-организаторам и участникам конференций с меморандумами, мнениями и другими аналогичными документами, которые содержали следующие постулаты: 1) приглашать РСФСР к участию в конференциях нельзя, поскольку это означало бы фактическое признание Советов; 2) в противном случае необходимо участие и представителей национального правительства (например, правительства Врангеля), поскольку является неправильным отождествлять советское правительство со всей Россией⁹⁹. Русские дипломаты считали, что со-

⁹⁹ См., например: ГАРФ. Ф. Р-5760, оп. 1, д. 50, л. 3.

ветская власть будет использовать международные конференции исключительно для признания. Обсуждение на них русских вопросов даст ей для этого повод¹⁰⁰. Эмиграция предостерегала западные страны, что «неприглашение» Советов могут использовать для политической игры и антизападной агитации и пропаганды. Возникало противоречие, из которого странам-участницам конференций предлагался следующий выход: написать декларацию-гарантию об ограждении интересов и прав России¹⁰¹.

К концу 1921 г. ситуация в корне изменилась. РСФСР уже не была в кольце блокады, у нее были налажены дипломатические и экономические отношения с рядом стран. Русское зарубежье не смогло объединиться, у него не было общего представительства, выступавшего от лица всей эмиграции. Отношения к конференциям и участию в них советских представителей несколько изменилось как у западных стран, так и у эмигрантов. Им стало понятно, что приглашение советского правительства на международные конференции неизбежно и практически равносильно его признанию¹⁰².

О том, какое внимание уделялось русским зарубежьем международным конференциям, свидетельствует переписка русских дипломатов Б.А. Бахметева и В.А. Маклакова. Особенно это касается Генуэзской, Гаагской, Лозаннской конференций, так как в ходе этих конференций стали оправдываться худшие опасения эмиграции – Европа начала разговаривать с большевиками. Все более очевидным становилось, что официальное признание не за горами¹⁰³.

С 12 декабря 1921 по 6 февраля 1922 г. прошла Вашингтонская конференция, посвященная ограничению морских вооружений и урегулированию отношений на Дальнем Востоке. Русское зарубежье пыталось в ходе конференции защищать интересы России в этом регионе, в особенности акцентировав внимание на выводе японских войск с территории России и на статусе КВЖД. Эмигранты считали эти вопросы стратегически важными для бу-

¹⁰⁰ См., например: ГАРФ. Ф. Р-5680, оп. 1, д. 9, л. 4.

¹⁰¹ Там же, л. 5.

¹⁰² ГАРФ. Ф. Р-5760, оп. 1, д. 18, л. 32 об.; Загорский С.О. Русский вопрос в Генуе и Гааге. Б.м., б.г. [1922]. С. 277.

¹⁰³ «Совершенно лично и доверительно!». Т. 2. С. 5.

дущего России¹⁰⁴. Отчасти в их решении русское зарубежье полагалось на Америку как «защитника и охранителя русского положения на Дальнем Востоке»¹⁰⁵.

Особую активность во время и накануне конференции проявил Б.А. Бахметев. В сентябре 1921 г. он посетил Париж и высказал предположение, что союзники, в особенности американцы, должны выслушать мнение по обсуждаемым вопросам объединенной русской делегации¹⁰⁶, однако сложность состояла в отсутствии таковой. Да и сам Б.А. Бахметев сомневался в возможности и эффективности представительства эмиграции в Вашингтоне, считая более целесообразным отстаивание русских интересов Соединенными Штатами. Русские посланники в других государствах по мере возможностей и наличия личных контактов пытались оказать влияние на позицию американских дипломатических представителей в этих странах, чтобы те довели информацию до сведения своего правительства¹⁰⁷.

Для усиления позиции Б.А. Бахметев предлагал от имени эмиграции составить документ с описанием в нем будущего устройства России и российской внешней политики¹⁰⁸, что и было сделано. Русский дипломатический корпус (от лица не эмиграции*, но представителей России) выработал обращение к Вашингтонской конференции, в котором основное внимание уделялось положению дел в РСФСР¹⁰⁹. Большой интерес вызвала работа конференции у торгово-промышленных кругов Дальнего Востока. Не имея возможности официально участвовать в Вашингтонской конференции, эта группа эмигрантов направила на нее через Б.А. Бахметева записку относительно своей позиции¹¹⁰. Русский Национальный Комитет (РНК)¹¹¹ подготовил и направил

¹⁰⁴ См., например: Политическая история русской эмиграции 1920-1940 гг. ... С 525.

¹⁰⁵ Там же. С. 526.

¹⁰⁶ Будницкий О.В. Б.А. Бахметев – посол в США несуществующего правительства России // Новая и новейшая история. 2000. №1. С. 154.

¹⁰⁷ См.: ГАРФ. Ф. Р-5760, оп. 1, д. 18, л. 12.

¹⁰⁸ «Совершенно лично и доверительно!» Т. 1. С. 433-434; Политическая история русской эмиграции 1920-1940 гг. ... С 526.

* Различные эмигрантские группы также направили в адрес конференции аналогичные документы. О них см. ниже.

¹⁰⁹ ГАРФ. Ф. Р-5760, оп. 1, д. 18, л. 8-11.

¹¹⁰ Горбунов М. Торгово-промышленная эмиграция и ее идеология // На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией. С. 118-119.

¹¹¹ См., например: ГАРФ. Ф. Р-6096, оп. 2, д. 1, л. 1-3.

два меморандума: представителям стран-участниц Вашингтонской конференции с требованием соблюдения российских дальневосточных рубежей¹¹² и правительству США о рассмотрении на Вашингтонской конференции русского дальневосточного вопроса¹¹³. На одном из своих заседаний РНК с удовлетворением констатировал, что конференция пришла к следующим выводам: «1) интересы России на Дальнем Востоке должны быть ограждены; 2) Восточно-Китайская железная дорога признана по-прежнему Российским достоянием и поставлена под управление международной комиссии»¹¹⁴.

Российские представители (ни советские, ни эмигранты) на конференцию приглашены не были. П.Н. Милюков и Н.Д. Авксентьев приняли участие в работе некоторых ее специальных совещаний, в частности посвященных читинской делегации и эвакуации японцев из Сибири, в качестве делегатов от Исполнительной Комиссии Учредительного собрания¹¹⁵. Основной тактикой для достижения поставленных целей эмиграция выбрала действие через личные контакты, петиции, меморандумы и через США.

Несмотря на отсутствие на Вашингтонской конференции РСФСР, общий ход развития событий, в частности полоса договоров с Советами, подсказывал эмигрантам, что если не на этой, то на следующей конференции большевики будут представлены. «Мы едва ли можем предотвратить разговор с большевиками, а может быть и признание советского правительства. Но мы, смею думать, можем уменьшить ту моральную поддержку, которую эти сношения дают большевикам, мы можем до некоторой степени обезвредить большевистский камуфляж...»¹¹⁶, — писал русский посол в Швейцарии. Уже тогда ходили слухи о приглашении Г.В. Чичерина и М.М. Литвинова на предстоящую всеевропейскую конференцию. Обращаясь к М.Н. Гирсу, И.Н. Ефремов предлагал: «... Надо прямо поставить правительства Запада перед вопросом: обманом или самообманом занимаются они? Надо сказать и правительствам, и общественному мнению Запада, что де-

¹¹² ГАРФ. Ф. Р-6096, оп. 2, д. 18, л. 48.

¹¹³ ГАРФ. Ф. Р-6096, оп. 1, д. 18, л. 46-47.

¹¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-6790, оп. 1, д. 9, л. 10.

¹¹⁵ Бобрищев-Пушкин А.В. Патриоты без Отечества. Л., 1925. С. 63.

¹¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-5760, оп. 1, д. 18, л. 28.

монстрирование доверия эволюционному камуфляжу большевиков есть издевательство над страданиями русского народа, есть обезоруживание собственной страны перед лукавством большевистского натиска, что такая политика близорука и безнаказанной не останется»¹¹⁷. Однако следующая международная конференция, несмотря на противодействие со стороны эмигрантов, проигнорировала эту точку зрения.

Некоторые советские деятели, да и эмигранты выстраивали взаимосвязь трех международных конференции – Каннской, Генуэзской и Гаагской.

Каннская, или, как ее еще называют, Конференция Верховного совета Антанты, проходила с 6 по 13 января 1922 г. Она, по сути, явилась подготовкой к Генуэзской конференции. Русский Национальный Комитет (РНК) в КСХС издал меморандум к Каннской конференции, в котором говорилось, что те условия, которые выдвигаются Антантой в отношении Советской России, в частности в связи с положением и правами иностранных граждан в РСФСР, могут привести к парадоксальной ситуации, когда Россия станет страной, где притесняется собственный народ, а положение иностранцев гарантировано; для своих граждан собственности нет, но она есть для иностранцев. Члены РНК полагали, что Антанта идет на компромиссные решения в отношении большевиков, боясь того, что России будет навязан насильственный немецкий гнет¹¹⁸.

В протоколе РНК от 1 февраля 1922 г. отмечается и другая возможная причина подобного развития событий – это вера некоторых зарубежных политических деятелей в то, что можно взорвать большевиков изнутри, войдя с ними в деловые сношения¹¹⁹. Члены РНК подчеркивали, что нельзя допустить «чтобы Германия использовала Россию в качестве своего промышленного плацдарма»¹²⁰. Эта организация, помимо обращения к самой конференции, направила отдельный меморандум французскому правительству, в котором называла победу большевиков в Каннах одной из самых сенсационных, подчеркивая, что большевики не

¹¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-5760, оп. 1, д. 18, л. 27-27 об..

¹¹⁸ ГАРФ. Ф.Р-6790, оп. 1, д. 15, л. 1-2 об.

¹¹⁹ Там же, д. 9, л. 8.

¹²⁰ Там же, л. 13.

способны гарантировать иностранцам в России то, что от них требовали страны Антанты¹²¹.

Ряд резолюций аналогичного содержания направил А. Бриану и съезд Торгово-промышленного союза (ТПС)¹²². Члены ТПС предпринимали все меры, чтобы доказать несбыточность надежд на использование русских рынков. Отчасти это им удалось, в особенности по отношению к французской и бельгийской делегациям (как и во время Гаагской конференции), с которыми у них установилось полное единодушие по вопросу о русских долгах. Союз подготовил и предоставил им материалы о положении в РСФСР, в которых предостерегал иностранных предпринимателей от соблазна советских концессий и вообще какого-либо бизнеса с Советами¹²³. Аргументами являлись отсутствие гарантий и опасность распространения большевизма в их странах.

Отрицательное отношение по поводу резолюции Каннской конференции разделяло большинство русских организаций Парижа¹²⁴. В их протесте против заключения экономических соглашений с Советской Россией заявлялось, что путь каннской конференции нарушает интерес подлинной национальной России и не достигает поставленной ею цели (путем хозяйственного восстановления России содействовать ликвидации мирового экономического кризиса)¹²⁵. Некоторые другие партийные и общественные организации также приняли резолюции и обращения по вопросу о признании Советской власти¹²⁶.

Смысл каннских предложений и платформы западных стран, разрабатывавшихся в период между двумя конференциями, состоял в признании равноправия государств с различной формой собственности, в случае выполнения Россией ряда уступок (признание долгов, возмещение ущерба иностранным собственникам, изменение законодательства и т.д.). По словам

¹²¹ ГАРФ. Ф.Р-6790, оп. 1, д. 15, л. 11-14; д.3, л.2.

¹²² ДРЗ. Ф. 7, оп. 1, ед. хр. 2, л. 57; ГАРФ. Ф. Р-6790, оп. 1, д. 9, л. 21-22.

¹²³ Горбунов М. Торгово-промышленная эмиграция и ее идеология // На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией: Сб. статей. М., 1923. С. 120.

¹²⁴ ГАРФ. Ф.Р- 6790, оп. 1, д.9, л. 8.

¹²⁵ Там же, л. 22-25.

¹²⁶ См., например: Записку по поводу проектов признания советской власти и заключения договоров с ней Парижской группы партии народной Свободы 16.01.22 (ГАРФ. Ф. Р-6790, оп. 1, д. 9, л. 15-21); Резолюция исполнительной комиссии (Там же, л. 25); Постановление союза русских инженеров (Там же, л. 26-27).

В.А. Маклакова, каннское решение относительно большевиков было неожиданностью не только для эмигрантов, но и для некоторых европейских политических деятелей и общественности¹²⁷. Н.В. Савич так оценивал каннские события: «Идет игра на эксплуатации России, от чего де все выиграют, и русские, которые спасутся от голодной смерти, и немцы, которые разбогатеют на торговле с Россией, и французы, которым немцы отдадут ½ своей прибыли в погашение контрибуции, и англичане, которые начнут сбывать свои товары в Россию и разбогатевшую Германию. На самом деле, наверное, выиграют большевики, которые признают что угодно и надуют, а заем получают, значительную часть которого переведут в заграничные банки на имя своих главарей, а остальную употребят на усиление своей охраны. Выиграет, вероятно, сам Д. Ллойд Джордж, т.к. он тем самым получит временный перекур для втирания очков избирателям и благодарную сейчас в Англии тему для выборов. Конечно, советы всё пообещают лишь бы достать деньги. Но дело в том, что денег им не дадут все равно ...»¹²⁸

Результаты каннской конференции эмигранты связывали с общеевропейской послевоенной ситуацией и с положением отдельных стран-участниц. По мнению В.А. Маклакова, для Ллойда Джорджа «кроме общего понимания момента здесь был электро-ральный маневр»; для А. Бриана имел значение англо-французский оборонительный союз¹²⁹. Он отмечал, что «политика немцев тесно приковала Францию к колеснице Англии и Ллойда Джорджа, и потому нам надо глядеть именно на Англию, чтобы догадаться, что нас и здесь ожидает»¹³⁰.

Генуэзская конференция (10 апреля – 19 мая 1922 г.) была одной из первых, в которой участвовали советские представители¹³¹. Анализируя позицию советского руководства накануне Генуэзской конференции, русское зарубежье отмечало отсутствие в ней единства и наличие противоречий, разгоравшихся, главным образом, вокруг двух основных проблем: мировой революции и

¹²⁷ «Совершенно лично и доверительно!» Т. 2. С. 147.

¹²⁸ ДРЗ. Ф. 7, оп. 1, ед. хр. 2, л. 57-57 об.

¹²⁹ «Совершенно лично и доверительно!» Т. 2. С. 147-148.

¹³⁰ Там же. Т.1. С. 341.

¹³¹ См. подробнее: Урядова А.В. Генуэзская конференция и русская эмиграция // Вестник РГГУ. 2009. № 17/09. С. 137-147

возможности уступок Западу¹³². Изучая ситуацию, эмиграция пришла к ряду выводов. Во-первых, что победа в Каннах ко времени Генуэзской конференции уже не удовлетворяла большевиков, доказательством чему, по мнению Н.В. Савича, были их увертки «от прямого признания каннских условий, ведут бесконечные споры о деталях, ссылаются на медленные сношения с Москвой»¹³³. Во-вторых, что представители РСФСР будут добиваться признания и кредитов и ни перед чем не остановятся, будут давать любые, даже невыполнимые обещания, которым нельзя верить. И, в-третьих, несмотря на то, что получение финансовой помощи для голодающих было одной из задач советской делегации, за рубежом имелаась информация, что в России на первом месте Генуя, на втором – голод¹³⁴.

Одной из целей конференции было оздоровление европейской экономики, устранение кризиса перепроизводства, в том числе и за счет возобновления отношений с Россией. Это отчасти совпадало с интересами советской делегации, главной задачей которой было установление экономических и торговых отношений с капиталистическими странами. Однако ее совсем не устраивали условия, выдвинутые для этого европейскими государствами. Как писал Н.В. Савич, «сущность всего происходящего в Генуе ... добиться признания меморандума большевиками и большевиков державами»¹³⁵.

Точки зрения эмиграции по поводу влияния на переговорный процесс в Генуе расходились. Противники приглашения советского правительства на конференцию предлагали послать на нее представителей эмиграции.

Редакция газеты «Последние новости» и ее главный редактор П.Н. Милюков возражали, считая, что эмиграция не должна иметь никакого касательства к решениям, могущим связать Россию в духе заключенных большевиками договоров.

Пристальное внимание подготовке и проведению конференции уделялось на страницах газеты «Руль». В ней выражалась надежда на то, что отрицательная позиция Франции и США в от-

¹³² См. например: ДРЗ. Ф. 7, оп. 1, ед. хр. 2, л.68 об.-69; ГАРФ. Ф. Р-7518, оп. 1, д. 4, л. 24 об., 27 об.; ГАРФ. Ф. Р-6055, оп. 1, д. 5, л. 190; ГАРФ. Ф. Р-5872, оп.1, д. 175, л. 1.

¹³³ ДРЗ. Ф. 7, оп. 1, ед. хр. 2, л. 83.

¹³⁴ Там же, л. 68 об.

¹³⁵ Там же, л. 89 об.

ношении участия советских представителей возобладает над английской¹³⁶, однако, как известно, этого не произошло. Редакция газеты была вынуждена констатировать, что общая позиция конференции была такова, что победа большевиков в борьбе за власть представлялась очевидной уже давно¹³⁷. Авторы газеты выражали недовольство по поводу приглашения большевиков, отношения к ним на конференции¹³⁸, поражало их протокольное поведение и одежда¹³⁹.

Эсеровская газета «Голос России», отражая мысль большинства эмигрантов, писала о том, что большевики не могут представлять русский народ, поскольку отстаивают не его, а свои интересы. С одной стороны, указывалось в издании, большевики согласятся на что угодно, чтобы получить международное признание¹⁴⁰, с другой – буржуазия Европы слепа в отношении большевизма, не понимает его истинной природы¹⁴¹.

Как считал советский исследователь П.А. Подболотов, меньшевистское руководство заняло двойственную позицию в вопросе о международном признании Советской России. Принимая декларации в поддержку требований о снятии империалистической блокады, меньшевистские лидеры на деле стремились воспрепятствовать установлению деловых отношений РСФСР с капиталистическим миром, подтверждением чему он считает «клеветническую кампанию» во время подготовки Генуэзской конференции (имеется в виду письмо накануне конференции П.Б. Аксельрода лидеру II Интернационала Вандервельде с протестом против арестов меньшевиков в Советской России)¹⁴².

По воспоминаниям меньшевика С. Волина, партия вела кампанию за признание Советской России и в печати, и на социалистических съездах¹⁴³. В действительности же мнения членов партии в вопросе признания разделились. Накануне конференции ЦК РСДРП совместно с ЦК Бунда (социал-демократического) из-

¹³⁶ Речь Ллойд-Джорджа // Руль. 1922. 30 марта.

¹³⁷ Победители // Руль. 1922. 14 апреля.

¹³⁸ Волшебство // Руль. 1922. 14 апреля.

¹³⁹ О прикосновенности частной корреспонденции // Руль. 1922. 7 апреля.

¹⁴⁰ Накануне Генуи // Голос России. 1922. 9 апреля.

¹⁴¹ Печать и жизнь. Два фронта // Голос России. 1922. 6 апреля.

¹⁴² Подболотов П.А. Крах эсеро-меньшевистской контрреволюции. Л., 1975. С. 97.

¹⁴³ Волин С. Меньшевизм в первые годы НЭПа // Меньшевики после Октябрьской революции... С. 143.

дал воззвание к социалистическим партиям и рабочим организациям, предлагая им добиваться использования конференции для признания России. «Важно, однако, не только признание, но и условия его ... Признание должно сопровождаться не превращением России в колонию Западно-Европейского капитала, а энергичной, действенной финансовой помощью ... Интересы русской революции и международного пролетариата одни и те же, и во имя этих общих интересов, во имя истекающего кровью народа... во имя умирающих женщин и детей, мы призываем вас: придите на помощь России»¹⁴⁴.

Ю.О. Мартов считал воззвание слишком левым. Он писал в Бюро ЦК в Москву, что документ, не содержащий ни слова критики советской власти, является слабым и несвоевременным. По мере охлаждения партии к идее единого фронта, ее кампания за признание становилась сдержанней. П.Б. Аксельрод полагал, что признание советского правительства возможно при выполнении им определенных условий и требований¹⁴⁵. К самой конференции меньшевики относились критически, видели в ней, с одной стороны, попытку западных колонизаторов проникнуть в Россию, с другой стороны, стремление советского правительства получить кредиты на укрепление власти.

Активную позицию занял в отношении конференции Торгово-Промышленный Союз. В марте 1922 г. он распространил декларацию относительно сотрудничества западных стран с Советской Россией, предпринял меры к созданию единого агитационного центра для влияния на общественное мнение Западной Европы. Делегация Союза была послана на конференцию. Несмотря на свое неофициальное положение, она смогла оказать определенное влияние на французскую и бельгийскую делегации по вопросу о русских долгах, предоставляя им информацию и документы о положении в России¹⁴⁶.

Русский национальный комитет обратился с меморандумами к странам-участницам Генуэзской конференции¹⁴⁷, в которых говорилось, что, признавая власть большевиков, нельзя помочь

¹⁴⁴ Социалистический вестник. 1922. № 5 (27).

¹⁴⁵ Волин С. Меньшевизм в первые годы НЭПа ... С. 143-144.

¹⁴⁶ Серегина Д.М. Указ. соч. С. 45-46.

¹⁴⁷ ГАРФ. Ф. Р-5680, оп. 1, д. 23, л. 38-43, ф. Р-6096, оп. 2, д. 1, л. 7-10.

России. В документах отмечалось, что цель большевиков на конференции – укрепление своего финансового положения, а также приращение «политического капитала» (если их и не признают, конференция все равно явится великолепной трибуной)¹⁴⁸. РНК полагал, что приглашение большевиков в Геную – ложный шаг, он не только не будет способствовать экономической стабилизации в Европе и в России, а напротив, отсрочит ее. Главную проблему Комитет видел в том, что РСФСР не может дать гарантий, а без них международный капитал все равно не будет работать в России¹⁴⁹.

В протесте бывших членов Российского Правительствующего Сената и в обращении их к сенаторам и правительствам Европы и Америки с призывом против приглашения советской делегации на Генуэзскую конференцию говорилось, что сам факт их приглашения признает их равными среди равных и «как бы санкционирует их преступную деятельность», указывалось, что если некоторые государства и признают большевистскую власть, то это не будет иметь юридической силы для русского народа, никогда не избиравшего большевиков своим правительством¹⁵⁰.

Меморандумы, письма, петиции в адрес конференции писали самые разнообразные эмигрантские организации. Бывшие члены Учредительного Собрания приняли резолюцию о том, чтобы на Генуэзскую конференцию не были допущены представители Советской России¹⁵¹. Русская Сельскохозяйственная Ассоциация крестьян, казаков, агрономов, сельхозкооператоров, проживающих в Чехословакии, также составила меморандум, в котором указывалось, что современное правительство не признано и никогда не будет признано русским народом как законное, поэтому его представительство в Генуе никоим образом не может расцениваться как участие России в данной конференции, и русский народ не несет ответственности за те деяния, которые будут приняты на ней¹⁵².

Некоторые организации кроме меморандумов отправляли в адрес Генуэзской конференции обстоятельные доклады и записки

¹⁴⁸ ГАРФ. Ф. Р-5680, оп. 1, д. 23, л. 40.

¹⁴⁹ ГАРФ. Ф. Р-6790, оп. 1, д. 3, л. 2.

¹⁵⁰ ГАРФ. Ф. Р-6055, оп. 1, д. 21, л. 1.

¹⁵¹ Попов Н.Н. Мелкобуржуазные антисоветские партии. С. 62.

¹⁵² ГАРФ. Ф. Р-5760, оп. 1, д. 5, л. 31.

о положении в России, пытаясь тем самым отговорить иностранные державы от сотрудничества с Советами. О том, что Генуэзская конференция взволновала не только русских политиков, промышленников, но и военные круги, свидетельствуют информационные сообщения и сводки, подаваемые в штаб главнокомандующего русской армией генерала Врангеля¹⁵³.

Не осталась в стороне и Церковь. «Послание к Генуэзской конференции» Всезаграничного Собора Русской Православной Церкви¹⁵⁴ – это обращение к иностранным правительствам с призывом к прекращению всех взаимоотношений с Советской Россией и просьбой о помощи русской эмиграции в деле свержения большевизма и восстановления монархии. Послание начиналось словами «По благословлению Патриарха Тихона», что явилось одним из поводов для репрессий против Московской Патриархии. Факт благословения не подтверждается документально и противоречит общему духу его воззваний того периода. Практически этот документ возымел обратный результат тому, что предполагалось. Генуэзская конференция на него не отреагировала, а советское правительство, напротив, использовало его в качестве инструмента для борьбы с Церковью в России.

В.А. Маклаков высказывал свое мнение относительно Генуи не только в личных письмах, но и в публичных выступлениях, предостерегая и пытаясь воздействовать на западное общественное мнение, прежде всего французское. С этой целью он и С.Н. Третьяков, один из организаторов Российского Торгово-промышленного и Финансового Союза, накануне конференции сделали доклады в Société d'étude перед комиссией французских сенаторов¹⁵⁵.

Советский публицист 1920-х гг. указывал на различное отношение представителей русского зарубежья к участию в конференции советской делегации: одно – состоятельной и влиятельной эмиграции (негодование, насмешки, досада, уверенность, что все равно ничего не выйдет), другое – широких слоев эмиграции,

¹⁵³ См., например, сводки: Генуэзская конференция (ГАРФ. Ф. Р-7518, оп. 1, д. 4, л. 142-144), Русский вопрос после Генуи перед Гаагой (ГАРФ. Ф. Р-7518, оп. 1, д. 4, л. 145-147).

¹⁵⁴ Деяния Русского Всезаграничного Церковного Собора. Сремски Карловцы, 1922. С. 151-156.

¹⁵⁵ Накануне. 1922. 26 марта.

у которых, как он считал, было больше «здорового смысла, политического чутья и справедливости в оценке вопроса об исходе переговоров»¹⁵⁶. И в этом он видел не столько отход от антибольшевистской позиции, сколько рациональность и политическую трезвость. Автор так писал о второй группе эмиграции: «К Генуе же она отнеслась, как больной относится к горькому лекарству, о необходимости которое принять он знал уже давно и только старался об этой неприятности не думать и по возможности ее оттянуть»¹⁵⁷. Эта оценка достаточно точно отражает реакцию эмиграции на конференцию и еще больше подходит для оценки рапальских соглашений, которые многими эмигрантами воспринимались не только как неизбежность, но и как необходимость.

Советский историк П.А. Подболотов в 1970-е гг. выделял три лагеря, на которые формально разбилась русская эмиграция накануне конференции по поводу признания: «Монархисты, кадеты и парижская группировка эсеров открыто выступали против признания, правые эсеры во главе с Черновым заняли внешне «нейтральную» позицию, меньшевики объявили себя сторонниками признания. Фактически же вся политическая эмиграция вела борьбу за срыв дипломатической миссии советской делегации на Генуэзской конференции».¹⁵⁸

Современный исследователь О.В. Коновалова отмечает сходство позиций по вопросу признания части эсеров и меньшевиков. Они понимали, что для восстановления народного хозяйства страны необходимы иностранные инвестиции, считали неосновательными опасения эмиграции, связанные с превращением России в колонию, поэтому отмечали неизбежность юридического признания¹⁵⁹.

Как указывал экономист С.О. Загорский, к тому времени русский вопрос был не только и не столько вопросом о большевиках, сколько вопросом о России. В этом он видел проблему установления единого европейского фронта, поскольку речь шла не о борьбе с Советами, а о своекорыстных интересах отдельных

¹⁵⁶ Белов В. Белое похмелье. С. 132.

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ Подболотов П.А. Крах эсеро-меньшевистской контрреволюции. С. 97-98

¹⁵⁹ Коновалова О.В. В.М. Чернов о путях развития России. М.: РОССПЭН, 2009. С. 179-180

стран: «Россия стала козлом отпущения в той политической борьбе, которая происходит в международных отношениях после войны»¹⁶⁰. Поэтому и Генуэзская и более поздняя Гаагская конференции, по его глубокому убеждению, могли быть поняты лишь в связи с этой международной обстановкой.

Оценивая роль различных стран в конференции, эмигранты выделяли, прежде всего, Великобританию, отмечая ее готовность к уступкам. Они считали, что Д. Ллойд Джордж приехал в Геную, чтобы примирить два непримиримых полюса, его называли невидимым дирижером¹⁶¹. Но, как подчеркивал П.Н. Милюков, по ходу конференции он «охладел к экономическому восстановлению России и перестал проявлять уступчивость», поэтому большинство вопросов и были перенесены на Гаагскую конференцию. Автор связывал это с тем, что Советы заключили с Великобританией соглашение относительно нефти до переговоров, поэтому вмешались США, не желавшие монополии Великобритании и требовавшие в этом вопросе политики «открытых дверей»¹⁶².

Накануне конференции в газете «Руль» указывалось, что политика Франции непоследовательна в отношении русского вопроса, хотя разумна и взвешенна. Как и США, Франция представлялась эмиграции возможным заслоном пробольшевистским решениям конференции¹⁶³.

Эмиграции было понятно, что у всех стран-участниц были свои экономические интересы, вокруг которых и шла борьба¹⁶⁴. Среди проблем, связанных с конференцией, русское зарубежье выделило три наиболее важных с его точки зрения: 1) борьба вокруг вопроса о существующих политических группах среди европейских государств; 2) нефтяной вопрос; 3) завершение конференции в антибольшевистском духе¹⁶⁵. Особого внимания русского зарубежья удостоились два важных акта международной поли-

¹⁶⁰ Загорский С.О. Русский вопрос в Генуе и Гааге. С. 264-265.

¹⁶¹ Там же. С. 284; Неманов Л.М. За кулисами Генуи // Руль. 1922. 21 мая; Даватц В. Годы: очерки пятилетней борьбы. Белград: Русская типография, 1926. С. 162.

¹⁶² Милюков П.Н. Россия на переломе. Большевицкий период русской революции. Т.1. Происхождение и укрепление большевистской диктатуры. 1927. С. 303.

¹⁶³ И.А. Колебания в русском вопросе (письмо из Париже) // Руль. 1922. 24 марта; Загорский С.О. Русский вопрос в Генуе и Гааге. С. 284.

¹⁶⁴ Неманов Л.М. За кулисами Генуи // Руль. 1922. 21 мая.

¹⁶⁵ ГАРФ. Ф. Р-6096, оп. 2, д. 2, л. 1.

тики, совершившихся во время конференции: рапалльские и советско-ватиканские переговоры.

16 апреля 1922 г. в Рапалло был заключен договор, который ставился некоторыми эмигрантами в одну линию с Брест-Литовским, считался показательным, поскольку измерял путь, пройденный коммунистами после Брестского мира. В нем русское зарубежье выделяло экономическую и политическую составляющие. Уже позднее, оценивая советско-германские отношения, П.Н. Милюков характеризовал их как двойственные: с одной стороны, Россия интересна для Германии в экономическом отношении (рынок закупки сырья и сбыта мануфактуры), отсюда и желание Германии, чтобы Россия как можно дольше оставалась земледельческой страной; с другой стороны, интерес правых политических течений Германии в поддержке большевиков¹⁶⁶. Важна была и внешнеполитическая составляющая договора.

На восприятие эмиграцией Рапалльского договора оказывали влияние следующие факторы: отношение к Германии как давнему партнеру России или как к противнику по последней войне; сходство послевоенных ситуаций в этих странах; общие моменты, связанные собственно с реакцией эмиграции на сближение РСФСР с Западом и с отдельными странами (то есть выбор между Германией, Францией и Великобританией).

Много внимания Рапалльскому договору до и после его заключения уделяла берлинская газета «Руль»¹⁶⁷, которая высказывала опасения относительно будущего положения эмиграции в Германии и судьбы самой газеты. Появившиеся в Берлине советские дипломатические представители неоднократно отправляли в МИД Германии протесты по поводу публикаций издания¹⁶⁸, но закрытия газеты так и не добились.

Рапалльский договор стал отправной точкой во внешней политике, с которой началось более выраженное размежевание эмиграции в отношении внешней политики советского государства. С большой долей вероятности можно предположить, что изменения отношения эмиграции к международной политике

¹⁶⁶ Милюков П.Н. Россия на переломе ... Т. 1. С. 397.

¹⁶⁷ См., например: Германо-советское соглашение // Руль. 1922. 19 марта; Победители // Руль. 1922. 14 апреля; Советско-германское соглашение // Руль. 1922. 9 мая и др.

¹⁶⁸ Суомела Ю. Указ. соч. С. 164.

могло и не произойти, не будь смены внутривластного курса и голода 1921 г. В этой связи достаточно четко выделяется позиция эсеров. Заключение Рапалльского договора было поддержано на страницах газеты «Голос России» как заключенное в интересах народа. Эсеры выделяли его экономическую составляющую (возможности развития торговых отношений), особенно с учетом голода 1921 г.¹⁶⁹. Они отмечали и четко разделяли международное и национальное признание большевиков, полагая, что, несмотря на изменение внешнеполитической ситуации, народ все равно их не признает¹⁷⁰.

На страницах газеты «Последние новости» было высказано отрицательное отношение к Рапалльскому договору на том основании, что внешнеполитическая стабилизация, непротравление, поддержка советской власти приведет к ее упрочению и на международной арене, и внутри страны, что в свою очередь может повлечь за собой свертывание политики НЭПа, то есть прекращение эволюции большевиков в сторону демократии.

Несмотря на неоднозначное отношение к договору как таковому, большинство эмигрантов считало его несомненной дипломатической победой РСФСР. Именно так оценивал его РНК. В его декларации в связи с заключением этого соглашения содержится критика не собственно договора, а подмены в нем терминов «русский» и «большевистский». Комитет в очередной раз настаивал, что этот договор коммунистический, а не национальный. Анализируя дипломатический успех большевиков в Рапалло, РНК писал не об объективных и субъективных причинах, а о советской политике лавирования и компромиссов, а также о недостаточной бдительности врагов коммунизма, которые в маневре «отступления» большевиков (то есть НЭПа) видят их эволюцию. Декларация подчеркивала, что большевики и III Интернационал победили, проиграли же от договора – русский и немецкий народы¹⁷¹.

Все предыдущие международные советские договоры вызвали отторжение эмиграции не потому, что шли вразрез с ее видением российской внешней политики как таковой, а поскольку

¹⁶⁹ О вреде и вредности // Голос России. 1922. 25 апреля.

¹⁷⁰ Голос России. 1922. 11 апреля.

¹⁷¹ ГАРФ. Ф. Р-6790, оп. 1, д. 5, л. 1-4; Ф.Р-6096, оп. 1, д. 8, л. 20-23.

были именно советскими. Отсюда – стремление убедить правительства разных стран в недолговечности большевистского режима, невозможности торговать с ним и так далее. Рапалльское соглашение для многих эмигрантов означало реальный провал этой политики, поскольку содержало в себе не только экономическую часть, но и официальное признание советского правительства. Это был один из важнейших шагов по разрушению царской дипломатической системы. В одном из отчетов НКВД за 1922 г. он оценивался так: «Передача нашему берлинскому полномочному представительству здания бывшего императорского посольства была знаменательна еще потому, что символизировала для белогвардейских кругов эмиграции полный крах их реакционных чаяний»¹⁷². В связи с передачей посольства, 16 июня 1922 г. церковь при посольстве в Берлине была передана немецкому МИД для дальнейшей передачи РСФСР¹⁷³.

Как и многие договора того времени, Рапалльский был важен не столько результатами (хотя и ими тоже), сколько самим фактом своего заключения. Как пишет эмигрант Александров, Генуэзская конференция хоть и не дала новых займов, но сам факт участия в ней советской делегации, прием ее итальянским королем, а затем Рапалльский договор значительно подняли авторитет большевиков и ослабили моральную сопротивляемость им в России¹⁷⁴.

Подписывая его, вряд ли политики сами рассчитывали на его «быстродействие». Как считал советский исследователь Л.К. Шкаренков, «Рапалльский договор нанес удар той части российской контрреволюции, которая рассчитывала на усиление в Германии национально-консервативных кругов»¹⁷⁵, подтверждая это записью из дневника фон Лампе, относящейся ко времени договора («нехорошее время наступило для нас»), что могло и не относиться непосредственно к Рапалло и его последствиям для эмиграции, ведь, как известно, особых препятствий и препон для деятельности эмиграции и после договора не было.

¹⁷² Цит. по: Абросимов П.А. 300 метров от бранденбургских ворот: Взгляд сквозь годы. М., 1983. С. 47.

¹⁷³ Передача русской церкви // Руль. 1922. 17 июня.

¹⁷⁴ Александров. Большевики, поднявшие меч от меча и погибнут. С. 41.

¹⁷⁵ Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. С. 42.

Рапалльский договор не касался Франции напрямую, тем не менее, как часть общеевропейской политики, безусловно, был с ней связан. Некоторые эмигранты, предполагали, что Германия подписала этот документ для того, чтобы, как указывал историк и публицист, член национального комитета Народно-монархической партии С.С. Ольденбург, «большевиками пугать Антанту – притом большевиками не как “мировой революцией”, а как “Россией”»¹⁷⁶. В.А. Маклаков отмечал, что европейская политика того времени была связана не столько с большевистским, сколько с германским вопросом, который был важен и для Франции. «Но пока отношения с Германией не установлены, то разрешение русского вопроса ей не только не нужно, но даже страшно, ибо это откроет дверь в Россию Германии»¹⁷⁷. Таким образом, Рапалльский договор, по мнению эмиграции, еще более осложнил международное положение Франции, затруднив ее отношения с Великобританией и с Германией.

Рапалльские соглашения привели к активизации попыток влияния русской эмиграции на международную политику стран, еще не признавших РСФСР, в целях его предотвращения, в том числе во Франции. Традиционными в этой борьбе были меморандумы. Например, РНК направлял их французскому правительству. В них обращалось внимание на сложное экономическое положение в России; на отказ немецких концессионеров от их использования в связи с отсутствием нормальных условий для их функционирования; на невозможность уплаты долгов по старым займам России¹⁷⁸.

В сентябре 1923 г., оценивая результаты договора, Е.В. Саблин писал, что он вызвал в московских правящих кругах энтузиазм, «но это длилось недолго. Разочарование началось, когда Чичерин на обратном пути из Генуи возбудил вопрос о кредитах. Выяснилось сразу же, что на кредиты в Германии рассчитывать нельзя. Осталась надежда на продажу концессий германским финансистам, и, действительно, сотни германских разведчиков устремились в Россию и были приняты там с великим почетом...»¹⁷⁹.

¹⁷⁶ Политическая история русской эмиграции 1920-1940 гг. ... С. 129.

¹⁷⁷ «Совершенно лично и доверительно!» Т. 2. С. 286.

¹⁷⁸ ГАРФ. Ф. Р-6096, оп. 1, д. 8.

¹⁷⁹ «Чему свидетели мы были...» Т. 2. С. 414.

Увидев, что договор не исполняется и не особенно влияет на жизнь эмиграции в Германии, русские периодические издания сменили пессимистический и даже несколько трагический тон публикаций на оптимистический¹⁸⁰. Однако многие эмигранты понимали, что Россия и Германия – давние союзники, результатами мировой войны и стараниями стран-победительниц они оттеснены от мировых рынков и колоний, поэтому должны развивать дружеские отношения. Хотя русское зарубежье не признавало договоров, подписанных большевиками, тем не менее, выделяло некоторые из них как целесообразные с точки зрения государственных интересов¹⁸¹.

В ряду неординарных событий во внешней политике, отмеченных эмиграцией во время конференции, были переговоры советских представителей с руководством католической церкви. В газете «Руль» эти «исключительно победные» отношения советских представителей с римской церковью назывались наибольшей неожиданностью Генуэзской конференции¹⁸².

5 мая 1922 г. РНК обратился в связи с этим событием с открытым письмом к Папе Римскому. В белградском отделении комитета было созвано собрание, где с докладами выступили Д.В. Зеньковский и Ф.В. Тарановский. Членов РНК волновало, неужели Ватикан хочет использовать беспомощное состояние России для своего прозелитизма и почему Папа договаривается с коммунистами, которые являются безбожниками. По этому вопросу РНК написал открытое письмо, которое разослал во множество религиозных и светских русских и иностранных организаций¹⁸³.

Подводя итоги Генуэзской конференции, большинство эмигрантов, несмотря на негативное отношение к участию советской делегации и к попыткам западных стран пойти на сближение с РСФСР, оценивали ее как безусловный политический успех советских представителей¹⁸⁴.

В.А. Маклаков писал: «Генуя, действительно, оказалась поворотным пунктом в развитии европейских отношений; пусть она

¹⁸⁰ См., например: Бесплодные усилия // Руль. 1922. 18 июня.

¹⁸¹ ГАРФ. Ф. Р-9145, оп. 1, д. 151.

¹⁸² Римская курия и Советская Россия // Руль. 1922. 9 мая..

¹⁸³ ГАРФ. Ф. Р-6096, оп. 1, д. 12, л. 1-3 об., 5-8 об.; Ф. Р-6079, оп. 1, д. 18, л. 13.

¹⁸⁴ См., например: Загорский С.О. Русский вопрос в Генуе и Гааге. С. 284.

не удалась, но тем характернее, что, несмотря на неудачу, начинается новая полоса. Новизна, во-первых, в том, что Европа признала советскую Россию и будет считаться только с нею; не смущайтесь тем, что большевики вернулись в Россию непризнанные *de jure* и не получив денег. Это преходящая неудача или, вернее, заслуженное предостережение: они взялись за дело не так, как следует. Но психологический Рубикон, который отделял Европу от большевизма, перейден»¹⁸⁵. Такое развитие событий, по его мнению, ставило под сомнение дальнейшую возможность анти-советского активизма. Он отмечал: «Были два года, которые были нам даны, чтобы овладеть Европой, и они были нами потеряны. Это время больше не вернется»¹⁸⁶.

Если с политической точки зрения конференция считалась эмигрантами победой и дипломатическим успехом большевиков, то с позиций экономических, да и практических в широком смысле этого слова, многие подчеркивали отсутствие результатов. Одни вопросы оказались совершенно не разрешимы, другие – например, о разоружении, были перенесены на Гаагскую конференцию.

В газете «Руль» конференция была оценена как безрезультатная с практической точки зрения: все заключенные Советской Россией договоры – формальны, являются лишь проектами будущих соглашений; задача восстановления хозяйственной жизни Европы была подменена другой – принятием советского строя в международное общение. Редакция газеты связывала это с тем, что отношение с советской властью иностранных государств строилось на двух заведомо ошибочных предпосылках: на том, что с советами вообще возможно соглашение и что советский строй поддается внешним влияниям и изменениям. Практическую значимость она видела лишь в Рапалло. В целом же, по мнению редакции, конференция послужила росту советского престижа, чем нанесла ущерб русской эмиграции¹⁸⁷.

Оценивая требования сторон, П.Н. Милюков считал, что они уже сами по себе заключали причину неудач конференции: тре-

¹⁸⁵ «Совершенно лично и доверительно!» Т. 2. С. 313.

¹⁸⁶ Там же. С. 314.

¹⁸⁷ Продолжение следует // Руль. 1922. 19 мая; Нис салта // Руль. 1922. 30 мая; Наперекор здравому смыслу // Руль. 1922. 21 июня.

бовали от России публичного признания долгов и обязательств, восполнения ущерба, восстановление системы производства и в то же время декларировали принцип невмешательства в экономическую жизнь других стран. Среди прочих причин неудач конференции он назвал: изменение позиции Великобритании; отсутствие единства внутри как западных делегаций, так и советского представительства; изменение стратегии последнего в связи с поступлением из Москвы инструкции, предписывающей отстаивать свои позиции¹⁸⁸. С этим соглашался и другой эмигрант, Л.М. Неманов, указывая, что 1 мая большевики внезапно «переменяли фронт». Это был день, когда была получена инструкция от В.И. Ленина о необходимости прекращения уступок. Именно тогда, как отмечал журналист, стало ясно, что из конференции ничего не выйдет¹⁸⁹.

Член РНК Ю. Семенов, оценивая конференцию, считал, что ее завершение с полным правом можно назвать антибольшевистским – был достигнут не мир, как того желали Советы, а лишь перемирие¹⁹⁰. Меньшевик П. Гарви полагал, что она кончилась ничем, «но в последнюю минуту Красной дипломатии удалось использовать критическое положение Германии и заключить договор в Рапалло», что и явилось единственным реальным результатом¹⁹¹. В газете «За свободу» в качестве одного из последствий срыва Генуэзской конференции назывался рост большевистской агитации, которая «использует старые-престарые мотивы о «жадности» империалистических акул»¹⁹².

Некоторые эмигранты ждали от Генуэзской конференции «рождения демократической России» за счет приобщения ее в лоно европейских держав. Как известно, этого не произошло. Однако, по точному замечанию публициста В. Даватца, после Генуи каждое новое признание Советской России стало совершаться буднично и перестало вызывать у эмиграции резкое неприятие¹⁹³.

¹⁸⁸ Миллюков П.Н. Россия на переломе. Т. 1. С. 299-302.

¹⁸⁹ Неманов Л.М. За кулисами Генуи // Руль. 1922. 21 мая.

¹⁹⁰ ГАРФ. Ф. Р-6096, оп. 2, д. 2. л. 1.

¹⁹¹ Гарви П. Закат большевизма. Рига, 1928. С. 14.

¹⁹² За свободу. 1922. 17 марта.

¹⁹³ Даватц В. Годы: Очерки пятилетней борьбы. Белград: Русская типография, 1926. С. 161.

Как видим, эмигранты довольно объективно оценивали результаты конференции, отмечая ее «плюсы» и «минусы» и вполне осознавая, что для Советской России она стала еще одним шагом к ее юридическому признанию на международной арене. В.А. Маклаков и Б.А. Бахметев писали, что для европейских стран (за исключением Германии и Ватикана), а прежде всего для Великобритании и ее союза с Францией, она явилась провалом и позором; большевики же выступили на ней как патриоты, защитники интересов России и имели громадный успех, даже не используя все возможности, которые им предоставила Генуя¹⁹⁴.

Поскольку большинство вопросов на Генуэзской конференции так и остались неразрешенными, их обсуждение было продолжено в Гааге, где с 15 июня по 20 июля 1922 г. состоялась конференция. Информационные сообщения и сводки штаба главнокомандующего русской армией Врангеля сообщали накануне конференции, что она открывается при обстоятельствах, неизмеримо менее благоприятных для советской власти, чем в Генуе, поскольку западные страны увидели на деле «выполнение» Советами обязательств¹⁹⁵. Этим эмиграция объясняла более жесткие требования, которые западные страны предъявили РСФСР¹⁹⁶, и изменение протокола приема советской делегации¹⁹⁷.

В отличие от предыдущих конференций, эмигранты сделали упор не на меморандумах, а на информационных материалах. РНК составил записку для членов конференции, а также собрал и предоставил им материалы «О состоянии урожая в России на 1 июля 1922 г.» и «О положении промышленности в июне 1922 г.» с соответствующими выводами о нежелательности предоставления РСФСР материальной помощи и кредитов¹⁹⁸.

Как считали эмигранты, конференция еще раз подтвердила точку зрения правительства США, что решение международной экономической проблемы заключается не в России¹⁹⁹.

По мнению аналитиков газеты «Руль», неудачи в Генуе и Гааге заставили советскую власть временно отказаться от попы-

¹⁹⁴ См. подробнее: «Совершенно лично и доверительно!» Т. 2. С. 265-267, 282-290.

¹⁹⁵ ГАРФ. Ф. Р-7518, оп. 1, д. 7, л. 136.

¹⁹⁶ Загорский С.О. Русский вопрос в Генуе и Гааге. С. 284.

¹⁹⁷ ГАРФ. Ф. Р-5680, оп. 1, д. 23, л. 18.

¹⁹⁸ Там же, л. 5-6, 19, 26-29.

¹⁹⁹ Загорский С.О. Русский вопрос в Генуе и Гааге. С. 289.

ток дипломатической борьбы с буржуазными правительствами, от стремления заменить ее усиленной пропагандой в промышленности и торговых сферах и перейти к заключению договоров с частными фирмами²⁰⁰. Еще одним результатом этой конференции П.Н. Милюков считал окончательную победу в советской международной политике непримиримого течения, что проявилось, по его мнению, в смене главы советской делегации: вместо интеллигентного культурного Г.В. Чичерина встал неотесанный М.М. Литвинов, использовавший методы наглости и напористости²⁰¹.

И если в начале конференции эмигранты были обеспокоены, то уже к ее концу с удовлетворением отмечали единодушие западных участников в решении вопроса о невозможности соглашения с большевиками²⁰². Гаагскую конференцию русское зарубежье сочло международным провалом советской власти²⁰³.

В выступлениях, статьях эмигрантов чаще подводится итог сразу двух вышеназванных конференций – Генуэзской и Гаагской как тесно взаимосвязанных, решавших одни и те же задачи. Как считает немецкий исследователь К. Шлэгель, «Гаагская и Генуэзская конференции разрушили у эмигрантов чувство безопасности: быть эмигрантом стало не престижно»²⁰⁴. Это не совсем верно, на наш взгляд. Сам факт конференций с участием советской делегации и рассматривавшиеся на них вопросы, безусловно, настораживали и даже пугали эмигрантов, однако, реальные результаты успокаивали и вселяли надежды. Поэтому после конференций эмигранты не прекратили соответствующей «обработки» европейского общественного мнения, продолжая засыпать своими меморандумами и записками иностранные правительства и организации, убеждать их представителей при личных встречах, публикуя соответствующие материалы в периодике²⁰⁵. Русское зарубежье старалось доказать иностранным державам, что не-

²⁰⁰ Красин и иностранная промышленность // Руль. 1922. 15 сентября.

²⁰¹ Милюков П.Н. Россия на переломе Т.1. С. 304.

²⁰² См., например: Загорский С.О. Русский вопрос в Генуе и Гааге. С.284.

²⁰³ Милюков П.Н. Россия на переломе. Т.1. С. 302.

²⁰⁴ Шлэгель К. Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918-1945) / Пер. с немецкого Л. Лисюткиной. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 191-192.

²⁰⁵ Меморандум представителей русских банков в Париже о восстановлении экономических сношений с Советской Россией. // Новое Время. 1923. 2 января.

смотря на НЭП, работать в РСФСР и с РСФСР невозможно. Советский исследователь, современник событий М. Горбунов считал, что после Генуэзской и Гаагской конференций промышленная эмиграция прибегла к новой тактике²⁰⁶. Под этим подразумевается перенос ее внимания и активности с правительств на отдельные крупные капиталистические организации.

Постепенно отношение к СССР стран Запада меняется. Осознавая неизбежность происходящего, корректирует свои взгляды и русское зарубежье. Однако по мере того, как проявляется неспособность выполнения советским правительством своих обязательств перед западными партнерами, эмигранты вновь обретают надежду на смену международной политики в «своих интересах».

Эмиграция достаточно трезво смотрела на жизнь и понимала, что в политике иностранных государств присутствует и далеко идущий прагматизм: «под видом сношений с советской властью происходит занятие выгодных позиций по отношению к будущей подлинной России»²⁰⁷.

Эти взгляды подтвердились на Лозаннской конференции (20 ноября 1922 г. – 24 июля 1923 г.) по ближневосточным вопросам, на которой поднимался вопрос о черноморских проливах. Были приглашены представители РСФСР без предоставления им статуса равноправных участников. Один из авторов газеты «Руль» злорадствовал по этому поводу: «Сколько они ни старались и ни требовали, как ни были связаны с ангорским правительством, им не удалось попасть на саму конференцию»²⁰⁸. В том, что большевики были допущены только на заседание комиссии в урезанном статусе советской делегации, он увидел решение странами-участницами двух задач: «Открывалась для турок спокойная возможность идти на конференцию без нарушения договора с советами, и вместе с тем, устранялись советы от равноправного участия в европейской жизни»²⁰⁹.

Еще накануне Лозанны Н.В. Савич писал, что многое будет зависеть от позиции советской делегации, и в частности

²⁰⁶ Горбунов М. Торгово-промышленная эмиграция и ее идеология С. 122.

²⁰⁷ Мнимые победы // Руль. 1922. 25 ноября.

²⁰⁸ Международные победы // Руль. 1922. 7 декабря.

²⁰⁹ Там же.

Г.В. Чичерина, «ибо если он продаст Россию и пойдет на турецкую ловушку, русские интересы будут поражены в самое сердце, мы вернемся к положению худшему, чем после Крымской войны»²¹⁰. Советская делегация предлагала как в мирное, так и в военное время закрыть Дарданеллы и Босфор для военных и вооруженных судов, а также военной авиации всех стран, кроме Турции. Интересно, что Национальный Комитет встал в этом вопросе на советскую точку зрения, составив в адрес конференции соответствующую записку, которую до сведения участников должен был довести член РНК М.М. Федоров, посланный для этого в Лозанну²¹¹.

Английская делегация настаивала на свободном прохождении военных судов всех стран, с чем согласились остальные участники конференции, приняв соответствующую конвенцию о режиме проливов, к чему советская делегация даже не была допущена.

Лозаннскую конференцию, с точки зрения отстаивания российских и советских интересов, эмигранты считали полным провалом. Пожалуй, это была первая конференция, которая оценивалась эмигрантской прессой не с точки зрения отношения к большевикам и советской политике, а именно с международных позиций. В газете «Руль», например, указывалось на осложнение отношений Г.В. Чичерина во время конференции с английскими, американскими, турецкими и другими представителями: «Тут уже пошли серьезные, настоящие политические сношения и комбинации»²¹². Отмечалось, что единственные, для кого большевики представляли значение, — это турки, которые могли использовать их как козырь в политической борьбе, то есть большевики могли оказаться орудием чужой политики²¹³; критиковалась позиция Г.В. Чичерина, поскольку «он требовал для турок больше, чем они хотели сами»²¹⁴.

Еще накануне конференции РНК командировал на нее М.М. Федорова и Ю.Ф. Семенова. Изначально их целью были не внешнеполитические демарши, а отстаивание интересов русских

²¹⁰ ДРЗ. Ф. 7, оп. 1, ед. хр. 3, л. 47.

²¹¹ Там же.

²¹² Лозаннский провал // Руль. 1922. 12 декабря.

²¹³ Международные победы // Руль. 1922. 7 декабря.

²¹⁴ Лозаннский провал // Руль. 1922. 12 декабря.

эмигрантов в Турции. Комитет выпустил меморандум²¹⁵. Однако, узнав, что в Лозанну приглашены большевики, представители РНК уже не могли ограничиться только эмигрантскими вопросами. Основными тезисами, на которых они сконцентрировали свое внимание, пытаясь влиять на участников конференции, стали следующие: большевики – не представители России, советское правительство не есть русское правительство; вопрос о проливах лучше решить после падения власти большевиков; для советской делегации выгоден любой исход конференции, либо подъем их престижа в кемалистской Турции, либо получение посольства в Константинополе²¹⁶. Прямым следствием Лозаннского договора явилось закрытие в Константинополе русской временной дипломатической миссии и консульской части при ней.

П.Н. Милюков, оценивая эту конференцию, отмечал, что ею был подведен «унизительный итог падения международного престижа России при советской власти»²¹⁷. Вместе с тем он писал, что именно с этого времени (1922–1923 гг.) вопрос о признании России был фактически решен²¹⁸.

Подводя итоги 1922 г., корреспондент газеты «Руль» сообщал: «Довольно распространено ... мнение о необычайных успехах [большевиков] на международном поприще, нельзя, однако, не признать, что это мнение не столько свидетельствует о дипломатических талантах властителей России, сколько о тех низких требованиях, которые к ним предъявляются ... С советским правительством завели сношения, поскольку это было или казалось выгодным державам для подготовки внедрения в Россию. В этих сношениях советское правительство, на все готовое во имя своего внутреннего положения, является орудием не выступлений России за границы, а выступлением «заграницы» в России. Правда, и эту свою функцию оно исполняет плохо, ибо связанное своим происхождением и назначением, своим составом и положением, своей устойчивостью в насилии и бессилием в создании, обреченное держаться на развале – оно в сущности так же мало в силах оказаться подчиненным орудием в руках держав, как не спо-

²¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-6096, оп. 1, д. 7, л. 1-6 об.

²¹⁶ Там же, д. 9, л. 1-2 об.

²¹⁷ Милюков П.Н. Россия на переломе. Т. 1. С. 308.

²¹⁸ Там же. С. 332.

собно и само вести какую-либо строительную работу. Из этого парадоксального положения – желания использовать в качестве орудия своих интересов правительство неспособное быть дельным орудием – и происходит половинчатость и двусмысленность в отношении иностранцев к большевистской власти»²¹⁹.

Если 1921 г. казался многим эмигрантам дипломатической победой Советов, поскольку они смогли заинтересовать западные страны экономическими перспективами, то 1922 г. не все оценивали так однозначно. Это было связано со следующими причинами: отрицательные результаты британско-советского договора; безрезультатность (с практической точки зрения) для большевиков Генуэзской и провал Гаагской конференций; неудачи советской дипломатии в Швеции и Италии; отказ утверждения Урквартовской концессии и проблемы немецких концессий в Советской России. Это, по мнению эмигрантов, должно было убедить западные страны, что с советским правительством нельзя вести торговлю и заключать экономические договоры, что оно лишь стремится получить международный кредит, причем без гарантий, то есть экономическая причина сотрудничества западных стран с РСФСР – несостоятельна²²⁰. Так виделись русскому зарубежью результаты советской внешней политики 1922 г.

Оставались, как считали эмигранты, еще две причины: политическая и военная. Первая, по их мнению, исходила из геополитического подхода Запада: Россия – 1/6 часть суши, и без нее не может существовать современная политика, а поскольку нынешнее правительство единственное и правит уже 6 лет, то надо общаться с ним, к тому же, учитывая его эволюцию в международной политике в сторону традиционной российской дипломатии²²¹. Относительно военной составляющей эмигранты отмечали, что «призрак» Красной Армии периодически пугал западные страны, несмотря на то, что она не могла двинуться на Запад, поскольку не было национальной идеи, экономическая и финансовая жизнь страны была разрушена, а сама армия была слаба^{*222}.

²¹⁹ Международные победы // Руль. 1922. 7 декабря.

²²⁰ ГАРФ. Ф. Р-6096, оп. 1, д. 8, л. 1-2.

²²¹ Там же, л. 5-6.

* О слабости Красной армии писали в основном гражданские, в то время как военные аналитики отзывались о ней весьма лестно (См. подробнее: Урядова А.В. Эмиграция о Красной Армии // Военно-исторический журнал. 2009. №10. С. 70-72; Урядова А.В. Го-

Таким образом, несмотря на то, что достижения советского правительства эмиграция считала ошеломляющими успехами, тем не менее, анализируя реализацию международных договоров на практике, отмечала, что вскоре эти они приведут к прямо противоположному результату, если не к разрыву уже заключенных соглашений, то, по крайней мере, к отсутствию новых. Даже к концу 1922 г. эмиграция не верила, что большевики смогут добиться дипломатического признания²²³.

3.3. Эмиграция о внешнеполитических успехах СССР середины 1920-х гг.

1923 г. был менее насыщен международными событиями, в которые была вовлечена РСФСР, но он явился предтечей больших перемен.

В начале 1923 г. Н.В. Савич отмечал влияние Германии на СССР и ее желание развязать войну с Польшей. В ВКП (б) же не все сторонники этого, поэтому, как считал автор, немцы попытаются «отделаться» от тех коммунистов, кто мешает этому. Он считал, что сделать это будет несложно, поскольку партия разложилась, в ней происходит обострение борьбы между двумя группами, которые можно примирить только на время войной. «Левые считают войну единственным средством внести революцию в среду соседей. Поэтому в случае, если главари Советов уклонятся от войны на Западе, у них произойдет столкновение со своими ... товарищами»²²⁴. Характеризуя размежевания партии по международным вопросам, через полгода, он писал: «Вообще все правое крыло большевиков с Троцким и Зиновьевым во главе – германофилы, как и все вообще евреи ... Не еврейские коммунисты франкофилы во главе с Чичериным ...»²²⁵.

Весной 1923 г. эмигранты с удовлетворением отметили ухудшение британско-советских отношений, в том числе и в связи с большевистской революционной пропагандой в Индии, Ира-

товый механизм для управления: эмигранты о Красной армии // Родина. 2011. №2. С. 137-139).

²²² ГАРФ. Ф. Р-6096, оп. 1, д. 8, л. 5.

²²³ См., например: Признаки времени // Дни. 1922. 31 декабря.

²²⁴ ДРЗ. Ф. 7, оп. 1, ед. хр. 3, л. 66.

²²⁵ Там же, л. 91 об.-92.

не, Афганистане, то есть в зоне интересов Великобритании. Эмигранты видели, что Советы стремятся к распространению коммунизма в других странах систематически, любыми путями. Е.В. Саблин оценивал результаты такой политики как неудовлетворительные для СССР, чем и обосновывал возобновление поиска им союзников в Европе²²⁶.

Осенью 1923 г. за рубежом началось обсуждение вопроса о дипломатическом признании СССР Великобританией, его плюсы и минусы, возможные последствия. Первым в сентябре 1923 г. его поднял пражский левоэсеровский журнал «Воля России». М. Слоним считал, что эсерам необходимо поддержать этот акт, поскольку он будет служить гарантией против интервенции²²⁷, что, на наш взгляд, не являлось главным. Историк Ю. Суомела считает, что такая позиция использовалась эсерами для противопоставления себя остальной эмиграции²²⁸. Точка зрения М. Слонима была весьма оригинальна: признание ни в коей мере не упрочит авторитета большевиков, а, напротив, уравнивает их в глазах народа с другими людьми, то есть снизит их почитание и страх перед ними²²⁹. Кроме того, СССР и Великобритания, по его мнению, получали в результате договора экономические выгоды²³⁰.

В 1923 г. в этот спор о признании включились лишь меньшевики. Они полагали, что все социалисты должны желать советскому строю только лучшего, а что могло быть лучше прекращения дипломатической изоляции? По мнению авторов «Социалистического вестника», дипломатическое признание СССР было бы «победой всех трудящихся»²³¹. Редакция журнала «Воля России» сочла такую позицию пафосом²³².

Основная же дискуссия по вопросу о признании СССР (начала Великобританией, а затем и другими странами) развернулась уже в 1924 г., и здесь тон задавала берлинская газета «Руль».

²²⁶ «Чему свидетели мы были...» Т. 2. С. 413-414.

²²⁷ См., например: Слоним М. Спор о признании // Воля России. 1923. № 9. С. 51-52.

²²⁸ Суомела Ю. Указ. соч. С. 169.

²²⁹ Слоним М. Спор о признании // Воля России. 1923. № 9. С. 54.

²³⁰ Там же. С. 53.

²³¹ Историческая победа // Социалистический вестник. 1923. № 23-24. С. 2.

²³² Лебедь. Возобновление дипломатических сношений с Россией // Воля России. 1924. №3. С. 65.

Одно из направлений международной политики, на котором сосредоточили свое внимание эмигранты в 1923 г., – советско-французское. Они всеми силами пытались не допустить заключения договора между Францией и СССР. Традиционными в этой борьбе были меморандумы²³³.

Торгово-Промышленный Союз старался выработать какую-нибудь программу совместной работы с французским правительством против СССР. Его члены понимали, что, помимо собственных, интересы Франции заключались и в том, чтобы не допустить усиления Германии за счет торговли с Советским Союзом. Было решено предложить немцам сближение с Францией и некоторые уступки взамен их «интервенции» в России. «План, конечно, глупый», по более поздней (1929 г.) оценке русского зарубежья, но все-таки попытка была сделана. Как считали сами эмигранты, провалилась она из-за выборов 1924 г. во Франции, когда премьер-министром стал Э. Эррио²³⁴.

Подводя итог советской внешней политике за прошедший период, Е.В. Саблин в сентябре 1923 г. отмечал, что она «отличается большой эластичностью и применимостью к обстоятельствам»²³⁵. Он считал международное положение прочным, несмотря на отсутствие официального признания СССР, поскольку «в области международных отношений коммунисты сумели поддержать репутацию российских дипломатов и, невзирая на внутренний упадок, сумели полностью использовать свои козыри в международных отношениях»²³⁶. И в то же время он полагал, что «Коммунистическая партия прекрасно сознает опасность положения» и приложит все усилия, «чтобы добиться удовлетворительного соглашения с западными державами, в особенности с Англией, чтобы получить... материальную поддержку и упрочить положение московского правительства»²³⁷.

1924 год нередко называют годом дипломатических признаний СССР. Советский Союз установил дипломатические отношения с Францией, Великобританией, Италией, Австрией, Грецией, Норвегией, Швецией, Данией, Мексикой, Китаем.

²³³ ГАРФ. Ф. Р-6096, оп. 1, д. 8

²³⁴ Политическая история русской эмиграции 1920-1940 гг. ... С. 145.

²³⁵ «Чему свидетели мы были...» Т. 2. С. 415.

²³⁶ Там же. С. 415.

²³⁷ «Чему свидетели мы были...» Т. 2. С. 422.

Наиболее реалистичные взгляды относительно дальнейшего развития международной ситуации были у русского дипломатического корпуса. Они базировались не только на опыте и интуиции, но и на соответствующей информации. Так, в одном из писем в конце 1923 г. М.Н. Гирсу И.Н. Ефремов^{*} сообщал о сведениях, полученных от чешского посланника Флидера, о том, что дело идет к юридическому признанию советского правительства Великобританией и Италией, за которыми последуют и другие державы²³⁸.

Не все в эмиграции были такими реалистами. Газета «Руль» писала, что если эмиграция выработает единую точку зрения относительно признания, то европейские страны прислушаются к ней²³⁹. Но иллюзии со временем изживались. Эмиграция постепенно стала осознавать, что правительствами и политиками движут не моральные начала, а собственные интересы.

В русском зарубежье были как противники, так и сторонники признания СССР. Основная аргументация обеих сторон была в целом аналогична периоду торговых соглашений (1921–1922 гг.). Противники видели в них моральную и дипломатическую победу большевиков, незаконные акты незаконного правительства, еще один шаг к укреплению советского режима, возможность развития экономической иностранной экспансии в России²⁴⁰. Они полагали, что эмиграция всячески должна препятствовать признанию²⁴¹.

Поддерживала эту точку зрения редакция «Последних новостей». Она вступила в активную полемику с А.В. Пешехоновым, Беркенгеймом и другими, имея на своей стороне Н.Д. Авксентьева и условно С.Н. Прокоповича^{**} и С.О. Загорского²⁴². В некото-

^{*} Документ не подписан, но анализ текста и его сопоставление с другими письмами И.Н. Ефремова позволяет установить авторство.

²³⁸ ГАРФ. Ф. Р-5760, оп. 1, д.50, л. 13.

²³⁹ Дискуссия о признании // Руль. 1924. 19 января.

²⁴⁰ Ключи к России // Дни. 1924. 6 марта.

²⁴¹ Русские о признании в клубе Русского Дома // Руль. 1924. 10 февраля.

^{**} Условно, поскольку, например тот же С.Н. Прокопович подчеркивал, что надо поддерживать всякое выступление советской власти на международной арене, которое направлено на пользу России и в защиту ее интересов и суверенитета (См.: Кочубей О.И. Печерица В.Ф. Исход и возвращение ... Русская эмиграция в Китае в 20-40-е гг. Владивосток, 1998. С. 109).

²⁴² Милюков П.Н. Десять лет // Юбилейный сборник «Последних новостей». С. 17-18.

рых из них жила надежда, что, убедившись в невыполнении советской властью обещаний, опасности советского строя для западных держав, они в будущем примут радикальные меры к ее уничтожению²⁴³.

Однако в 1925 г. П.Н. Милюков публично признал, что «есть случаи, в которых советское правительство представляет Россию, - например, в некоторых случаях внешней политики»²⁴⁴, полагая, что в международных вопросах советская власть отстаивает общенациональные и государственные интересы России вообще. Эта позиция отразилась и на страницах газеты «Последние новости».

Редакция газеты «За свободу» не верила, что признание может изменить участь большевиков. Ее члены были обеспокоены тем, что оно вносит «соблазн в души маловерных, утомленных и безвольных» эмигрантов, которым «дальнейшая борьба с большевиками начинает казаться бесцельной и невозможной»²⁴⁵.

Евразийцы были против контактов, тем более признания СССР Западом, но лишь потому, что опасались ослабления России как могущественной державы под влиянием экономического, а затем и политического засилья иностранного капитала. Раскол, произошедший в этом течении, был связан, в том числе и с этим вопросом. Статья П.Н. Савицкого «Газета «Евразия» не есть евразийский орган» критикует вышеупомянутую газету за ее поддержку признания СССР²⁴⁶.

Среди сторонников признания не обязательно были те, кто поддерживал советскую власть. Некоторые считали, что развитие советской внешней торговли даст народу большую свободу, что в свою очередь может привести к бунту против правительства²⁴⁷.

В борьбе за дипломатическое признание, за предотвращение военной интервенции и за восстановление экономических связей с другими странами РСДРП оказывала в полной мере поддержку советской власти. Как полагали меньшевики, эти три вопроса бы-

²⁴³ См., например: Арцыбашев М.П. С чертом или без него // За свободу! 1925. 12 сентября.

²⁴⁴ Последние новости. 1925. 23 августа.

²⁴⁵ От редакции // За свободу! 1924. 29 апреля.

²⁴⁶ Политическая история русской эмиграции 1920-1940 гг. ... С. 278.

²⁴⁷ См., например: Русские о признании в клубе Русского Дома // Руль. 1924. 10 февраля.

ли тесно связаны между собой, потому что решение их должно было определить, получит ли русский народ мир после семи лет непрерывных войн и как скоро будет найден выход из экономического тупика²⁴⁸. Они присоединились к решению гамбургского съезда III Интернационала в пользу признания. Журнал «Социалистический вестник» писал, что «признание означало бы укрепление капитализма» в России, что должно было ускорить начало «настоящей» марксистской революции в СССР. По мнению меньшевиков, дипломатическое признание Советского Союза было частью процесса эволюции большевистского режима²⁴⁹. П.Б. Аксельрод считал, что оно должно быть дано советскому правительству при выполнении им определенных требований²⁵⁰.

Интересна точка зрения А.Ф. Керенского относительно признания: он никогда не был «за», но и не вел борьбу «против». Сам он писал об этом: «С самого начала острых споров вокруг этого вопроса, я считал акт формального признания большевиков Европой событием скорее внутренней политики иностранных государств, безразличным для развития политики внутри самой России»²⁵¹. Он объяснял это следующим образом: «Какие два главные довода выставляются обычно против признания? Усиление пропаганды и отказ большевиков платить старые долги. Но разве здесь интересы России сходятся с интересами иностранцев? Отнюдь»²⁵².

Начавшаяся череда признаний вызвала оживленную дискуссию в эмиграции, причем мнения разошлись не только у представителей разных политических направлений, но и внутри некоторых партий. Например, разошлись точки зрения эсеров по этому вопросу: левые эсеры и «Воля России» поддержали признание, правые – клеймили его²⁵³, и те и другие считали, что вопрос признания касается исключительно иностранцев²⁵⁴.

²⁴⁸ Волин С. Меньшевизм в первые годы НЭПа // Меньшевики после Октябрьской революции ... С. 142.

²⁴⁹ Дан Ф. После признаний // Социалистический вестник. 1924. №3. С. 2.

²⁵⁰ Волин С. Меньшевизм в первые годы НЭПа // Меньшевики после Октябрьской революции ... С.144.

²⁵¹ Керенский А. За признание Сталина Англией // Дни. 1929. 15 декабря. №67. С. 1-2.

²⁵² Там же.

²⁵³ Суомела Ю. Указ. соч. С. 171

²⁵⁴ Милюков П.Н. Десять лет // Юбилейный сборник «Последних новостей». С. 17.

Эмигранты боялись не только ухудшения своего положения в стране пребывания, но и реальных репрессий со стороны советских дипломатических представителей, насильственной репатриации²⁵⁵. Некоторые опасения подтвердились. Как правило, признание СССР приводило к тому, что миссия, консульство или другие русские дипломатические образования на территории данной страны закрывались совсем или преобразовывались в общественную организацию, занимающуюся помощью эмигрантам. Большевикам передавались не только здания самого посольства и диппредставительств, но нередко и церкви, окормлявшие русскую паству, причем не обязательно находившиеся при посольстве. Известны даже судебные дела по имущественному вопросу, потребовавшему высочайшего вмешательства (особ королевской крови)²⁵⁶, хотя были и ситуации, решавшиеся простой договоренностью²⁵⁷.

Наиболее ощутимые последствия наблюдались в Китае (аресты русских эмигрантов, их выдача китайскими чиновниками советским представителям, увольнение граждан, не состоявших на «советской» службе)²⁵⁸. В случае признания и передачи зданий возникал вопрос о перевозе и хранении архива. Немаловажной являлась и проблема денег, находящихся на посольских счетах, практиковалось их переводение на частные счета лиц, которым доверяли (например, В.А. Маклакова). Еще накануне периода признаний эмиграция активно обсуждала и проблему русской армии²⁵⁹, поскольку было件нятно, что в прежнем виде она существовать не сможет, ее распыление или окончательный роспуск русское зарубежье не устраивали. Резидент Иностранного отдела ОГПУ в связи с предстоящим признанием Францией СССР отме-

²⁵⁵ См., например: Подалко П. Э. Семь лет в «Посольстве без правительства». Русское посольство в Токио в 1918-1924 гг. Б.м., [2000], [Оттиск изд. Japanese Slavic and East European studies. Vol.21. 2000.] С. 36-37

²⁵⁶ ДРЗ. Ф.2. оп.2. картон № 4. ед. хр. Л. 33, 36.

²⁵⁷ См., например: Протокол беседы епископа Серафима Лубенского и представителей русских общественных организаций в Болгарии с российским дипломатическим представителем в Болгарии А.М. Петряевым. 16.12.22 // Очерки антибольшевистской эмиграции. Вып. 4. С. 23.

²⁵⁸ См. подробнее: Владимиров В. На Дальнем Востоке // Иллюстрированная Россия. 1924. №7. С. 9; Печерица В.Ф. Восточная ветвь русской эмиграции. Владивосток: ДВГУ, 1994. С. 19-21.

²⁵⁹ См., например: Русская военная эмиграция 20-40-х годов XX в. Т. 4. С. 371-372.

чал, что оно вызывало большое беспокойство кадетов и вообще левых, в отличие от монархистов. Он объяснял это следующим образом: отношения последних к посольству всегда отличались враждебностью, его упразднение только им на руку, они надеются, что это будет способствовать возвышению их собственного престижа и значения в глазах французов, поэтому саботируют формирование органа, призванного заменить посольство²⁶⁰.

Дипломатическое признание СССР в 1924 г. Великобританией вызвало особый всплеск публикаций и дискуссий в среде русской эмиграции. Как законодательница «дипломатической европейской моды», как одна из активных участниц Первой мировой войны, эта страна показывала своим шагом пример остальным. На страницах газеты «Руль» высказывалось опасение, что скоро все европейские страны признают советское правительство для того, чтобы заполучить природные богатства СССР²⁶¹.

Условия дипломатического признания были выдвинуты Великобританией 1 февраля 1924 г., через неделю СССР принял их. Начались переговоры между странами и между русскими эмигрантами и английскими представителями. СССР было передано бывшее русское посольство, что имело политическое значение для Советского Союза²⁶².

Начальники русского департамента министерства иностранных дел и иностранного отдела министерства внутренних дел Великобритании заверили бывшего русского посланника в Великобритании Е.В. Саблина, что отношение лично к нему не изменится, он будет вхож в эти заведения. Относительно признания отметили, «что дарование признания отнюдь не является синонимом установления нормальных отношений, и никто не делает себе никаких иллюзий относительно тех затруднений, которые встанут перед договаривающимися сторонами, как только они примутся за эту трудную задачу»²⁶³. Они заверили, что интересы русской эмиграции не пострадают, хотя допускали возможность определенных выпадов против нее со стороны советских дипломатов²⁶⁴. Е.В. Саблин пообещал, что русская эмиграция не позволит себе

²⁶⁰ Русская военная эмиграция 20-40-х годов XX в. Т. 4. С. 445-446, 449

²⁶¹ Признания и поход // Руль. 1924. 5 февраля.

²⁶² Майский И.М. Воспоминания советского дипломата. 1925-1945 гг. М., 1987. С. 11

²⁶³ «Чему свидетели мы были...» Кн. 2. С. 423.

²⁶⁴ ГАРФ. Ф. Р-5760, оп. 1, д. 5, л. 37-37 об..

критику действий правительства Великобритании, в данном случае – акта признания советской власти, но в то же время не признает его обязательным для себя²⁶⁵.

11 февраля 1924 г. Е.В. Саблин созвал совещание председателей русских общественных организаций, находящихся в Англии, на котором зачитал ноты советского правительства Великобритании. Он ознакомил участников с содержанием своего разговора с английскими представителями²⁶⁶ и призвал проявить единодушие в вопросе непризнания.

Для некоторых русских, проживавших за границей, признание СССР Великобританией явилось еще одним свидетельством, что от Европы бессмысленно ждать помощи делу борьбы с большевиками²⁶⁷. Бессилие эмиграции в вопросе противостояния советской международной политике имело важное значение для большевиков и всячески подчеркивалось ими в печати²⁶⁸.

На страницах газеты «Руль» было выделено два главных фактора, существенных для Великобритании: «желание социалистов и радикальной интеллигенции считать советское государство представителем всяческого прогресса» и желание поживиться за счет России²⁶⁹. Экономические интересы и выгоды, которые стремилась получить Великобритания, сравнивали с немецкими (после Рапалло). Финансовые выгоды советского правительства русское зарубежье оценивало скептически, поскольку было уверено, что больших сумм англичане не дадут, и призывало не преувеличивать значения займа²⁷⁰.

Британское правительство акцентировало внимание на экономических выгодах договора, затеяв вопрос о признании. По сведениям бывшего русского посланника в Швейцарии, полученным от чешских коллег, министр иностранных дел Чехословакии Э. Бенеш подал Д. Макдональду мысль подчеркнуть, «что признается советское правительство, а не советская Россия ... Признанием только советского правительства оставлен будто бы от-

²⁶⁵ «Чему свидетели мы были...» Кн. 2. С. 424-425.

²⁶⁶ ГАРФ. Ф. Р-5760, оп. 1, д. 5, л. 37.

²⁶⁷ Питерский А. Большевики и Англия (от нашего лондонского корреспондента) // Русь. 1924. 19 августа.

²⁶⁸ См., например: Еще о признании // Правда. 1924. 1 января.

²⁶⁹ Переворот фронта // Руль. 1924. 8 ноября.

²⁷⁰ Напрасная тревога // Руль. 1924. 9 января.

крытым, по мнению Бенеша, вопрос о русско-польских границах и вообще о территориальных пределах будущей России»²⁷¹. Это способствовало появлению иллюзии в среде русской эмиграции, что признание вроде как и не совсем признание. Реалисты же убеждали, что СССР нельзя признавать наполовину, его можно или признать, или отвергнуть²⁷². Были в русском зарубежье и те, кто считал этот договор «пустышкой», хоть и отмечал его вредный психологический эффект²⁷³.

В феврале 1924 г. Италия установила дипломатические отношения с СССР. Муссолини назвал это сотрудничество с СССР «браком по расчету», на что русский сатирик Лери откликнулся эпиграммой²⁷⁴. В отличие от Великобритании здесь передача зданий посольства советским представителям проходила тяжело²⁷⁵, начался передел церковной собственности²⁷⁶. По этому вопросу митрополит Антоний (Храповицкий) даже обращался к Великому Князю Николаю Николаевичу, прося того ходатайствовать о защите русского прихода в Бари перед итальянским королем²⁷⁷. Пытаясь повлиять на итальянское правительство, русские дипломатические представители встречались с ее дипломатами в других странах, живописуя им все ужасы положения в СССР²⁷⁸.

Вслед за Великобританией и Италией, СССР был признан Норвегией, Швецией, Данией, Австрией, Грецией, Мексикой. В мае 1924 г. были установлены дипломатические и консульские отношения с Китаем. Были аннулированы все документы и договоры, заключенные царским правительством с Китаем или относительно него, СССР отказался от прав экстерриториальности и привилегий в отношении КВЖД, она была объявлена совместным коммерческим предприятием. Советско-китайские соглаше-

²⁷¹ ГАРФ. Ф. Р-5760, оп.1, д. 18, л. 38.

²⁷² Питерский А. Признание большевиков // Русь. 1924. 6 сентября.

²⁷³ Ольденбург С.С. «Пустышка» // Русь. 1924. 2 сентября. № 428.

²⁷⁴ См.: Лери. Брак по расчету (Наблюдательная история) // Иллюстрированная Россия. 1926. №28 (61) С. 17.

²⁷⁵ См. подробнее: Миронова Е.М. Дипломатия русской эмиграции в Италии // Россия и Италия. М., 2003. Вып. 5: Русская эмиграция в Италии в XX веке. С. 73-84.

²⁷⁶ См. подробнее: Талалай М. Православная церковь в Риме. Рим, 1994. С. 9. Его же. Церковь рождества Христова во Флоренции. Флоренция, 1993; Его же. Русская церковь в Сан-Ремо. San Remo. 1994; Комолова Н.П. Русское зарубежье в Италии (1917-1945 гг.) // Русское зарубежье: 20-30-е гг. С. 46-101.

²⁷⁷ ДРЗ. Ф.2, оп.2, картон № 4, ед. хр. 7.

²⁷⁸ ГАРФ. Ф. Р-5760, оп. 1, д. 5, л. 37об.

ния привели к наибольшим изменениям в статусе эмиграции: прекращалась служба русских эмигрантов в Китайской армии и полиции; на КВЖД теперь могли работать только советские и китайские граждане. Многие эмигранты лишились работы.

Русское зарубежье видело перемену во взглядах Франции²⁷⁹ в отношении Советской России с осени 1922 г., свидетельством чего был визит Э. Эррио в РСФСР и серия его статей, отмечавших эволюцию большевизма, экономическое оздоровление России. Наиболее дальновидные эмигранты понимали, что французские политики стали задумываться о грядущих в 1924 г. выборах, в связи с чем, возможно, Р. Пуанкаре и не протестовал против кампании, которую вел Э. Эррио, но продолжал при этом сохранять прежнюю официальную линию по международным вопросам²⁸⁰.

Русская эмиграция не просто наблюдала за развитием франко-советских отношений, а заняла в этой связи достаточно активную позицию. Так, 3 ноября 1922 г. П.Н. Милюков и В.А. Маклаков участвовали в прениях по докладу Э. Эррио относительно отправки французской торговой делегации в Россию. Их целью было опровергнуть его утверждения, что финансы в России восстанавливаются, что началось государственное оздоровление, доказать непрочность большевизма и абсурдность строительства капитализма коммунистической партией. В прениях Э. Эррио согласился с последним, но позднее он говорил и писал совершенно другое. Французская общественность, присутствовавшая на дискуссии, восприняла выступления русских в штыки. Ситуация была очевидна – был взят курс если не на признание большевиков, то по крайней мере на экономическое сотрудничество²⁸¹. Косвенным подтверждением этого стала Лозаннская конференция, после которой, по мнению В.А. Маклакова, большевикам в отношении Франции был дан новый шанс²⁸². Попытки воздействовать на французские власти и общественное мнение напрямую и опосредованно через правительство США продолжались.

²⁷⁹ См. подробнее: Урядова А.В. Франко-советские отношения первой половины 1920-х годов в восприятии русской эмиграции // Россия и Франция XVIII-XX века / Ин-т всеобщ. Истории РАН. М.: Наука, Вып.9/ отв. Ред. П.П. Черкасов. 2009. С. 236-250.

²⁸⁰ «Совершенно лично и доверительно!». Т. 2. С. 344-350.

²⁸¹ «Совершенно лично и доверительно!». Т. 2. С. 364-366.

²⁸² Там же. С. 471.

Начиная с марта 1924 г. русская колония во Франции с новой силой обеспокоилась ее возможным сближением с СССР и стала предпринимать превентивные меры к защите своих интересов²⁸³. О том, что признание состоится, стало понятно после выборов 11 мая 1924 г., когда большинство французского парламента получили левые. 5 июня 1924 г. В.А. Маклаков писал: «Я даже не считаю исключенным предположением, что вопреки всех заявлений, завтрашнее правительство начнет с признания ...»²⁸⁴.

В августе советский резидент отмечал непонятные надежды эмиграции на то, что Франция советское правительство не признает окончательно, а ограничится только переговорами, которые ни к чему не приведут. Определенный расчет делался на США, которые могут путем финансового давления заставить Францию отказаться от признания²⁸⁵. К осени эти надежды рассеялись²⁸⁶.

Хотя, как указывали эмигранты, большевики сделали все, чтобы разочаровать европейские страны в выгодах сближения с ними, а восторги Э. Эррио от путешествия в Россию давно прошли²⁸⁷, тем не менее, во Франции была создана комиссия под председательством сенатора А. де Монзи для составления соглашения с СССР. Как виделось В.А. Маклакову уже тогда, ставить деловые соглашения условием признания, комиссия не решится, и большевики будут признаны раньше, чем с ними договорятся о долгах²⁸⁸.

Сначала инициативы русской эмиграции были направлены на предотвращение собственно самих российско-французских переговоров, затем на то, чтобы они были безрезультатными. Эмиграция постаралась убедить А. де Монзи, что никаких конкретных выгод от признания Советской России Франция не получит, а наоборот, только проиграет. Эмигранты предлагали французскому правительству на предстоящих переговорах поставить условие выполнения советским правительством российских

²⁸³ См. подробнее: Кононова М. Структура, статус и механизм функционирования российских дипломатических загранучреждений в эмиграции (1917-1925) // Русская эмиграция в Европе. Вып. 2. С. 79-81.

²⁸⁴ «Совершенно лично и доверительно!» ... Т. 3. С. 192.

²⁸⁵ Русская военная эмиграция 20-40-х годов XX в. Т. 4. С. 487-488.

²⁸⁶ См., например: Питерский А. Признание большевиков // Русь. 1924. 6 сентября.

²⁸⁷ «Совершенно лично и доверительно!» Т. 3. С. 203.

²⁸⁸ Там же. С. 203-204.

обязательств перед мелкими держателями русских бумаг, что повлекло бы и признание других прежних обязательств, а следовательно, СССР бы на это не пошел и переговоры были бы сорваны. Русское зарубежье пугало Э. Эррио возможным падением его правительства, поскольку его противники могут не ратифицировать договор²⁸⁹.

В октябре 1924 г. дипломатические отношения с СССР были установлены. Эмиграция понимала, что дело не только в смене французского правительства и его внешнеполитического курса. Она отмечала, что СССР признала вся Франция. Публицист, редактор газеты «Общее дело» Д.С. Писманик выделял 3 основные причины этого: 1) психологические – Франция неловко чувствует себя, когда другие европейские страны признают большевиков, а она осталась в стороне, то есть психология подражания; 2) экономические – экономические интересы, скрывающиеся за психологией и тесно с ней связанные (надежды на уплату долгов и прибыль от концессий); 3) политические, которых называлось несколько (боязнь российско-германского сближения, стремление воздействовать на большевиков, чтобы они вступили в Лигу Наций и санкционировали Версальский договор; обещание Э. Эррио, данное социалистам, признать большевиков). Д.С. Писманик отмечал: «Массовый француз убежден, советская власть прочна политически и обанкротилась экономически ... Следовательно надо считаться с политической силой и использовать экономическую слабость»²⁹⁰.

РНК направил обращение французскому правительству и всем французским сенаторам и депутатам. Этот документ содержал две части: политическую и экономическую. В первой доказывалась политическая несостоятельность советского государства и нарушение им политических прав русских граждан, из чего делался вывод о том, что государства, признавшие советское правительство законным, «профанируют саму идею законности». Во второй делался акцент на то, что заключение экономических соглашений с Советской Россией не принесет выгоды Франции, подробно рассматривались вопросы: товарообмена с СССР с опи-

²⁸⁹ Русская военная эмиграция 20-40-х годов XX в. Т. 4. С. 504-505.

²⁹⁰ Писманик Д.С. Французское признание советской власти (от нашего парижского корреспондента) // За свободу. 1924. 16 ноября.

санием советского сельского хозяйства; концессий со ссылкой на невыполнения подобных договоров с Германией; уплаты прежних займов. РНК считал, что, признавая большевиков, правительства облегчают им агитацию в других государствах. Поэтому, говорилось в декларации, и возник данный протест²⁹¹.

Еженедельник «Наш мир» откликнулся на признание карикатурой с изображением большевиков и Э. Эррио, который говорит: «Я выполнил долг признания, за вами признание долга»²⁹².

В конце октября в Париже состоялся Международный конгресс защиты прав собственности, в подготовке и проведении которого приняли активное участие российские эмигрантские финансовые и промышленные организации. На нем в многочисленных докладах, распечатанных затем в тысячах экземпляров, звучала критика в адрес СССР и III Интернационала. Русские делегаты дали высокую оценку этому мероприятию, отмечая, что к их мнению стали прислушиваться. Участники конгресса были приняты президентом Франции. Русских эмигрантов представлял Н.Х. Денисов. По инициативе Российского Торгово-Промышленного и Финансового Союза 28 октября 1924 г. группа из 74-х эмигрантских организаций выразила протест против признания Францией СССР²⁹³.

Представители Русского эмигрантского комитета обратились в Совет Министров Франции с просьбой оставить посольство за эмиграцией²⁹⁴, но оно было передано советским представителям. Работа русского посольства была продолжена в статусе офиса для защиты прав и интересов русской эмиграции во Франции, который окончательно оформился к 1930 г.²⁹⁵ Рассматривался вопрос о передаче большевикам храма Св. Александра Невского на ул. Дарю, для использования его обновленцами²⁹⁶. Заключение договора, передача посольства оказали сильное эмоциональное и психологическое влияние на эмигрантов, особенно на

²⁹¹ Протест против признания СССР// Русь. 1925. 14 января.

²⁹² Наш мир. 1924. 14 декабря.

²⁹³ Русская военная эмиграция 20-40-х годов XX в. Т. 4. С. 47-49

²⁹⁴ Там же. С. 524-532.

²⁹⁵ См. подробнее: Миронова Е.М. Дипломатическое ведомство антибольшевистской России // Проблемы истории Русского Зарубежья. Т.1. С.117.

²⁹⁶ Gorboff M. La Russie fantôme. L'émigration russe de 1920 a 1950. Lausanne : L'âge d'honne, 1995. С. 53-54

молодежь, испугавшуюся за свое будущее. Это, а также новый закон о французском гражданстве привело часть из них к принятию французского подданства²⁹⁷. Однако в целом положение русского зарубежья практически не изменилось, как писал генерал Ф.Ф. Абрамов в конце 1926 г.: «Признание французами советов не отразилось особенно на нас и думаю, что и впредь бояться нечего»²⁹⁸.

Весной 1924 г. на страницах софийской газеты «Русь» отмечалось, что дипломатические успехи большевиков вызвали резкую перемену Москвы к прибалтийским государствам, с которыми до этого времени большевики «заигрывали» и «давали не дурной заработок на транзите советских товаров». Получив прямой выход в Европу, СССР больше не нуждался в их услугах. Анализируя ситуацию в Прибалтике, эмигрантская пресса писала о возможном заговоре лимитрофов против СССР, хотя и указывала, что без Польши такой блок Красной армии не страшен²⁹⁹. Бурное негодование в эмиграции вызвали не советско-польские отношения как таковые, а личность П.Л. Войкова, назначенного советским дипломатом в Польшу*.

Речь о сближении Японии и Советской России впервые зашла в эмиграции в связи с опубликованием в одной из токийских газет интервью влиятельного японского политика, военного министра генерала Танака, данного представителю РОСТА А.Н. Вознесенскому в связи с 6-летием революции³⁰⁰. С этого времени по инициативе японских властей начинается сокращение контактов с представителями русского посольства. Осенью 1924 г. вопрос относительно СССР был окончательно решен, о чем бывший русский посол в этой стране Д.И. Абрикосов был информирован официально.

В январе 1925 г. СССР установил дипломатические и консульские отношения с Японией. 15 февраля состоялась последняя

²⁹⁷ Русская военная эмиграция 20-40-х годов XX в. Т. 4. С. 534-535.

²⁹⁸ ГАРФ. Ф. Р-6460, оп. 1, д.21, л.295 об.

²⁹⁹ Русь. 1924. 6 мая.

* Его считали одним из убийц царской семьи. В эмигрантской прессе появились соответствующие статьи (см. например, В. Н-ий. Кровавый дипломат // Русь. 1924. 16 октября) и карикатуры. Одна из карикатур изображала Войкова с секирой в крови. Под рисунком была подпись: «Разве может этот ребенок убить человека». (Русь. 1924. 16 октября.)

³⁰⁰ Подалко П. Указ. соч. С. 36-37.

встреча Д.И. Абрикосова с министром иностранных дел К. Сидэхара, главой японского МИД, который еще раз заверил в намерении оградить беженцев от преследований в обмен на их полный отказ от антибольшевистской деятельности³⁰¹.

Анализируя в 1929 г. причины этого сближения, генерал А.П. Кутепов указывал, что Японии необходимо было: «а) получить от СССР выгодные концессии на добычу нефти на Сахалине и лесные концессии на Дальнем Востоке; б) получить из областей русского Дальнего Востока уголь и различное сырье; в) получить концессии на рыбные промыслы вдоль русских дальневосточных берегов». Он отмечал, что «несмотря на резко отрицательное свое отношение к существованию коммунистической власти в России и опасение занесения разлагающейся пропаганды на свои острова» на доброжелательную политику по отношению к СССР влияло настроение большинства обеих Палат Японии, ее правительства и правительств других держав, особенно США³⁰². О заключении этого договора эмиграция говорила и писала мало, что объясняется, на наш взгляд, рядом причин: основная часть эмиграции проживала в Европе, и Япония была далека от нее; там проживало мало русских, и договор с СССР вряд ли мог отразиться на их судьбе; вероятно, определенное влияние оказывали и воспоминания периода русско-японской войны.

Эмигранты опасались, что волна признаний может, как эпидемия, распространиться на все европейские страны. Поэтому в тех государствах, которые еще не подписали соответствующие документы, они старались проводить «профилактику». Зондирование ситуации, например, происходило в Швейцарии: русские дипломатические представители попытались выяснить, кто заинтересован в признании Советов и как на эти предложения реагирует СССР. Им удалось узнать, что давление оказывают, прежде всего, торгово-промышленные круги, которых поддерживает глава экономического департамента Шультегес. Однако советские представители встретили предложение Швейцарии о договоре, как писал И.Н. Ефремов «с обычной наглостью», дав понять, что «прежде всего Швейцария должна прекратить бойкот русских, дать удовлетворение за убийство Воровского и признать *de jure*

³⁰¹ Подалко П. Указ. соч. С. 40.

³⁰² ГАРФ. Ф. Р-5826, оп.1, д. 103. Л.326.

советское правительство, после этого Советы посмотрят, в какой мере ... можно возобновить условия сношения и даже признать претензии швейцарцев»³⁰³. Бывший глава финансового департамента Швейцарии Мюзи, ставший с 1925 г. президентом конфедерации, был не только против признания, но и даже против возобновления отношений с советским правительством, и, по сведениям эмиграции, его поддержали в этом 3 советника, а 2 встали на сторону Шульцгеса, в Национальном собрании большинство в этом вопросе также поддержало президента. И.Н. Ефремов был лично знаком с Мюзи и старался информировать его о положении дел в России, чтобы не допустить признания СССР. Советско-швейцарский договор в 1920-е гг. подписан не был.

Волнения относительно возможного признания затронули и эмиграцию в странах, не установивших с СССР дипломатических отношений. В начале 1920-х гг. ходили слухи о возможном соглашении между КСХС и Советской Россией³⁰⁴. Русская колония в этой стране активизировалась, чтобы не допустить его: глава Российской дипломатической миссии в Белграде В.Н. Штрандтман неоднократно встречался с министром иностранных дел; журналисты и публицисты отслеживали вопрос взаимоотношения двух стран³⁰⁵; регулярно в адрес высших государственных деятелей, лидеров политических партий поступали обращения, резолюции, меморандумы, в которых обосновывалась невозможность нормальных отношений между королевством Югославия и Советской Россией³⁰⁶. Русская колония убеждала, что установление дипломатических отношений с Советской Россией принесет больше вреда, чем пользы³⁰⁷ (обе страны аграрные, проникновение большевиков в Югославию дестабилизирует внутреннее положение, способствуя поддержке местных коммунистов и сепаратистов³⁰⁸).

³⁰³ ГАРФ. Ф. Р-5760, оп. 1, д. 18. Л. 15-15 об.

³⁰⁴ ГАРФ. Ф.Р-6215, оп.1, д.13, л.1-2

³⁰⁵ См., например: Новое время. 1922. 18 октября, 20 октября, 26 октября, 6 декабря; 1923. 12 октября; 1927. 26 мая; 1929. 16 мая и др.

³⁰⁶ См., например: Новое время. 1923. 15 сентября; 1924. 4 марта; 1927. 30 марта; Последние новости. 1920. 4 августа.

³⁰⁷ См. подробнее Козлитин В.Д. Русская и украинская эмиграция в Югославии. С. 246.

³⁰⁸ См., например: Погодин А. Новые симптомы // Новое время. 1922. 20 октября; Погодин А. По поводу признания советской власти // Новое время 12 октября 1921 г.

В феврале 1924 г. правительство КСХС приняло решение о преобразовании миссии в Белграде в орган по защите интересов российских беженцев, что обеспокоило русские дипломатические круги. Однако, как выяснил руководитель российской миссии в Белграде В.Н. Штрандтман, на тот момент это было связано лишь с появлением русского торгового представительства. Но предупредил, что «в течение года следует ожидать существенных перемен, ибо вся Европа стремится признать Советы»³⁰⁹.

За период с февраля 1924 г. по январь 1925 г. СССР установил дипломатические отношения с 12 государствами. Газета «За свободу» писала, что за 1924 год выработался даже некоторый шаблон признания, во всех европейских государствах оно протекало более или менее одинаково³¹⁰. Эмигранты отмечали уверенность западных правительств в том, что советская власть может стать действительно государственной и самостоятельной (от Коминтерна), в чем старались их разубедить, доказывая, что после признания СССР будет активно вмешиваться во внутренние иностранные дела, стремясь к мировой революции³¹¹.

Сравнивая внешнеполитические планы СССР весны–лета и их результаты к концу октября, газета «За свободу» напоминала известную поговорку: «Цыплят по осени считают» и констатировала факт взаимного разочарования друг другом большевиков и европейских правительств³¹².

Подводя годовой итог, софийское издание «Русь» называло главным событием 1924 г. перемену отношения Европы к большевикам. Причем, по мнению редакции, если в начале она заключалась в том, кто раньше заключит договор с СССР, то затем – кто раньше расторгнет³¹³. Один из авторов этой газеты писал, что в начале года эмиграции казалось, что в течение нескольких месяцев СССР должен быть признан всеми державами Европы на равных и получить кредиты в обмен на концессии, однако, несмотря на череду дипломатических признаний, в целом его международное положение ухудшилось³¹⁴.

³⁰⁹ «Чему свидетели мы были...» Кн.2. С. 426

³¹⁰ Процесс признания // За свободу! 1924. 28 ноября.

³¹¹ См., например: Франция и Россия // За свободу! 1925. 1 февраля.

³¹² Разочарование с обеих сторон // За свободу. 1924. 24 октября.

³¹³ Русь. 1925. 1 января.

³¹⁴ Юрьев Е. Первые итоги // Русь. 1924. 15 июля.

Эмигрант А. Болдырь называл 1924 г. кульминацией «пунктов доброжелательства европейских государств к России». Со следующего года он выделял новый период отношения к ней – «период реакции, период усиленного пересмотра прежних настроений и период усиленной борьбы с коммунизмом внутри государственных границ. Активность третьего Интернационала и утрата веры в возможность превращения коммунистической России в правовое государство содействуют процессу полной дипломатической изоляции советского правительства»³¹⁵. Как он полагал, разочарование побудило правительства западных стран к поиску новых путей в русском вопросе – они вновь стали склоняться к интервенции. Доказательств этого автор не приводит, но указывает на план фрамд Degouit относительно интервенции и блокады СССР (лето 1924 г.) и переговоры по «практическому разрешению русской проблемы» (декабрь 1925–1927 гг., Варшава, Женева). Он полагал, что инициатором такого развития событий была Великобритания, поэтому все разговоры об интервенции прекратились лишь с приходом в 1929 г. к власти правительства М. Макдональда³¹⁶.

После череды признаний эмиграция практически смирилась со своей ролью стороннего наблюдателя и поняла, что ей сложно влиять на международную политику в отношении СССР. К тому же внешняя политика обрела в этот период относительную стабильность. Все это привело к сокращению публикаций на данную тему и практически к полному прекращению активных действий.

Советский исследователь Г.Ф. Барихновский отмечал, что полоса признаний привела к оживлению движения возвращения на родину (документально не подтверждается), ослаблению влияния белой эмиграции, появлению за границей более правдивой информации об СССР, которую предоставляли советские посольства, а также выходявший с 1925 г. при посольстве в Париже «Парижский вестник»³¹⁷.

Вероятно, одним из следствий полосы признания стала попытка объединения международных антисоветских сил и созда-

³¹⁵ Болдырь А. Бессарабийский вопрос. С.44-45.

³¹⁶ Там же. С.45.

³¹⁷ Барихновский Г.Ф. Идеино-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1921-1924 гг.). Л., 1978. С. 152.

ние так называемой «Лиги Обера», главным объектом приложения сил которой стало противостояние советской внешней политике, признанию СССР иностранными государствами и попытки разрушить установленные ранее отношения.

Анализируя отношение эмиграции к дипломатическому признанию СССР отдельными странами можно выделить три основных точки зрения:

1) Не признавать³¹⁸. Выдвигались следующие аргументы: сущность советского правительства (не законное) и государственного устройства (не демократическое); способствование укреплению большевистского режима, следовательно, отсрочка возвращения эмиграции на родину и восстановления должного порядка управления; возможные отрицательные последствия признания для России, как вследствие продолжения большевистского правления, так и вследствие возможности экономической интервенции других стран; выход большевизма на мировую арену, который будет способствовать разрастанию коммунизма и может привести к обострению внутривосточной ситуации в европейских странах.

2) Признать при определенных условиях или после эволюции режима и соответствующих гарантий иностранных держав³¹⁹.

3) Признать³²⁰. Выдвигались следующие доводы: исключит возможность интервенции, прежде всего экономической; позволит новому правительству с полным правом отстаивать российские интересы на международной арене; приостановит развал российской экономики; стабилизирует экономическую ситуацию в Европе; будет способствовать ослаблению милитаризма, диктатуры, может привести к эволюции или даже смене режима.

Некоторые эмигранты видели в признании как отрицательные, так и положительные стороны, поэтому не разделяли ни одну из вышеуказанных точек зрения. При определении своей по-

³¹⁸ См., например: Мирский Б. За или против признания? // Последние новости. 1923. 14 ноября; Чернов В.М. Европейское равновесие и фиаско большевиков // Революционная Россия. 1922. №20. С. 2.

³¹⁹ См., например: Право признания // Последние новости. 1924. 15 февраля; Сталинский Е. Защита интересов России // Воля России. 1922. № 11. С. 5-7; Сталинский Е. Россия в Генуе // Воля России. 1922. № 8. С. 4-

³²⁰ См., например: Вопрос о признании России // Социалистический вестник. 1921. №22; Лебедев В. Возобновление дипломатических отношений с Россией // Воля России. 1924. №3. С. 59-60.

зиции они руководствовались конкретными обстоятельствами и условиями заключения того или иного соглашения.

3.4. Внешнеполитический курс СССР второй половины 1920-х гг. в восприятии русского зарубежья

К началу 1925 г. эмигранты отмечали охлаждение правительств отдельных стран к отношениям с Советами. На страницах газеты «Русь» читаем: «С большевиками начинают обращаться за границей без всякого уважения ... Дипломатические пощечины следуют друг за другом ... Большевиков как будто сознательно выводят из себя. С какой целью? Может быть с намерением спровоцировать вооруженное выступление СССР и пожать плоды советского бессилия»³²¹. Последнее, безусловно, было домыслами. Реальные причины изменения отношений, как это отмечало и русское зарубежье, заключались в несбывшихся расчетах западных держав на экономические выгоды от сотрудничества с СССР. Русская пресса отмечала и несоблюдение ряда пункта договоров, особенно в отношении Великобритании (например, вмешательство Советов в английскую стачку 1926 г. и антибританскую политику в Китае³²²).

Изменение отношения к СССР эмиграция попыталась использовать в своих целях: периодика подхватила и стала развивать эти негативные настроения, отражавшиеся в западной прессе, обвиняя коммунистов в организации террористических актов, подготовке заговоров (против болгарского царя Бориса, Сербского короля Александра, английского министра Чемберлена, президента Чехословакии Масарика).

Для части эмиграции такой поворот международной политики был как «бальзам на душу». Однако она уже не была уверена в том, что в случае необходимости или при наличии определенной выгоды та или иная страна вновь не обратится к СССР. Разочарование в Антанте, как писал генерал-майор Ковалевский, толкнуло эмигрантов в русско-германо-японский союз³²³. Япония отпала, у Германии, истощенной войной и экономическим кризи-

³²¹ Русь. 1925. 6 мая.

³²² Гарви П. Закат большевизма: Десять лет диктатуры. С. 14.

³²³ ГАРФ. Ф. Р-5826, оп. 1, д. 3, л. 178.

сом, не было средств для помощи, поэтому к середине 1925 г. взоры представителей различных эмигрантских групп обратились к США. Ход рассуждений был таков: Америка – единственная страна с твердой антибольшевистской политикой, не нуждающаяся в территориальном захвате России, могущая дать все материальные средства для борьбы и все нужное для ее последующего восстановления (зерно, транспорт и так далее), причем Америка сама заинтересована в этом, поскольку она, как «кредитор» Европы, сможет получить свои деньги назад лишь восстановив ее хозяйственную систему (в том числе и сырьевую базу – Россию)³²⁴. Считалось, что США не только должны помочь сами, но и «побудить державы Европы перейти от «осознания» стихийной большевистской опасности к «активной» деятельности, то есть к поддержке эмигрантских антисоветских движений и формирований»³²⁵. Оценивая отношения США к СССР, П.Б. Струве был менее оптимистичен и не ждал прямого антибольшевистского вмешательства³²⁶.

Эмигранты пытались культивировать и развивать антисоветские настроения среди американцев. Так, например, Союз Русских Евреев Патриотов переслал в Америку книгу (на английском языке) «Десять лет большевистского владычества», которая должна была там распространяться прежде всего в еврейских американских кругах с тем, чтобы те не оказывали финансовой помощи большевикам³²⁷. Старались использовать эмигранты и личные контакты. Они понимали, что только негативные эмоции и голая критика СССР не смогут повлиять на западное общественное мнение, необходима информация, точные данные, которые они и запрашивали в крупных эмигрантских организациях³²⁸. Русское зарубежье отмечало, что советское правительство считает США главным противодействующим государством³²⁹, что вынуждало русских за границей апеллировать к американскому правительству.

³²⁴ ГАРФ. Ф. Р-5826, оп. 1, д. 3, л. 181.

³²⁵ Там же.

³²⁶ Большевики как мировая опасность // Возрождение. 1927. 16 января.

³²⁷ ГАРФ. Ф. Р-5826, оп. 1, д. 103, л. 25.

³²⁸ См., например: Там же, л.55.

³²⁹ См., например: Американский удар // За свободу. 1922. 17 марта.

В 1925 г. в эмигрантской печати появились сведения о желании Великобритании разорвать дипломатические отношения с СССР. В газете «За свободу» указывалось, что в ответ на эти «дипломатические щелчки» в 1925 г. советское правительство уже не склонно устраивать демонстрации³³⁰. Эмигрантская пресса пристально следила за развитием британско-советских отношений³³¹.

В такой обстановке 5–16 октября 1925 г. состоялась конференция европейских государств в Локарно. Но если народы Европы ждали от нее гарантий мира, то эмигрантскую прессу интересовала проблема «большевистской угрозы», которая также была вынесена в качестве одной из главных тем конференции. Русская пресса отслеживала реакцию СССР на это событие, отмечая, что больше всего он боится примирения европейских государств и с этой целью пытается расколоть их союз, воздействуя на Германию. В газете «Возрождение» цитировался отрывок из письма с родины о работе там немцев. В нем отмечалось (с чем соглашалась редакция), что «немцы, тесно связывая себя с советчиной, совершают грубую психологическую ошибку», впадают в близорукость³³².

Изменение западной политики в отношении СССР заставило его переориентироваться на укрепление отношений с соседними государствами. В течение 1925–1932 гг. договоры о ненападении были подписаны с Турцией, Афганистаном, Литвой, Ираном, Латвией, Эстонией, Польшей, Финляндией. В эмиграции эти документы вызвали меньший резонанс. Отмечалось, что переориентация произошла в связи с тем, что Европа «стабилизировала планы на революционный провал», а также потому, что в отсталых странах Востока большевистская пропаганда встретила отклик. Хотя, как писали эмигранты, надежды большевиков на революцию здесь не оправдали себя³³³.

³³⁰ Слабая реакция // За свободу. 1925. 1 июля.

³³¹ См., например: Англия и большевики // Возрождение. 1926. 12 апреля; Англия и советское золото // Возрождение. 1926. 12 апреля; Советские и английские дипломаты // Возрождение. 1926. 25 апреля; Английская печать о России // Возрождение. 1926. 2 августа; Красные в Лондоне // Возрождение. 1926. 30 сентября.

³³² Немецкое «проникновение» и советчина // Возрождение. 1926. 16 мая.

³³³ Гарви П. Закат большевизма: Десять лет диктатуры. С.14-16

В мае 1927 г. Великобритания разорвала дипломатические отношения с СССР. В газете «Последние новости» указывалось, что обозначившийся поворот событий грозит опасностью России³³⁴. В газете «Возрождение» снова и снова подчеркивалось, что СССР не есть Россия³³⁵. В статье «Наконец глаза открылись» П.Б. Струве называл дипломатический разрыв фактом «огромной, первостепенной важности», имеющим «огромное историческое значение». Он рассматривал его не только в рамках отношения двух стран, но и относительно внешнеполитической ситуации вообще и возможного влияния на судьбы эмиграции. Он считал его проявлением борьбы капитализма с социализмом, являющимся внешней и внутренней опасностью для всех западных стран³³⁶.

Некоторые эмигранты отмечали, что разрыв дипотношений с СССР вызвал всплеск активизма³³⁷. Эту точку зрения разделяет современный немецкий исследователь К. Шлёгель. Он отмечает, что на это время приходится накал контрреволюционной борьбы – переход к открытой террористической борьбе³³⁸.

Острый спор разгорелся в русской зарубежной прессе по поводу письма-статьи Е.В. Саблина в газете «Возрождение». В статье отмечалось, что после «разрыва» нужно четко разобраться во взглядах Великобритании на русский вопрос и сообразовать с ней будущие планы русского зарубежья³³⁹. Редакции газет «Дни» и «Последние новости» посчитали это «лизоблюдничеством». П.Б. Струве полагал, что это указание не следует понимать буквально, в том смысле, что политика русского зарубежья должна «диктоваться больше всего оглядкой на какие бы то ни было внешние силы, окружающие Россию», хотя и осознавал, что в сложившихся условиях, без учета мнения Запада, русским эмигрантам никуда не деться. Он понимал, что эмиграция «не может «делать» ни внутренней, ни иностранной политики тех внешних государственных сил, которые противопоставляются СССР», но был убежден в том, что она должна влиять на них³⁴⁰.

³³⁴ См., например: Последние новости. 1927. 13 мая.

³³⁵ См., например: Возрождение. 1927. 16 мая.

³³⁶ Струве П.Б. Наконец глаза открылись // Возрождение. 1927. 25 мая.

³³⁷ См., например: Борьба за Россию. 1927. 25 июня. Приложение. С.1

³³⁸ Шлёгель К. Указ. соч. С. 153-155.

³³⁹ Возрождение. 1927. 5 июня.

³⁴⁰ Струве П.Б. По поводу открытого письма Е.В. Саблина // Возрождение. 1927. 5 июня.

Немецкий исследователь К. Шлегель полагает, что в период, последовавший непосредственно за разрывом советско-британских отношений, некоторые белоэмигрантские организации пытались играть своеобразную роль маклера, превращая «русский вопрос» в козырь современной международной политики, чтобы добиться посреднической помощи правительства разных стран. Свидетельством чему он считал встречи фон Лампе с неким Феттером (представителем влиятельных германских кругов), во время которых последний пытался выяснить мнение руководителей РОВС о планах Великобритании по борьбе против СССР и о том, какое место в этих планах отводится Германии, а также о проблемах использования Польши в этой борьбе³⁴¹.

В газете «Возрождение» выражалась радость по поводу разрыва Великобритании с СССР и огорчение, что ее примеру не последовала Франция. Газета опубликовала письмо А.В. Карташева (одного из своих сотрудников) и М.М. Федорова (руководителя РНК) министру иностранных дел Франции А. Бриану, в котором выражалось недоумение по поводу продолжения отношений этой страны с СССР³⁴².

После выборов 1929 г. британское правительство, являвшееся в 1927 г. в глазах эмиграции примером для подражания, изменило свой состав и восстановило дипломатические отношения с СССР, что вызвало аналогичное вышеуказанному письмо, обращенное к английскому премьеру (было опубликовано газетой «Возрождение»). Председатель Российского Торгово-Промышленного Финансового Союза Н.Х. Денисов предупреждал, что этот «жест по адресу Советской власти явится помощью русским большевикам»³⁴³.

В 1927 г. острота польского вопроса породила в эмиграции надежду на войну. Хотя некоторые (например, сотрудники газеты «Возрождение») и подчеркивали нежелательность военных действий собственно на территории России³⁴⁴. Советско-польские отношения рассматривались в связи с международной политикой вообще. П.Б. Струве, анализируя сообщения в советской прессе о

³⁴¹ Шлегель К. Указ. соч. 155-156.

³⁴² Возрождение. 1928. 27 марта.

³⁴³ Возрождение. 1929. 12 июля.

³⁴⁴ Возрождение. 1927. 5 апреля.

связи убийства Войкова в Польше с разрывом британско-советских отношений, писал: «Цель большевистского «правительственного сообщения» – смутить и напугать заграничное общественное мнение и возбудить в русском населении приступ острой боязни как внешней войны, так и усиления и без того хронического террора и вообще всяческие страхи»³⁴⁵.

Вторым очагом напряженности, на который делала ставку эмиграция, был Дальний Восток³⁴⁶. Газета «Последние новости» и ее главный редактор выступали с критикой активизма, считая, что события на Дальнем Востоке могут негативно сказаться на будущем России, в частности в вопросе отторжения ее территорий. Редакция газеты «Возрождение» крайне негативно относилась к такой точке зрения, активно критикуя ее. П.Б. Струве характеризует передовую П.Н. Милюкова по китайскому вопросу как странно-апологетическую по отношению к советской власти³⁴⁷. Хотя Струве отмечал, что европейская эмиграция не может объективно оценивать ситуацию в дальневосточном регионе, это дело эмиграции, проживающей там³⁴⁸.

Особенно пристально за развитием дальневосточной ситуации следили видные военные деятели эмиграции. Но даже руководство Русского Общевоинского Союза (РОВС) призывало к недопущению участия в вооруженных иностранных формированиях на российской территории и к осмотрительности в плане гарантий соблюдения интересов России³⁴⁹. Возглавлявший РОВС А.А. Кутепов считал, что Япония наиболее заинтересована в развитии противостояния с советами по дальневосточному вопросу, так как, во-первых, страдали ее интересы, а во-вторых, ни Монголия, ни Маньчжурия сами были не в состоянии противостоять СССР. На тот момент Япония была в дружеских отношениях с СССР. Исходя из анализа японской политики, А.А. Кутепов констатировал некие перемены, дающие основание полагать, что

³⁴⁵ Струве П. По поводу «правительственного сообщения» большевиков // Возрождение. 1927. 10 июня.

³⁴⁶ См. подробнее: Урядова А.В. Руководство РОВС и советско-китайские отношения второй половины 1920-х годов // Вестник Дальневосточного отделения РАН. 2010. №2. С. 34-39.

³⁴⁷ Возрождение. 1927. 6 февраля. С. 1.

³⁴⁸ Политическая история русской эмиграции 1920-1940 гг... С. 459, 466-467.

³⁴⁹ ГАРФ. Ф. 5826, оп. 1, д. 103, л. 326-338

«Япония готова на принятие против СССР каких-то серьезных решений». При этом он понимал, что сама Япония на разрыв отношений не пойдет, а будет действовать через Маньчжурию.

Руководству дальневосточного отделения РОВС генерал А.А. Кутепов дал следующие указания: «1) В случае возникновения войны между Японией или Китаем (Маньчжурским правительством) с СССР – мы должны оставаться в стороне; 2) в случае возникновения на Дальнем Востоке отдельной операции для освобождения от Советской власти Монголии – мы должны оставаться в стороне; 3) в случае столкновения Японии или Китая (Маньчжурского правителя) с СССР, если бы последовало предложение для формирования русских отрядов со специальной целью охранять полосу отчуждения Восточно-Китайской железной дороги или вообще какого-либо района Маньчжурии, то на это согласиться надо, но заключив письменное соглашение, что в случае переноса военных операций на русскую территорию русские отряды в этом случае не принимают участия»³⁵⁰.

На местах военные эмигранты не всегда прислушивались к мнению руководства РОВС, тем более, если формально они не подчинялись ему. По данным Н.Н. Аблажей, на всем протяжении советско-китайской границы действовало 12 белобандитских формирований общей численностью от 1,5 тыс. до 6 тыс. человек³⁵¹. Когда генерала Хорвата спросили о возможном исходе советско-китайского конфликта вооруженным путем, он ответил: «Начало войны и мобилизация повлекут за собой неминуемый крах Советской власти»³⁵². 22 декабря 1929 г. был подписан Хабаровский протокол, ознаменовавший окончание советско-китайского конфликта.

Еще одним внешнеполитическим событием, взбудоражившим эмиграцию в рассматриваемый период, стало приглашение советских представителей на Женевскую конференцию. Но опасения были напрасны, поскольку, как отмечал П.Б. Струве, в выступлениях советских деятелей не было единства: их отличало двурушничество и лицемерие, что являлось, с его точки зрения,

³⁵⁰ ГАРФ. Ф. 5826, оп. 1, д. 103, л. 327–328

³⁵¹ Аблажей Н.Н. Конфликт 1929 г. на КВЖД и его последствия // Вестник Новосибирского государственного университета. (Серия: История, филология). 2006. Т. 5. Вып. 1. С. 60.

³⁵² Возрождение. 1928. 21 декабря.

проявлением слабости. Автор расценивал результат как явный проигрыш коммунистов³⁵³.

К концу 1920-х появляется новый мотив во внешнеполитической линии эмиграции – борьба за непризнание СССР странами центральной и восточной Европы, в которых проживало немало русских (Болгарией, Югославией, Чехословакией и другими)³⁵⁴.

Таким образом, можно отметить, что вторая половина 1920-х гг. вновь породила неоправданные надежды у части эмиграции на возможно новую изоляцию СССР и даже на свержение режима. Изменения внешнеполитической ситуации произошли не под влиянием русского зарубежья, а в связи с объективными причинами. Эмиграция могла лишь использовать их, но к тому времени, она, видимо, уже осознала тщетность попыток влияния, о чем свидетельствует и спад публикаций по этой проблематике.

Изменилась аргументация просоветской международной политики на страницах русской периодики. В начале 1920-х гг. сближение с СССР русское зарубежье объясняло, главным образом, экономическими интересами отдельных стран и ее торгово-промышленных и финансовых кругов, а на рубеже десятилетий появились такие аргументы, как боязнь возрождения сильной национальной России (пусть и в лице СССР), да и просто безразличие держав³⁵⁵. Начиная с 1929 г. международная ситуация принесла новые разочарования эмиграции. Все большее число эмигрантов стало признавать факт неизбежности контакта с СССР и осознано, что после 10-летия существования советского государства игнорировать его присутствие на карте мира по меньшей мере нереально.

Изучив восприятие эмиграции советской международной политики в этот период, можно выделить несколько основных характерных моментов. Она была обеспокоена, как те или иные внешнеполитические события: во-первых, ускорят или замедлят падение советской России; во-вторых, соотносятся с интересами России как таковой; в-третьих, повлияют на жизнь эмиграции за

³⁵³ Струве П.Б. *Arte et sorte*// Возрождение. 1927. 13 мая.

³⁵⁴ См. например: ГАРФ. Ф. 9232, оп. 1, д. 3, л. 273; Струве П.Б. Вопрос о «признании» СССР в Югославии // Струве П.Б. *Дневник политика*. С. 232-233.

³⁵⁵ См. например: ГАРФ. Ф. 6080. оп. 1, д. 127, л. 66-68.

рубежом. Если наличие первых двух характеристик отмечалось и в связи с отношением эмиграции к советской внутренней политике, то волнение относительно своей собственной судьбы, которая могла измениться под влиянием советской политики, связано именно с деятельностью СССР на международной арене.

Признание СССР европейскими правительствами косвенно повлияло на положение эмиграции. Однако не надо преувеличивать эти изменения, поскольку в целом ситуация изменилась незначительно.

Основными средствами влияния на политику западных стран со стороны эмиграции были: личные контакты с высокопоставленными деятелями и членами правительства; влияние на общественность через прессу, петиции и письма; обращения с меморандумами и предоставление информационных бюллетеней по соответствующим вопросам в правительства стран; экстремистские решения (убийства, взрывы) с целью изменения политики.

В плане личных контактов наиболее проявили себя бывшие российские дипломаты, а также деятели широко известные на Западе (например, Б. Савинков, П.Н. Милюков). Большая часть меморандумов, обращений, открытых писем выпускалась от лица всей эмиграции с подписями представителей многочисленных русских организаций. Особенно можно отметить активность РНК и Торгово-Промышленного Союза. Такие документы практически не выходили из-под пера Совета Послов, его представители проявляли личную инициативу, чтобы по решению данной организации не дискредитировать ее.

Экстремистские решения были скорее исключением из правила, хотя нельзя не отметить, что иногда они были действенны. Как считают некоторые исследователи, именно убийство В.В. Воровского стало поводом для разрыва отношений между СССР и Швейцарией на четверть века.

За десятилетие стало понятно, что эмиграция не может играть самостоятельной роли во внешнеполитическом решении русского вопроса. Международные достижения СССР вызвали споры в среде русского зарубежья, хоть и в значительно меньшей степени, чем другие вопросы. В этом тезисе мы солидарны с Б.А. Бахметевым, который писал: «Я вообще думаю, что в облас-

ти внешнеполитической существует меньше разногласий, хотя бы потому, что так мало людей конкретно этим занимается»³⁵⁶.

Наибольшие усилия по изменению внешнеполитической ситуации характерны для работников бывших посольств, видных политических и военных деятелей. Это были попытки влияния не на советскую международную политику, а на политику иностранных государств.

Основное внимание эмигранты уделяли взаимоотношениям и корректировке точки зрения на советский вопрос иностранных правительств, видных политиков, от которых зависело решение вопроса, однако со временем, осознавая практическую бесполезность такового, акценты сместились — эмиграция попыталась влиять на общественное мнение Запада и заниматься уже не столько советским, сколько эмигрантским вопросом.

Еще в 1923 г. в газете «За свободу» указывалось: «моральные силы эмиграции огромны, и если с ней не считаются европейские правительства, как с какой-либо определенной организационной силой, то моральное ее влияние на общественное мнение европейских стран не только не ослабевает, но, несомненно, усиливается»³⁵⁷. Но это был именно потенциал, поскольку, как замечали и сами эмигранты, в частности В.А. Маклаков «ни Совещание послов, ни Учредилка, ни вообще какая-либо русская организация политики не ведут. Я сказал бы — нет ясной линии внешнеполитического мышления и в наших русских газетах; очевидно, ее не имеется в русской эмиграции вообще»³⁵⁸.

Учитывая, что русские дипломаты, прежде всего, были государственниками, а патриотизм понимали как защиту страны и ее территории, их видение советской международной политики нередко расходилось с точкой зрения политических эмигрантов и иногда совпадало с советской. Историк Е.М. Миронова вводит термин «параллельной дипломатии». Ее особенность заключалась в том, что свою роль играли профессиональные, хорошо организованные учреждения, не подчинившиеся советской власти, сохранившие верность уже не существующей России, причем в определенные периоды эти представительства доминировали,

³⁵⁶ Политическая история русской эмиграции 1920-1940 гг. ... С. 527.

³⁵⁷ Поход на эмиграцию // За свободу. 1923. 6 декабря.

³⁵⁸ «Совершенно лично и доверительно!» Т. 1. С. 404.

преобладали над официальными; в дальнейшем они постепенно утрачивали свое влияние, но сумели, тем не менее, оказать существенное воздействие на международные отношения³⁵⁹.

В начале 1920-х гг. международные договоры, заключенные с РСФСР, вызывали резкое неприятие, и даже протест эмиграции, но и тогда она не была слепа в отношении действительных дипломатических успехов (например, соглашение с Афганистаном).

Эмиграция утешала себя, что первые договоры, заключенные западноевропейскими странами, – не официальное дипломатическое признание, а лишь уступка торгово-промышленным кругам данных государств, стремление к экономической выгоде.

Череда конференций первой половины 1920-х гг. рассматривалась русским зарубежьем не только в контексте отношений иностранных государств с РСФСР, ее представительства на международной арене, но и в плане решения русского вопроса в послевоенном мире.

В тактике борьбы эмиграции на внешнеполитическом фронте в 1920-е гг. можно выделить четыре периода: 1) начальный, когда основная работа эмиграции была направлена против любого общения западных держав с Советами; 2) период первых договоров и конференций – против заключения каких бы то ни было договоров с РСФСР; 3) экономический (послегаагский, урквартровский), направленный на срыв экономического сближения стран и проникновения иностранного капитала и промышленности в Советскую Россию; 4) финальный, когда эмиграция уже понимала несостоятельность своих действий (исходя из опыта трех предыдущих периодов), связанный с попытками не допустить юридического признания СССР и разрушить уже заключенные договоры. Соответственно взгляды русского зарубежья акцентировались то на одной, то на другой внешнеполитической проблеме (блокада; заключение первых торговых договоров с РСФСР; признание *de facto*; международные конференции; юридическое признание СССР и так далее). В связи с этим менялось и направление активности эмиграции, приложение ее сил, адресаты обращений и воззваний. На разных этапах это были: правительства стран; международная общественность; промышленные и финан-

³⁵⁹ Миронова Е.М. Дипломаты русского зарубежья и советская власть в России // Нансеновские чтения 2008. СПб., 2009. С. 17.

совые круги. Параллельно с этим наблюдается переход эмиграции от абстрактных методов убеждения (что признавать и общаться с Советской Россией нельзя и так далее) к аргументированным доказательствам.

Что касается причин заключения договоров с другими государствами со стороны СССР, то указывался практически весь их спектр: экономические, внешнеполитические, идеологические.

Несмотря на интерес широких слоев эмиграции к международной ситуации, в том числе и из чисто прагматических позиций, серьезного научного разбора советской дипломатии и советской внешнеполитической доктрины не было (в отличие от внутренней политики). Наиболее взвешенные и адекватные оценки давал бывший дипломатический корпус, но, как правило, они касались отдельных конкретных шагов Советского правительства, а не политики в целом.

Несмотря на различие во взглядах представителей русского зарубежья в них неизбежно можно выделить три составляющие, которые, в конечном счете, и формировали общую оценку тех или иных внешнеполитических шагов РСФСР/СССР:

1) Внешняя политика как долгосрочная стратегия, выгодная или не выгодная для России вообще, для ее безопасности и будущего. В этом аспекте рассматривались не только дипломатические отношения с отдельными странами, но и территориальные изменения, произошедшие сразу после революции, выделение лимитрофов и заключение с ними соответствующих дипломатических отношений. При этом часть договоров с этой точки зрения признавалась весьма прогрессивными и эффективными (например, советско-афганский, рапалльский и др.)

2) Конкретные международные договоры и внешнеполитические шаги для укрепления собственно советского государства (советской власти), оцениваемые, как правило, отрицательно.

3) Развитие и распространение Советской Россией социалистической пропаганды в других странах, стремление отдельных групп советских деятелей совершить международную революцию или социалистические перевороты в других странах, получавшие самую негативную оценку эмиграции.

Мы не углублялись в исследование последнего пункта, поскольку его лишь отчасти можно отнести к внешней политике.

Эмиграцию пугало возможное разжигание революции большевиками в других странах (прежде всего в Европе). Поэтому русское зарубежье уделяло большое внимание советской агитационно-пропагандистской деятельности за границей, отмечая настойчивость и оппортунизм в стремлении ускорить коммунистическую революцию. Не упустила эмиграция из виду и то, что постепенно эти стремления ослабевают и в советском правительстве побеждает группа, не ставящая мировую революцию своей целью³⁶⁰.

Таким образом, во многом отношение к советской внешней политике зависело как от самого международного акта и его содержания, так и от того, с какой точки зрения на него смотрела эмиграция – с позиций государственных интересов России или с позиций противостояния большевикам.

Такой подход характерен и для отношения к другим сферам советской политики, хотя отчасти внешняя политика стоит особняком. С одной стороны, она, как и внутренняя политика, интересовала эмиграцию прежде всего с точки зрения ее будущего развития, а именно – возможности ее использования для свержения режима и возвращения на Родину. С другой же, в отличие от советской внутренней политики, имела актуальное значение для настоящего эмигрантов, поскольку они проживали в разных странах, которые так или иначе были вовлечены в сферу советской внешней политики и позиция правительств этих стран относительно СССР могла серьезно повлиять на их жизнь. Поэтому отношение эмиграции к советской внешней политике было более сложным и дифференцированным и зависело от личных и политических пристрастий (не только в отношении большевиков, но и в отношении иностранных государств и их руководства); места проживания (соответственно внешней политики страны проживания); гибкости или закоспенелости в отношении проблемы союзники–противники по Мировой войне.

Постепенно позиция эмиграции в вопросе советской внешней политики менялась. В последней трети 1920-х гг. большинство эмигрантов признало факт неизбежности контакта с СССР и осознало, что игнорировать его присутствие на карте мира невозможно.

³⁶⁰ См., например: Поход на эмиграцию // За свободу. 1923. 6 декабря.

Заключение

Изучение идейных дискуссий русского зарубежья по ключевым проблемам советской политики 1920-х гг., их теоретико-концептуального, программно-политического оформления и организационно-практического воплощения идей и ценностных установок эмиграции в отношении Советской России наглядно продемонстрировало, с одной стороны, большое разнообразие взглядов в среде эмиграции по изучаемому вопросу, с другой – определенное концептуальное единство апперцепции советской политики русским зарубежьем.

Привлечение в процессе исследования общенаучных, исторических и междисциплинарных методов и принципов позволило проанализировать общественную мысль и социально-политическую деятельность эмиграции первой волны, связанную с оценкой советских реалий и направленную на их изменение. Применяемая методология носила комплексный характер.

По проблеме исследования была проанализирована историография: советская, зарубежная (эмигрантская и иностранная), современная российская. Выявлено ее неравномерное развитие. Исходя из качественных и количественных показателей она была разделена на четыре этапа: 1920–1930-е гг.; 1950-е – середина 1980-х; вторая половина 1980-х – начало 1990-х; середина 1990-х – до современности. Выявлено, что начиная с 1950-х гг. шло постепенное размывание концептуальных границ между исследованиями, выходящими за рубежом (иностранными и русскими), а начиная с конца 1980-х – между всеми выделенными (по происхождению) группами историографии. Анализ современной литературы по проблеме восприятия Советской России эмиграцией позволяет сделать вывод, что только на современном этапе эта проблема стала не вспомогательной, а самостоятельной. Однако до сих пор крайне мало работ, изучающих отношение русского зарубежья к советской политике, особенно внутренней; исследований, посвященных его практической реакции на конкретные события в РСФСР/СССР.

Широкий спектр привлеченных источников позволил рассмотреть и критически оценить взгляды эмиграции на Советскую Россию и их трансформацию в 1920-е гг. Особое внимание уделялось анализу текстов. В среде русского зарубежья давались иногда общие оценки развитию РСФСР / СССР, но, как правило, они носили поверхностный характер. Чаще рассмотрению и анализу подвергались конкретные события, явления, направления политики. Выделяется определенная специфика отношения эмиграции к советской внутренней и внешней политике, социально-экономическому и общественно-политическому развитию РСФСР/СССР.

В первые недели новой экономической политики эмиграция не акцентировала на ней внимание, отнеслась достаточно скептически. Однако вскоре в эмиграции начались бурные дискуссии о сущности этой политики. Что это: капитализм или социализм, является ли она провалом большевистских замыслов или их эволюцией, вынужденная ли это мера или продуманный шаг, будет ли НЭП развиваться в дальнейшем (и за счет каких ресурсов) или же это временное отступление, то есть является новая политика тактикой или стратегией. Единства по этим вопросам в эмиграции не было. Причина введения НЭПа (экономический и политический кризис советской власти) не вызывала споров в русском зарубежье.

Изучение причин, целей, задач введения НЭПа в восприятии эмиграции позволили более предметно проанализировать ее отношение к результатам реализации новой экономической политики. На первом этапе анализ проводился, исходя из правовой базы. Шел разбор документов как с точки зрения изменения общей политики советской власти, ее отхода от первоначального плана построения коммунизма, возможной эволюции, так и с точки зрения «жизненности» и «полезности» нового курса. Изучив и оценив достаточно высоко советское экономическое право, эмиграция обратилась к практике его воплощения. Реализацию новой экономической политики эмигранты считали половинчатой, противоречивой, непоследовательной, не дающей реальных результатов, хотя и выделяли ряд положительных моментов.

Результаты НЭПа русское зарубежье напрямую увязывало как с общественно-политической ситуацией в стране (необходи-

мость снизить напряженность), так и с внешней политикой СССР (стремление заинтересовать Запад в возможности сотрудничества).

Несмотря на отмечавшиеся достижения советской экономики, эмиграция пришла к выводу о провале НЭПа вследствие плохих организаторских и хозяйственных способностей большевиков; тяжелого наследия прежних лет; отсутствия капиталов для реформирования. Главной причиной неудачи новой политики эмиграция считала непоследовательность из-за противоречия между базисом и надстройкой, развитием экономической и политической систем, капиталистическими и социалистическими элементами.

Говоря о безрезультатности новой политики, эмиграция противоречила своим же выводам о ее целях и задачах, которые были реализованы (экономические не в полной мере, а внутри- и внешнеполитические практически полностью). Главная же цель – сохранение власти – была выполнена.

Особенностью анализа советской экономики является значительно меньшее количество дискуссий и споров в среде русского зарубежья по этой проблеме. Кроме того, в оценке советской экономики в значительно меньшей степени сказывалась предубежденность, предвзятость, было больше объективности, научно обоснованного подхода. Не только потому, что анализом занимались в основном специалисты-экономисты. Советское народное хозяйство строилось на другом базисе, при том, что в его основе лежало дореволюционное хозяйство с его проблемами и недостатками, которые хорошо знали эмигранты. Необходим был серьезный, вдумчивый, не политизированный анализ экономической ситуации.

Эмиграция главным образом занималась теоретическим анализом советской экономики: сбором, изучением, анализом информации. Косвенным воздействием русского зарубежья на экономическую ситуацию на Родине можно считать ее попытки повлиять на представителей западных стран в плане корректировки внешнеэкономических планов СССР. Прямое вмешательство русского зарубежья в решение экономических вопросов в Советской России проявилось лишь в помощи голодающим в 1921 г. Она была важна не только для голодающих, но и для

эмиграции. Трагедия дала русскому зарубежью возможность почувствовать себя сопричастным к жизни в России, подняла самооценку.

Существенные разногласия наблюдались у эмигрантов в оценке общественно-политической ситуации в РСФСР/СССР. Именно советская внутренняя политика приводила к наиболее бурным дискуссиям, вплоть до размежевания и даже расколов в эмигрантских организациях. Происходило переосмысление ситуации. Появлялись новые течения, оценивавшие советское руководство, исходя не из его сравнения с прошлым, а учитывая его эффективность и целесообразность, соответствие современным условиям.

Поэтому отношение к политическим событиям на родине было напрямую связано с политическими установками организаций, партий, отдельных людей, которые их оценивали. Особое внимание русского зарубежья приковывали события, способные привести к смене режима. Ситуация могла измениться при наличии «катализатора», который бы усилил и ускорил реакцию народа, сплотив его и вызвав общенародное движение.

Определенные надежды в среде зарубежья породило Кронштадтское восстание. Однако эмиграция не смогла объединиться в деле помощи, к тому же восставшие отказались от поддержки зарубежья. Это еще раз доказало несостоятельность и недееспособность русского зарубежья.

Другое дело – помощь политзаключенным. Она была хорошо налажена, оказывалась не только на широкой межпартийной основе, но и с привлечением международной общественности. Так же дело обстояло и с отношением к религиозным гонениям – эмиграция старалась поддерживать священнослужителей и мирян, притесняемых в вопросах веры. Но здесь деятельность высшей церковной власти, а точнее ее взаимоотношения с властью советской, вызвали противоречия, которые к концу 1920-х переросли в настоящий церковный раскол.

Особое внимание эмиграция уделяла государственному и партийному строительству в РСФСР/СССР. Определенные надежды возлагались на внутривнутрипартийные дискуссии, которые могли привести к развалу или расколу партии или, по крайней мере, к ее ослаблению, следовательно, к возможному падению власти. Но к

концу 1920-х, русское зарубежье отмечало единство партии и даже появление личной диктаторской власти в лице И.В. Сталина.

Многие эмигранты в годы НЭПа считали, что в РСФСР/СССР не было ни социализма, ни капитализма. Они сосуществовали, сочетая худшие из своих сторон. Полемизируя по отдельным вопросам внутренней политики, русское зарубежье свидетельствовало о ее стихийности, непродуманности, отмечало отсутствие четкой программы политических преобразований. За такой политикой эмигранты не видели будущего, предрекали ее крах. Достаточно высоко оценивая законодательство по вопросам государственного строительства, русское зарубежье отмечало его декларативность, несоблюдение на практике, несоответствие ему реального государственного устройства.

Общественно-политическое развитие РСФСР/СССР вызывало в эмиграции значительно больше разногласий, вплоть до размежевания и даже расколов партий.

Особенности русского эмигрантского менталитета приводили к определенной «разорванности» сознания, характерной для русского зарубежья, которая наиболее ярко проявилась именно в восприятии советской внешней политики. С одной стороны, изгнанники хотели вернуться на родину, для чего планировали использовать и внешнеполитические рычаги. С другой – они ревностно относились к государственной целостности России, ее границам и интересам. С третьей – они радели за соблюдение собственных прав и отстаивали свое положение в других странах.

Поэтому отношение эмиграции к советской внешней политике было более сложным и дифференцированным и зависело от личных и политических пристрастий (не только в отношении большевиков, но и в отношении иностранных государств и их руководства); местонахождения эмиграции (соответственно внешней политики страны проживания); гибкости или заостренности в отношении проблемы союзники–противники по мировой войне.

В тактике борьбы эмиграции за влияние на решение «русского вопроса» на международной арене в 1920-е гг. можно выделить четыре периода: 1) начальный, когда основная работа эмиграции была направлена против любого общения западных держав с Советами; 2) период первых договоров и конференций – против заключения каких бы то ни было договоров с РСФСР;

3) экономический (послегаагский, урквартовский), направленный на срыв экономического сближения стран и проникновения иностранного капитала и промышленности в Советскую Россию; 4) финальный, когда эмиграция уже понимала несостоятельность своих действий (исходя из опыта трех предыдущих периодов), связанный с попытками не допустить юридического признания СССР и разрушить уже заключенные договоры.

В связи с этим менялось и приложение сил эмиграции, адресаты обращений и воззваний: правительства стран; международная общественность; промышленные и финансовые круги. Происходила эволюция методов убеждения от абстрактных антисоветских к конкретным с доказательной базой.

Международные акты, договоры СССР просматривались через призму времени: соответствовали ли они концепции дореволюционной международной политики; какое значение имели для Советской России, ее народа, развития дипломатии, эмиграции в настоящем; как могли повлиять на их развитие в будущем, были ли перспективны.

Международная ситуация оказывала непосредственное влияние на взгляды русского зарубежья относительно своей роли и вовлеченности в решение русского вопроса. Постепенно эмиграция стала осознавать, во-первых, тщетность своих попыток оказать влияние на внешнюю политику иностранных государств, а во-вторых, несбыточность реваншистских планов с опорой на иностранную интервенцию.

Документы свидетельствуют о неподдельном интересе эмиграции к событиям, происходившим на Родине, советской экономике, внутренней и внешней политике. Однако он был неравномерен. Определенные темы и сюжеты, более близкие широким слоям эмиграции (например, религиозный вопрос) вызывали больший резонанс.

Можно выявить и различный уровень этого интереса в разное время. В первой половине 1920-х гг. проявляется высокая активность эмиграции в отношении Советской России: создание комитетов помощи голодающим в России; оказание материальной и моральной поддержки политзаключенным; участникам Кронштадского мятежа; петиции, декларации, участие в международных конференциях, встречи с дипломатическими предста-

вителями и другие действия с целью убедить международное сообщество не признавать правительство большевиков; выступления против религиозных притеснений; активизм в самой Советской России и так далее. В конце 1920-х гг. происходит некоторое затухание эмигрантской активности в отношении СССР (исключение составил дальневосточный регион), снижение интереса к событиям на родине.

Практическая деятельность эмиграции в отношении Советской России могла быть прямой или косвенной. Основными средствами влияния были: 1) личные контакты с высокопоставленными деятелями и членами иностранных правительств; 2) влияние на зарубежную и советскую общественность через прессу и различные открытые обращения и письма; 3) обращения с меморандумами и предоставление информационных бюллетеней по соответствующим вопросам в правительства других стран, отдельные зарубежные организации; 4) научно-теоретическая работа (сбор материала, его осмысление, оценки, прогнозы); 5) экстремистские решения (убийства, взрывы, террористические акты) с целью изменения политики; 6) практические мероприятия (помощь голодающим, осужденным, беженцам из СССР).

Не только эмиграция пыталась влиять на развитие ситуации на Родине, события в России также оказывали практическое, моральное и духовное воздействие на эмиграцию. Они могли послужить как в деле ее объединения, особенно в «минуты опасности» (например, помощь голодающим 1921–1922 гг.), так и разединения (например, декларация митрополита Сергия 1927 г.).

Внешнеполитические события приводили к изменению условий жизни и деятельности эмиграции (особенно ярко это проявилось в ситуации на КВЖД). Под влиянием перемен, происходивших в Советской России, в эмиграции возникло движение возвращенчества, появилось сменовеховство, новая тактика П.Н. Милюкова и так далее. Активизм, отдельные террористические акты также были реакцией на советскую политику.

Особое положение эмиграции, особенности ее ментальности привели к появлению трех подходов в оценке событий и политики Советской России/СССР: 1) теоретического, с точки соответствия теории государственного строительства; 2) идеологического, исходящего из соответствия или несоответствия советской

политики и ее воплощения в жизнь программным установкам отдельных эмигрантских партий, организаций, личностей; 3) практического, который был связан с двумя составляющими: целесообразностью и полезностью тех или иных советских мероприятий для страны и советских граждан на тот момент и возможными последствиями для эмиграции. При анализе конкретных событий они могли использоваться как по отдельности, так и одновременно. Это зависело не только от объекта оценки, но и от того, кто ее давал.

Определению личных, групповых позиций, способов возможного воздействия в целях трансформации советских реалий помогли накопление и анализ русским зарубежьем информации о Советской России/СССР, советской внутренней и внешней политике. Их изучение носило разносторонний (изучение не только политики, но и других аспектов), разноплановый (как с политических, так и с научных позиций) характер, отличалось большим разнообразием взглядов.

В среде русской эмиграции отсутствовало единство, выявляются диаметрально противоположные отношения как к советской политике и власти в целом, так и к отдельным событиям: от резкого неприятия и противоборства с ней до пассивности или даже поддержки. Более того, происходящее приводило к размежеванию эмиграции не только теоретико-идеологическому, но и фактическому, вплоть до разрыва личных отношений и прекращения общения.

Наличие у представителей разных групп русского зарубежья общей точки зрения на советскую политику не означало одинаковой реакции на нее, а неприятие советского не обязательно порождало «активизм» и антисоветские действия, равно как согласие с некоторыми большевистскими мероприятиями не было шагом на пути к сотрудничеству с советскими службами, возвращению в СССР и принятию советской политики вообще. Идеологическая разобщенность эмиграции сводила на нет стремление выработать единую стратегию и тактику по отношению к советскому режиму, систему практических мер по реализации взглядов на политические процессы, происходившие на родине.

Вопрос об отношении эмиграции к РСФСР/СССР неразрывно связан и с особенным положением этой группы людей. Оно

заклучалось в пребывании за границей большой, довольно обособленной группы русских людей, тесно связанных мыслями, чувствами, переживаниям с Россией. Поэтому, обращаясь к истории эмиграции, необходимо учитывать влияние на нее трех составляющих: собственно советской политики и ее реализации на практике; международной обстановки в целом и в странах проживания русского зарубежья; изменений, происходящих внутри эмиграции, как социума. Эти три фактора оказывали заметное влияние на восприятие русскими, проживавшими за рубежом, событий, происходивших на Родине.

Под влиянием этих факторов происходит и трансформация восприятия эмиграцией Советской Россией. На нее оказывали воздействие: во-первых, собственно эволюция самой советской политики, укрепление Советской России как государства, ее международные успехи; во-вторых, включение СССР в мировую политику, изменение отношения к нему других стран; в-третьих, осознание русским зарубежьем факта, что пребывание в эмиграции из кратковременного превращается в длительное, а может быть, и постоянное проживание на чужбине, что требует не столько борьбы с советской властью, сколько приспособления и адаптации к жизни в новых условиях, то есть происходит смена приоритетов.

Говоря об эволюции, трансформации отношения и реакции русского зарубежья, надо отметить и другие моменты. События начала 1920-х гг. воспринимались русским зарубежьем более живо, эмоциональнее в силу того, что эмигранты не так давно оставили Родину, любое событие, связанное с ней, воспринималась как близкое, личное. Позднее эмоциональность уступила место сначала просто анализу ситуации, а затем и выстраиванию неких причинно-следственных конструкций.

Социально-экономическое и внутривполитическое развитие страны не отличалось последовательностью, было противоречивым, меняло направления, что приводило к поворотам эмигрантской мысли. Внешняя политика РСФСР/СССР была более цельной, последовательной. Именно в отношении ее достаточно четко прослеживается изменение восприятия и реакции русского зарубежья.

Изменение отношения эмиграции к СССР происходило крайне медленно, но, тем не менее, оно было, и игнорировать его нельзя. Оно проявлялось в возникновении в эмиграции новых революционных течений, относившихся к советской политике с новых позиций; в появлении новых теорий, воззрений и эволюции прежних идей, изменении программных документов некоторых эмигрантских партий, стратегии и тактики борьбы с СССР.

Эти изменения не имели единого вектора и отнюдь не означали улучшения отношения к советскому строю. Одни эмигранты в силу личных и социально-бытовых причин стали интересоваться происходящим на родине в минимальной степени, стали политически пассивны, превратились в обывателей. Другие пришли к положительной оценке некоторых мероприятий советского правительства и политики в целом. Третьи стали еще более ортодоксальными антисоветчиками. То есть происходит еще большая поляризация взглядов и оформление окончательных позиций эмиграции в отношении СССР.

Чем дольше длилось пребывание за границей, тем менее реалистичным было восприятие советской действительности. Довольно точная характеристика отдаления эмиграции от России дается в выступлении одного из немногих русских, бежавших из Советского Союза в начале 1930-х гг. Выступая перед эмигрантами, на вопрос о том, что думают в России об эмиграции, последовал следующий ответ: «Правильно было бы ответить, что ничего не думают. Думали различно. Вскоре после переворота возлагали кое-какие надежды, думая, что она может повлиять на Европу. Потом наступило разочарование, почувствовалась даже неприязнь. Вспоминали выражения «лается как пес из-под ограды» ... Пятнадцатилетнее отсутствие из отечества – срок большой: большинство из вас забыто». И далее, говоря об эмигрантской прессе, он указывал: «Для нас она была иностранной прессой, печатавшейся на русском языке. Русской политической стороной прессы мало интересовались даже большевики. Все убедились за эти годы, что вы повторяете зады и преподносите читателям ныне буквально то же, что и 10 лет назад ... Много описывается правильно. Однако созидательность отсутствует ... Вы правы, говоря, что вашим предшественникам в эмиграции было легче

работать, ибо связь с Россией и с единомышленниками там была возможной, тогда как теперь это почти неосуществимо»¹.

Эмигранты были оторваны от России, поэтому не могли оценить масштабов и результатов происходивших там перемен, понять их внутренний смысл, хотя общие тенденции развития оценивали достаточно верно. Время делало свое дело – реальные планы и действия по возвращению на Родину вытеснялись надеждами и иллюзиями. В 1938 г. Дон-Аминадо писал в четверостишии «Послесловие»:

Жили. Были. Ели. Пили.
Воду в ступе толкли.
Вкруг да около ходили,
Мимо главного прошли².

¹ ГАРФ. Ф. 9145, оп. 1, д. 25, л.1.

² <http://kogalym7.narod.ru/info/2/Aminado.htm>

Источники и литература

Источники

I. Неопубликованные архивные источники

1. Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ).

1. Ф. Р-454 Русское политическое совещание в Париже, оп. 1, д. 6, 15, 16, 23, 24, 26, 27.
2. Ф. Р-3792 Российское вице-консульство в Цуруге (Япония), оп. 1, д. 12.
3. Ф. Р-4644 Российское консульство в Риме, оп. 1, д. 65, 70, 82.
4. Ф. Р-4738 Российская Миссия в Персии, оп. 1, д. 26.
5. Ф. Р-5680 Канцелярия Министерства иностранных дел (белогвардейского правительства) при главнокомандующем вооруженными силами на Юге России (Деникине). Позже белоэмигрантское учреждение в Париже, оп. 1, д. 6, 7, 9-11, 13, 16, 18, 23, 52, 104, 105, 107, 109, 110, 111, 114, 149, 153, 155, 157, 158.
6. Ф. Р-5705 Российская дипломатическая миссия в Константинополе, оп. 1, д. 13.
7. Ф. Р-5760 Российская миссия в Швейцарии (Берн), оп. 1 д. 5-7, 18, 29, 36, 37, 50-52, 56, 60, 68-70, 170.
8. Ф. Р-5796 Юго-восточный отдел объединения русских воинских союзов, оп. 1. д. 2-6, 8, 15, 16, 19, 20, 24, 58, 59.
9. Ф. Р-5826 РОВС в Сремских Карловцах, оп. 1, д. 3, 8, 61, 99, 103, 138 б, 142, 156, 157, 166-168 –186.
10. Ф. Р-5832 Русское военное агентство в Дании, оп. 1, д. 13, 16.
11. Ф. Р-5845 Русский воинский союз в Праге, оп. 1, д. 2-7.
12. Ф. Р-5872 Народный союз защиты Родины и свободы, оп. 1, д. 10, 18, 22, 26, 34, 45, 51, 58, 77, 80, 85, 141, 144, 155-157, 175, 178, 190, 196, 208, 209, 212, 213, 230, 274.
13. Ф. Р-5877 Русский общественный комитет во Франции помощи голодающим, оп. 1, д. 1, 8, 32, 34, 36, 37.
14. Ф. Р-5880 Благотворительное общество помощи политзаключенным в России (Прага), оп. 1, д. 1-9.
15. Ф. Р-5882. Редакция газеты «Руль», оп. 1, д. 11, 12.
16. Ф. Р-5883. Редакция газеты «За Россию», оп. 1, д. 2, 3.
17. Ф. Р-5888. Объединение русских эмигрантских организаций в Чехословакии, оп. 1, д. 56-60.
18. Ф. Р-5893 Административный центр внепартийного объединения, оп. 1, д. 17, 19, 29, 37, 38-41, 46, 61, 62, 64, 68-70, 72, 90, 94.
19. Ф. Р-5898 Долгоруков П.Д. (1972-1942), оп. 1, д. 36.
20. Ф. Р-5919. Письма разных лиц и учреждений к митрополиту Евлогию и другие документы, оп. 1. д. 1-157.
21. Ф. Р-5920 Комитет помощи голодающим в России при союзе русских студентов в Чехословакии, оп. 1, д. 1-10.
22. Ф. Р-5946 Совет объединенных обществ в королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев г. Белград, оп. 1, д. 2, 6, 9-12.
23. Ф. Р-5977 Лондонский общественный комитет помощи голодающим, оп. 1. д. 5, 10, 12-14, 25.
24. Ф. Р-6055 Коллекция информационных материалов о Советской России, оп. 1, д. 1-11, 13, 15-17, 20, 21, 23, 36, 38, 39, 40, 61-63.

25. Ф. Р-6057 Бюро русского кооперативного объединения помощи голодающим в России (г. Ревель), : оп. 1, д. 1, 3-5, 7.
26. Ф. Р-6064 Кружок «Совнарод» (Союз возвращения на родину) г. Варна (Болгария), оп. 1, д. 1-4.
27. Ф. Р-6080. Постоянный секретариат русской секции Международной лиги борьбы с III Интернационалом, оп.1, д. 10, 14, 15, 19, 26, 35, 36, 43, 44, 45, 49, 58, 59, 71, 102, 127, 128, 130.
28. Ф. Р-6094 Гулькевич К.Н., оп.1, д. 3, 4, 57, 224.
29. Ф. Р-6096 Русский национальный комитет, оп. 1, д. 1,2, 7,8, 12, 22, 28, оп. 2, д. 1,10 .
30. Ф. Р-6110 Озерцовский В.С., оп.1, д. 5-7, 9, 12, 75, 76.
31. Ф. Р-6140 Берлинский комитет помощи политзаключенным и ссыльным России, оп. 1, д. 1-7, 9.
32. Ф. Р-6146 Объединение русских общественных организаций и благотворительных учреждений в Чехословацкой республике (г. Прага), оп. 1, д. 7,12.
33. Ф. Р-6208 Русский комитет в Женеве по оказанию помощи голодающим в России, оп. 1, д. 4, 8, 9, 32.
34. Ф. Р-6215 Коллекция агентурных сводок, донесений о Советской России, оп. 1, д. 1, 2,4-14, 16, 18.
35. Ф. Р-6229 Белорусский общественный комитет помощи голодающим в Белоруссии, оп. 1, д. 1, 2.
36. Ф. Р-6278 Российская военно-республиканская лига: оп. 1, д. 11-13.
37. Ф. Р-6343 Архиерейский Синод Русской Православной Церкви за границей, оп. 1, д. 1-3, 8, 17, 18, 22, 24, 39, 52, 55, 68, 75, 80, 215, 221, 250, 252 б, 267, 277, 278, 285, 286, 288, 293, 298, 327, 368, 371, 379.
38. Ф. Р-6460 Абрамов В.П., председатель РОВС, оп.1, д. 1, 3, 5, 12, 13, 19, 21, 24, 25.
39. Ф. Р-6772 Коллекция документов о Московском процессе эсеров, собранная заграничной делегацией партией социалистов-революционеров, оп. 1, д. 6-8, 13, 15.
40. Ф. Р-6790 Русский национальный комитет в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев (Югославия), г. Белград, оп. 1 д. 3, 5, 6, 9, 14, 15, 18, 19, 22.
41. Ф. Р-6845 Редакция газета «Последние новости», оп. 1, д. 2-5, 301, 304.
42. Ф. Р-6851 Российское посольство в Париже, оп.1, д. 237, 251.
43. Ф. Р-7004. Временный Варшавский комитет по борьбе с голодом в России, оп. 1, д. 1.
44. Ф. Р-7035 Центр организационных комитетов по созыву Российского Зарубежного съезда (г. Париж), оп. 1, д.6.
45. Ф. Р-7067 Материалы Лиги Наций, оп.1 д. 182, 510.
46. Ф. Р-7333 Миллер Е.К, оп. 1, д. 38-40.
47. Ф. Р-7348 Агапеев В.П., оп. 1, д. 1.
48. Ф. Р-7436 Швейцарский отдел Русского общества Лиги наций (Женева), оп. 1, д. 5, 7, 20-22.
49. Ф. Р-7518 Штаб главнокомандующего русской армии г. Белград, Сремски Карловцы (врангелевской армии), оп. 1, д. 2 б, 4.
50. Ф. Р-9110 Русский земледельческий комитет помощи голодающим, оп.1, д. 1, 3, 4.
51. Ф. Р-9114 Иллюстрации, оп.1, д. 12, 13, 43.
52. Ф. Р-9145 Отдельные документы различных белоэмигрантских организаций (уставы, положения, протоколы заседаний, доклады, отчеты, сведения, переписка и др.) Коллекция, оп. 1, д. 25, 34, 134, 136,141, 151, 161, 164, 166, 225, 226, 236, 396, 399, 473, 497, 511, 517, 570, 578, 606, 607, 622, 626, 889, 907, 935, 1040 а, 1060, 1061, 1063, 1064, 1088, 1208, 1250, 1279, 1280.
53. Ф. Р-9232 Представительство русской секции Международной лиги борьбы с III интернационалом в Болгарии, оп. 1, д. 1-4.

2. Дом Русского Зарубежья им. А.И. Солженицына

- 54. Ф.2. Архив Н.Л. Оболенского, начальника Общей канцелярии Великого Князя Николая Николаевича, к.1, ед. хр. 50, к. 4, ед. хр. 55, к.7, к.7, ед. хр. 7, 37, к. 8, ед. хр. 7, 37, 91.
- 55. Ф.7. Архив Рутыча Н.Н. и «Общества Ревнителей Русской Истории». Оп. 1-7. Оп.1. ед.хр. 1, 2, 3, 27-29, 31, оп. 2, ед. хр. 1-3, 5, 6; оп.5, ед. хр. 1-11.
- 56. Альбомы Калугина ед. хр. 31 (в), 53 (а,b,d), 70 (а,b,c), 73-75,84.

3. Отдел рукописей РГБ

- 57. Ф. 760 Бирюкова О.П. к.208, ед. хр. 23-25.

4. С.А.Р.А.Н (Национальный Архив Франции).

- 58. AJ43. Réfugiés russes. Д. 5 - 9, 32,49,51,75,202, 395, 502.
- 59. F7. Police Générale. Д. 13417-13419, 13487-13512, 13518, 13975, 13978.

5. Des archives du ministère des affaires étrangères (Архив МИД Франции).

- 60. "Europe 1918-1940. URSS". Д. 13, 15, 122-127, 456-459, 561, 562, 588-593, 596-613, 793, 862-864, 893, 956-958, 1089-1090, 1220- 1227, 1278-1283.

II. Опубликованные источники

1. Периодика

A. Газеты

- 1. Варшавская речь: Внепартийный демократический орган. Варшава, 1919.
- 2. Варшавский голос: Орган независимой мысли. Варшава, 1921 (август-октябрь).
- 3. Варшавское слово: Орган демократической мысли. Варшава, 1920.
- 4. Верный путь: Ежедневная газета. Ревель, 1920, январь-февраль.
- 5. Вестник Манчжурии: Орган Союза служащих мастеровых и работных КВЖД, посвященный политической, экономической, культурной и интересам профессиональной трудовой жизни. Харбин, 1919.
- 6. Вечернее время: Париж, 1924-1925.
- 7. Виленский курьер: Ежедневная газета. Вильно, 1919-1920.
- 8. Виленское слово: Ежедневная газета. Орган независимой демократической мысли. Вильно 1920-1921.
- 9. Военная мысль: Либеральный орган. Харбин, 1920.
- 10. Возрождение: Беспартийная демократическая газета, Копенгаген, 1919.
- 11. Возрождение: Орган русской национальной мысли, Париж, 1925-1940.
- 12. Воля: Политическая, общественная и литературная газета. Рига, 1920
- 13. Воля России: Ежедн. Газ. Прага, 1920, 1921 (январь-сентябрь).
- 14. Вперед: Орган Объединенной конференции профессиональных, политических и общественных организаций полосы отчуждения КВЖД. Харбин, 1920-1921.
- 15. Время: Независимый орган для сближения народов: заграничное отделение. Берлин, 1919-1925.
- 16. Голос: Ежедневная литературно-политическая и экономическая газета. Ковно, 1921.
- 17. Голос Родины: Общественно-политическая газета. Гаага, 1918-1919.
- 18. Голос России: Орган независимой русской политической мысли. Берлин, 1919, 1922.
- 19. Грядущая Россия: Орган русской народной мысли, еженедельная газета. Берлин, 1921-1922.
- 20. Дни: Русская ежедневная газета по вопросам политики, экономики и литературы. Париж, 1928, 1929.
- 21. Дым отечества: Ежедневная беспартийная газета. Харбин, 1920 (№1).

22. Жизнь: Ежедневная демократическая газета. Ревель, 1920.
23. За народное дело: Орган комитета группы социал-революционеров. Ревель, 1921(февраль-апрель).
24. Заря. Ежедневная газета. Харбин, 1920.
25. Заря: Общественно-политическая газета в Монголии. Издание культурно-просветительского отдела народного дома в Урге. Урга, 1923-1924.
26. За свободу!: Газета политическая, литературная и общественная. Варшава, 1922-1925, 1930, 1931.
27. За свободу России: Литературно-политическая газета, орган независимой демократической мысли. Ревель, 1920.
28. Звено: Ежедневная литературно-политическая газета. Париж, 1923-1925.
29. Манчжурия: Ежедневная общественно-политическая газета. Харбин, 1918. №73, 1920. № 21-23.
30. Накануне: Ежедневная газета. Берлин, 1922-1924.
31. Наш мир: Иллюстрированное воскресное приложение газеты «Руль». Берлин, 1924-1925.
32. Новая Россия: Ежедневная внепартийная газета. Австрия, 1920 №1-5, 7-8.
33. Новая русская жизнь: Ежедневная газета. Гельсингфорс, 1919-1921.
34. Новая шанхайская жизнь: Ежедневная политическая, общественная и литературная газета. Шанхай, 1922-1926.
35. Новое рижское слово: Ежедневная утренняя газета. Рига (1918-1919), 1919 №3, 12, 22.
36. Новости жизни: Политическая, литературная и торгово-промышленная газета. Харбин, 1920, 1923, 1924, 1926, 1927.
37. Новый мир: Ежедневная политическая, литературная и экономическая газета. Берлин, 1921-1922.
38. Новый мир: Ежедневная прогрессивная общественная и экономическая газета. Буэнос-Айрес, 1921.
39. Общее дело: [Ежедн. газ.]Париж, 1919-1921, 1928-1930.
40. Огни: Ежедн. газ. науки, искусства и литературы. Прага, 1921, 1924.
41. Помощь: М., 1921. № 1-3.
42. Последние новости: Ежедневная газета. Париж, 1920-1930.
43. Призыв: Беспартийная русская газета. Берлин, 1919-1920.
44. Протест: Анархо-коммунистический вестник. София, 1923, 1924.
45. Рижский день: Независимая демократическая газета. Рига, 1920. № 1-5.
46. Россия: Русская газета в Софии. София, 1920.
47. Руль: [Ежедн. газ.]. Берлин, 1920-1927.
48. Русская газета: Варна, 1920.
49. Русская жизнь: Единственная русская газета на Западном побережье Америки. Сан-Франциско, 1922 № 34.
50. Русская правда: Политическая и литературная газета русских патриотов в Болгарии. София, 1920. № 4.
51. Русская трибуна: Вестник Союза национального освобождения. Мюнхен, 1924.
52. Русский вестник. Лос-Анджелес, 1925, май.
53. Русский вестник. Рассвет. Н.Й., 1926. 9 сентября, 15 октября, 6 ноября.
54. Русский голос: Ежедневная газета. Харбин, 1920, 1921.
55. Русское время: Ежедн. (затем Нац.-беспартийная илл.) газ. Париж, 1925-1929.
56. Русское эхо: Ежедневная демократическая общественно-политическая, торгово-промышленная, литературная газета. Шанхай, 1920 (август-ноябрь).
57. Русь: Ежедневная газета. София, 1924, 1925.
58. Свобода: политическая, литературная и общественная газета. Варшава, 1920-1921.

59. Свет: Общественная и политическая газета, орган независимой мысли. Харбин. 1920 г. (май-ноябрь).
60. Трибуна: Ежедневная общественная, литературная, политическая и профессиональная газета. 1923.
61. Церковные ведомости, издаваемые при Архиерейском Синоде Русской Православной Церкви за границей. Сремски Краловцы, Белград, 1922-1933.
62. Шанхайская жизнь. Ежедневная общественно-политическая и торгово-промышленная газета. Шанхай: (1919-1922).

Б. Журналы

63. Анархический вестник: Орган объединенных анархических организаций. Берлин, 1923-1924. №1-7.
64. Балтийский альманах (Литва, Латвия, Эстония): Ежемесячник литературы, искусства и экономики. Каунас, Берлин. 1923-1924. № 1-2.
65. Бич: Ежедневный журнал политической сатиры. Париж, 1920 № 1.
66. Благовест. Новый Сад, 1925.
67. Борьба. Париж, 1929.
68. Борьба за Россию. Париж, 1926-1931. №1-237 (с приложениями).
69. Веретеныш: Вестник критической мысли и сатиры. Берлин, 1922. № 1-3.
70. Вестник эмигранта. Варшава, 1927. № 3.
71. Вестник Русского Студенческого Христианского Движения. Париж, 1923-1930*.
72. Воля России: центральный орган ПСР. Прага, 1920-1932.
73. Высший монархический совет: Ежедневник. Берлин, 1921-1923, 1925, 1926.
74. Голос эмигранта: Журнал посвященный культурным, правовым и экономическим интересам русской эмиграции. Берлин, 1921. №1,4.
75. Двуглавый Орел. Берлин, 1920-1922; Париж, 1926-1931.
76. Дни: Двухнедельник. Берлин, 1922-1925; Париж, 1925-1927.
77. Заря: Орган социал-демократической мысли. Берлин, 1922-1925.
78. Знамя: Временник литературы и политики. Берлин, 1921.
79. Знамя труда: неперидический бюллетень Заграничной партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов). Берлин, 1922.
80. Знамя борьбы: орган Заграничной делегации Партии левых социалистов-революционеров и Союза социалистов-революционеров максималистов. Берлин, 1924-1930.
81. Иллюстрированная Россия. Париж, 1924-1927.
82. Луч: Демократический журнал. Париж, 1920, 1921.
83. Путь: орган русской религиозной мысли в Париже, Париж, 1925-1940.
84. Революционная Россия: Орган партии эсеров. Берлин, 1920-1929.
85. Русская правда: орган Братства Русской Правды. Белград, 1926-1931.
86. Русский эмигрант. Берлин, 1920-1921.
87. Современные записки: ежемесячный общественно-политический и литературный журнал. 1920-1930.
88. Социалистический вестник: Центральный орган Заграничной делегации РСДРП, Берлине, Париж, 1921-1930.
89. Союз Русских дворян. [Вестник] Париж, 1927. №1; 1930. №2.
90. Труды кружка к познанию России. Париж, 1929.
91. Экономический вестник. Берлин, 1923-1924.

* Название изменялось: 1) Духовный мир студенчества; 2) Вестник: орган церковно-общественной жизни; 3) Вестник Русского Христианского Движения; 4) Вестник РСХД.

92. Царский вестник: Орган народного движения. 1930. № 83.

2. Источники личного происхождения (мемуары, записки, письма, дневники).

93. Абрикосов Д.И. Судьба русского дипломата. М.: Русский путь, 2008. 575 с.
94. Александровский Б.Н. Из пережитого в чужих краях: воспоминания и думы бывшего эмигранта. М.: Мысль, 1969. 374 с.
95. Антоний (Храповицкий). Письма блаженнейшего митрополита Антония. Джорданвилль: Св.-Троицкий монастырь, 1988. 280 с.
96. Антоний (Храповицкий). Письмо от 18/31 декабря 1926 г. за № 1544 высокопреосвященному митрополиту Евлогию. 1926. 44 с.
97. Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. Париж, 1980.
(http://lib.ru/MEMUARY/BAZHANOW/stalin.txt_with-big-pictures.html)
98. Беседовский Г.З. На путях к термидору: Из воспоминаний бывшего советского дипломата. Париж: Мишень, 1930. 457 с.
99. «Большевизм есть несчастье, но несчастье заслуженное». Переписка В.А. Маклакова и А.А. Кизеветтера // Источник. 1996. № 2. С. 4-24.
100. Борисов К. 75 дней в СССР: Впечатления. Берлин: Изд. автора, 1924. 80 с.
101. Боткин П.С. Картинки дипломатической жизни. Париж: Изд-во Е. Сияльской, 1930. 189 с.
102. Бунин И.А. Дневники. (Дневники И. Бунина // Электронная библиотека Либрсек. URL: <http://lib.rus.ec/b/98072/read#132>)
103. Бурцев В.Л. Борьба за свободную Россию. Мои воспоминания (1882-1924). Берлин: Гамаюн, 1924. 381 с.
104. Варшавский В.С. Незамеченное поколение [Политические течения и идеологические искания]. N.Y.: Изд-во им. Чехова, 1956. 387 с.
105. Варшнер Т.С. Виденное и пережитое (в Советской России). Берлин: Труд, 1923. 154 с.
106. «В Вас я верю. Но иногда Вам не верю...» Письма П.Н. Милюкова Е.Д. Кусковой. 1922-1936 гг. // Исторический архив. 2000. № 6. С. 142-157.
107. Витковский В.К. В борьбе за Россию: Воспоминания. Б.м., 1963. 79 с.
108. Вишняк М.В. «Современные записки»: Воспоминания редактора Bloomington: Indiana University Press, 1957; СПб-Дюссельдорф, 1998. (URL: http://imwerden.de/pdf/vishnyak_sovremennye_zapiski_1957.pdf)
109. Вонлярлярский В. Мои воспоминания. 1852-1939. Берлин: Русское национальное издательство, [1939]. 253 с.
110. Войцеховский С.Л. Трест: Воспоминания и документы. London (Ontario): Заря, 1974. 192 с.
111. Войцеховский С.Л. Эпизоды. Лондон (Канада): Заря, 1978. 189 с.
112. Горбачевич Д.М. Что я видел в Советской России: Из моих личных наблюдений. Чикаго: Б.и., 1935. 336 с.
113. Граф Г.К. На службе императорскому дому России, 1914-1941: воспоминания. СПб: Русско-балтийский информационный центр БЛИЦ, 2004. 687 с.
114. Гурович И. Записки эмигранта. М., Пгд: Петроград, 1923. 176 с.
115. Давыдов А.В. Воспоминания (1881-1955). Париж: Альбатрос, 1982. 286 с.
116. Далин Д.Ю. После войн и революций. Берлин: Грани, 1922. 287 с.
117. [Далин Д.Ю.] Россия и эмиграция. Paris: Les Indépendants, 1947. 63 с.
118. Дан Ф.И. Письма (1899-1946) Amsterdam: Stichting international inst.: voor socil geschiedenis. 1985, 678 с.
119. Десять лет спустя, или переписка 1927 года (В.А. Маклаков и Б.А. Бахметев) / Публ., вступит ст. и коммент. Будницкого О.В. // Диаспора. Т. II. Спб – Париж, 2001. С. 368-476.

120. Думбадзе Е.В. На службе Чека и Коминтерна: Личные воспоминания. Париж: Мишель, 1930. 161 с.
121. Евлогий (Георгиевский). Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогия, изложенные по его рассказам Т. Манухиной. Париж, 1947. 676 с., 2-е изд. М.: Московский рабочий, 1994. 622 с.
122. Жадан П.В. Русская судьба: записки члена НТС о гражданской и Второй мировой войнах. N.Y.: Посев, 1989. 239 с.
123. Записка Российского посланника в Берне И.Н. Ефремова от 3.03.21. // Очерки антибольшевистской эмиграции 1920-1940-х гг. Вып.4. М.: Ипполитов, 2002. С.17-19.
124. За рубежом. Белград-Париж-Оксфорд (Хроника семьи Зерновых, 1921-1972) / Под ред. Н.М. и М.В. Зерновых. Paris: Ymca-press corp., 1973. 561 с.
125. Зензинов В.М. Пережитое. N.Y.: Изд-во им. Чехова, 1953. 414 с.
126. «Злая фея нас разделяет» Письма русских писателей Е.А. Ляцкому. 1924-1930. // Исторический архив. 2000 № 5. С. 93-134.
127. Зубов В.П. Страдные годы России: Воспоминания о революции (1917-1925). М.: Индрик, 2004. 319 с.
128. Из архива Б.И.Николаевского. Переписка с И.Г.Церетели. 1923-1958 гг. Вып. 1. М: Памятники исторической мысли, 2010. 517 с.
129. Из переписки В.А. Маклакова и В.В. Шульгина // История и историки. 2006. №1. С. 363-394.
130. Косинский М.Ф. Первая половина века: Воспоминания. Paris: Ymca-press corp., 1995. 417 с.
131. Кривицкий В. Я был агентом Сталина. М.: Терра-клуб, 1998. 334 с.
132. Лазарев Е. Моя жизнь: Воспоминания. Статьи. Письма. Материалы. Прага: Легиография, 1935. 312 с.
133. Ларионов В.А. Боевая вылазка в СССР: Записки организатора взрыва Ленинградского Центрального Партклуба. Июнь 1927. Paris: Борьба за Россию, 1931. 71 с.
134. Ларсон М.Я. (Лазерсон) В советском лабиринте: Эпизоды и силуэты. [Париж]: Стрела, 1932. 183 с.
135. Ларсон М.Я. На советской службе: Записки спеца. Париж: La source, 1930. 284 с.
136. Лодыженский Ю.И. От Красного Креста к борьбе с коммунистическим Интернационалом М.: Айрис-пресс, 2007. 528 с.
137. Лунченков И. За чужие грехи (Казачи в эмиграции). / Предисл. С. Буденого. М.; Л.: Земля и фабрика, 1925. 196 с.
138. Майский И.М. Воспоминания советского дипломата. 1925-1945. Ташкент: Узбекистан, 1980. 671 с.
139. Михайлов О.Н. Один день с Шульгиным (отрывок из воспоминаний) // Новый исторический вестник. 2007. № 16 (2). (http://www.nivestnik.ru/2007_2/8.shtml)
140. Маклаков В.А. Из воспоминаний. N.Y.: Изд-во им. Чехова, 1954. 410 с.
141. Мартов Ю.О. Письма и документы (1917-1922). Сост. Ю.Г. Фельштинский (<http://moshkow.cherepovets.ru/cgi-bin/html-KOI.pl/HISTORY/FELSHTINSKY/martov.txt>)
142. Материалы Российского Военно-исторического архива в Париже. / Под ред. А.А. Геринга. В 5 т. Фресно: Faculty Press, 1974.
143. Мейснер Д. Исповедь старого эмигранта. М.: Совет. ком. по культ. связям с соотечеств. за рубежом, 1963. 48 с.
144. Мейснер Д. Миражи и действительность. М.: Изд-во агентства печати «Новости», 1966. 298 с.
145. Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники. М.: Индрик, 2003. 527 с.
146. Милюков П.Н. Воспоминания. М.: Вагриус, 2001. 636 с.

147. Меньшевики после Октябрьской революции. Сб. ст. и воспоминаний. Newton: Chalidze pub., 1990. 291 с..
148. Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914-1920. Кн.2. М.: Международные отношения, 1993. 686 с.
149. «Мой труд не принесет мне ничего, кроме горя» (Из переписки Б.В. Савинкова) // Источник. 1995. № 4 (17). С. 4-32
150. «Мы честно дрались с вами, потому что любим Россию». Письмо белого офицера красному редактору. // Источник. М., 1996. № 6 С. 137-139.
151. Набоков К.Д. Испытание дипломата. Стокгольм: Северные огни, 1921. 282 с.
152. Назаров Р. Россия за 1921 г. Берлин, 1921.
153. Написанные без оглядки: Василий Маклаков и его письма-портреты (Сост. О.В. Будницкий) // Родина. 1996. № 10.
154. Наседкин В.Н. Пятнадцать лет скитаний по земному шару. М.: Изд-во Всероссийского общества политкаторжан и ссыльнопереселенцев, 1932. 188 с.
155. Оболенский В.А. Моя жизнь, мои современники. Paris: YMCA-press, 1988. 88 с.
156. Олышанский А.Н. Записки агента разведупра. Париж: Мишень, 1930, 161 с.
157. Осоргин М. Времена: Автобиографическое повествование. М.: Современник, 1989. 621 с.
158. Переписка Саблина (<http://nature.web.ru/db/msg.html?mid=1187395&s=>)
159. Патек В. Исповедь сменовеховца. София: Танаис, 1924. 151 с.
160. Пешехонов А.В. Почему я не эмигрировал? Берлин: Обелиск, 1923. 77 с.
161. Письма архиепископа Анастасия князю Г.Н. Трубецкому // Вестник РСХД. 1987. №151. С. 227-237.
162. Попов П. На рубеже двух эпох. Из пережитого. Варна: Светлина, 1933. 178 с.
163. Почему мы вернулись на Родину. Свидетельства реэмигрантов. / Сост., авт. предисл. и введ. Ст. А.П. Осадчая, А.Л. Афанасьев, Ю.К. Баранов. 2-е изд. М.: Прогресс, 1987. 400 с.
164. Пребывание здесь - нелепость и громадная ошибка ... (Письмо И.Я. Билибина Я.Э. Рудзутаку) // Источник. 1994. №4. С. 56-59.
165. Приданников А.О. Вычеркнутые из истории (записки очевидца). Омск: Изд-во ОмГПУ, 2002. 163 с.
166. «Разбросанные по всей Америке...». Из писем С.П. Тимошенко В.И. Вернадскому (Публ. М.Ю. Сорокиной) // Природа. 2000. №4. С. 55-57. (<http://www.ihst.ru/projects/sohist/document/letters/sork00pr.htm>)
167. Ратиев А.Л. То, что сохранила мне память. [Мемуары]. София: Изд-во Софийского университета им. Св. Климента Охридского, 1999. 681 с.
168. Русский Берлин: [Фрагменты воспоминаний русских беженцев и советских подданных, первая половина 1920-х гг.] / Сост. предисл. и персоналии В.В. Сорокиной. М.: Изд-во МГУ, 2003. 365 с.
169. Русское зарубежье о Есенине. Т.1. Воспоминания. М.: ИНИОН, 1993. 326 с.
170. Сабанеев Л.Л. Воспоминания о России. М.: Классика-XXI, 2004. 268 с.
171. Савич Н.В. После исхода: Парижский дневник, 1921-1923. М.: Русский путь, 2008. 565 с.
172. Сазонов С.Д. Воспоминания. Париж: Кн. изд-во Е.Сияльского, 1927. 398 с.
173. Секулич М. Русские в Сербии. (Воспоминания). Б.м., б.г. 105 с.
174. Селянинов-Опперпут П. Народный союз защиты Родины и свободы: Воспоминания. Берлин: Б.и., 1922. 66 с.
175. Семенов Г.М. О себе: Воспоминания, мысли и выводы. [Дайрен], 1938, 228 с.; 2-е изд. М.: АСТ: Гей Итэрум, 1999. 316 с.
176. Слободской А. Среди эмиграции: Мои воспоминания. Харьков: Пролетарий, 1925. 129 с.

177. «Совершенно лично и доверительно!» Б.А. Бахметев – В.А. Маклаков. Переписка 1919-1951 гг. В 3 т. М.: РОССПЭН, 2001.
178. Сорокин П.А. Дальняя дорога: Автобиография. (Предисл., примеч. и пер. А. В. Липского). М.: Московский рабочий, ТЕРРА, 1992. (<http://belousenkolib.narod.ru>)
179. Талин В.И. По переписи: Из записок советского статистика. Берлин: Грани, 1922. 116 с.
180. Трубецкая О.Н. Князь С.Н. Трубецкой: Воспоминания сестры. Н.Й.: Изд-во им. Чехова, 1953. 269 с.
181. Устами Буниных. / Под ред. М. Грин. В 3 т. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1977.
182. «Чему свидетели мы были ...» Переписка бывших царских дипломатов. 1934-1940. В 2 кн. М.: Гея, 1998.
183. Что я видел в Советской России? Из моих личных наблюдений. Чикаго, 1938. 336 с.
184. Шульгин В.В. Письма к русским эмигрантам. М.: Соцэкгиз, 1961. 95 с.
185. Шульгин В.В. Последний очевидец. Мемуары. Очерки. Статьи. М.: Олма-Пресс, 2002. 587 с.
186. Шульгин В.В. Три столицы. Путешествие в Красную Россию. Берлин: Медный всадник, 1927. 461 с.
187. Abricossov D.I. Revelation of a Russian Diplomat. Seattle: Univ. of Washington Press, 1964.
188. Bloom A. (metropolitan) The Russian Church Abroad // Glenney M., Stone N. The other Russia. London-Boston: Faber and faber, 1990. P. 182-195.
189. Gordey M. A Russian Life Abroad // Glenney M., Stone N. The other Russia. London-Boston: Faber and faber, 1990. P. 260-266.
190. Halperin I.S. A Second Flight // Glenney M., Stone N. The other Russia. London-Boston: Faber and faber. 1990. P. 272-275.

3. Научные, публицистические и литературные труды

191. Авалов Зураб Д. Независимость Грузии в международной политике. 1918-1921. Reprint. N.Y. Chalidze pub., 1982. 312 с.
192. Авантюристы-оперпуты. /Под ред. С.Хмара. Шанхай: Б.и., 1928. 162 с.
193. Александров. Большевики, поднявшие меч от меча должны и погибнуть. Исторический анализ положения советской власти. 1917-1925 гг. и перспективы будущего. Париж: Imprimerie de Navarre, 1926. 211 с.
194. Александров. Диктатор ли Сталин: Историко-догматический анализ. Paris: Возрождение, б.г. [1932]. 31 с.
195. Александров [Михельсон А.С.]. Кто управляет Россией. Большевицкий аппарат и «сталинизм»: историко-догматический анализ. [Берлин]: Парабола, б.г.[1933] 418 с.
196. Алексеев Н.Н. На путях к будущей России: (советский строй и его политические возможности). Париж: Евразийское книгоиздательство, 1927. 78 с.
197. Алексеев Н.Н. Советский федерализм. Б.м., б.г. 20 с.
198. Алексеев Н.Н. О газете «Евразия» (газета «Евразия» не есть евразийский орган). Париж, 1929. 31 с.
199. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство./ Предисл. Дугин А.Г., послесл. Тараторин Д.М. М.: Аграф, 1998. 635 с.
200. Алко (Аркадьев). Пути октябрьской революции: (от капитализма к коммунизму). Б.м., 1922. 22 с.
201. Альбом карикатур: Галлиполи 1920-1921. I серия Б.м. [София?]: Илатель Зеро (М.Г. Чернявский), б.г. 48 с.
202. Аминадо [Очерки, фельетоны, рассказы]: (Сатирические виды и жанры): Материалы к курсу «Журналистика русского зарубежья». Краснодар, 1997. 146 с.
203. Андогский А.И. (А. Белозерский). Как создавалась Красная Армия современной Рос-

- сии: (Уроки недавнего прошлого): Критико-исторический очерк. Владивосток: Тип. воен. акад., 1921. 79 с.
204. Аргунов А. Между двумя большевизмами. Paris: Union, 1919. 47 с.
205. Аронсон Г.Я. На заре красного террора. Берлин: Б.и., 1929. 238 с.
206. Бабов А. Возродится Россия: Новые мысли по новым вопросам. Константинополь: Б.и., 1924. 106 с.
207. Базили Н.А. Россия под советской властью. Париж: [Дом книги], [1937]. 382 с.
208. Белогородский Н. Доколе-же... Берлин: Изд-во союза «За веру, царя и отечество», 1931. 64 с.
209. Беляев И.И. Финансы и стратегия. Париж: Изд-во автора, 1937. 157 с.
210. Бем А.Л. План новой реформы советской школы второй ступени: Докладная на пленуме Педагогического бюро в Праге. Прага: Изд-во Земгора, 1924. 16 с.
211. Бем А.Л. Судьба повышенного образования в СССР. Прага: Педагогическое бюро по делам средней и низшей русской школы, 1927. 22 с.
212. Бензин В., Тесарек Р. Моторная вспашка, как средство в борьбе с голодом в России / Русское экономическое общество в Лондоне. Прага, 1922. 52 с.
213. Билимович А.Д. Кооперация в России до, во время и после большевиков. Fr./Main: Посев, 1955. 128 с.
214. Билимович А.Д. Революция, большевики и хозяйство России. Ростов-на-Дону, 1919. 28 с.
215. Болдырь А. Бессарабский вопрос. Кишинев: Tipografia centralei cooperativelor, 1930. 52 с.
216. Большевики и крестьянство. Прага: Издание партии социалистов-революционеров, 1921. 24 с.
217. Большевики и социалисты. Прага: Издание партии социалистов-революционеров, 1921. 20 с.
218. Большевицкая диктатура в свете анархизма: Десять лет советской власти (коллективное исследование). Париж: Издание Заграничной организации русских анархистов-коммунистов «Дело труда». Федерация Анархо-коммунистической группы Северной Америки и Канады, 1928. 141 с.
219. Бонч. Как и для чего большевики уничтожили суд. Б.м., 1919. 8 с.
220. Бурцев В.Л. Боритесь с ГПУ! Париж: Издание «Общего дела», 1932. 47 с.
221. Бурцев В.Л. В борьбе с большевиками и немцами. Париж: Общее дело, 1919. 2 с.
222. Бурцев В.А. В защиту правды. Париж: Издание «Общего дела», 1931. 3 с.
223. Бурцев В.Л. Преступления и наказания большевиков. Париж, 1938. 80 с.
224. Бурцев В.Л. Проклятие вам большевики. Стокгольм: Б.и., 1918. 8 с.
225. Бурцев В.Л. Юбилей предателей и убийц. (1917-1927). Париж: 1927. 39 с.
226. Бурцев В.Л. La trahison de Lenin. Paris: La cause commune, [1921]. 27 с.
227. Бухов А. Разговор с соседом. Берлин: Кирхнер, 1922. 225 с.
228. [фон] Валь Э.Г. Война белых и красных в Финляндии в 1918 г. Таллин: Издание автора, 1935. 94 с.
229. Вальницкий К.М. От Версаля до Гenuи. Львов, 1923. 64 с.
230. Винч-Малева Н. Что делают большевики. Лозанна: Изд. Лиги возрождения России, 1919. 39 с.
231. Владимиров Л. Возвратите их на Родину! Жизнь врангелевцев в Галлиполи и Болгарии. М.: Красная новь, 1924. 59 с.
232. Военная мысль в изгнании: Творчество русской военной эмиграции. / Российский военный сборник. Вып. 16. М.: Военный университет, Русский путь, 1999. 636 с.
233. Враги крестьянства. Прага: Республиканско-демократический союз, 1926. 61 с.
234. Гарви П. Закат большевизма: Десять лет диктатуры. Рига: Nakotnes kultura, 1928. 52 с.

235. Гессен С.И. Органы управления народного просвещения в СССР / Пед. Бюро по делам средней и низшей русской школы за границей. Прага: Изд. Пед. Бюро, 1926. 17 с. [Отдельный оттиск из «Русской школы за рубежом» № 18.]
236. Гиппиус З.Н., Кочаровский К.Р. Что делать русской эмиграции: Статьи с предисловием И.И. Бунакова. Париж: Родник, 1930. 36 с.
237. Глонти Т. О социализме в СССР. Берлин: Тип-фия Шпеер и Шмидт, 1930. 256 с.
238. Головин Н.Н. Современная стратегическая обстановка на Дальнем Востоке. Белград: Издание Русского Голоса, 1934. 122 с.
239. Голод [Приложение к кн. 8-9 «Русской мысли»]. София: Придворная типография, 1921. 40 с.
240. Гольденвейзер А.А. Якобинцы и большевики. (Психологические параллели). Берлин: Мысль, 1922. 55 с.
241. Гольденвейзер-Любимов Н. Да здравствует, эмиграция! Париж: Б.и., 1929. 47 с.
242. [Горелик А. и др.] Гонения на анархизм в советской России. Берлин: «Группа русских анархистов в Германии», 1922. 63 с.
243. Горелик А. Воспитание в Советской России. Коммунистическая власть и воспитание. Буэнос-Айрес: Издание рабочей издательской группы в республике Аргентине, 1923. 144 с.
244. Горелов М. Чорт за рулем!: Заметки о большевизме. Берлин, 1920. 31 с.
245. Горн В. Республика или монархия? (Опыт прогноза). Берлин: Издание автора, 1925. 22 с.
246. Горовцев А. Думы о России: Стихотворения, басни, пародии, эпиграммы и т.п., напечатанные в первых выпусках политического журнала-альманаха «Трибуна». Париж: Трибуна, б.г. 24 с.
247. [Горчаков М.] Возбудители раскола. Париж: Долой зло, 1927. 38 с.
248. Грачев Г.П. Советское сельское хозяйство и российский крестьянин. Харбин: Наш путь, 1932. 50 с.
249. Громов Н. Перед рассветом: путевые очерки современной Советской России. Берлин: «Медный всадник», 1927. 172 с.
250. Гуль Р. Белые по черному (очерки Гражданской войны и белой эмиграции). М.; Л.: Госиздат, 1928. 259 с.
251. Гуль Р. Ворошилов, Буденный, Блюхер, Котовский. Б.м.:Парабола,б.г.204 с.
252. Гуль Р. В рассеянии сущии: Повесть из жизни эмиграции. 1920-1921. Берлин: Манфред, 1923. 173 с.
253. Гуль Р. Дзержинский (Начало террора). N.Y.: Мост, 1974. 162 с.
254. Гуль Р. Дзержинский, Менжинский, Петерс, Лацис, Ягода. Париж: Б.и., 1936. 184 с.
255. Гуль Р. Жизнь на фукса [очерки белой эмиграции]. М.-Л.: Госиздат, 1927. 272 с.
256. Гуль Р. Котовский: Анархист-маршал. N.Y.: Мост, 1975. 203 с.
257. Гуль Р. Ленин и «Архипелаг ГУЛАГ». N.Y.: Б.и., 1974. 23 с.
258. Гуль Р. Одвуконь: Советская и эмигрантская литература. Нью-Йорк: Мост, 1973. 322 с.
259. Гуль Р. Тухачевский: Красный Маршал. Берлин: Парабола, б.г. 183 с.
260. Гуль Р. Я унес Россию: Апология эмиграции. / Предисл. и развернутый указ. имен О. Коростелёва. В 3 т. М: БСТ-Пресс, 2001.
261. Гуняка В. Правда о России. Cleveland: Типография Лемкосоюза, 1935. 32 с.
262. Даватц В.Х., Львов Н.Н. Русская армия на чужбине. Белград: Русское издательство, 1923. 123 с.; 2-е изд. N.Y.: Possev-USA, 1985. 123 с.
263. Даватц В. Годы: очерки пятилетней борьбы. Белград: Русская типография, 1926. 237 с.
264. Даманская А.Ф. Карточные домики советского строительства. Berlin, 1921. 39 с.
265. Два года большевистской власти. Б.м.: Изд. «Осведфронта», 1919. 16 с.

266. Двинов Б. От легальности к подполью (1921-1922) Приложение: Кучин-Оранский Г. Записки. Stanford: The Hoover institution on war, revolution and peace, 1968. 202 с.
267. Демидов А.П. Современный Китай и Россия. Париж: Родник, 1931. 151 с.
268. Деникин А.И. Кто спас советскую власть от гибели. Париж: Изд-во союза добровольцев, 1937. 16 с.
269. Деникин А.И. Международное положение, Россия и Эмиграция. Париж: Б.и., 1934. 15 с.
270. Деникин А.И. Мировые события и русский вопрос. Париж: Издание союза добровольцев, 1939. 87 с.
271. Деникин А.И. Русский вопрос на Дальнем Востоке. Париж: Б.и., 1932. 38 с.
272. Дмитриевский С. Советские портреты. [Стокгольм]: Стрела, Сор., 1932. 303 с.
273. Дмитриевский С. Сталин. Берлин: Стрела, 1931. 340 с.
274. Дмитриевский С.В. «Судьба России». Письма к друзьям. Вег/М, 1930. 311 с.
275. Добрынин В. Вашингтон – Канны – Москва. 14 ноября 1921; 6 января 1922; 23 декабря 1921. Прага: Б.и., 1922. 16 с.
276. Долой чрезвычайки? Прага: Изд. ПСР, 1921. 20 с.
277. Дон-Аминадо. В те баснословные года. Paris: Ed. univ., 1951. 147 с.
278. Дон-Аминадо. Всем сестрам по серьгам: Юбилейная шутка: 1 марта 1921 – 1 марта 1931 годы. Париж, 1931. 14 с.
279. Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь Париж: Поволоцкий, 1927. 185 с.
280. Дон-Аминадо. Нескучный сад. Париж: Б.и., 1935. 197 с.
281. Дон-Аминадо. Поезд на третьем пути. Н.Й.: Изд-во Чехова, 1954. 351 с.; М.: Вагриус, 2000. 378 с.
282. Дон-Аминадо. «Чем ночь темней...». Афоризмы и комментарии. СПб: Летний сад, М., 2000. 558 с.
283. [Дон-Аминадо]. Парадоксы жизни: Стихотворения, воспоминания, афоризмы. М.: Обновление, 1991. 302 с.
284. Емельянов И.В. Помощь России – помощь Европе. Международное аграрное бюро. Русский отдел. Прага: Б.и., 1921. 3 с.
285. Жордания Н.Н. Итоги. Париж: Б.и., 1928. 48 с.
286. Жордания Н.Н. Наши разногласия. Париж: Б.и., 1928. 47 с.
287. Завротский А.И. Сила Сталина и его ахилесова пята. Реклама идей. Шанхай, 1934.
288. Загорский С.О. К социализму или капитализму. Прага: Издание РДС, 1927. 308 с.
289. Загорский С.О. Международные экономические проблемы: Факты и оценки. Прага: Воля России, 1921. 185 с.
290. Загорский С.О. Рабочий вопрос в советской России. Прага: Библиотека издательства «Свободная Россия», 1925. 116 с.
291. Загорский С.О. Русский вопрос в Генуе и Гааге. Б.м., б.г. [оттиск С. 262-297]
292. Зайцев А. Об Устрялове, «неоНЭПе» и жертвах устряловщины. М., Л.: Госиздат, 1928. 207 с.
293. Зак А.Н. Разверстка государственных долгов. [Труды русских ученых за границей. Изд. при русской академической группе в Берлине / Ред. А.И. Каминка. Т. 3]. Берлин: Слово, 1923. 157 с.
294. Залесский П.И. Возмездие (причины русской катастрофы). Берлин: Б.и., 1925. 280 с.
295. Записки института изучения России. В 2 т. Прага: Б.и., 1925.
296. Записки обывателя. Париж, б.г. 15 с.
297. Зворыкин Н.Н. К возрождению России. Париж: Б.и., 1929. 278 с.
298. Зворыкин Н.Н. Предстоящая в России финансово-аграрная проблема. Париж.: Б.и., 1929. 64 с.
299. Зворыкин Н.Н. Русские крестьяне: Предстоящее их благоустройство. Париж.: Б.и., 1929. 64 с.

300. Зворыкин Н.Н. Финансово-монетная проблема будущей России: Доклад 19 ноября 1932 г. Париж: Кружок к познанию России, 1932. 15 с.
301. Зноско В. Большевистское «пекло» или Красные варвары – душиатели XX века. Берлин: Б.и., 1920. 200 с.
302. Иванов В. Концы и начала: Попытка эпоса. Париж.: Б.и., 1930. 29 с.
303. Иванов И. Это и есть большевизм. Берлин: Новое слово, 1943. 125 с.
304. Иванович Ст. (Талин В.И.) В.К.П. (б). Девять лет коммунистической монополии. /Под ред. А.Н. Потресова. Париж: Изд-во «Библиотеки демократического социализма», 1928. 256 с.
305. Иванович Ст. (Талин В. И.) Красная Армия. Париж: Современные записки, 1931. 243 с.
306. Иванович Ст. По переписи: Из западной советской статистики. Берлин: Грани, 1928. 116 с.
307. Иванович Ст. Пять лет большевизма: начало и конец. Берлин: Заря, 1922. 159 с.
308. Иванович Ст. Российская коммунистическая партия. Берлин: Библиотека изд-ва «Свободная Россия», 1924. 47 с.
309. Иванцов Д.И. Что такое советский колхоз? Прага: Изд-во «Крестьянская Россия», 1931. 28 с.
310. Изгоев А.С. Рождение в революционной смуте: 1917-1932. Париж: Б.и., 1933. 32 с.
311. Ильин И.А. О России: три речи. 1926-1933. София: За Россию, 1934. 32 с.
312. Ильин И.А. Родина и мы. Белград: Издание главного правления общества Галлиполицев, 1926. 16 с.
313. Ильин И.А. О сопротивлении злу силою. Лондон: Заря, 1975. 279 с.
314. Ильичевский. Сказ о большевике и Иване Дураке: Как большевик Ивана Дурака обманул. Омск: Наша Заря, 1919. 14 с.
315. Как большевики расходуют народные деньги. Архангельск: Изд-во О.А.П., 1919. 13 с.
316. Как большевики торгуют Россией. Прага: Изд-во партии социалистов- революционеров, 1921. 16 с.
317. Керенский А.Ф. Издалека: Сб. ст. (1920-1921). Париж: Русское книжное издательство Я. Поволоцкого и К^о, 1922. 249 с.
318. Ковалевский С. Мировая война продолжается: Германия и Советская Россия – виновники современной разрухи. Варшава: Изд. авт., 1932. 71 с.
319. Колосовский В. Русский эмигрант в стихах. София: Тип. «Согласие», 1929. 15 с.
320. Комплектование Красной Армии. Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1926. 78 с.
321. Контрреволюция об оппозиционном блоке. Статьи из «Правды». [Сталино]: Диктатура труда, 1926. 32 с.
322. Корсаков И. Голод в Советской России и его причины. Юрьев: Изд-во автора, 1922. 47 с.
323. Кочаровский К.Р. Зарубежье и отечество: В чем мы согласны что делать? Белград, 1937. 28 с.
324. Кочаровский К.Р. Социальный строй России. Прага, 1926. 88 с.
325. К познанию России, кружок. Труды кружка К познанию России. Париж: Изд. Н.Н. Зворыкина, 1934. 136 с.
326. Краинский Н.В. Без будущего: Очерки по психологии революции и эмиграции. Белград: «Святослав», 1931. 186 с.
327. Красная армия в России. Екатеринодар: Особое отделение Генерального штаба, военно-морского отделение Добровольческой Армии, 1918. 14 с.

328. Крестьянская Россия: Сборник статей по вопросам общественно-политическим и экономическим / Под ред. А.А. Аргунова, А.Л. Бема, С.С. Маслова. В 2-х тт. Прага: Крестьянская Россия, 1922-1924.
329. Курковский А. Еще не поздно: Мысли о современном международном положении. Kaunas, 1932. 51 с.
330. Кускова Е.Д. Месяц «соглашательства». [Прага, 1928]. Ч. 1. 69 с.
331. Лавда М. Веселые некрологи/ С приложением ст. «Деятельность В.Л. Бурцева и ненависть к нему большевиков». Б.м., б.г. 15 с.
332. Лавринович Ю. Кто устроил погромы в России? Берлин: Изд-во Ю. Ладыжникова, б.г. 296 с.
333. Ладыженский В.Н. За рубежом: Рассказы. Белград, 1930. 132 с.
334. Лазарев Е. Ленин-Ульянов. Прага: Изд-во автора, 1924. 35 с.
335. Левитский В.М. Живые силы России. Париж, 1935. 15 с. (На правах рукописи).
336. Ленин В.И. О продовольственном налоге // Полн. собр. соч. Т. 43. С. 237-238.
337. Ленин В.И. Речь на Всероссийском съезде транспортных рабочих // Полн. собр. соч. Т. 43. С. 139-140.
338. Ленский М. Сказки о Красном Звере: Революция Российская, бескровная. Берлин: Луч, 1920. 16 с.
339. Лоло (Мунштейн). Онегин наших дней. N.Y.:Liberty publ. house, 1988. 157 с.
340. Локоть Т.В. «Завоевания революции» и идеология монархизма. Берлин: Двуглавый орел, 1921. 24 с.
341. Лоло. О чорте лысом и о всех его присяжных. Конец красной сказки. Париж: Франко-русская печать, 1922. 23 с.
342. Ломоть О. В стране советов. Трагедия в пяти действиях. Буэнос-Айрес, 1932. 96 с.
343. Луначарский А. Бывшие люди. Очерк истории партии эсеров. М.: Гос. изд., 1922. 81 с.
344. Львов В. Советская власть в борьбе за русскую государственность (Доклад, читанный в «Зале Научного Общества» в Париже 12 ноября 1921 г.). Берлин: Изд. Автора 1922. 32 с. (на правах рукописи).
345. Маклецов А.В. Брак и семья в Советской России. Люблина: Издание русской Матицы, 1937. 21 с.
346. Малахов А. Русская кооперация и коммунисты. Лондон: Издание русского книжного магазина, 1921. 114 с.
347. Маракуев С.В. Очередные задачи русской кооперации. Прага, 1921. 38 с.
348. Маракуев С.В. Что нужно знать русскому земледельцу. Международное аграрное бюро. Русское отделение. [Прага, 1921]. 13 с.
349. Марков А.В. Самостийничество и хозяйственное развитие России. Париж: Изд. Казачий союз, 1930. 34 с.
350. Марков А. Как и чем коммунисты торгуют за границей. [Париж]: Изд. Казачье объединение для борьбы за Родину, 1930. 16 с.
351. Марков А.П. Кризис сельского хозяйства в СССР./ Предискул. П.Н. Милюкова. Париж: Республиканско-демократическое объединение. 1933, 87 с.
352. Марков А. Пятилетка в казачьих краях. [Париж]: Изд. Казачье объединение для борьбы за Родину, 1931. 32 с.
353. Марков А.П. Разверстка и натуральный налог. Берлин: Обелиск, 1923. 381 с.
354. Марков А.П. Советский бюджет и народное хозяйство. Берлин: библиотека издательства «Свободная Россия», 1924. 80 с.
355. Марков А. Социалистическое хозяйство в СССР. Часть II. Сельское хозяйство. [на русском и английском языках исполнено на пишущей машинке и множительном аппарате]. Париж: Общество изучения современной России, 1935. 18 с.

356. Мартов и его близкие: Сб. / Подгот. к печати Г. Я. Аронсон, Л. О. Дан, Б. Л. Двинов, Б. М. Сапир. Нью-Йорк, 1959. 170 с.
357. Марченко М. *La révolution mondiale*. Paris, 1927. 375 с.
358. Маслов С.С. Колхозная Россия: история и жизнь колхозов. Прага: «Крестьянская Россия», 1937. 250 с.
359. Маслов С.С. Россия после 4-х лет революции. В 2 т. Париж: «Русская печать», 1922.
360. Мельгунов С.П. «Красный террор» в России 1918-1923. Берлин, 1924. 208 с.; 2-е изд. N.Y.: Brandy, 1979. 203 с.; 3-е изд. N.Y.: Телетекст, 1989, 203 с.
361. Милюков П.Н. Национальный вопрос: Происхождение национальности и национальный вопрос в России. Прага: Swobodnja Rossija, 1925. 192 с.
362. Милюков П.Н. Россия на переломе: Большевицкий период русской революции. В 2 т. Париж: Б.и., 1927.
363. Милюков П.Н. Эмиграция на перепутье. Париж: Издание Республиканско-Демократического объединения, 1926. 136 с.
364. Минский мужик. Правда о советской России. N.Y., 1937. 186 с.
365. Мунштейн Л.Г. (Лоло). Пыль Москвы: Лирика и сатира. Париж: Б.и., 1931. 199 с.
366. Народное хозяйство России за 1921 г. / Стат.-экон. отд. газ. «Экономическая жизнь». Берлин, 1922. 320 с.
367. Никонов-Сморозин М. Поземельно-хозяйственное устройство крестьянской России. София: Голос России, 1939. 172 с.
368. Носков К. Авантюра, или черный для русских белых в Монголии 1921 г. Харбин: Б.и. 1930. 76 с.
369. Оберучев Е.М. Советы и советская власть в России. Н.Й.: Нароуправство, 1919. 64 с.
370. Орлов А.С. Начало возрождения кооперации в России. Б.м.: Объединенный комитет русских кооперативных организаций в Англии, [1922]. 37 с.
371. Открытое письмо Захудалого белогвардейца тов. Ленину 1917-1921. Београд, 1922. 19 с.
372. Пестержецкий Д. Рабочий вопрос в Советской России. Берлин: Русское Универсальное издательство, 1922. 62 с.
373. Петриченко. Правда о кронштадтских событиях. Б.м., б.г. 24 с.
374. Писаренко Д.С. К проблеме экономического восстановления России. Берлин, 1923. 123 с.
375. Письма к соотечественникам. Белград, 1924. 11 с.
376. Покровский М. Контрреволюция за четыре года. М.: Госиздат, 1922. 14 с.
377. Покровский М. Противоречия господина Милюкова. М.: Главполитпросвет, 1922. 14 с.
378. Покровский М. Что установил процесс так называемых социалистов-революционеров (с приложением «Работа Административного центра п. с.-р.-Н.П.»). М.: Красная новь, 1922. 75 с.
379. Попов Г. Стремящимся в Россию: (Жизнь в Советской республике). Белград: Наши проблемы, 1924. 232 с.
380. Попов К. «Война и мир» и «От Двуглавого орла к красному знамени». В свете наших дней. Париж: [Возрождение], 1934. 104 с.
381. Последние новости. Юбилейный сборник газеты «Последние новости» 1920-1930 гг. [Париж, 1930]. 64 с.
382. Потресов А.Н. В плену у иллюзий (Мой спор с официальным меньшевизмом). Париж, 1927. 104 с.
383. Потресов А.Н. Посмертный сборник произведений. Париж: Б.и., 1937. 366 с.
384. Поэзия большевистских дней. Берлин: Мысль, 1921. 125 с.
385. Правда о Кронштадте. Прага: Изд-е газеты «Воля России», 1921. 180 с.

386. Право советской России. Сб.ст. / Сост. Н.А. Алексеева, С.В. Завадский, А.В. Маклецов. В 2 вып. Прага: Пламя, 1925.
387. Проблемы. Сб-к 1. Париж, 1934. 117 с.
388. Прокопович С.Н. Идея планирования и итоги пятилетки. / С предисл. П.Н. Милюкова. Париж: Республиканско-демократическое объединений, 1934. 115 с.
389. Прокопович С.Н. Крестьянское хозяйство: По данным бюджетных исследований и динамических переписей. Берлин: Кооперативная мысль, 1924. 244 с.
390. Прокопович С.Н. Народное хозяйство СССР. В 2 т. Н.Й.: Изд-во Чехова, 1952.
391. Прокопович С.Н. Очерки хозяйства Советской России. Берлин: Обелиск, 1923. 21 с.
392. Прокопович С.Н. Сельскохозяйственная кооперация. М., 1922.
393. Пумпянский Л.М. НЭП: (Опыт характеристики советской экономики). Берлин: Основа, 1923. 80 с.
394. Пути революции. Статьи, материалы, воспоминания. Берлин: Скифы, 1923. 361 с.
395. Путь России. Опыт национальной идеологии. Белград, 1937. 48 с.
396. Пытаев Н. Страстотерпцы. [Париж], 1927. 16 с.
397. 15 лет советского строительства. Итоги и перспективы. Париж: Кружок по изучению Советской культуры, 1932. 61 с.
398. Пятницкий Н.В., полк. Красная Армия СССР. В 3 вып. Париж: Офицерская школа усовершенствования военных знаний при I отделе Русского Общевоинского Союза в Париже, 1931-1933.
399. Работа там. Б.м. [Болгария]: Изд. Вестника Общества Галлиполийцев, 1934. 40 с.
400. Работа эсеров за границей. М., 1922.
401. Рабоче-крестьянская казачья оппозиция русских фашистов. Декларация. Б.м., [1927], 21 с.
402. Радченко Г. Социально-экономическая структура СССР. Praha: Nove Rusko, 1928. 48 с.
403. Ракетов А. Очерк экономического и финансового положения современной России: По официальным данным. Ревель: Варрак, 1921. 78 с.
404. Ремезов И.С. Как большевики народ обманули. Лозанна: Об-во Нар. Изд-ва им. Герцена, Б.г. 61 с.
405. Республика Советов. Теория и практика советского строя. Вып.1. Берлин, Милан: Скифы, [1919]. 145 с.
406. Российское общество лиги народов. Париж: Русское книгоиздательство, [1920]. 36 с.
407. Россия: Русский эмигрантский альманах /Под ред. Е.Е. Колесниковой. Шанхай: Россия, 1926. 239 с.
408. Россия сегодня. Вена, 1923. 80 с.
409. Ростовский Ю. Кризис НЭПа и современное положение России. Новый Сад: 1-ая типография, 1923. 222 с.
410. Русская военная эмиграция 1920-1940-х гг.: Документы и материалы. М.: Гей. 2000 - ... Т.1.- ...
411. Русское зарубежье: Государственно-патриотическая и военная мысль. /Сост. и автор вступ. ст. Домнин И.В.; ред. Савинкин А.Е. (Российский военный сборник. Вып.6) М., 1994. 309 с.
412. Савинков Б.В. Борьба с большевиками. Варшава: Русский политический комитет. 1920. 48 с.
413. Савинков Б.В. Накануне новой революции; Сб-к ст. Варшава, 1921. 57 с.
414. Савинков Б.В. На пути к «третьей» России». Сб. ст. Варшава: За Родину и Свободу, 1920.
415. Савицкий П.Н. В борьбе за евразийство. Париж, 1931. 54 с.
416. Салтыков А.А. Две России. Национально-психологические очерки. Мюнхен: Миллаведе, 1922. 117 с.

417. Святополк-Мирский Д.Н. Чем объяснить наше прошлое и чего ждать от нашего будущего? Париж, 1926. 86 с.
418. Семенов Г. (Василько). Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917-1918 гг. Берлин: Тип. Г. Герман, 1922. 44 с.
419. Семенов Е. Русские банки за границей и большевики: (из анкеты). Париж: Карбасников, 1926. 99 с.
420. Сергеев В. Три года в Советской России. (Очерк). Париж. Тип. Union, 1921. 139 с.
421. Сергеев В.Л. Очерки по истории белого движения на Дальнем Востоке. Харбин: БРЭМ, 1937. 99 с.
422. Сирин С.Н. Юго-Восток России. К проблеме его экономического восстановления / Комитет экономического Возрождения Юго-Восточной России. Берлин: К-т экон. возрождения Юго-Востока России, 1922. 133 с.
423. Славинский М.А. Национально-государственная проблема в СССР. Paris, 1938. 7 с.
424. Смоленский М. Троцкий. Берлин: Русское университетское издательство, 1921. 62 с.
425. Соболев А. Современное экономическое положение России и задачи национального движения в России. Харбин, 1921. 39 с.
426. Соколов Б. (Чужой) На повороте: Рассказы и очерки из советской жизни. Париж: Русское книгоиздательство Поволоцкого, б.г. 80 с.
427. Соколов Б.Ф. Наука в советской России. Берлин: Русск. унив. изд-во, 1921. 63 с.
428. Соколов Б. Спасите детей! (о детях в Советской России). Прага: Воля России, 1921. 71 с.
429. Соломон Г.А. Ленин и его семья (Ульяновы). Париж: Б.и., 1931. 100 с.
430. Солоневич Б. Молодежь и ГПУ, жизнь и борьба советской молодежи. София, 1937. 464 с.
431. Солоневич Б. Не могу молчать!: «Наша газета», эмиграция, РОВС и И.Л. Солоневич. Париж: Б.и., 1939. 62 с.
432. Солоневич И. Диктатура импотентов. Социализм, его пророчества и их реализация. Буэнос-Айрос, 1949. 239 с.
433. Солоневич И. Диктатура слоя. М.: Отчий дом, 2009. 270 с.
434. Солоневич И. (Лукьянович). Россия в концлагере. София: Изд-ие Нац.-Труд. Союза Нового Поколения, 1936. Т.1. 291 с.
435. Сольский В. Ленин. Берлин: Русское универсальное издательство, 1921. 86 с.
436. Сорокин П.А. Современное состояние России. Прага: Лингва, 1922. 107 с.
437. Социалистическое хозяйство СССР. Париж: Общество по изучению современной России, [1935]. Ч.1. Промышленность. 26 с.
438. Спектатор. Русский «Термидор»: (Сумерки коммунизма). Харбин: Свобода России, 1927. 187 с.
439. Станкевич В.Б. Судьбы народов России: Белоруссия, Украина, Литва, Латвия, Эстония, Армения, Грузия, Азербайджан, Финляндия, Польша. Берлин: Изд-во И.П. Ладыхникова, 1921. 374 с.
440. Статьи по национальному вопросу: В.В. Савинков, Д.В. Философов, В. В. Ульянский и др. Варшава: Русско-польское изд-во «Rossica», 1921. 45 с.
441. Степанов И. Белые и красные: Евразийство. Брюссель: Евраз. кн. изд-во, 1927. 63 с.
442. Стерлигов А.И. Младоросская правда. София, 1931. 24 с.
443. Струве П.Б. Дневник политика (1925-1935) / Вступ. ст. М.Г. Вандалковской, Н.А. Струве; Подгот. текста, коммент., указатели А.Н. Шаханова. М.: Русский путь; Париж: YMCA-Press, 2004. 872 с.
444. Струве П.Б. Итоги и существо коммунистического хозяйства. Берлин: Слово, 1921. 30 с.
445. Талин В.И. (Иванович Ст.) Коммунист на деревне. Б.м., [1925], 29 с.

446. Терне А. В царстве Ленина. Очерки современной жизни в РСФСР. Берлин: Терне, 1922. 413 с.
447. Тимашев Н.С. Официальное мировоззрение советского государства и его пропаганда. Лекции 1-3. Офицерская школа усовершенствования военных знаний при I Отделе Русского Общевоинского Союза в Париже. Париж: Издание I Отдела Русского Общевоинского Союза, 1931. 39 с.
448. Тимашев Н.С. Политическое и административное устройство СССР. Офицерская школа усовершенствования военных знаний при I Отделе Русского Общевоинского Союза в Париже. Париж: Издание I Отдела Русского Общевоинского Союза, 1931. 71 с.
449. Тихоокеанская проблема в XX столетии/ Сост. М. Головиным при сотрудничестве с А. Бубонова, с предисл. М. Циммермана. Прага: Пламя, 1924. 292 с.
450. Тихоокеанская проблема. [Сб. ст., отг. и вырезок из различных маньчжурских белоэмигрантских изданий] Б.м., б.г.
451. Тотомиац В. Кооперация в России. Прага: Наша речь, 1922. 174 с.
452. Трагедия казачества: очерк. [Оттиск из «Вольного казачества» №№ 122-231]. Прага: Б.и., 1933. Ч.1-4.
453. Трегубов Ю.А. Восемь лет во власти Лубянки: записки члена НТС. Франкфурт-на-Майне: Посев сор., 1957. 280 с.
454. Троцкий Л.Д. Шумиха вокруг Кронштадта // Бюллетень оппозиции. 1938. №66-67. С. 22-25;
455. Троцкий Л.Д. Еще об усмирении Кронштадта// Бюллетень оппозиции. 1938. №70. С. 10.
456. Тотомиац В. Ф. Сущность положения современной кооперации. Берлин: Русское университетское издательство, 1922. 110 с.
457. Трубецкой Н.С. К украинской проблеме [Париж, 1927]. 20 с.[Оттиск из «Евразийский временник». Париж, 1927. Т. 5. С. 165-184]
458. 1931: что такое Россия; к чему она пришла? Белград: Русская типография, 1931. 80 с.
459. Убийство Войкова и дело Бориса Коверды / Пер. с польского и дополнения. Париж: Возрождение, б.г. 118 с.
460. Устрялов Н.В. В борьбе за Россию: Сб. статей. Харбин: Окно, 1920. 81 с.
461. Устрялов Н.В. На новом этапе. Шанхай, 1930. 43 с.
462. Устрялов Н.В. Наше время: Сб.ст. Шанхай, 1934. 202 с.
463. Устрялов Н.В. Понятие государства (лекция 1931 г.) // Гос.служба: Научно-политический журнал. 1999. № 2. С. 111-122.
464. Устрялов Н.В. Проблема прогресса. Репринт. М.: Б.и., 1998, 49 с.
465. Устрялов Н.В. Россия (у окна вагона). Харбин: Типография Китайской Восточной железной дороги, 1926. 53 с.
466. Участие в Белом движении. Париж, б.г.
467. Федотов Г.П. И есть и будет. Размышления о России и революции. Париж: YMCA-PRESSB 1932. 216 с.
468. Федотов Г.П. Полное собрание статей. В 6 т. Paris: YMCA-press, сор., 1988.
469. Федотов Г.П. Россия и свобода. N.Y.: Chakidze, 1981. 273 с.
470. Фенин А.И. «Созидательный процесс» в тяжелой промышленности (уголь и железо) и железнодорожном транспорте. Прага, 1927. 43 с.
471. Философов Д.В. Польша и русский Париж. // Статьи по национальному вопросу: В.В. Савинков, Д.В. Философов, В. В. Ульяницкий и др. Варшава: Русско-польское изд-во «Rossica», 1921. С. 24-26.
472. Час пробил // Руль. 1921. 6 марта.
473. ЧЕ-КА: Материалы по деятельности чрезвычайной комиссии. Берлин: Изд. Центрального Бюро партии социалистов-революционеров, 1922. 256 с.

474. Чигирин А. Украинский вопрос в освещении «конспекта Х». Исполнительного бюро совета «Национального союза нового поколения» в Белграде. Париж: Меч, 1937. 42 с.
475. Чижов О.Л. Пути развития социалистической революции // Пути революции. Статьи, материалы, воспоминания. Берлин: Скифы, 1923. С. 127-168.
476. Чириков Е. Смердяков русской революции. Роль Горького в Русской революции. София: Книгоиздательство Ал. Паскалева, 1921. 56 с.
477. Что надо знать и чего не говорят рабочему. Б.м., б.г. 14 с.
478. Что обещали и что дали народу большевики. Б.м., [1920]. 8 с.
479. Что такое советский «колхоз». Прага, 1931. 28 с.
480. Чубинский М.П. Закон и действительность в Советской России. Белград: Стефанович, 1926. 94 с.
481. Швиттау Г.Г. Революция и народное хозяйство в России (1917-1921) Лейпциг: Центральное товарищество кооперативного издательства, 1922. 378 с.
482. Швиттау Г.Г. Русская кооперация на международном рынке. Берлин: Ладъжников, 1920. 231 с.
483. Шестов Л.И. Что такое русский большевизм // История философии. 2001. №8. С. 97-123.
484. Школа в Советской России: Три доклада на Втором Съезде деятелей средней и низшей школы за границей. Прага, 1925. 55 с.
485. Шульгин В.В. Дни. Белград: Суворин, Новое время, 1925. 310 с.
486. Шульгин В.В. Что нам в них не нравится. Об антисемитизме в России. Париж: Russia Mirror, 1929. 333 с.
487. Югов А. Народное хозяйство Советской России и его проблемы. Берлин: Экономические проблемы, 1929. 262 с.
488. Югов А. Пятилетка / С послесловием Ф. Дан: Перспективы генеральной линии. Берлин: Социалистический вестник, [1931]. 167 с.
489. Ярославский А.Л. Москва–Берлин: Стихи. Берлин: Бионослист, 1927. 30 с.
490. Baikoff F. In the land of communist dictatorship (Labor and social condition in the Soviet Russia To-day). London: Cape, 1929. 285 p.
491. Decobra M. et Aminado Don. Le rire dans le steppe. Paris, 1927. 255 p.
492. Goul R. Les Maitres de la Tcheka. Histoire de la Terreur en URSS. 1917-1938. Paris, 1938.
493. Grinko G. F. The five-year plan of the Soviet Union. A political interpretation. 3-rd print. N.Y.: International publ., 1931. 339 p.
494. Gromann V.G. (prof.) L'économie nationale de l'URSS, sa crise et son relèvement. Contribution a la Conférence économique internationale de Genève. Paris: Ed. de la représentation commerciale de l'URSS en France, 1927. 40 p.
495. Kokovtsoff W. (comte) Sixième année de Dictature bolchévique. Paris: Typographie Philippe Renouard, 1924, 31 p.
496. Melgounov S.P. "Terreur rouge" en Russie (1918-1923). / Trad. du rus. par M. Wilfrid Lerat. Paris: Payot, 1927. 282 p.

4. Государственные и партийные документы, публикации общественных организаций. Сборники документов

497. Бюллетень Исполнительной Комиссии Совещания Членов Российского Учредительного Собрания. Париж, 1921. 43 с.
498. Кронштадтская трагедия 1921 года // Вопросы истории. 1994. № 4-7.
499. Временный устав «Совнарода». София: Изд-во «Совнарода», 1922. 8 с.
500. Главный совет объединения русской молодежи. Мюнхен, 1923. 23 с.
501. Годовой отчет Российского Комитета во Франции Помощи Голодающим. 15 августа 1921 – 15 августа 1922 г. Париж, б.г. 23 с.

502. Голод: 1921-1922. Сборник. N.Y.: Издание Представительства Российского Общества Красного Креста в Америке, 1922. 157 с.
503. Двенадцать смертников: Суд над социалистами-революционерами в Москве. Берлин: Изд-ие заграничной организации П.С.Р., 1922. 134 с.
504. Дело Бориса Савинкова. М.: Госиздат, 1924. 160 с.
505. Документы и история русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1918-1939). Прага: Euroslavica, 1998. 342 с.
506. За Россию: Сборник Национального союза русской молодежи за рубежом. Б.м., 1930. 64 с.
507. За Россию: Схема национально-трудового строя. Б.м., б.г. 22 с.
508. Карташев А.В. Задачи, характер и программа Русского национального объединения. Доклад Съезду Русского Национального Объединения в Париже. 5-12 июня 1921 г. Paris: Union, 1921. 32 с.
509. Катехизис русского монархизма. Прага: Центр законопослуш. в Ч.С.Р., 1925. 32 с.
510. К вопросу о русской армии / Русский Совет. Управление пропагандой. Издательский отдел. Paris: Union, 1921. 16 с.
511. Крестьянское объединение в Париже. Париж, 1929. 15 с.
512. Кронштадтская трагедия 1921 года: Документы / Сост. М. А. Антифеева; Под ред. В.П. Козлова. В 2 т. М.: РОССПЭН, 1999.
513. К русским людям. Париж: Союз Русских Обществ Помощи Беженцам во Франции, 1924. 8 с.
514. Международная антикоммунистическая лига. Постоянный секретариат русской секции. О русском зарубежном активизме. Тезисы. Не для печати. Б.м. [Югославия], 1930. 32 с.
515. Меньшевики в эмиграции. Протоколы Заграничной Делегации РСДРП. 1922-1951 гг. В 2 ч. М.: РОССПЭН, 2010. 836+526 с.
516. Милюков П.Н.] Три платформы Республиканско-демократических объединений (1922-1924) / Полит. комментарий П.Н. Милюкова. С приложением сравнительного текста платформ. 1924, 1923, 1922 гг. Paris: Издание Республиканско-Демократического объединения, 1925. 63 с.
517. «Мы вынесли Россию на своих знаменах»: Приказы и распоряжения генерала П.Н. Врангеля, ноябрь 1920 – апрель 1928. // Бортневский В.Г. Загадка смерти ген. Врангеля: неизвестные материалы по истории русской эмиграции 20-хх гг. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1996. С.87-148.
518. На страже России: Десять лет Союза Русских Писателей и журналистов в Югославии, 1925-1935. Белград, 1935. 68 с.
519. Национальная организация русских разведчиков. Харбин, 1938. 92 с.
520. Национально-трудовой союз нового поколения. В 4 ч. Белград, 1938-1939.
521. Национальный союз нового поколения. Б.м., 1935 80 с.
522. Никон (Рклицкий). Жизнеописания и творения блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. В 17 т. Н.Й: Издание Северо-Американской и Канадской епархии, 1956 – 1971.
523. [Обер Ш.] Речь Обера, произнесенная в защиту Полунина перед судом присяжных в Лозанне по делу об убийстве Воровского. Белград: Новое время, 1924. 102 с.
524. «Они готовы возобновить борьбу»: Военное министерство и МИД Франции о белой эмиграции в Венгрии 1920-1921 гг. // Исторический архив. 1996. № 1. С. 41-70.
525. О русском зарубежном активизме (тезисы). Б.м.: Международная антикоммунистическая Лига. Русская секция, 1930. 32 с.
526. Политическая история русской эмиграции. 1920-1940 гг.: Документы и материалы: Учебн. пособие / Под ред. А.Ф. Киселева. М.: Гуманит.изд.центр ВЛАДОС, 1999. 776 с.

527. Помощь: Бюллетень Всероссийского комитета помощи голодающим (1921, №1-3) / Со вступ. ст. М.Геллера. London: Overseas publ. Interchange ltd, 1991. 16 с.
528. Процесс Бориса Савинкова. Берлин: изд-во журнала «Русское эхо», 1924. 124 с.
529. Процесс 38. Стенограмма процесса 38 советских граждан, арестованных при налете 27 мая 1929 г. на Советское консульство в г. Харбине. Харбин: изд. «Харбин Обсервер», 1929. 256 с.
530. Российский общественный комитет во Франции помощи голодающим в России. Годовой отчет Российского общественного комитета во Франции помощи голодающим в России. Париж, 1922.
531. Россия антибольшевистская: Из белогвардейских и эмигрантских архивов/ Сост. А.И. Петрушева, Е.Ф. Теплова, Ин-т Рос. ист. РАН; ГАРФ. М.: ИРИ РАН, 1995. 443 с.
532. Российская эмиграция в Маньчжурии: военно-политическая деятельность (1920-1945). Сб-к документов/ Институт истории, археологии, этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН; Архивный отдел Администрации Сахалинской области; Сахалинский центр документации новейшей истории. Вступит. ст., составление, приложение Е.Н. Чернолуцкой. Южно-Сахалинск, 1994. 151 с.
533. Русский народно-монархический союз. Учредительная конференция (Берлин, 1922). Мюнхен: «Восстановление», 1922. 76 с.
534. Русский Совет: Положение о Совете, задачи Совет, обзор деятельности. / С предисл. ст. тов. пред. Рус. Совета проф. И.П. Алексинского. Paris: Изд. отд. Рус. Совета, 44 с.
535. Русское национальное объединение. Париж, 1921. 31 с.
536. Сборники российских политических программ. 1917-1955. / Сост. А.Н. Артемов. [Франкфурт-на-Майне]: Посев, 1983. 63 с.
537. [Частное] Совещание членов учредительного собрания. Париж, 1921. 68 с. (http://www.dk1868.ru/history/uchred_sobr1.htm)
538. Соколов Б. Большевики о большевиках: Советские документы и материалы 1919. Париж: Франко-славянское книгоиздательство, 1919. 96 с.
539. «Столь успешное втирание очков всему свету» (документы о Помголе) // Источник. 1995. №3. С. 52-60.
540. Суд над Савинковым. Л.: Кубуч, 1924. 110 с.
541. Труды кружка «К познанию России». Вып. I. (1929-1934). Париж, 1934. 133 с.
542. Труды Учредительной Конференции Русского Народно-Монархического Союза (Конституционных Монархистов). С 25 марта по 5 апреля 1922 г. Мюнхен: Восстановление, 1922. 76 с.
543. Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике. /Под ред. Л. Белошевской. Praha: Slovansky ústav. 2000.
544. [Частное] совещание членов Учредительного собрания. Париж, 1921. 68 с.
545. Экономический кабинет проф. Прокоповича в Праге. Публичное заседание «Экономического кабинета проф. С.Н. Прокоповича» в Праге 27-го апреля 1926 г., посвященное памяти Александра Александровича Чупрова. Прага, 1926. 16 с.
546. Beyssac L. La vie culturelle de l'emigration russe en France. Chronique (1920-1930). Faculté des lettres de l'Université de Clermont. Paris: Presses Universitaire de France, 1972. 340 p.
547. Documentation sur l'immigration. 2 vol. Enquete sur l'immigration Russe par Mell. Paris, 1946.
548. Enquet sur l'immigration russe dans "Document sur l'immigration". Cah.2. Publ. par l'Institut national d'etudes demographiques. Paris: Presses Universitaire de France, 1947.
549. (Le) Pouvoir Soviétique et la Famine en Russie. Paris: Comité des organizations russe reunites pour les secours aux affamés, 1922.

550. (La) Situation économique de la Russie Soviétique. Résumé des Rapports présentés à la Conférence des Organisation Commerciales et Industrielles Russes à l'Etranger tenue les 14-16 Novembre 1923 à Paris. Paris: Imp. Press. Franco-russe, 1924. 30 p.

Исследовательская литература

1. Монографии

1. Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.) М.: НП ИД «Русская панорама», 2004. 432 с.
2. Абызов Ю., Равдан Б., Флейшман Л. Русская печать в Риге: из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов. Кн. I-V. Stanford: Stanford Slavic Studies. Volume 13-17. 1997.
3. Адамович Г.В. Василий Алексеевич Маклаков. Париж: Издание друзей Маклакова, 1959. 260 с. (На правах рукописи)
4. Антощенко А.В. «Евразия» или «Святая Русь»? (Российские эмигранты в поисках самосознания на путях истории). Петрозаводск: б.и, 2003. 390 с.
5. Антропов О.К. История отечественной эмиграции: Учебное пособие. Астрахань: Изд-во Астраханского пед. ун-та. В 4-х кн. 1996-1999.
6. Антропов О.К. Российская эмиграция в поисках политического объединения (1921-1939 гг.) [Текст]: монография. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2008. 326 с.
7. Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917-1988 гг.). 2-е изд., испр. и доп. СПб: СПбГУКИ, 2008. 468 с.
8. Балакшин П.П. Финал в Китае: Возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке. Сан-Франциско – Париж – Нью-Йорк: «Сириус». Сор. 1958-1959. Т. 1. 1958. 430 с., Т. 2. 1959. 374 с.
9. Барихновский Г.Ф. Идеино-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1921-1924 гг.). Л.: ЛГУ 1978. 160 с.
10. Бачурина О.Н. Экономическое наследие С.Н. Прокоповича и его общественно-политическая деятельность в эмиграции (1922-1939 гг.). СПб: Издательство СПбИИ РАН «Нестор-История», 2005, 140 с.
11. Бегидов А.М. Ершов В.Ф., Парфенов Е.Б., Пивовар Е.И. Российская военная эмиграция в 1920-1930-е гг. Нальчик: Эль-фа, 1998. 200 с.
12. Белов В. Белая печать, ее идеология, роль, значение и деятельность (материалы для будущего историка). Ревель.: Б.и. 1922; 2-е изд. М.: Б.и., 1922. 126 с.
13. Белов В. Белое похмелье. Русская эмиграция на распутье. Опыт исследования психологии, настроений и бытовых условий русской эмиграции в наше время. М.; Пг., 1923. 149 с.
14. Бирюкова К.В. Российские студенческие союзы в Центральной и Восточной Европе в 1920-1930-е гг. М.: ООО Фирма Блок, 2004. 174 с.
15. Бобрищев-Пушкин А.В. Война без перчаток. М., Л.: Кубуч, 1925. 123 с.
16. Бобрищев-Пушкин А. Патриоты без отечества. М.: Кубуч, 1925. 140 с.
17. Бойко-Павлов Д.И., Сидорчук Е.П. Так было на Дальнем Востоке. М.: Мысль, 1964. 325 с.
18. Болховитинов Н.Н. Русские ученые-эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США. М.: РОССПЭН, 2005. 141 с.
19. Буржуазное реставраторство на втором году НЭПа. Пг.: Прибой, 1923. 161 с.
20. [Бочарова З.С.] Русские беженцы: проблема расселения, возвращения на Родину, урегулирования правового положения: 1920-1930-е гг. М.: РОССПЭН, 2004. 399 с.
21. Вандалковская М.Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М.: Памятники исторической мысли, 1997. 350 с.

22. Ван Чжичэн. История русской эмиграции в Шанхае / Пер. с кит. Пань Чэнлонга, Сяо Хуэйчжуна, Лю Юйцинь, Бэй Вэньли, Л.П. Черниковой; Предисл. Л.П. Черниковой. М.: Русский путь: Библиотека-фонд «Русское зарубежье», 2008. 576 с.
23. Василевский И.М. Что они пишут? Мемуары бывших людей. Л.: Б.и. 1925. 158 с.
24. Великий Октябрь и непролетарские партии. Материалы конференции. Материалы конференции, май 1981 г. /Акад. наук СССР, ред. И. И. Минц. Калинин: КГУ, 1982. 255 с.
25. Волков С.В. Белое движение: Энциклопедия Гражданской войны. СПб: Нева, М.: Олма-Пресс, 2002. 671 с.
26. Волкогонова О.Д. Образ России в философии русского зарубежья. М.: РОССПЭН, 1998. 325 с.
27. «В рассеянии сущие ...»: Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века». М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2006. 384 с.
28. Главацкий М.Е. «Философский пароход»: Год 1922: Исторические этюды. Екатеринбург: Изд-ва Уральского университета, 2002. 224 с.
29. Говердовская Л.Ф. Общественно-политическая и культурная деятельность русской эмиграции в Китае 1917-1931. М.: ИДВ РАН, 2004. 186 с.
30. Годы, Люди, Судьбы. История российской эмиграции в Китае: материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию г. Харбина и КВЖД. М., 1998. 93 с.
31. Голдин В.И. Армия в изгнании: Страницы истории Русского общевойскового союза. Архангельск, Мурманск: Солти, 2002. 299 с.
32. Голдин В.И. Российская военная эмиграция и советские спецслужбы в 20-е годы XX века: Монография. Архангельск: Солти; СПб: Полторак, 2010. 576 с.
33. Голдин В.И. Русское военное Зарубежье в XX веке. Архангельск, 2007.
34. Голинков Д.Л. Крах вражеского подполья (из истории борьбы с контрреволюцией в Советской России в 1917-1924 гг.) М.: Политиздат, 1971. 367 с.
35. Голинков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. (1917-1925) В 2 кн. М.: Политиздат, 1975.
36. Горкавенко Н.Л. Российская интеллигенция в изгнании: Маньчжурия, 1917-1946: Очерки истории. Владивосток, 2002. 148 с.
37. Гришин П. Меньшевики и октябрьская революция. М.- Л.: Политиздат, 1932.
38. Гусев К.В. Крах мелкобуржуазных партий в СССР. М.: Знание, 1966. 64 с.
39. Гусев К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционизма к контрреволюции. Исторический очерк. М.: Мысль, 1975. 382 с.
40. Диаспора. Альманах. Новые материалы. Вып.1-... СПб, Париж, 2001-...
41. Доронченков А.И. Эмиграция «первой волны» о национальных проблемах и судьбе России. СПб: Дмитрий Буланин, 2001. 214 с.
42. Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917-1920 гг.) М.: Наука, 1982. 416 с.
43. Думова Н.Г., Трухановский В.Г. Черчилль и Миллюков против Советской России/ АН СССР. М.: Наука, 1989. 203 с. (Серия: «История и современность»).
44. Ершов В.Ф. Российское военно-политическое зарубежье в 1918-1945 гг. М.: МГУ Сервиса, 2002. 294 с.
45. Жирков Г.В. Между двух войн: журналистика русского зарубежья (1920-1940 гг.): Учеб. пособ. СПб: ИГУП, 1998. 208 с.
46. Жуков А.Ф., Жукова Л.Н. История и судьба Российской эмиграции. 1939-1950-е гг.: Учебное пособие. СПб: Изд-во СПб ГТУ, 1998. 124 с.
47. Жуков А.Ф., Жукова Л.Н. Отечественная история. Российская эмиграция. 1917-1930-е гг.: Учебное пособие. СПб: Нестор, 2002. 64 с.
48. Журналистика русского зарубежья XIX- XX веков. Учебн. Пособ. Под ред Г.В. Жиркова. СПб: Изд-во СПб ун-та, 2003. (<http://evartist.narod.ru/text5/16.htm>)
49. Загадка Савинкова / Под ред. П.А. Арского. Л.: Изд-во Губкомпома, 1925. 96 с.

50. Зарубежная архивная россика: Итоги и перспективы выявления и возвращения: Материалы междунар. науч.-практ. конф., 16 - 17 нояб. 2000 г., Москва / Отв. сост. Новикова Е.Э. ; Рос. о-во историков-архивистов. М., 2001. 256 с.
51. Зарубежная Россия. 1917-1939. В 2-х вып. СПб: Лики России, 2000, 2003.
52. Иванов В.П. Российское зарубежье на Дальнем Востоке в 1920-1940 гг. Монография. М.: Изд-во МГОУ, 2003. 160 с.
53. Из истории Российской эмиграции: Сб. научных статей. СПб: Третья Россия, 1992. 68 с.
54. Интеллигенция. Власть. Народ: Антология. / Ред. сост. д-ра философских наук Л.И. Новикова, ИН. Сизенская. М.: Наука, 1993. 334 с.
55. Интеллигенция в истории. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2001. 307 с.
56. Интеллигенция в политической истории XX в. Иваново, 1992.
57. Интеллигенция и революция: XX в. М.: Наука, 1985. 335 с.
58. Интеллигенция и российское общество в начале XX века. СПб: Санкт-Петербургский филиал института российской истории РАН, 1996. 215 с.
59. Интеллигенция России в истории XX века: «Неоконченные споры». К 90-летию сборника «Вехи»: Тезисы докладов и сообщений. Всерос. науч. конф. Екатеринбург: УрГУ, 1998. 280 с.
60. Интеллигенция России в конце XX века: Система духовных ценностей в исторической динамике. Тезисы докладов и сообщений. Всероссийская научная конференция, посвященная памяти проф. В.Г. Чуфарова. Екатеринбург, 1998.
61. Интеллигенция России: традиции и новации. Иваново, 1997.
62. Интеллигенция России: уроки истории и современность. Межвузовский сборник научных трудов. Иваново: ИвГУ, 1996. 146 с.
63. [Ионцев В.А. и др.] Эмиграция и репатриация в России. М.: Попечительство о нуждах российских репатриантов, 2001. 490 с.
64. Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции. М.: Наука, 1977. 320 с.
65. Ипполитов С.С. История России: (российская эмиграция: интеграция в европейском обществе в 1920-1930-х гг.): учебно-методический модуль. М.: Изд-во Ипполитова, 2003. 319 с.
66. Ипполитов С.С., Недбаевский В.Н., Руденцов Ю.И. Три столицы изгнания. Константинополь, Берлин, Париж. Центр зарубежной России в 1920-х-1930-х гг. М.: СПАС, РГУ, 1999. 206 с.
67. Ипполитов С.С. Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс. М.: Изд-во Ипполитова, 2004. 376 с.
68. Исаков С.Г. Русские в Эстонии. 1918-1940: Историко-культурные очерки. Тарту: Компу, 1996. 400 с.
69. Историческая наука российской эмиграции 20-30-х гг. XX века (Хроника) / Сост. С.А. Александров. М.: «АИРО-XX», 1998. 312 с.
70. История российского зарубежья. Проблема адаптации мигрантов в XIX-XX вв. М.: ИРИ РАН, 1996. 174 с.
71. История российского зарубежья. Проблемы историографии (кон. XIX-XX вв.). Сб. ст. / Редкол.: Поляков Ю.А. (отв.ред.) и др. М.: ИРИ РАН, 2004. 255 с.
72. История российской интеллигенции: Материалы и тезисы научной конференции. М., 1995. Ч.1,2.
73. Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX-XX вв. Под ред. Полякова Ю.А., Тарле Г.Я. М.: ИРИ РИН, 1997. 191 с.
74. Йованович М. Русская эмиграция на Балканах: 1920-1940 / Пер. с сербск. А.Ю. Тимофеева; научное редактирование А.В. Громова-Колли, Е.В. Михайлова. М.: Библиотекфонд «Русское зарубежье»; Русский путь, 2005. 488 с.
75. Казнина О.А. Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. М.: Наследие, 1997. 413 с.

76. Карпов Н. Крым – Галлиполи – Балканы. М.: Русский путь, 2002. 168 с.
77. Квакин А.В. Идеино-политическая дифференциация российской интеллигенции в период НЭПа. 1921-1927. Саратов: Изд-во Саратовского Университета, 1991. 176 с.
78. Кёсева Ц. Болгария и русская эмиграция. 1920-1950-е годы / Пер. с болг. Науч. ред. Е.В. Михайлова. М.: Библиотека-фонд «Русское зарубежье»; Русский путь, 2008. 312 с.
79. Киржниц А. У порога Китая. М.: Красная новь, 1924. 69 с.
80. Киршон В. Эмиграция и оппозиция. М., Л.: Московский рабочий, 1927. 68 с.
81. Кичкасов Н. Белогвардейский террор против СССР (по материалам процесса пяти монархистов-террористов). М.: Литиздат НКВД, 1928. 62 с.
82. Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920—1970). Париж: Librairie Des Cinq Continents, 1971. 348 с.; Дополнение. 1973. 143 с.
83. Ковалевский П.Е. Исторический путь России: синтез русской истории по новейшим данным науки. Париж: Издание автора, 1946. 130 с.
84. Коваленко Ю.И. Москва-Париж. Очерки о русской эмиграции. М.: Известия, 1991. 381 с.
85. Козлитин В.Д. Русская и украинская эмиграция в Югославии в 1919-1945. Харьков: РА, 1996. 471 с.
86. Комин В.В. Белая эмиграция и Вторая мировая война. / Учебное пособие. Калинин: КГУ, 1979. 60 с.
87. Комин В.В. Политический и идейный крах русской мелко-буржуазной контрреволюции за рубежом: Учебное пособие в 2-х ч. Калинин: КГУ, 1977.
88. Кононова М.М. Русские дипломатические представительства в эмиграции (1917-1925). М.: ИВИ РАН, 2004. 240 с.
89. Коновалова О.В. В.М. Чернов о путях развития России. М.: РОССПЭН, 2009. 383 с.
90. Корицкий Э.Б., Васюков А.И., Ниндиева Г.В. Основные течения российской экономической мысли в 20-30-е годы XX столетия: Очерки. 4.4. Эмиграция. СПб: Изд-во Санкт-петербургского университета экономики и финансов, 1995. 156 с.
91. Корицкий Э.Б. Карашев А.В. Ниндиева Г.В. Экономисты русского зарубежья 20-50-х годов: либеральное течение. Учебное пособие. СПб: Из-во СПб-ГУЭФ, 1999. 178 с.
92. Корицкий Э.Б. Ниндиева Г.В., Дмитриев А.Л., Шатов В.Х. Экономисты русской эмиграции: Учебное пособие/ Под общ. ред. Э.Б. Корицкого. СПб: Юридический центр Пресс, 2000. 286 с.
93. Корсак В.В. У белых. Париж, 1931. 172 с.
94. Костиков В.В. Не будем проклинать изгнание... (Пути и судьбы русской эмиграции). М.: Международные отношения. 1990. 464 с.
95. Костиков В.В. Последний пароход. М.: Вагриус, 2004. 206 с.
96. Кочубей О.И., Печерица В.Ф. Исход и возвращение (Русская эмиграция в Китае в 1920-1940-е гг.) Владивосток: Изд-во Владивостокского ун-та, 1992. 225 с.
97. Крадин Н.П. Харбин – русская Атлантида. Хабаровск: Издатель Хворов А.Ю., 2001. 352 с.
98. Красная армия в борьбе с интервенцией и белогвардейщиной. 1918-1922. М.: ОГИЗ-ИЗОГИЗ, 1933. 20 с.
99. Кручинин А.С. Атаман Г.М. Семенов и «союзники». М., 2002 52 с.
100. Кувшинов В.А. Кадеты в России и за рубежом (1905-1943) М.: Унив.гум.лицей, 1997. 151 с.
101. Кудрова И. Гибель Марины Цветаевой. М.: Независимая газета, 1995. 318 с.
102. Кудрова И.М. После России: Кн. 1. М.:РОСТ, 1997. 364 с.
103. Кудрявцев Р. Белогвардейцы за границей. М., 1932. 55 с.
104. Кудрякова Е.Б. Эмиграция в Великобритании в период между двумя войнами. М.: ИНИОН РАН, 1995. 66 с.
105. Культура российского зарубежья. М., 1995. 219 с.

106. Культурная миссия Российского Зарубежья. История и современность. М.: Российский институт культурологии, 1999.
107. Культурное наследие российской эмиграции 1917-1940: Международная научная конференция./ Под общей ред. Е.П. Чельшева и Д.М. Шаховского В 2 кн. М.: Наука, 1993.
108. Кунда Н. В поисках заокеанского рая. Минск: Госиздат БССР, 1963. 31 с.
109. Лехович Д.В. Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина. М.: Воскресенье, 1992. 368 с.
110. Лисовенко Д.У. Их хотели лишить родины. М.: Военное издательство министерства обороны Союза СССР, 1960. 297 с.
111. Лобанов Д.А. Устнинова В.П. Источники периода российской эмиграции «первой волны». Учебно-методическое пособие. Пермь: ПГУ, 2001. 67 с.
112. Лысенко А. Голос изгнания: Становление газет русского Берлина и их эволюция в 1919-1922 гг. М.: Русская книга, 2000. 368 с.
113. Люкс Л. Россия между Западом и Востоком [Сменовеховство и евразийство]. Сб. ст. М.: МФФ, 1993. 160 с.
114. Маевский В. Русские в Югославии. 1920-1945: Взаимоотношения России и Сербии. Нью-Йорк: Исторический кружок. Б.г. 196 с.
115. Малыхин К.Г. Социалистические и леволиберальные течения русского зарубежья 20-30-х годов: Оценки большевистского реформирования России. Очерки истории. Учебник. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского государственного педагогического университета, 2009. 144 с.
116. Между Россией и Сталиным: Российская эмиграция и Вторая мировая война. М.: РГГУ, 2004. 345 с.
117. Мелихов Г.В. Белый Харбин: Середина 20-х. М.: Русский путь, 2003. 440 с.
118. Мелихов Г.В. Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке 1925-1932. М.: Русский путь, Викмо-М, 2007. 320 с.
119. Менделеев А.Г. «Куда влечет нас рок событий»: Газета эсеров «Революционная Россия»: пропаганда и терроризм: М.: Изд-во РАГС, 2008. 528 с.
120. Менегальдо Е. Русские в Париже. 1919-1939. М.: Кстати, 2001. 247 с.
121. Меньшевики. / Сост. Ю.Г. Фельштинский. Benson, Vermont: Chalidze publication, 1988. 309 с.
122. Мещеряков Н.Л. На переломе (Из настроений белогвардейской эмиграции). М.: Госиздат, 1922. 78 с.
123. Михайлов Е.А. Белогвардейцы – поджигатели войны. М.: Партийное изд-во, 1932. 63 с.
124. Млечин Л.М. Сеть Москва – ОГПУ – Париж. Минск, М.: Ренессанс, 1991. 206 с.
125. Млечин Л.М. «Фермер» сообщает из Парижа: [О генерале Н.В. Скоблине, завербованном ОГПУ]. М.: ИПК «Московская правда», 1992. 63 с.
126. Молчанов Л.А. Газетный мир антибольшевистской России. М.: Посев, 2001. 160 с.
127. Мухачев Ю.В. Идеино-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. М.: Мысль, 1982. 269 с.
128. Мухачев Ю.В. Шкаренков Л.К. Крах «новой тактики» контрреволюции после гражданской войны. (Новое в жизни, науке, технике. Серия «История» № 8). М.: Знание, 1980. 64 с.
129. Мыслящие миры российского либерализма: Павел Миллюков(1859-1943). Материалы Международного научного colloquium. Москва, 23-25 сентября 2009. М.: Любавич, 2010. 289 с.
130. Назаров М.В. Заговор против России: Белые пятна драмы XX в. Потсдам: Иллион, 1993. 207 с.
131. Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. М.: Родник, 1994. Т.1. 416 с.

132. На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией. Сб. статей. М., 1923. 271 с.
133. Нансеновские чтения, 2008. СПб: Б.и., 2009. 467 с.
134. Наука, культура и политика русской эмиграции: Сб. ст. и материалов. СПб, 2004. 256 с.
135. Невалайнен П. Изгои: Российские беженцы в Финляндии (1917-1939). СПб: Журнал «Нева», 2003. 368 с.
136. Некоторые современные вопросы российской интеллигенции. Межвузовская конференция. Иваново: ИвГУ, 1997. 154 с.
137. Некрасов А.А. Англо-американская историография новой экономической политики: учебное пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2005. 100 с.
138. Николаевский Б.Н. Тайные страницы истории. М.: Изд-во Гуманитарная литература, 1995. 501 с.
139. Нильсен Е.Л. Милюков и Сталин: О политической эволюции П.Н. Милюкова в эмиграции (1918-1943). Осло, 1983. 51 с.
140. Оболенский (Осинский) В.В. Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. М., 1928. 136 с.
141. Образ Гумилева в советской и эмигрантской поэзии. М.: Молодая гвардия, 2004. 285 с.
142. Общее и особенное в положении российской диаспоры первой волны / Сост. Квакин А.В. Тверь: ТГУ, 1992. 47 с.
143. Окорочков А.В. Молодежные организации русской эмиграции (1920-1945 гг.). М., 2000. 120 с.
144. Окорочков А.В. Фашизм и русская эмиграция (1920-1945) М.: Русаки, 2001. 593 с.
145. Окорочков А.В. Русская эмиграция: политическая, военно-политическая и воинская организация 1920-1990 гг. М.: Авуар Консалтинг, 2003. 329 с.
146. Окорочков А.В. Русские добровольцы. М.: Яуза, Эксмо, 2007. 368 с.
147. Окунцов И. К. Русская эмиграция в Северной и Южной Америке. Буэнос-Айрес: Сеятель, 1967. 423 с.
148. Олейник О.Ю., Меметов В.С. Интеллигенция, эмиграция, Отечество: Проблема патриотизма в творческом наследии представителей Российского Зарубежья 20-30-х годов XX века. Иваново: Изд-во ИвГУ, 1997. 244 с.
149. Омельченко Н.А. В поисках России: Общественно-политическая мысль русского зарубежья о революции 1917 г., большевизме и будущих судьбах российской государственности. СПб: Изд-во РХГИ, 1996. 560 с.
150. Омельченко Н.А. Политическая мысль русского зарубежья: Очерки истории (1920 – начало 1930-х гг.): Учебн. пособие для вузов. М.: Планета детей, 1997. 256 с.
151. Омельченко Н.А. Русский опыт: революция 1917 года в России и политическая практика большевизма в общественно-политической мысли русского зарубежья (1917 – начало 1930-х). М., 1995.
152. От Лифляндии – к Латвии: Прибалтика русскими глазами / Латвийское общество русской культуры; Сост. Ю. Абызов. Т.1. М.: Аркаюр, 1993. 556 с.; Т.2. Рига: Insight, 1999. 416 с.
153. Очерки антибольшевистской эмиграции 1920-1940-х гг. Вып.4. М.: Ипполитов, 2002. 295 с.
154. Пегов Г. Что такое Всероссия?: Опыт вскрытия ее сущности и мирового значения. Frankfurt-Main, 1952. 69 с.
155. Петрович Р. Младороссы: материалы к истории сменовеховского движения. London (Ontario): Заря, 1973. 41 с.
156. Пивовар Е.И. Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М.: РГГУ, 2008. 545 с.

157. П.Н. Милюков: историк, политик, дипломат. Материалы международной научной конференции. М.: РОССПЭН, 2000.
158. Подалко П. Семь лет в «посольстве без правительства». Русское посольство в Токио в 1918-1924 гг. Б.м., [2000], 22 с. [Оттиск изд. Japanese Slavic and East European studies. Vol.21. 2000. С.21-42.]
159. Подболотов П.А. Крах эсеров-меньшевистской контрреволюции. Л.: Изд. ЛГУ, 1975. 120 с.
160. Попов А.В. Русское зарубежье и архивы. Документы Российской эмиграции в архивах Москвы: проблемы выявления, комплектования, описания, использования / Материалы к истории русской политической эмиграции. Вып. IV. М.: ИАИ РГГУ, 1998. 392 с.
161. Попов Н.Н. Мелкобуржуазные антисоветские партии. М., 1924. 120 с.
162. Правовое положение российской эмиграции в 1920-1930-е годы. СПб: Сударыня, 2006 354 с.
163. Проблемы зарубежной архивной россики. Сборник статей. Федеральная служба России; Центр хранения современной документации. Составитель Н.Г. Томилина. М.: Русский мир, 1997. 200 с.
164. Проблемы изучения истории российского зарубежья/ Ред. Поляков Ю.А. М.: ИРИ, 1993. 103 с.
165. Проблемы истории Русского зарубежья: материалы и исследования/ Ин-т всеобщ. ист. М.: Наука, Вып. 1. 2005. 453 с.; Вып. 2. 2008. 451 с.
166. Пронин А.А. Историография российской эмиграции. [Монография]. Екатеринбург: УГУ, 2000. 183 с.
167. Протасова О.Л. А.В. Пешехонов: Человек и эпоха. М., 2004. 238 с
168. Прянишников Б. Незримая паутина ВЧК-ГПУ-НКВД против белой эмиграции. Н.Й., 1979, СПб, 1993, М.: Эксмо, Яуза. 2004. 576 с.
169. Прянишников Б. Новопоколенцы. Силвер Спринг, Мэриленд: Multilingual Typesetting, 1986. 296 с.
170. Публицистика русского зарубежья (1920-1945). Сб. ст.: Союзполиграфпром, МГУ, 1999. 351 с.
171. Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919-1938. / Предисл. О. Казниной. М.: Прогресс-Академия, 1994. 296 с.
172. Раппорт В., Алексеев Ю. Измена Родине: очерки по истории красной армии. London, 1989. 514 с.
173. Роль русского зарубежья в сохранении и развитии отечественной культуры: Научн. конф. М.: Ин-т рос. ист. РАН, 1993. 104 с.
174. Роговин В.З. Была ли альтернатива? Партия расстрелянных. М.: Б.и., 1997. 528 с. (<http://trst.narod.ru/rogovin/t5/oglav.htm>)
175. Российская диаспора в Африке. 1920-1950-е гг. Сб. ст. М.: Востлит, 2001. 148 с.
176. Российская интеллигенция: история и судьбы. Ставрополь: СГУ, 1998
177. Российская интеллигенция на родине и в зарубежье: новые документы материалы: Сб. ст./ М-во культуры РФ. Рос. ин-т культурологии: Сост. Т.А. Пархоменко; Ред. К.З. Акопян. М., 2001. 228 с.
178. Российская интеллигенция: критика исторического опыта: Тезисы докладов Всероссийской конференции, посвященной 80-летию сборника «Смена вех». Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001. 269 с.
179. Российская интеллигенция. Страницы истории: Межвузовский научный сборник трудов/ Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. СПб: Образование, 1991. 153 с.
180. Российская эмиграция в Турции, Юго-восточной и Центральной Европе 20-х годов (гражданские беженцы, армия, учебные заведения): Учеб. пособ. для студентов. М.: РГГУ, 1994. 116 с.
181. Российская эмиграция на Дальнем Востоке. / Рос. АН. Дальневосточное отделение.

- Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Владивосток: Дальнаука, 2000. 186 с.
182. Российское зарубежье: История и современность/ Под ред. А.В. Квакина, В.Н. Рас-
торгуева, А.В. Серегина, Э.А. Шулеповой. М.: Министерство культуры РФ, Рос. ин-т
культурологии, 1998. 295 с.
 183. Российское зарубежье: Итоги и перспективы изучения. Тезисы докладов и сообще-
ний научной конференции. М.: РГГУ, 1997. 87 с.
 184. Россия в изгнание: Судьбы российской эмиграции за рубежом/ Сост. Пивовар Е.И. и
др. М.: Институт всеобщей истории РАН, МГУ, 1999. 453 с.
 185. Россия в новое время: образ России в духовной жизни и интеллектуальных исканиях
XIX-нач. XX в.. Материалы Российской Межвузовской научной конференции. М.: РГГУ,
1998. 188 с.
 186. Россия и Италия. Вып.5. Русская эмиграция в Италии в XX в./ Отв. ред. Н.П. Комо-
лов. М.: Наука, 2003. 335 с.
 187. Россия и эмиграция. Paris: Les independents, 1947. 63 с.
 188. Россия на рубеже веков: Историч. портреты. М.: Политиздат, 1991. 378 с.
 189. Русская культура XX века. На родине и в эмиграции. Имена, проблемы, факты. М.,
2000. Вып.1. 280 с.
 190. Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировы-
ми войнами. Результаты и перспективы исследования. Фонды Славянской библиотеки и
пражских архивов. В 2-х тт. Прага, 1995.
 191. Русская эмиграция в Европе: 20-30-е гг. XX в. / Отв. ред. Пономарева Л.В. М.: ИВИ
РАН, 1996. 268 с.
 192. Русская эмиграция в Европе: 20-30-е гг. XX в. Вып. 2. М.: ИВИ РАН; СПб: Алетейя,
2005. 328 с. (Серия «Русское зарубежье. Источники и исследования»).
 193. Русская эмиграция в Италии в XX веке / Отв. ред. Н.П. Комолова. М.: Наука, 2003.
335 с.
 194. Русская эмиграция в Югославии. 1919-1945: Сб. ст. югосл. и рос. иссл./ Редкол. Ар-
сеньев А. и др. М.: Индрик, 1996. 350 с.
 195. Русская эмиграция 1920-1930-е гг.: альманах. В 2 вып. Белград, 1931.
 196. Русские без отечества: Очерки антибольшевистской эмиграции 20-40-х годов. М.:
РГГУ, 2000. 497 с.
 197. Русские в Америке: Книга судеб. М. и др.: Интер Дайджест, 1996. 427 с.
 198. Русские в Болгарии. София, 1999. 175 с.
 199. Русские в Праге. 1918-1928. /Редактор-издатель С.П. Постников. Прага: С.П. Постни-
ков, 1928. 343 с.
 200. Русский альманах. /Под ред. В.А. Оболенского. Paris: Le Prado, 1930. 287 с.
 201. Русский Берлин. 1921-1923. По материалам архива Б.И. Николаевского в Гуверов-
ском институте (США). Париж, 1983. 422 с.
 202. Русский Берлин: 1920–1945: Международная научная конференция / Науч. ред. Л.С.
Флейшмана; Сост. М.А.Васильевой, Л.С. Флейшмана. М.: Русский путь, 2006. 464 с.
(Библиотека-фонд «Русское зарубежье»: Материалы и исследования. Вып. 6).
 203. Русский исход./ Отв. ред. Е.М. Миронова. СПб: Алетейя, 2004. 320 с. (Серия «Рус-
ское зарубежье. Источники и исследования»).
 204. Русский Париж./ Сост., предисловие и комментарии Т.П. Буслаковой. М.: Изд-во
МГУ, 1998. 528 с.
 205. Русский Харбин./ Сост. предисловие и комментарии Е.П. Таскиной. М.: Изд-во МГУ,
1998. 272 с.
 206. Русский Харбин. М.: Изд-во МГУ; Наука, 2005. 352 с.
 207. Русское зарубежье. Л.: Лениздат, 1991. 438 с.
 208. Русское зарубежье в Латинской Америке. М.: ИЛА РАН, 1993. 80 с.

209. Русское зарубежье – духовный и культурный феномен. Материалы международной научной конференции. Ч.1-2. М.-Л., 2003.
210. Русское зарубежье о Есенине. Т.2. Эссе, очерки, рецензии, статьи М.: ИНИОН, 1993. 203 с.
211. Русское зарубежье: Очерки. М., 1999. 162 с.
212. Ручкин А.Б. Российское зарубежье 1920-х годов: проблемы адаптации ученых-эмигрантов на примере экономического кабинета С.Н. Прокоповича. М.: Издательство Института молодежи «Социум», 1999. 195 с.
213. Сабенникова И.В. Российская эмиграция (1917-1939): сравнительно-типологическое исследование. Монография. /Федеральная архивная служба России. Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела. Тверь: Золотая буква, 2002. 431 с.
214. Савицкий И.П. Прага и зарубежная Россия (очерки по истории русской эмиграции (1918-1938)). Прага: IDEG PRAGUE, 2002. 155 с.
215. Самин Д.К. Самые знаменитые эмигранты России. М.: Вече, 2000. 512 с.
216. Свириденко Ю.П., [Ершов В.Ф.] Белый террор? Политический экстремизма российской эмиграции в 1920-1945 гг. М.: МГУ сервиса, 2000. 198 с.
217. Семочкина Е.И. История российской эмиграции. XX в.: Учебн. пособ. Челябинск: Из-во ЮурГУ, 1998. 78 с.
218. Серапионова Е.П. Российская эмиграция в Чехословацкой Республике (20-30-е гг.). М.: ИСБ, 1995. 196 с.
219. Смолянский Г. Мировая эмиграция и иммиграция. М.: Профинтерн, 1926. 44 с.
220. Современное русское зарубежье. (Книга для ученика и учителя). М.: АСТ, 2001. 520 с.
221. Соничева Н.Е. На чужом берегу: (К истории русской эмиграции в послеоктябрьский период). М.: Знание, 1991. 63 с.
222. Социально-экономическая адаптация российских эмигрантов (конец XIX - XX в.): Сборник статей. / Под ред. Ю.А. Полякова, Г.Я. Тарле; М.:ИРИ РАН, 1999. 269 с.
223. Спиридонова Л. Бессмертие смеха. Комическое в литературе русского зарубежья. М.: Наследие, 1999. 336 с.
224. Спирин Л.М. Классы и партии в Гражданской войне в России (1917—1920). М.: Мысль, 1968. 438 с.
225. Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920) М.: Мысль, 1977. 364 с.
226. Стефан Д. Русский фашизм. Фарс и трагедия в эмиграции 1925-1945. М.: Слово, 1992.
227. Страх и ожидания. Россия и Норвегия в XX веке. /Под редакцией В.И. Голдина и Й.П. Нильсен. Архангельск: Изд-во Поморского гос. ун-та им. М.В. Ломоносова, 1997. 349 с.
228. Стронгин В.Л. Керенский. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2004. 320 с.
229. Суомела Ю. Зарубежная Россия. Идеино-политические взгляды русской эмиграции на страницах русской европейской прессы в 1918-1940 гг. /Авт. перев. с финск. Л.В. Суни. СПб: Издательский дом «Коло», 2004. 352 с.
230. Тарле Г.Я. Российское зарубежье и Родина. Ин-т рос. ист., ассоциация по связям с соотечественниками за рубежом. М.: ИНИОН, 1993. 98 с.
231. Таскина Е.П. Неизвестный Харбин. М.: Прометей, 1994. 159 с.
232. Тимонин Е. И. Исторические судьбы русской эмиграции (1920-1945). Омск: б.и. 2000. 291 с.
233. Трифонов И.Я. Из истории борьбы Коммунистической партии против сменовеховства // История СССР. 1958. № 3.С. 64-82.

234. Трифонов И.Я. Конец мелкобуржуазных партий меньшевиков и эсеров // Ученые записки Ленинградского университета. Серия исторические науки. Вып.30. 1959. № 258. С.143-172;
235. 1920 год в судьбах России и мира: апофеоз Гражданской войны в России и ее воздействие на международные отношения: сб-к м-лов межд. науч. конф. Архангельск: Солти, 2010. 296 с.
236. У Нань Линь. Проблемы адаптации русских эмигрантов в Китае 20-30 гг. XX в. М.: МАКС Пресс, 2001. 34 с.
237. Урицкая Р.Л. Они любили свою страну... Судьба русской эмиграции во Франции с 1922 по 1948 г. СПб: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2010. 304 с.
238. Ушкалов И.Г., Иванов С.Л. Эмиграция: взгляд с Востока и с Запада. М.: Знание, 1991. 64 с.
239. Федюкин С.А. Борьба с буржуазной идеологией в первые годы нэпа. М.: Наука, 1977. 352 с.
240. Федюкин С.А. Великий Октябрь и интеллигенция. Из истории вовлечения старой интеллигенции в строительство социализма. М.: Наука, 1972. 471 с.
241. Флейшман Л. В тисках провокации. Операция «Трест» и русская зарубежная печать. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 328 с.
242. Флейшман Л. Русский Берлин. 1921-1923. Париж: YMCA-Press, 1983. 422 с.
243. Фомин В.Н. Российская эмиграция в Китае с 1920 г. и до окончания Великой отечественной войны (1941-1945). М., 2005. 276 с.
244. Хисамутдинов А.В. В новом свете или история русской диаспоры на тихоокеанском побережье Северной Америки и Гавайский островов. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2003. 323 с.
245. Хисамутдинов А.А. По странам рассеяния [В 2 ч.]. Владивосток: ВГУЭС, 2000.
246. Хисамутдинов А.А. Русский Сан-Франциско. М.: Вече, 2010. 368 с. (Серия: Русские за границей)
247. Худобородов А.А. Вдали от Родины. Российские казаки в эмиграции. Учебное пособие по спецкурсу. Челябинск, 1997. 112 с.
248. Цепилова В.И. Историческая наука русского зарубежья: проблемы историографии (1920-2004). Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2005. 294 с.
249. Чикарлеев Ю.В. Трагедия НТС: Эпизод тайной войны. N.Y., 1987. 244 с.
250. Чистяков А.А. Убить за Россию! Из истории русского эмигрантского «активизма» 1918-1939 гг. М.: Изд-во Ипполитова, 2000. 140 с.
251. Шамбаров В. Белогвардейщина. М.: ЭКСМО-пресс, 2002. 640 с.
252. Шевченко Л.А. «Лицо России» в социально-культурной деятельности первой эмиграции. Тамбов: Тамбовский гос. ун-т, 2003. 166 с.
253. Шинкарук И.С., Ершов В.Ф. Российская военная эмиграция и ее печать. 1920-1939 гг. М.: Изд-во Ипполитова, 2000. 102 с.
254. Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М.: Мысль, 1986. 272 с.
255. Шлэгель К. Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918-1945)/ Пер. с немецкого Л. Лисюткиной. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 632 с.
256. Шолохов и русское зарубежье. Вступ. ст., примеч. и именной указатель В.В. Васильева. М: Алгоритм, 2003. 448 с.
257. Шостаковский П.П. Путь к правде. Минск: ГИЗ БССР, 1960. 356 с.
258. Щетинов Ю.А. Крушение мелкобуржуазной контрреволюции в Советской России. М.: МГУ, 1984. 148 с.
259. Экономисты русской эмиграции: Учебное пособие / Под общей редакцией Корицкого Э.Б. / СПб: Юридический центр Пресс, 2000.

260. Эмиграция и репатриация в России. В.А. Ионцев, Н.М. Лебедев, М.В. Назаров, А.В. О कोरोков. М.: Попечительство о нуждах российских репатриантов, 2001. 490 с.
261. Яковлева Т.А. Пути возрождения: Идеи и судьбы эмигрантской печати П.Б. Струве, П.Н. Милюкова и А.Ф. Керенского. Иркутск: изд-во Иркут. экон. академ., 1996. 216 с.
262. Ярославский Ем. Третья сила. Статьи 1917-1931 гг., направленные против эсеровской и меньшевистской партий. М.: Партиздат, 1932. 272 с.
263. Afanasiev Y. De la Russie (en enjeux actuels). Paris, 2002. 406 p.
264. Бялата емиграция в България. Материали от научна конференция. София, 23 и 24 септември 1999 г. София: Институт по история Българска академия на науките, 2001. 455 с.
265. Champeomanal J. La condition des Russes à l'étranger et spécialement en France. Paris. 1923.
266. Champin-Hantington W. The homesick millions Russians out of Russia. Boston. 1923.
267. Clément O. Berdiaev: Un philosophe Russe en France. Paris: Desclée de Brouwer, 1991. 241 p.
268. Colton E.Th. Forty Years with Russians. N.Y., 1940.
269. Davis I. The Russian Immigrant. N.Y., 1922. 219 p.
270. Delage J. La Russie en exil. Paris, 1930. 179 p.
271. Deleon J. The White Russians in Istanbul. Çağaloğlu-Istanbul: Remzi Kitabevi, 1995. 183 p.
272. [La] dispersion russe à travers le monde et son rôle culturel. Sauvy, Paris 1941.
273. Glad J. Russia abroad: writers, history, politics. N.Y.: A joint publication Hermitage & Birchbark Press, 1999..
551. Glenny M., Stone N. The other Russia. London-Boston: Faber and faber, 1990. 475 p.
274. Gouseff C. Immigrés russe en France (1900-1955), contribution à l'histoire politique et social des réfugiés. 2 vol. Paris :EHESS, 1996.
275. Gorboff M. La Russie fantôme. L'émigration russe de 1920 a 1950. Lausanne : L'âge d'honne, 1995. 287 p.
276. Izoulet J. Sans Russie pas de France. Paris, 1920. 40 p.
277. Johnston R.H. New Mecca, New Babylon. Paris and Russian Exiles. 1920 - 1945. Montreal, Kingston, 1988. 254 p.
278. Јовановић, М. Руска емиграција на Балкану: (1920-1940). Београд : Чигоја штампа, 2006. 559 с.
279. Journees de la culture russe en France. Paris, 1982. 32 p.
280. Johnson R. H. New Mecca, New Babylon. Paris and Russian Exiles. 1920 – 1945. Kingston and Montreal [Ont.] : McGill-Queen's University Press, 1988. 254 p.
281. Haimson Z.N. The Mensheviks from the revolution of the 1917 to the second world war. Chicago: Univ. of Chicago, 1974. 476 p.
282. [Les] historiens de l'émigration russe: textes réunis par Danièle Beane-Gray; introd. Par M.Raëff. Paris: Int. d'études slaves, 2003. 178 p.
283. Kovalevsky P. La Dispersion Russe a travers le Monde et son role culturel. Chauny (Aisine), 1951.
284. Lehovitch D. White against Red. The Live of General Denikin. N.Y. 1974
285. Le Roy Ellis. Les Russes sur la côte d'Azur: la colonie russe dans les Alpes-Moritaines des origines a 1939. Nice, 1988. 205 p.
286. Lesure M. Les Sources de l'histoire de Russie aux archives national. 1970. 503 p.
287. Marrus M.R. The Unwanted – European Refuges in the twentieth century. N.Y. Oxford univ. press, 1985. 414 p.
288. Menegaldo H. Les Russes à Paris. 1919-1939. Paris: Editions Autrement, 1998. 185 p.
289. Miroglio A. L'émigration russe. Ses aspects politiques et religieux dans l'ouvrage collectif "Ame russe" Paris, 1927.
290. (Le) Mouvement de Libération de la Russie. Chambéry: Imprimerie Moderne, 1929. 60 p.
291. Nick C. Les Trotskistes. Paris: Fayard, 2002. 615 p.

292. Nielsen J.P. P.N. Milukov's political evolution in emigration (1918-1943). Oslo, 1983.
293. Patrikeeff F. Russian politics in exile. (The Northeast Asia Balance of Power, 1924-1931). Basingstoke, 2002. 230 p.
294. Petchorine D. Condition des Russe en France et cella des étrangers (spécialement les Français) en U.R.S.S. Bordeaux, 1929. 298 p.
295. (La) première émigration russe: vie politique et intellectuelle. Paris : Int. d'étude slave, 1994. 96 p.
296. Raeff M. Russia Abroad. A cultural History of Russian Emigration 1919 - 1939. N. Y.; Oxford: Oxford University Press, 1990. 239 p.
297. Raymond B., Jones D.R. The Russian Diaspora 1917-1941. Lanham M.D.: Scarecrow, 2000.
298. Richard J. La press de l'emigration russe. Aix-en-Provence: Univ. de Provence, 1966. 109 p.
299. Robinson P. The White Russian army in exile, 1920-1941. Oxford: Clarendon press, 2000. 257 p.
300. Rôle et espoirs de l'émigration russe. Paris: L'Independent, 1938. 16 p.
301. Russies. России. / Rassemblés par A. Dykman et J.-Ph. Jaccard. Clamecy: Edion l'age d'homme, 1995. 433 p.
302. Scheftel J. L'Apatridie des réfugiés russes. Paris, 1934. 36 p.
303. Stephane D.. The Russian Fascists: Tragedy and farce in exile. 1925-1945. N.Y., 1978; Stanford, Calif. Stanford University Press. 1994. 481 p.
304. Struve N. Soixante-dix ans d'émigration russe (1919-1989). Paris: Fayard, 1996. 304 p.
305. Timasheff N.S. Religion in Soviet Russia. New York: Sheed and Ward, 1942. 171 c.
306. Williams R. Culture in Exile. Russian Émigrés in Germany. 1881-1941. Ithaka and London: Cornell University Press, 1972. 405 p.
307. Wraga R. Russian emigration after thirty years' exiles. London, 1951. 18 p.
- Yelensky B. In the struggle for equality. The story of anarchist Red Cross. Chicago: A Berkman aid fund., 1958. 64 p.

2. Авторефераты диссертаций

308. Аурилене Е.Е. Российская эмиграция в Маньчжурии в 30-40-е гг. XX в. (На пример деятельности бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии) : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1996. 24 с.
309. Галич Ж.В. Дискуссии в ВКП (б) второй половины 1920-х годов и русская политическая эмиграция : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1995. 21 с.
310. Галямичева А.А. Научно-педагогическая, публицистическая и общественно-политическая деятельность Г.П. Федотова в годы эмиграции (1925-1951 гг.) : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2008. 25 с.
311. Разумов-Гавашели В.А. Российские социал-демократы и социалисты-революционеры в 1920-1930-е гг.: социальноэкономические модели постбольшевистской России : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2009. 21 с.
312. Ершов В.Ф. Российская военная эмиграция в 1921-1939 гг. : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. 28 с.
313. Иванов В.П. Российская эмиграция на Дальнем Востоке в 1920-1945 гг.: Формирование, деятельность, институциональные основы : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 24 с.
314. Иванов М.В. Социал-демократическое течение экономической мысли российской эмиграции 20-50-х годов : Автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2002. 18 с.
315. Климова О.Н. Русская эмиграция и советская интеллигенция: проблемы культурного взаимодействия в 1920-1929 гг. : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2008. 24 с.

316. Лушина Л.С. Проблемы новой экономической политики в идейных воззрениях сменеховцев : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990. 21 с.
317. Ляпорова Е.Н. Образ советского государства в представлениях русской эмиграции в 20-годы XX века на примере взглядов П.Н. Милюкова, А.Ф. Керенского и И.В. Гессена : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2008. 24 с.
318. Маглова М.Б. Эмигрантская либеральная печать о новой экономической политике 1921-1928 годов: (по материалам Пражской колонии) : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1995.
319. Малыхин К.Г. Русское зарубежье 20 - 30-х годов. Оценка большевистской модернизации : Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ростов-на-Дону, 2000. 53 с.
320. Митрохин В.А. Российская эмиграция: общественная мысль и политическая деятельность (20–30-е годы XX века) : Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2009. 45 с.
321. Онегина С.В. Пореволуционные политические движения российской эмиграции. 1925-1945. Варианты российской государственной доктрины : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. 27 с.
322. Павлова О.И. Белая армия и "красные командиры": 1919-1924 гг.: "Советская" политика генерал-майора А.А. фон Лампе : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2009. 28 с.
323. Сперкач А.И. Кадетская эмиграция в Германии, 1920-1931 гг. : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.
324. Федоров С.С. Русский Обще-Воинский Союз 1920-1930 гг. : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 33 с.
325. Цветков В.Ж. Формирование и эволюция политического курса Белого движения в России в 1917-1922 г. : Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2010. 39 с.
326. Цепилова В.И. Историческая наука Русского зарубежья 1920-1930-х годов в отечественной и зарубежной историографии : Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2010. 47 с.
327. Шабанов Я.В. Российское зарубежье и фашизм в Европе в 1920-х-1930-х гг. (По материалам Русского Обще-воинского Союза) : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. 22 с.
328. Шатилов А.Б. Евразийство как феномен политической культуры: Двадцатые годы XX века.: Автореф. дис. ... канд. политолог. наук. М., 1999. 24 с.

3. Диссертации

329. Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории: Первая половина XX в. : Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. 556 с.
330. Антоненко Н.В. Идеология и программа монархического движения русской эмиграции : Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 240 с.
331. Антощенко А.В. «Евразия» или «Святая Русь»? Российские эмигранты «первой волны» в поисках исторического самосознания : Дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2003. 432 с.
332. Аурилене Е.Е. Российская эмиграция в Китае: 1920-1950-е гг. : Дис. ... д-ра ист. наук. Хабаровск, 2004.
333. Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917-1988 гг.) : Дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2005. 645 с.
334. Баранова Н.А. Общественно-политическая деятельность Е.Д. Кусковой в 1917-1945 гг. : Дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 202 с.
335. Бочарова З.С. Социально-правовая адаптация российской эмиграции 1920-1930-х годов. (Исторический анализ). : Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. 449 с.
336. Бухтерев В.Б. Российская военная эмиграция в Германии в 1920-1945 гг. : Дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 194 с.
337. Варакса А.Н. Идея монархии в политической мысли русского зарубежья. 1920-1940-е гг. : Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2003. 137 с.

338. Веретенникова Е.В. Новая экономическая политика в социалистической и либеральной периодике Русского Зарубежья двадцатых годов XX века. : Дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 217 с.
339. Воробьева О.В. Российская эмиграция в США и Канаде в 1920-1940-е гг. : Дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 219 с.
340. Горячая С.В. Сменовеховцы 20-30-х годов: оценка большевистского опыта реформирования России : Дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2004. 217 с.
341. Дичко С.Н. Российская военная эмиграция в Югославии в 1920-1945 гг.: институционализация и деятельность : Дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 210 с.
342. Еременко Л.И. Русская эмиграция как социально-культурный феномен: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1993. 125 с.
343. Кабаков А.М. Русское белое зарубежье о политической роли Красной Армии в Советской России в 1921-1924 гг.: Источники формирования представлений и их эволюция: Дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2005. 252 с.
344. Квакин А.В. Нововеховство как кризис белой эмиграции : Дис. ... канд. ист. наук. Калинин, 1981. 161 с.
345. Климутин В.А. Российская военно-морская эмиграция в 1920-1930-е годы : Дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 194 с.
346. Ключева А.В. Информационная среда политической коммуникации российской эмиграции : Дис. ... канд. полит. наук. М., 2005. 154 с.
347. Ковалевич М.К. Русская политическая эмиграция и советская власть. Поиск возможностей идейно-политического компромисса: Дис. ... канд. политолог. наук. М., 1997. 178 с.
348. Комисарова Е.Н. Белогвардейская эмиграция в Сяньцзине в 1920-1935 гг. : Дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2004. 226 с.
349. Куликова Н.В. Политико-правовое положение россиян в Северо-Восточном Китае: 1917-1931 гг. : Дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2005. 248 с.
350. Кривицкий С.И. Аграрный вопрос в работах С.Н. Прокоповича : Дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 261 с.
351. Назарова Е.В. Эмиграция российской интеллигенции: ее причины и трансформация образа жизни: Ретроспективный анализ : Дис. ... канд. социол. наук. Улан-Удэ, 2003. 196 с.
352. Нинчиева Г.В. Основные течения экономической мысли русской эмиграции 20-50-х годов XX столетия. : Дис. ... д-ра экон. наук. СПб., 2004. 313 с.
353. Поздняков А.А. Красная Армия в представлении русского зарубежья 1924-1939 гг. : Дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2006. 246 с.
354. Пронин А.А. Российская эмиграция в советской историографии : Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2001.
355. Прохоренко А.В. Философское русскоеведение в идейной полемике пореволюционной эмиграции: первая половина XX в. : Дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2006. 368 с.
356. Рябова В.И. Российская эмиграция в Африке в 1920-1945 гг. : Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 234 с.
357. Серегина Д.М. Российская торгово-промышленная эмиграция во Франции в 1920-1939 гг. : Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 190 с.
358. Ситниченко К.Е. Русское Зарубежье «первой волны»: феномен культурной диаспоры в аспекте самоидентификации : Дис. ... канд. культуролог. наук. Екатеринбург, 2008. 168 с.
359. Соловьев М.С. Деятельность организации Великого князя Николая Николаевича, Русского общевоинского союза, Братства русской Правды на Северо-Западе Советской России, в Прибалтике и Финляндии в 1920-х-1930-х гг. : Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003. 179 с.

360. Солодка М.Б. Издательская деятельность русской эмиграции в Китае: Харбин, Шанхай: 1917-1945 гг. : Дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2006. 212 с.
361. Сотников С.А. Российская военная эмиграция во Франции в 1920-1945 гг. : Дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 215 с.
362. Сперкач А.И. Кадетская эмиграция в Германии, 1920-1931 гг. : Дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.
363. Тикеев М.Д. Эсеровская эмиграция 20-30-х гг. XX в.: Идеиные основы и общественно-политическая деятельность : Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 196 с.
364. Федорова М.С. Либерально-консервативное направление общественно-политической мысли русского зарубежья 20-40-х гг. XX века : Дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 238 с.
365. Фомин К.В. Казачья эмиграция в Китае: 1922-1931 : Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 163 с.
366. Цурганов Ю.С. Российская военная эмиграция в 1939-1945 гг. : Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. 220 с.
367. Шеожеева З.Х. Либеральные течения аграрно-экономической мысли русского зарубежья 20-30-х гг. : Дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2003. 158 с.
368. Чапыгин И.В. Казачья эмиграция в русской диаспоре Северо-Восточного Китая: 1920-1945 гг. : Дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2006. 186 с.
552. Bobrinskoy O. La politique de gouvernement tchécoslovaque envers les émigrés russe. 1921-1939. Mémoire de maîtresse d'histoire. Paris, 1993.
369. Delehelle (Jean). La situation juridique des Russes en France. Th.dr. Lille. 1926. 244 p.
370. Koons (Tilgham). Histoire des doctrines politiques de l'emigration russe (1919-39). Th. let. (Univ.) Paris, 1952. 361 p.
371. Petchorin (Dimitri). La Condition des Russes en France et celle des étrangers en URSS. Th.dr. Paris, 1929. 296 p.
372. Tarel (Jean). Essai sur la condition juridique des sociétés russes en France. Th.dr. Grenoble, 1938. 243 p.

4. Справочно-библиографические и энциклопедические издания

373. «А пришлось в разлуке жить года...» Российское зарубежье в Финляндии между двумя войнами: Материалы к библиографии. 1987-2002 гг. / Информационно-культурный центр «Русская эмиграция». Сост. Н.В. Бекжанова, Н.А. Волкова, О.Х. Маханов, Н.А. Сидоренко. СПб: Сударыня, 2003. 290 с.
374. Бакич О.М. Harbin Russian imprint: bibliography as history, 1918-1961. N.Y., Paris, 2002.
375. Библиография русских беженцев в Королевстве С.Х.С. (Югославия), 1920-1945. Arhem, 1991. 351 с.
376. Библиография русской литературы, изданной в Финляндии, 1813-1972 гг. Helsinki, 1988. 96 с.
377. Бургина А. Социал-демократическая меньшевистская литература: Библиографический указатель. California: Stanford University, 1968. 391 с.
378. «Воля России» Систематический указатель статей помещенных в «Воле России» за 1922-1926 гг. Прага: Славянское издательство, 1927.
379. Газета «Сегодня» 1919-1940: Роспись. /Сост. Ю. Абызов. В 2 ч. Рига: Латвийская национальная библиотека, 2001.
380. Газеты русской эмиграции в фондах Отдела литературы русского зарубежья Российской государственной библиотеки: Библиографический каталог / Сост. Е.В. Макаревич. М.: РГБ, 1994. 60 с.
381. Газеты 1917-1922 гг. в фондах отдела литературы русского зарубежья Российской государственной библиотеки: Библиографический каталог. Вып. 1. / Сост. И.В. Балдина и др. М.: РГБ, 1994. 117 с.

382. «Голос Минувшего» (Москва, 1912-1923), «На чужой стороне» (Берлин, Берлин-Прага, Прага, 1923-1925), «Голос минувшего на чужой стороне» (Париж, 1926-1928). Систематическая роспись статей и заметок. / Сост. Ю.Н. Емельянов. М.: ИРИ РАН, 2001. 305 с.
383. Журнал «Новый град». Содержание отдельных номеров // YMCA-press: Каталог 1921-1956. Париж: YMCA-press, 1956. С. 73-81.
384. Журнал «Путь». Содержание отдельных номеров // YMCA-press: Каталог 1921-1956. Париж: YMCA-press, 1956. С. 82-112.
385. История России XIX-начала XX вв. Русская эмиграция первой волны (1917-1940) Указатель справочник и библиографическое пособие. Министерство образования РФ, Волгоградский гос. ун-т / Сост. В. Ведеников. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2002. 136 с.
386. История российской эмиграции: Библиографический указатель. / Сост. А.А. Пронин. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1999. 56 с.
387. Книга Русского зарубежья в собрании Российской Государственной библиотеки 1918-1991. Библиографический указатель: В 3-х частях. / РГБ. Составитель Е.А. Акимова и др. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт. 1997-2002. Ч. 1. СПб., 1997. 612 с.; ч. 2. М., 2001. 741 с., ч. 3 М., 2002. 525 с.
388. Материалы к сводному каталогу периодических и продолжающихся изданий русского зарубежья в библиотеках Москвы (1917-1990) / Сост. И.Е. Березовская и др. М.: ГПИБ, 1991. 87 с.
389. Николюкин А.Н. Литература русского зарубежья в ИНИОН // Россия и современный мир. 1993. Вып. 1. С. 175-177.
390. Общественная мысль русского зарубежья: Энциклопедия / Отв.ред. В.В.Журавлев; отв.секр. А.В.Репников. М.: РОССПЭН, 2009. 704 с.
391. Осоргина Т. А. Русская эмиграция. Журналы и сборники на русском языке. 1855-1940. В 2 т. Париж, 1981.
392. Полотовская И.Л. Материалы для библиографии информационных ресурсов русского зарубежья. СПб.: Нестор, 2002. 59 с.
393. [Постников П.] Политика, идеология, быт и ученые труды русской эмиграции 1918-1945. Библиография из каталога библиотеки РЗИА. N.Y. 1993. Т. 1. 256 с.
394. Путеводитель по фондам Белой армии / Российский государственный архив. Сост. Н.Д. Егоров, Н.В. Пульченко, Л.М. Чижов. М.: Русское библиографическое общество, 1998. 526 с.
395. Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках / Гос. история, б-ка России, Стэнфорд. ун-т (США); Науч. ред. А. Г. Тартаковский, Т. Эммонс, Б. О. Будницкий. В 4 т. М.: РОССПЭН, 2003-2006.
396. Русская и украинская эмиграция в Чехословацкой республике 1918-1935. Путеводитель по архивным фондам Чехословацкой республики. Прага, 1995. 132 с.
397. Русская мысль (1917-1927): Роспись содержания // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник. 1997. С. 287-317.
398. Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Каталог выставки. Прага, 1995. 53 с.
399. Русская печать в Эстонии: 1918-1940. Био-библиографические и справочные материалы к изучению культурной жизни русской эмиграции. В 2-х ч. / Сост. О. Фигурнова. М., 1998.
400. Русская эмиграция: Журналы и сборники на русском языке: 1920-1980: Сводный указатель статей / под ред. Т.Л. Гладковой, Т.А. Осоргиной; предисл. М. Раева. Париж: Institut d'Etudes Slaves, 1988;
401. Русская эмиграция в Великобритании между двумя войнами (1917-1940). Библиографический указатель публикаций на русском и иностранном языках. М., 2000. 55 с.

402. Русские во Франции: Справочник / Под ред. В.Ф. Зеелера. Париж: «Сарач», 1937. 86 с.
403. «Русское возрождение» Алфавитный указатель материалов журнала с №1 по №61 включительно // Русское возрождение №62. С. 181-203.
404. Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. 742 с.
405. Российское зарубежье в диссертационных исследованиях / Сост. З.С. Бочарова // Проблемы истории Русского зарубежья: материалы и исследования / Ин-т всеобщ. ист. РАН. Вып. 2. М.: Наука, 2008. С. 438-446.
406. Российское зарубежье в фондах ИНИОН: Каталог книжной выставки / Сост И.З. Беляева и др. М.: ИНИОН. 1993, 48 с.
407. Россияне в интернете: Справочник об электронных адресах русской научной эмиграции. М.: Центр «Истина», 1996. 42 с.
408. Сводный каталог периодических и продолжающихся изданий русского зарубежья в библиотеках Москвы. 1917-1996. М.: РОССПЭН, 1999. 463 с.
409. «Современные записки». Указатель к №№ I-LXV (1-69) за 1920-1937 гг. Париж, 1938 94 с.
410. [Тартаковский А.Г.] Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках. = Russia and Russian emigration in memories and diaries. Аннот. указ. книг., журналов и газетных публикаций, изданных за рубежом 1917-1991. В 4 т. Гос.публ.ист. б-ка, Стэнфорд. унив., М.: РОССПЭН, 2003-2006.
411. Указатель журнала «Социалистический вестник». 1921-1963. Сост. Т.Л. Гладкова и др. Paris: Bibl. Russe de l'Institut d'Études slaves, (№90). 1992. 415 с.
412. Фонды русского и заграничного архива в Праге: Межархивный путеводитель. М.: РОССПЭН. 1999, 671 с.
413. [Фостер Л.] Библиография русской зарубежной литературы. 1918-1968. Бостон, 1970.
414. Шмаглит Р.Г. Русское зарубежье в XX веке. 800 биографий. М.: АСТ: Зебра Е, 2007. 254 с.
415. Howells D.L.L. Russian emigré serials 1855-1990 in Oxford libraries. Oxford, 1990. 43 p.
416. Seydoux M., Biesiekierski M. Répertoire des thèses concernant les études slaves l'URSS et les pays de l'Est européen et soutenues en France de 1824 a 1969. Paris: Inst. d'Etude slaves, 1970. 158 p.

5. Статьи

417. Аблажей Н.Н. Конфликт на КВЖД 1929 г. и его последствия // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2006. Т. 5. №1. С. 57-61.
418. Александров С.А. Газета «Последние новости». Париж (1920-1940 гг.) // Россия и современный мир. М., 1994. Вып.2. С. 180-186.
419. Александров С.А. К истории русского либерализма в эмиграции (возникновение и деятельность РДО) // История и историки. 2003. №1. С.94-108.
420. Александров С.А. Россия в прогнозах Павла Милюкова // Социум. 1995. №1. С. 72-76.
421. Алексеева Е.В. Российская эмиграция в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев. 1920-1941 год: отношение диаспоры и власти // Отечественная история. 2000. №1. С. 32-40.
422. Алексинская П. Русская эмиграция 1920-1939 гг. // Возрождение: литературно-политические тетради. Тетрадь 60. Париж, 1956. С. 33-41.
423. Алехин Н. Эмиграция белая// БСЭ. Изд. 1. Т. 65. М., 1934. С. 162.

424. Антоненко Н.В. Монархическая эмиграция о путях решения аграрного вопроса в России. // Наше Отечество. Страницы истории: сб. науч. ст. / Ред. Журавлев В.В. Вып. 3. М.: Б.и., 2004. 232 с. С. 128 - 134.
425. Антоненко Н.В. Национальный вопрос в программах русской монархической эмиграции // Новый исторический вестник. 2008. Т. 1. №17. С. 206-214.
426. Антоненко Н.В. Организационная и идеологическая трансформации партии социалистов-революционеров в эмиграции // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. №11. С. 562-568.
427. Аронсон Г. Е.Д. Кускова, портрет общественного деятеля // Новый журнал. 1954. Вып. 37. С. 236-256.
428. Аурилине Е. Русская эмиграция в Китае: в поисках будущей России // Вестник Евразии. 2002. № 4. С. 5-22.
429. Ахизер А. Эмиграция из России: культурно-исторический аспект // Свободная мысль. 1993. №7. С.70-78.
430. Байкова В. Переоценка ценностей // Безопасность Евразии. 2001. №2. С. 284-291.
431. Балув Б.П. Споры о судьбе России в эмигрантской публицистике 1920-х годов // История и историки. 2003. №1. С. 3-33.
432. Белоконь Е.Л. Народничество и вторая волна российской эмиграции: перемещение в пространстве и остановка во времени (по материалам архива Курганова-Керенского) // Исторический источник: человек и пространство. М: РГГУ, 1997. С. 121-123.
433. Богословский А.Н. Газета «Русская мысль»: единство культуры поверх границ // Новый мир. 1992. №1. С. 193-195.
434. Болдин П.И. Меньшевики в Кронштадтском мятеже // Красная летопись. 1931. №3.
435. Борисенок Е.Ю. Формирование политической программы русского казачества в условиях эмиграции в Чехословакии (1920-е – начало 1930-х годов) // Славяноведение. 1996. №5. С. 18-29.
436. Борщук Е.Д. Патриотизм в понимании противников власти Советов. По материалам альманаха «Белая армия. Белое дело» // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. №89. С. 43-50.
437. Бочарова З.С. Современная историография российского зарубежья. 1920-1930-х // Отечественная история. 1999. №1. С. 91-102.
438. Брейар С. Портрет Милюкова // Отечественная история. 1993. №3. С. 155-162.
439. Будницкий О.В. Б.А. Бахметьев – посол в США несуществующего правительства России // Новая и новейшая история. 2000. №1. С. 134-166.
440. Будницкий О.В. Нетипичный Маклаков // Отечественная история. 1999. №2. С.12-26; № 3. С.64-80.
441. Будницкий О.В. Попытка примирения // Диаспора. 2001. Вып. 1. С. 179-240.
442. Бычков Л. Из истории классовой борьбы в первые годы нэпа // Борьба классов. 1936. №10. С.89-90.
443. Вакар Н. Милюков в изгнание // Новый журнал. 1943. Вып. 6. С. 369-378.
444. Вандалковская М.Н. Проблема социализма на страницах «Современных записок» // История и историки. 2002. № 1. С. 149-166. (URL: <http://www.ebiblioteka.ru/sources/article.jsp?id=4717959>)
445. Вандалковская М.Г. «Революция и реформы» в эмигрантской литературе // Реформы и реформаторы в истории России. М., 1996. С. 147-156.
446. Вандалковская М.Г. Традиции русской общественной мысли в историко-философском наследии Н.А. Бердяева // История и историки. 2003. №1. С. 141-168.
447. Волошина В.Ю. Образ Родины в представлениях детей-эмигрантов в 1920-е годы // Мир детства в русском зарубежье: III Культуролог. чтения «Русское зарубежье XX века». М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2011. С. 34-36.

448. Воронский А. Советская Россия в освещении белого обозревателя // Красная новь. 1921. № 1. С. 221-229.
449. Григорьев А.А. Русская политическая эмиграция и антибольшевистское подполье в СССР в конце 1920-х гг. // Научные труды Московского педагогического государственного университета. Серия: социально- исторические науки: Сб. ст. / Ред. Матросов В.Л. М.: Прометей, 2005. 741 с. С. 193-200.
450. Десницкий В. Печать белой эмиграции // Книга и революция. 1921. №6.; 1922. №1. С. 46-50; 1923. №4.
451. Дивильковский А. На чужом берегу. Самочувствие эмиграции // Печать и революция. 1926. №6, 7.
452. Емельянов Ю.Н. Монархическое движение и монархические организации русской эмиграции (1920-е – середина 1930-х годов) // История и историки. 2003. №1. С. 108-141.
453. Замойский Я. Отношение белой эмиграции к украинским вопросам (1919-1939) // Славяноведение. 1993. № 4. С. 39-48.
454. Зелдин Т. Социальная история как история всеобъемлющая // THESIS. 1993. С. 154-162.
455. Здерева Г.В. Современные проблемы методологии исторической науки и преподавания истории в вузе // Вестник Гуманитарного института Тольяттинского государственного университета. 2007. Вып. 1. С. 7-16.
456. Зидер Р. Что такое социальная история? Разрывы и преемственность в освоении «социального» // THESIS. 1993. С. 163-178.
457. Иванов В. Компромат красной картотеки. Что искал Сталин в ленинградских архивах. // Служба безопасности. Новости разведки и контрразведки. 1998. №1-2. С. 28-29.
458. Канищева Н.И. Оценка кадетами трансформационных изменений в послереволюционной России. // Политические партии России: Страницы истории: [Сб. ст.] / Ред. Ерофеев Николай Дмитриевич. М.: Изд-во МГУ, 2000. 347 с.
459. Карпов В.Н. Советская разведка и русская воинская эмиграция 1920-1940-х гг. // Новая и новейшая история. 1998. №3. С. 119-124.
460. Карпович М. Два типа русского либерализма (Маклаков и Милюков) // Новый журнал. Н.Й. 1960. Кн. 66. С. 264-280.
461. Карпович М. Е.Д. Кускова (1869-1958) // Новый журнал. 1959. Вып. 56. С. 288-294.
462. Катагощина М.В. Теоретические проблемы изучения мемуаристики российской эмиграции 1920-1930-х гг. // Теоретические проблемы исторических исследований. М.: МГУ, 2002. С. 148-168.
463. Квакин А.В. «Мы не в изгнании, мы – в послании» (соотнесение амбивалентности русского архетипа и российской миграционной системы: к постановке вопроса) // Интеллигенция России: традиции и новации. Иваново, 1997. С. 56-59.
464. Корк И. Из современного политического антиквариума (русские монархисты за границей) // На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией. М.: Красная новь, 1923. С. 151-169.
465. Корнилов А.А., Лушина К.А. Русские общественно-политические организации Парижа в 1920-е годы: объединительные процессы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Международные отношения. Политология. Регионоведение. 2007. №6. С. 221–226.
466. Кувшинов В.А. Дискуссии кадетов в эмиграции по проблемам либерализма, демократии и социализма. // Политическая история России. Памяти Владимира Дмитриевича Павлова: [сборник статей] / МГУ. Факультет государственного управления. Кафедра политической истории. М.: Компания Спутник+, 2007. 274 с.
467. Кувшинов В.А. Кадетская эмиграция о помощи голодающей России (1921 г.) // Гуманитарные науки в техническом вузе. Сб. науч. ст. / Московский институт коммунального хозяйства и строительства; Гл. ред. Донской М.В. М.: Экслибрис-Пресс, 2006, 223 с.

468. Кулишер А. «Последние новости» о советской политике // Последние новости. Юбилейный сборник газеты «Последние новости» 1920-1930 гг. [Париж, 1930]. С. 39-42.
469. Лавренова А.В. Установление советско-французских отношений в 1924 году и русская эмиграция во Франции // Россия и Франция XVIII-XX века/ отв. Ред. П.П. Черкасов./ Ин-т всеобщ. истории РАН. М.: Наука, 2008. Вып. 9. С. 267-297.
470. Левин З.И. Менталитет диаспоры (Системный и социальный аспекты) // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX-XX вв./ Сост. Г.Я. Тарле. М.: ИРИ РАН, 2001. С. 45-53.
471. Ледницкий В. Вокруг В.А. Маклакова // Новый журнал. 1959. Вып. 56. С. 222-250.
472. Лепти Б. Некоторые общие вопросы междисциплинарного подхода // Споры о главном. Дискуссии о настоящем и о будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». М.: Наука, 1993. С. 71-75.
473. Люкс Л. К вопросу об истории идейного развития «первой» русской эмиграции // Вопросы философии. 1992. № 9. С. 160-164.
474. Малыхин К.Г. Большеви́стская модернизация и «неолиберальная» концепция (П. Н. Милюков. Оценки и модели 20 - 30 - х гг.). // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2000. №3. С. 74-82;
475. Малыхин К.Г. Большеви́стская модернизация и П. Н. Милюков: оценки 20 - 30-х гг.: по материалам газеты «Последние Новости», Париж, 1920 - 1940 гг. // Проблемы модернизации России: [сборник] / Ред. Ивахина И. А. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета (ЮФУ), 2008. 263 с.
476. Малыхин К.Г. В.М. Чернов в 20 - 30-е гг. Развитие концепции «третьего пути» // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2002. № 3. С. 44-47.
477. Малыхин К.Н. В.М. Чернов в 40-е годы XX века. "Социокапитализм" и "этатизм": оценка сталинской модели советского общества // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2010. №2. С. 73-77.
478. Малыхин К.Г. Оценка "правыми" меньшевиками социально - экономических преобразований большевиков (20 - 30-е гг.) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2006. №1. С. 39-42.
479. Малыхин К.Г. П.Н. Милюков: Оценки и модели 20-30-х гг. // Памяти Владимира Григорьевича Мирзоева. Сборник статей кафедры Отечественной истории РГПУ. Ростов-на-Дону. 2006. Вып. 2.
480. Малыхин К.Г. Правая русская либеральная организация в 20-30-е гг. XX в.: оценка большеви́стского эксперимента // Известия ВУЗов. Северокавказский регион. Общественные науки. 2003. № 4. С. 39-44.
481. Малыхин К.Г. Русские «экономисты»-эмигранты в 20 - 30-е годы. Анализ большеви́стского эксперимента. // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2001. №4. С. 26 - 30.
482. Малыхин К.Г. Русское зарубежье 20 - 30-х годов. Оценка большеви́стской модернизации. // Клио. 2001. № 3 (15). С. 170 - 171.
483. Малыхин К.Г. «Сменовеховство» в 30-е годы: анализ большеви́стской модернизации (Анализ взглядов Н. В. Устрялова.) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2001. №2. С. 13 - 20.
484. Марченков Т.В. Судьба России в творчестве писателей русского зарубежья // История и историки. 2003. №.1. С. 33-59.
485. Медик Х. «Микроистория» // THESIS. 1994 № 4. С. 193-201.
486. Мелихов Г. Помощь российской эмиграции в Китае голодающим в Советской России. 1921-1923 гг. // Россия – XXI. 1996. № 11/12. С. 138-158
487. Мещеряков Н. Мечты сменовеховства и их судьба // На идеологическом фронте. М.: Красная новь, 1923. С. 22-34.

488. Мещеряков Н. Наши за границей // Красная новь. 1921. № 1. С. 275-285.
489. Мещеряков Н. Новые вехи: (О сборнике "Смена Века").// Красная новь. 1921. №3. С. 256-271.
490. Мещеряков Н. Русские сменовеховцы // Красная новь. 1922. № 2. С. 337-342.
491. Милюков П.Н. Десять лет // Последние новости. Юбилейный сборник газеты «Последние новости» 1920-1930 гг. [Париж, 1930]. С.7-30.
492. Милюков П.Н. Положение накануне войны // Новый журнал. 1943. № 6. С. 187-190.
493. Минаков С.Т. Советская элита в политической борьбе 20-30-х гг. // Кадровая политика. 2003. № 1 (URL http://www.whoiswho.ru/old_site/kadr_politika/12003/stm13.htm)
494. Миронова Е.М. Дипломатические представительства белой России в эпоху революций, Гражданской войны и эмиграции. (История деятельности. Создание новых форм. Принцип существования) // Диаспора. СПб., 2004. Вып. VI. С. 89-133
495. Миронова Е.М. Дипломатия Белой России: от императорского МИДа к Совету послов русского Зарубежья // Rossica. Praha. 2000/2001. №V-VI. С. 119-142.
496. Можаяева Л.А. Гучков Александр Иванович // Новый исторический вестник. 2002. №2 (7) (URL: http://www.nivestnik.ru/2002_2/10.shtml)
497. Можаяева Л.А. Чернов Виктор Михайлович //Новый исторический вестник. 2002. №2 (7). (URL: http://www.nivestnik.ru/2002_2/15.shtml)
498. Морозов К.Н. Особенности, парадоксы и итоги судебного процесса социалистов-революционеров 1922 года. // Отечественная история. 2006. №4. С. 12-25.
499. Морозов К.Н. Проведение эсеровской эмиграцией протестной кампании в Европе накануне и во время процесса социалистов-революционеров в России (8 июня – 7 августа 1922 г.) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2006. Т. 5. №1. С. 52-56.
500. Мухачев Ю.В. «Новая тактика» российской контрреволюции и ее провал 1920-1922 гг.// Исторические записки института истории СССР. 1977. Т. 99. С. 55-88.
501. Новиков А.П. Заграничная делегация ПСР – организатор международной антибольшевицкой кампании 1922 года // [http:// socialist.memo.ru/firstpub/y06/novikov1.htm#y5](http://socialist.memo.ru/firstpub/y06/novikov1.htm#y5)
502. Новиков А.П. Эсеровские лидеры и Кронштадский мятеж 1921 года. // Отечественная история. 2007. №4. С. 57-64.
503. Новиков А.П. В.М. Чернов в годы третьей эмиграции: эстонский период (1920 – 1922) // <http://socialist.memo.ru/firstpub/y06/novikov2.htm> (дата обращения: 02.12.2010)
504. Новиков А.П. В.М. Чернов и эсеровская эмиграция в начале 1920-х // Новый исторический вестник. 2009. Т. 1. №19. С. 118-127.
505. Овсянников А.А. Леворадикальная эмиграция о судьбах России (работы 1920-х – 1930-х годов) // История и историки. 2003. №1. С. 59-94.
506. Олейник О.Ю. Власть, интеллигенция и патриотизм в советском обществе в 1930-е годы // Вестник Ивановского государственного энергетического университета. Иваново: ИГЭУ, 2002. Вып. 2. С. 11-17;
507. Олейник О.Ю. Меметов В.С. Интеллигенция и патриотизм: к анализу творческого наследия российской диаспоры 1920-1930-е гг. // Российская интеллигенция на историческом переломе. Первая треть XX в. Тезисы докл. и сообщ. научн.конф. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. С. 193-196.
508. Олейник О.Ю., Меметов В.С. Эмиграция и Отечество (к анализу творческого наследия интеллигенции Российского Зарубежья 20-30-х годов) // Российское зарубежье: История и современность/ Под ред. А.В. Квакина, В.Н. Расторгуева, А.В. Серегина, Э.А.Шулеповой. М.: Министерство культуры РФ, Рос. ин-т культурологии, 1998. С. 28-33.
509. Петрова Т.Г. Газета «За свободу!» и литературная жизнь русской эмиграции // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. Реферативный журнал. 1996. № 2. С. 53-60.

510. Петрова Т.Г. Эмигрантский еженедельник «Дни» (Париж, 1928-1933) в противостоянии несвободе советской печати: (Вопросы литературы, искусства и культуры) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная литература: РЖ. Сер.7. Литературоведение. 1996. №3. С. 134-143.
511. Печерица В.Ф. Русские эмигранты из Китая и сталинские репрессии в СССР (1920-1940-е гг.) // Политические репрессии на дальнем Востоке (20-50-е гг.). Первая Дальневосточная научно-практическая конференция. Владивосток, 1997. С. 172-188.
512. Писемский В.А. Новая экономическая политика: взгляд социал-демократической эмиграции // Вестник МГУ. Сер. 6. Экономика. 1993. №5. С. 31-38
513. Поляков Ю.А. Российское зарубежье: проблемы истории // Проблемы изучения истории российского зарубежья / Ред. Поляков Ю.А. М.: ИРИ РАН, 1993. С. 3-10.
514. Полянский В. Контрреволюция под флагом защиты крестьянства // На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией. М., 1923. С. 35-61.
515. Попова С.В. «Речь» и «Руль» как носители идей российского либерализма первой трети XX века // Вестник РГУ им. И. Канта. 2007. Вып. 12. Гуманитарные науки. С. 32-35.
516. Поршнева О.С. Концепции и методы социологии в историческом исследовании // Вестник РУДН. 2006. № 2(6). С. 31-39.
517. Пронин А.А. Российская эмиграция в современной историографии // Международный исторический журнал. 2001. № 16 (июль-август) (URL: [http:// history.machaon.ru/all/number_16/pervajmo/pronin](http://history.machaon.ru/all/number_16/pervajmo/pronin))
518. Пронин А.А. Российская эмиграция // Современная российская историография / Под ред. В.И. Меньковского. Ч. 2. Минск: Республиканский институт высшей школы, 2009 С. 199-227.
519. Проскурякова Н.А. Новые теоретико-методологические подходы в постсоветской социальной истории XVIII — начала XX вв. // Вестник РУДН. 2006. № 2(6). С. 40-53.
520. Пушкарева Н.Л. Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом // Отечественная история. 1996. №1. С. 53-65. (<http://www.nature.ru/db/msg.html?mid=1187224>)
521. Ревякина Л. Съветска легация в България и бялата емиграция (1934-1944) // Бялата емиграция в България. София, 2001. С. 97-106.
522. Розенталь И.С. Антиинтеллигентские настроения в России и в эмиграции // Интеллигенция России: традиции и новации. Иваново, 1997. С. 370-372.
523. Ростиславский Ю.О. Взгляды российской эмиграции на патриотизм и современность // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. №119. С. 175-178.
524. Ряховская И.С. Репатриация русской военной эмиграции на материалах русской армии генерала П.Н. Врангеля 1920-1923 гг. // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2008. №7. С. 362-366.
525. Сидорова Л.А. Духовный мир историков «старой школы»: эмиграция внешняя и внутренняя. 1920-е годы // История и историки. 2003. №.1. С. 168-191.
526. Симонова Т.М. Российская диаспора в Польше в 1920-1924. // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX-XX вв. / Сост. Г.Я. Тарле. М., ИРИ РАН. 2001. С. 170-180.
527. Сладек З. Русская эмиграция в Чехословакии: развитие «русской жизни» // Славяноведение. 1993. № 4. С. 23-38.
528. Смагина С.М. Социально-политическая платформа демократических кругов русской эмиграции начала 20-х годов: альманах "Крестьянская Россия". // Периодическая печать как источник интеллектуальной истории: Материалы межд. науч. конф. / Отв. ред. Горбунов А.П. Пятигорск, Ставрополь, М.: Изд-во Пятигорского государственного лингвистического университета, 2006. 399 с.

529. Соколов М. Создание республиканско-демократического союза // Диаспора. СПб., 2004. Вып. VI. С. 174-262.
530. Соловьев М.С. Доставка и распространение в Советской России агитационных материалов русских правых организаций в Прибалтике и Финляндии (1920 - начало 1930-х гг.). // XX век. Две России - одна культура: сборник научных трудов по материалам 14-х Смирдинских чтений/ Науч. ред. Шомракова И.А. СПб.: Изд-во Санкт- Петербургского государственного университета культуры и искусств, 2006. 350 с.
531. Сотников С.А. Русская военная эмиграция 1920-1930 гг.: проблемы адаптации // Вестник Московского государственного университета сервиса. 2007. №2. С. 120-126.
532. Сперкач А.И. Российская эмиграция первой волны // Россия: государство, общество, личность. Материалы межвузовской научной конференции. М.: РГГУ, 1997. С. 72-75.
533. Станиславский В. Русская эмиграция в Варшаве // Новая Польша. 2002 №5. (URL: <http://novpol.ru/index.php?id=103>)
534. Станиславский В. Жизнь на обочине. Русская эмиграция на землях Второй Речи Посполитой // Новая Польша. 2006. № 7-8. (<http://www.novpol.ru/index.php?id=670>)
535. Станиславский В. Согласие и раздоры . Русская эмиграция на землях Второй Речи Посполитой. Статья вторая // Новая Польша. 2006. №9. С. 35-40 (<http://www.apesni.golosa.info/grvojna/bel-emigr/a-soglirazd.htm>)
536. Стернин Г. Опыт самопознания: О взгляде русской эмиграции (первой волны) на культурную традицию России // Вопросы искусствознания. 1993. №4. С. 165-174.
537. Съедина Дж. Эмигрантская полемика: князь А.М. Волконский и Е.Д. Онацкий // Проблемы истории Русского зарубежья: материалы и исследования / Ин-т всеобщ. ист. Вып. 1. М.: Наука, 2005. С. 302-316.
538. Тарле Г.Я. История российского зарубежья: некоторые понятия и основные этапы // Проблемы изучения истории российского зарубежья / Ред. Поляков Ю.А. М.: ИРИ РАН, 1993. С. 14-24.
539. Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры. // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX-XX вв. / Сост. Г.Я. Тарле. М., ИРИ РАН, 2001. С. 9-44.
540. Толочко А.В. Издательская деятельность российской военно-морской эмиграции в межвоенный период // Военно-исторический журнал. 2009. №10. С. 51-56.
541. Трифонов И.Я. Из истории борьбы Коммунистической партии против сменовеховства // История СССР. 1958. №3. С. 64-82.
542. Фомин В.Н. Белоэмиграция о причине поражения в гражданской войне: к поиску новых путей антибольшевистской борьбы // 1917 год в судьбах российских граждан. Тезисы докладов республикан. науч.-практич. конф. Иваново: ИвГУ, 1997. С. 145-147.
543. Фридлянд Г.С. Идеология буржуазной реставрации // Печать и революция. 1923. №2.
544. Хобсбоум Э. Дж. От социальной истории к истории общества // Философия и методология истории: Сб-к статей. 2000. С. 289-320.
545. Худобородов А.Л. Место и роль казачества в жизни русской эмиграции в Манчжурии (1920-е-сер. 1940-х. гг.) // Годы, Люди, Судьбы. История российской эмиграции в Китае: материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию г. Харбина и КВЖД. М., 1998. С. 76-78.
546. Цепилова В.И. Из историографического наследия российской эмиграции (1920-1939 гг.) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. №16 (154) . История. Вып. 32. С. 133-138.
547. Шатилов А.Б. Динамика восприятия Советской России русской эмиграцией в 1920-1930-е гг. // Россия в новое время: Образ России в духовной жизни и интеллектуальных исканиях XIX-нач. XX в.: материалы Российской Межвузовской конференции. М., 1998. С. 118-120.
548. Шаховской Д.М. Положение источниковедения истории и литературы русской эмиграции: опыт обзора // Cahier de l'emigration russe. 1994. №1. Р. 71-96.

549. Шкаренков Л.К. Белая эмиграция: агония контрреволюции // Вопросы истории. 1976. №5. С. 100-120.
550. Шкаренков Л.К. Конец белой эмиграции // Вопросы истории. 1979. № 8. С. 85-103.
551. Шмагина С.М. Новые модернизационные ценности у демократических кругов русской эмиграции в начале 1920-х гг. (Альманах «Крестьянская Россия») // Россия в новое время: Образ России в духовной жизни и интеллектуальных исканиях XIX-нач. XX в.: материалы Российской Межвузовской конференции. М., 1998. С. 120-122.
552. Щетинов Ю.А. За кулисами Кронштадтского восстания // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1995. № 2. С. 3-15; № 3. С. 22-44.
553. Ярцев Б.К. Чернов, эсеры и большевистский режим // Свободная мысль. 1994. №5. С. 95-98.
554. Archives de l'émigration russe, notamment archives Ossorguine, 1920-1960 // Matériaux pour l'histoire de notre temps. 1991, №. 24. P. 19-20.
555. Breuillard S. Vie politique de l'émigration russe // La première émigration russe. Vie politique et intellectuelle. Cahiers de l'émigration russe. Paris: L'Institute d'études slaves, 1994. P. 11-26.
556. Beaune D. Fedotov et l'émigration parisienn 1925-1939 // La première émigration russe: vie politique et intellectuelle. Paris : L'Int. d'étude slave, 1994. P. 45-51.
557. Coudry G. Notes sur le "passeport Nansen". // Matériaux pour l'histoire de notre temps. 1996. № 44. P. 19-21.
558. Dreyfus-Armand G., Groppo B. Objectifs de la journée d'études "Exilés et réfugiés politiques dans la France du XXe siècle". // Matériaux pour l'histoire de notre temps. 1996. №44. P. 6-8.
559. Dufoix S. Conditions juridiques et politiques de l'exil d'après-guerre en France. //Matériaux pour l'histoire de notre temps. 1996. № 44. P. 55-58.
560. Gousseff C. Quelle politique d'accueil des réfugiés en France ? Le cas des Russes dans les années 20. // Matériaux pour l'histoire de notre temps. 1996. № 44. P. 14-18.
561. Jevakhoff A. Paris 1922. La nouvelle capitale des Russes blancs // Historia. 2009. № 3.
562. Hardeman H. Mir i trou: l'illusion d'un modus vivendi entre le regime soviéque et ses opposants. // La première émigration russe. Vie politique et intellectuelle. Cahiers de l'émigration russe. Institute d'études slaves. Paris, 1994. P. 27-44.
563. Kaplan H. Le Comité d'aide exceptionnelle aux intellectuels réfugiés. // Matériaux pour l'histoire de notre temps. 1996. № 44. P. 59-62.
564. Kévonian D. Enjeux de catégorisations et migrations internationales. Le Bureau International du Travail et les réfugiés (1925-1929) // Revue européenne des migrations internationales, 2005. Vol. 21. № 3. P. 95-124.
565. Koulmann N. L'Emigration russe // Le mouvement de Libération de la Russie. Chambéry: Imprimerie Moderne, 1929. p.31-59.
566. Madel S. Les Eglises Orthodoxes russes en Belgique // Culturen in contact in Belgie (1800-2005). Bruxelles: Contactforum, 2006. P.
567. Oberlander E. The All-Russian Fascist Party // Journal of Contemporary History. 1966. Vol. 1. No. 1. P. 158-173
568. Papademetriou K. H. Les effets des migrations internationales sur les pays d'accueil, les pays d'origine et les immigrants. // Politique étrangère. 1994. № 3. P. 671-688.
569. Ponty J. Réfugiés, exilés, des catégories problématiques. // Matériaux pour l'histoire de notre temps. 1996. № 44. P. 9-13.
570. Pozner V. Les Archives Pozner en France // La première émigration russe. Vie politique et intellectuelle. Cahiers de l'émigration russe. L'Institute d'études slaves. Paris, 1994. P. 65-70.
571. (La) presse Russe libre // Le mouvement de Libération de la Russie. Chambéry: Imprimerie Moderne, 1929. P. 59-62;
572. Raeff M. L'émigration et la « Cité nouvelle ». // Cahiers du monde russe et soviétique. 1988.

Vol. 29. № 3-4. Juillet-Décembre. P. 543-552.

573. Slater W., De Saint-Hilaire M.-C. Le problème de l'immigration en Russie// Politique étrangère. 1994. № 3. P. 749-759.
574. Struve N. Pierre Struve dans l'émigration // La première émigration russe: vie politique et intellectuelle. Paris : L'Int. d'étude slave, 1994. P. 53-56.
575. Weill C. Mencheviks et socialistes - révolutionnaires en exil. // De Russie et d'ailleurs: feux croisés sur l'histoire: Pour M. Ferro. Paris: Institut d'Etudes Slaves, 1995. 607 c. C. 417- 426.

6. Интернет-ресурсы

576. Антибольшевистская Россия (1917-1947) // <http://www.antibr.ru/>
577. Белая Роза: официальный сайт белогвардейского подполья// <http://rosablanca.narod.ru>
578. История анархического Черного Креста (электронная брошюра) // http://avtonom.org/files/history_abc_rus.pdf
579. Каталог каталогов «Русское зарубежье» // [http://www.catalog.freesevers.com / catalog4b.htm](http://www.catalog.freesevers.com/catalog4b.htm)
580. Махно.ru // <http://www.makhno.ru/>
581. Некоммерческая электронная библиотека «Вторая литература» // [http:// www.vtoraya-literatura.com/](http://www.vtoraya-literatura.com/)
582. Общественно-исторический клуб «Белая Россия» // <http://www.belrussia.ru/>
583. Планета диаспор // <http://www.diasp.ru>
584. Русские в Китае // <http://www.kitairu.net/rus/expats/>
585. Русские во Франции // <http://www.infrance.ru/>; <http://zabougornov.org/#>; <http://www.privetparis.com/>; <http://www.russianparis.com/>; <http://maxime-and-co.com/>
586. Российские социалисты и анархисты после Октября 1917 г. // <http://socialist.memo.ru/index.htm>
587. Русский архипелаг: сетевой проект «Русского мира» // <http://www.archipelag.ru/>
588. Русский императорский дом: официальный сайт [http:// www. russkiyimperatorskiy-dom.ru/](http://www.russkiyimperatorskiy-dom.ru/)
589. Русский мир // <http://russmir.blogspot.com/>
590. Соотечественник: культурно-просветительский журнал // <http://landsmann.norge.ru/>
591. Эмигрантика.ru. Русское зарубежье // <http://www.emigrantika.ru/>

Эмиграция о Советской России и в шутку и всерьез (вместо приложения)

В данной монографии мы постарались проследить отношение эмиграции к Советской России на материалах самых разнообразных источников. Наиболее отчетливо отношение к советской действительности прослеживается в сатирических произведениях. Сатира обращает внимание на самые животрепещущие проблемы, современные ей. Данный вид источников может служить показателем актуальности и важности тех или иных событий для эмиграции.

Особую, очень специфическую группу источников составляет карикатура. Художники-карикатуристы, как и сатирики, реагировали на наиболее злободневные темы, отражая их в еще более лаконичной и эмоциональной форме рисунка. Наиболее известные авторы русского зарубежья Mad. (псевдоним) и М.С. Линский публиковались в популярных газетах и журналах («Последние новости», «Иллюстрированная Россия» и других). М.С. Линский был даже редактором парижского еженедельного журнала политической сатиры «Бич». Впервые попытка издания сборника карикатур была предпринята еще в эмиграции¹. Подспорьем в работе с данным источником является современное издание «Сатира и юмор русской эмиграции»², в котором изображения, посвященные СССР, выделены в отдельный блок. Безусловно, это далеко не все карикатуры, изданные когда-то русскими газетами, выходившими за рубежом, тем не менее издание позволяет составить общее представление о том, как представлялась советская политика на разных ее этапах карикатуристам-эмигрантам. Поэтому, думается, нет необходимости повторяться и публиковать в данной монографии карикатуры в виде приложений.

Другое дело – сатирики русского зарубежья. Немало произведений было написано ими на советскую тему³. Так, например, А.Т. Аверченко в «Новой русской сказке» и «Двенадцати» описывает видных большевиков

¹ Альбом карикатур: Галлиполи 1920-1921. I серия. Б.м. [София], б.г. 48 с.

² Сатира и юмор русской эмиграции /Сост. С.А. Александров. М.: АИРО-XX, 1998. 336 с.

³ Часть их печатала свои эпиграммы, пародии, фельетоны исключительно в периодике (например, Кокайда, А. Вольский, Буль-Буль, Энрико и др.), но были и те, у кого вышли книги, в том числе и с сатирическими произведениями (например: Дон-Аминадо. Всем сестрам по серьгам: Юбилейная шутка. Париж: Б.и. 1931. 14 с.; Дон-Аминадо. Дым отечества. Париж: Север, 1921. 100 с.; Дон-Аминадо. Накинув плащ: Сборник лирической сатиры. Париж: Нескучный сад, 1928. 207 с.; Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь Париж: Поволоцкий, 1927. 185 с.; Лери. Онегин наших дней: Сатирическая поэма. Берлин: Изд-во Дьяконова, б.г. 157 с.; Ленский М. О Рыбаке – Ленине и золотой рыбке – России. Б.м. , 1920-1921. и др.)

(Л.Д. Троцкого, В.И. Ленина, Ф.Э. Дзержинского и др.). Сатирические стихотворные портреты первых лиц советского государства рисовал на страницах «Последних новостей» Дон-Аминадо. Русские сатирики публиковали свои произведения о Советской России и ее нравах (стихотворные и в прозе) в эмигрантской периодике, реже в книжном варианте. Кроме выше-названных и достаточно хорошо известных современному читателю авторов, есть и те, чьи произведения были изданы лишь единожды, в одной из эмигрантских газет, а есть и вовсе безымянное, практически народное творчество в виде анекдотов, загадок и т.д. Именно этими произведениями и хотелось бы завершить данную монографию. Они даны в хронологической последовательности, что помогает лучше соотнести их с теми событиями и фактами советской истории, о которых идет речь. Сохраняется орфография и стилистика оригиналов.

О-ли. Новые русские песни (по Майкову)⁴

1. Ад

В Петрограде без просвета
Наши близкие томятся;
Стонут дети, плачут жены,
И тоскуют и томятся...
 Все о том, что не доходят
 Вести в русские пределы –
 Есть ли небо голубое?
 Есть ли свет наш белый?
И на свети – церкви Божьи,
И иконы золотые,
И идут ли, близко ль к цели,
Добровольцы удалые?

2. Борьба со смертью

Опустели наши села;
Не видать богатырей,
Не слышать веселой песни,
Даже свадьбы без гостей.
 Все ушли, у всех забота –
 Троцкий армию набрал,
 Хочет жиденьким окопом
 Удержать могучий вал.
Шлет безумные приказы,
Кровью красит знамена,
Но подходит Смерть к совдепам
Безоружна и одна.

⁴ Призыв. 1919. 14 октября.

И глядит: «Здорово Ленин!»
-«Здравствуй, Смерть! Куды бредешь?»
-«Сатана послал за вами,
Вас крестом ведь не проймешь!»
Все еще смеется Троцкий:
«Есть ли танки хоть с тобой?»...
Не полезет Смерть в атаку
Только топнет раз ногой.
Гул раздастся по России,
Над Кремлем гроза пройдет
И окопы и совдепы
Словно сон дурной сметет.

3. Фантазия

Удирали комиссары
От народной мести лютой,
Сели все на дирижабль, -
Захватив тюки с валютой.
Авиатор – плут-эстонец!
Опустился вдруг в Сахаре.
«Вы «товарищи», гуляйте
Я ж возьму бензин в ангаре».

Вышли на песок «наркомы»,
Рассуждают о коммуне,
А меж тем эстонец хитрый
Опускался в Камеруне...

.....
Через сорок дней вернулся
За добычею своей:
Только двое шевелятся
Меж обглоданных костей;
Жив был Лейба, - весь искусан, -
Ленин тоже чуть дышал;
У него ж голодный Троцкий
Ноги тощие глодал.

Вольский А. Товарообмен⁵

Мечут громы Совнаркомы,
Но в душе ужасно рады
Совнархозы и ревкомы
Прекращению блокады.

⁵ Варшавское слово. 1920. 1 февраля.

Точно вырвались из плена!
 Все пойдет теперь прекрасно,
 И товарного обмена
 Ждут Советы ежечасно.
 Шум войны еще так гулок,
 Но коммуна не угасла,
 Привезут румяных булок,
 А швейцары сыр и масло.
 Итальянцы – макароны,
 Португальцы шоколада,
 Англичане – панталоны, -
 Словом, будет все, что надо!...
 И к назначенному сроку,
 Точно в Мекку мусульмане,
 Уподобившись потоку,
 Потянулись караваны.
 Книги, обувь и ликеры –
 Дар Гермеса и Минервы –
 И прельщающие взоры
 Аппетитные консервы,
 Сахар, кофе, чай, печенье,
 Соль, конфеты, папиросы,
 Ароматное варенье,
 Рис, горох, бобы и просо.
 И гора сгущенных сливок,
 И вагон сушеных фруктов –
 От банана до оливок, -
 Море всяческих продуктов.
 Представители Антанты,
 Поиграв на аппетите,
 Говорят: «Messieurs, attendez,
 Что вы нам в замен дадите?»
 И в ответ сказал Ульянов,
 Улыбнувшись иезуитски:
 «Вместо сливок и бананов,
 Мы вам выдадим... расписки;
 Вместо дуль – дадим Садуля,
 Вместо вики – Анжелику,
 Коллонтай – за штуку тюля
 И Стеклова за клубнику.
 Вы подумайте и взвесьте,
 Сам Зевес вам шлет удачу:
 Сорок тысяч тон «Известий»
 Вы получите в придачу!...

Черт возьми, себе дороже, -
Политкомов сто вагонов...
Стойте, стойте, дам вам тоже
Триста тридцать пять ревкомов»...

Но исчезли, как виденье,
Представители Антанты,
И штыками в отдаленье
Засверкали их десанты.

Кокайда. Советский крокодил⁶

(На мотив «Чижика»)

Жил совдепский крокодил
И поганил реку Нил,
Надоело рыбу жрать,
Стал другой еды искать.
Чтобы голод утолить,
К нам решил тот гад приплыть,
Щелкнул пастью десять раз
И напал врасплох на нас.

Кто умнее, тот сказал:
«Крокодил, ты брат нахал!
Крокодилу на еду
Ни за что я не пойду»
А рабочий наш народ
Прыгнул гаду прямо в рот,
За три года крокодил
Пол-России проглотил.

Но людей различных рать
Не дает себя сожрать;
«Пресмыкающийся гад,
Пропади, играй назад!
Сам не сгинешь, будут бить,
Чтобы гада истребить ...
Хоть страшна у гада пасть
Все же должен он пропасть».

Кокайда. Победа без обеда⁷

(Поется на мотив «Последний нонешний денек»)

Четвертый уж пошел годочек,
Как плачет русская земля
Оставил всех я без порточек,
Коммуну всюду возводя.

⁶ Свет. 1920. 18 мая.

⁷ Свет. 1920. 19 сентября.

Раздел до нитки я буржуя,
 Интеллигентов истребил.
 И все же как ни погляжу я
 Режим советский всем не мил.
 Я съел весь хлеб у мужичишек,
 Заводы, фабрики закрыл.
 И комиссаров, злых мальчишек,
 Повсюду править посадил
 Но лиц не вижу я довольных
 Никто не хочет ликовать,
 Придется мне из мест привольных
 Должно быть скоро уезжать.
 А впрочем, дудки, не поеду!
 Я Польшу храбро покорил.
 Свершив над Польшею победу,
 Я трепет всюду водворил.
 Уж мчатся флигельадъютанты
 Спеша мне в ноги бить челом,
 Трясутся жалкие Антанты.
 Так им и надо, поделом!
 Но жаль, пожалуй, без обеда,
 Мне не сдержать своих ослов,
 Кажись еще одна победа
 И я... останусь без штанов.
 Подайте хлебца комиссару,
 Ведь он измучился в конец!
 Тогда еще поддаст он жару
 Держась за царственный венец.

Ведь это только дурень темный
 В коммуно верит да ослы.
 Я самодержец, царь я полный
 И всех упрятал в кандалы.

Загадки⁸

- К кому после смерти «Коллонтай» - (умирают же когда-нибудь и комиссарши!) перейдет по наследству титул «красной королевы бриллиантов» и самые бриллианты?
- Начинается на букву «К», почти совсем раздета и получает массу денег. Что это такое? Кокотка? Не угадали. Красная Армия.

⁸ Бич. 1920. № 1. С.7-8

Энрико. Новый университет⁹

«Юридические»

- 1) Краткий курс самосуда с практическими занятиями по ломанию костей и выпусканию кишек.
- 2) Чрезвычайное право.
Чрезвычайки, как усовершенствованная форма суда. Расстрел как универсальный советский свод законов.
- 3) Полный курс блатной науки, с практическими занятиями по изготовлению «фомок» и других научных аппаратов.
- 4) Кулачное право.
Дополнительный курс.

«Общественные»

- 1) Практический курс провокации.
Крайне необходим для каждого советского деятеля. Лектором предположено пригласить проф. Устрялова.
- 2) Коммунистическая психология:
Приспособляемость, нахальство, изворотливость, аморальность, свинство.
- 3) История еврейского народа.
Курс крайне важный.
- 4) География.
Расписание поездов и пароходов заграничный рейсов. Наиболее удобные пути за границей. Как проехать зайцем.

«Прикладные»

Практический курс еврейского языка.

Очень полезно, для молодых людей, делающих карьеру.

Ректором университета будет тов. Хаит.

Выборным раввином – тов. Устрялов.

Лери. Декрет о короне¹⁰

Вот декрет новейший. Дан
Он в Москве минувшим летом
Пролетарии всех стран,
Задержитесь пред декретом.

⁹ Понедельник. 1920. 11 октября (В ответ на то, что один из советских деятелей выступил против экономического и юридического образования для студентов автор предположил, что в скором времени в Харбинском университете будут введены следующие дисциплины (комм. У.А.))

¹⁰ Новая Россия. 1920. 16 октября.

Он поможет уяснить
Вам советские законы
И докажет, что прожить
Невозможно без... короны.

*

Уверяет сей декрет
(Всем, всем – всем он адресован),
Что всемогущ лишь Совет
Тот, который коронован.
Этот красный афоризм
Пролетарий, примечай-ка,
«Без короны»: коммунизм,
Что без крови чрезвычайка.
Без короны, так сказать,
Не удержится у власти
И не сможет напитать
Даже дружеские пасти...
А с короной, если в ней,
Особливо бриллианты!...
Будь ты Троцкого красней,
Попадешь в салон Антанты,
Будешь жить да поживать
Без трудов, да без заботы
И Европе диктовать
Пренахальнейшие ноты.
А наскучило – долой!
На базар ее несите,
Оторвет у вас с рукой
Драгоценность эту Сити.
Сыпьте денежки себе,
Горсть отдайте для «Геральда»
И слагайте гимн судьбе
За питательное сальдо.

*

Насажден на днях Бэдлам
В стенах маленькой Бухары
Поработали и там
Наши чудо-комиссары.
Вот, где будет красный пир
По восточному закону –
Ведь любил носить эмир
Очень ценную корону.
Полицейских награждал
При проездах он по-царски,

Значит, здравствуй красный бал
И совдеп в стране бухарской

*

Словом жрать коль хочешь хлеб,
Ветчину и макароны,
Сыпь товарищи в совдеп
Самоцветные короны!

Смех сквозь слезы в советской России¹¹

Сокращенный «советско-русский язык»

РСФСР – «Русская совершенно фантастическая спекулятивная республика» или «Русскому сняли фуражку, снимут и рубашку».

ВСНХ (Всероссийский совет народного хозяйства) – «Воруй скорей, нет хозяйки»

*

Троцкий входит в кабинет Ленина: Ленин поднимает голову от новейшего декрета и спрашивает: «Кадэ» (как дела?)

Троцкий в ответ: «ПУК» (Поляки у Киева)

Ленин: «Чичеп» (чтоб их черт побрал)

Троцкий: «Эсэс» (совершенно согласен).

*

Отчего у царских, думских и советских денег разная цена?

На это отвечает многоопытный татарин, еще не примкнувший, конечно, к татарской советской республике: «На советских деньгах нет ни хозяина, ни дома – следовательно, деньги плохие. На думских деньгах – дом, а хозяина нет, эти деньги немного лучше. Но на царских деньгах есть и хозяин, и дом, значит – единственные настоящие деньги».

В цирке.

Клоун Бим и Бом все больше сидят по тюрьмам – выходят, шутят, вновь садятся. Реприза – переезд на новую квартиру. У Бом портрет Ленина и Троцкого. Бим спрашивает: «А с этими, что делать?» На это Бом отвечает: «Одного повесить, другого к стенке приставить?». Этот выход чуть не закончился для них расстрелом на месте.

Другая реприза: Бим является на сцене засунув руки в карман, с поленом дров, болтающемся у него на шее. За ним плетется Бом с громадным туго набитым мешком на спине. Публика их спрашивает, откуда они идут.

¹¹ Руль. 1920. 25 ноября.

Оказывается, что Бим только что получил дрова, полагающиеся гражданину РСФСР на зиму, а Бом тащит в мешке «бумаги», нужные для получения этого зимнего запаса.

Свобода печати.

Молодой красный журналист вбегает в общество товарищей: «Товарищи, товарищи, знаете последнюю новость?» «Скоро будет введена свобода печати. У нас на курсах красных журналистов ввели предмет, полемика». «Так с кем же нам полемизировать, если нет газет кроме советских?».

Lolo. Советская «коробушка» (Пародия)¹²

- «Ой, последняя коробушка
У советского посла.
Заведем с тобой, зазнобушка,
Расчудесные дела!»
 Улыбаясь саркастически,
 Красин, красный комиссар,
 Разложил дипломатически
 Весь награбленный товар.

- Есть и платина и золото,
Но не ведает никто,
Сколько люду переколото,
Сколько крови пролито!...
Есть регалии священные
Собирателей-царей,
Есть иконы многоценные
И покровы с алтарей.
Есть меха и ткани разные,
Из купеческих хором...
Все богатства буржуазные
Присовдепил Совнарком.
За сережки, ожерелия,
За кремлевский горностай, -
Дай фабричные изделия,
Паровозы, рельсы дай!
Ой, последняя коробушка
У советского посла.
Говори, скорей, зазанобушка,
Что для парня припасла?

- Досточтимые разбойнички,
(Отвечает джентельмен),

¹² Мунштейн Л.Г. (Лоло). Пыль Москвы: Лирика и сатира. Париж, 1931. С. 159-160

Ваши граждане – покойники,
Но я рад начать обмен.
Где вы взяли драгоценности –
Это, так сказать, деталь.
Не люблю я откровенности,
Оскорбляющей мораль...
И хотя Его Величество
Не признало «москвичей», -
Все зависит от количества
И от качества вещей!»

Джордж то взглянет на коробушку,
То пощупает товар...
Ненасытную утробушку
Соблазняет комиссар.
Как поладят, как столкнутся –
Угадать я не берусь.
Но... пока они торгуются,
Кто-то плачет... Плачет Русь!
Париж, 1920.

LoLo. Бенефис Репетилова
(новые варианты «Горя от ума»)¹³

Репетилов:

Cher Alexandre, bonjour, тебя я видеть рад!
Я знаю, ты не наш – ты страшный ретроград,
Но у меня к тебе влечение, род недуга!
Послушай, брат, тебе живется туго:
Я слышал, ты встаешь чуть свет
И ждешь в хвосте хвоста селедки...
Жуешь какие-то обглодки –
И погибаешь в цвете лет
Бери с меня пример: всем буржуазам в пику,
Я слава Богу... то есть Цику,
Имею малую толику...
Нет, мне паек не по нутру;
Дымится кофе по утру,
На завтрак – ветчина, а на обед – котлеты!
Во все театры есть билеты!
К чему упрямитесь, мой свет?
Прими мой дружеский совет....

Чацкий (перебивая):

Мне ненавистны все советы.

¹³ Новая жизнь. 1921. 28 января.

Репетилов

Тсс! ВЧК тебя за это упечет! –
Не каламбурь! Смирись – и сделаешь карьеру:
Тебе дадут мотор и деньги, и почет...
В подружки ты возьмешь идейную гетеру...
Есть у меня одна, - тебя я так люблю,
Что безвозмездно уступлю!

Чацкий

Послушай, ври, да знай же меру!

Репетилов

Не хочешь – не бери; живи холостяком,
Но знай, что к женщинам пристрастен Совнарком.

Чацкий

А сами женщины у власти?

Репетилов

И какие! С восторгом внемлет им Советская Россия...
Madame de Коллонтай, Андреева Мария...
И Троцкая, и Радек, и другие...
У каждой раз в неделю файв-о-клок.
Как даль, что ты от них далек! –
Какие умницы! Красавицы! Таланты!
Какое декольте! Какие бриллианты!
Кремлевские! У каждой длинный хвост!

Чацкий

А ты в хвосте?

Репетилов

А занял крупный пост...
Я славный рыцарь Пролеткульта!
Взгляни-ка на меня, когда стою у пульта
И сокрушая в прах буржуя саботаж...

Чацкий

Где ж ты живешь теперь?

Репетилов

Комфорта верный страж.
В чужом особняке я занял бель-этаж.

Чацкий

Молчалин, говорят, женат на комиссарше?

Репетилов

Женат! Она его лет на пятнадцать старше,
Но не остыла до сих пор, -
И похотлива, как горилла !-
Не даром мужу подарила

Не то музей, не то собор...

(Смотрит на часы)

Ну, я спешу!.. Прощай! Иди на службу к нашим:

Пусть мрут голодные, а мы с тобой попляшем.

(Уходит).

Чацкий

Нет, пред убийцами я не склоню главы!

Вон из Москвы! Бежать! – Таков удел «буржуя»...

Бегу не оглянусь... Но погодите вы, -

Когда-нибудь и вам скажу я:

Вон из Москвы!

Овод. Современная *patriotica*¹⁴

1. «Коль славен...»

Коль славен Ленин в Совнаркоме...

Не в силах изъяснить Стеклов:

В Кремле, во ВЦИКе, в Исполкоме,

Среди латышских он стрелков;

Над Русью всей самоуправен,

Он Николаю властно равен.

Кому, о граждане, доступны

Его кремлевские враты?

Тому, чьи в главках взятки крупны,

Кто с чрезвычайщиной на «ты».

Кто в пышной автоколеснице,

Как Илия гремит в столице.

Кто был кадет, но ради злата,

Их, как Гредескул, в грязь втоптал;

Иль, сам эсерствуя когда-то,

Днесь на эсеров клеветал;

Иль на заводах с комячейкой

Был полицейскою ищейкой.

Коль славен Ленин на Востоке

Не в силах изъяснить Роста;

О нем твердят, как о пророке,

Все мусульманские уста;

Как богдыхан, самоуправен,

Он Чингисхану властно равен.

¹⁴ Воля России. 1921. 3 февраля.

2. Гимн.

Лацис, Совдеп храни!
Грубый нескладный!
Зверствуй на горе нам,
Зверствуй на зло врагам,
Зверь кровожадный!
Лацис, Совдеп храни!

Кум Ермилов. Ленин в деревне¹⁵

Из Белокаменной Ильич в деревню забежал
Не в гости, но живот спасая;
За шкуру он свою дрожал,
Гналась за ним толпа восставших пребожья.
Он рад был в первые шмыгнуть ворота,
Да то лишь горе,
Что все ворота на запоре.
Вдруг видит мой Ильич,
Что на заборе
Сидит Васютка, мальчик лет семи.
Он молит: «Васенька, мой друг, скажи скорее:
Кто здесь из мужиков добрее
Чтобы укрыть меня от злых врагов....
Ты слышишь вой толпы и страшный лязг штыков,
Ведь это все за мной» - «Проси скорей Антошку
Мужик предобрый он», - Васютка говорит.
- «То так, да у него я отнял всю картошку»
- «Ну попытайся же тогда у Константина».
- «Боюсь, что на меня и он сердит,
Ведь у него в Кронштадте застукали мы сына».
- «Беги ж, вон там живет Трофим».
- «К Трофиму? Нет, боюсь и встретиться я с ним,
Он на меня давно грозит за теленка»
- «Ну плохо же! Авось тебя укроет Клим»
- «Ведь мы и у него забрали лошаденку».
- «Ну, вижу дяденька, ты всем в деревне насолил»
Сказал тут Ильичу Васютка:
- «Какую ж ты себе защиту здесь сулил.
Толк есть у мужиков на деле, не на шутку,
Чтоб на свою беду тебя спасли они.
И правы – сам себя вини,
Что ты посеял, то и жни».

¹⁵ За народное дело. 1921. 3 мая.

Лери. Первомайские рифмы¹⁶

Нынче праздник первомайский
И на Ленинской Руси –
Современный Иловайский,
Наблюдай, да заноси.
 На земле страны чудесней,
 Нет, чем тот советский рай.
 Красной пляской, красной песней
 Встретят там голодный май.

Исполкомы, всеобучи
Красный вытащат плакат –
Солнце спрячется за тучи,
Увидавши сей парад.
 Размалюют Питер дико
 Футуристы-бурлюки,
 Многа-лета, станут ЦИК'у
 Петь босые мужики.

А за ними сиплым хрипом
Загнусавят господа –
Сам Дзержинский с Вандерлипом
Песнь затянут в честь труда.
 Даже бабы и детишки,
 Прославляя красный труд,
 Распоследние излишки
 Карлу Марксу отнесут
Закружатся в вихре храбром
С комиссаршею матрос -
Сим советским данс-макабром
Русь утрет фокс-тротам нос.
 Все ликуют, хоть разуты,
 Потому – такой декрет,
 Но в палатах почему-то
 Счастья праздничного нет.

Там сейчас тревожный шепот.
И декретов новых ряд:
«Не удался красный опыт,
Поворачивай назад!»
 Но покамест – под парами
 Чрезвычайка быть должна,
 Русь теперь не пирогами
 А террором ведь красна.
Наготове полк китайский

¹⁶ Руль. 1921.1 мая.

И латышских три полка...
Ах, и в праздник Первомайский
Нету отдыха чека!...

Одесские частушки¹⁷

Ленин всех заговорил
Теперь лавочку открыл
Он торгует с заграницей
Нашей русскою землицей.
 Наши деньги чан за чаном
 Ленин возит англичанам
 Угожу, вам братцы, власть
 Сохраните мне власть.

Стыдно, аглицкие братцы,
С коммунистом торговатца
Ужель не понимаете,
Крадено скупаете.

- Комиссары просят крупки:
- Мы пойдем на все уступки.
- На все уступки то пойдете,
 А убитых не вернете.

Есть зерна безделица
Да не мелит мельница
Позвать бы Керенского Сашу,
Пусть на волость мелит нашу*.

Лери. Размышления у парадного подъезда¹⁸

*«Советское представительство в Берлине за 9 млн.
приобрело большой дом»
«Советская делегация в Варшаве ходатайствует
о запрещении газетам касаться ее деятельности»
(Хроника)*

Вот парадный подъезд ... Волей диких судеб,
Деньгам бешеным счетам не зная,
В первых числах текущего мая
В этот дом переехал совдеп.
Внесена миллионная плата
По буржуйским законам вперед:
Здесь в Берлине пока не пройдет
Русский номер по части захвата.

¹⁷ Время. 1921. 16 мая.

* По поводу «Великого красного засева»

¹⁸ Рухль. 1921. 20 мая. № 151.

И других патентованных штук, что начавшись балконом Кшесинской,
Завершили логический круг
Распродажей страны исполинской ...
А особенно после войны
Стала жадной на деньги Европа –
Не по той ли причине полны
И палаты товарища Коппа?
Каждый день этот пышный подъезд
Осаждают знакомые лица –
Что ни утро, из тысячи мест
Разный люд у подъезда топится –
Фабриканты, банкиры, купцы
(Все архи-буржуазные типы).
Спекулянты и просто дельцы,
Что мечтают пройти в Вандерлипы.
Всем им снится грядущий успех
В нищете осовдепленных весей
(Хватит долго еще там для всех
И «сырья» и богатых концессий),
Сладко грезятся сим господам
Горы благ и российских запасов,
Все они напевают «трам-трам»
(Как и те, коих видел Некрасов).

.....
«А владелец роскошных палат»
Торжеством горделивым объят –
В самом еле фортуна завидная
Удалась авантюра бесстыдная –
За грабеж и кровавый террор
Повсеместно – почет уважение
И – декретных трудов завершение –
С капиталом всех стран договор...
Не убьют его громы небесные,
А земные ему не страшны-
Обезврежены волны честные,
Скорбно вложены шпаги в ножны...
Есть приказ – не тревожить особу –
От великой и малой Антант,
С ним в согласии – прежнюю злобу
На «размен» разменял эмигрант.
О, совдепских голов вдохновитель,
Сатана, дикий правящий бал –
Укажи мне такую обитель,
Где бы русский сейчас не страдал!

Стонет он и в голодной России,
И в Европе – на горьких хлебах,
В Цареграде, в Париже, в Софии,
И в горячих алжирских песках.
Выдь в Европу – там стон раздается,
Заливая и Кипр и Лемнос
Морем скорби... стон этот зовется
Здесь по модному – русский вопрос...

.....
Продолжать и опасно, и глупо
Ставим точку скорее, пока
Нас какой-нибудь зверский Цурюпа
Не забрал в «мировую» чека.

Лери. Курортный сезон¹⁹

Европейцы очень рады –
После долгих лет блокады
Прикатил опять на бады
Гость из сказочной страны.
Он поправит всем делишки,
И отдельному мальчишке
За советские «излишки»
Купит новые штаны.

*

Управделы и наркомы –
С жизнью княжеской знакомы –
Разобрали все хоромы
Со столом и без стола.
Пьют водичку с видом скромным,
Дышат хвоей и озоном,
Укрепляют моционом
Высочайшие тела.

*

Здесь Цурюпа, там – Крестинский,
А потом – глядишь – Дзержинский
После дел в Москве и в Минске
Завернет издалека.
Против всех наркомов, вдвое
Он нуждается в покое,
Чтобы «сердце золотое»,
Подлечить для нужд чека.

*

¹⁹ Руль. 1921. 16 июня.

В чудодейственной сторонке,
Лечат почки и печенки
От последствий самогонки
 И буржуйской полноты.
Сливки знати комиссарской,
Что привыкли жить по царски
И от кухни пролетарской
 Отрастили животы.

*

Кто сказал, что красный молот
Проклинает стар и молод,
Что в России нищей голод
 Не уходит со двора?
Сплетни вражеских низовьев,
Где же голод, раз Зиновьев
Правит, к «скидке» приготовив
 Жиру пуда полтора...

*

Жизнь советская важнее
Чем бесплотные идеи
О какой-то панацее
 Блага будущих судеб –
И спасибо скажет бадам,
Коль к себе вернувшись на дом
Вновь забрызжет красным ядом –
 Подлечившийся совдеп.

Lolo. Юбиляры (Ницца)²⁰

1.

Тринадцать (Гексаметр)

Памятный день годовщины власти слепой и бездарной
Ознаменован печально: новым трильоном рублей ...
Знают апостолы злобы, светочи лжи планетарной,
Что ненавистен России каторжных их юбилей!
Ленин, Зиновьев и Троцкий, Петерс, Бухарин, Дзержинский,
Каменев и Луначарский, Радек, Литвинов, Стеклов,
Красин, Крыленко – Тринадцать! Страшен их пляс сатанинский ...
Точно в кровавом кошмаре реет тринадцать голов!

*

Летопись нашей отчизны стала трагической сагой...
Чем же пленила Россию эта бесовская рать?

²⁰ Руль. 1921. 11 ноября. № 300.

Правдой великой идеи? Гением? Гордой отвагой?
Нет!... Вся их сила в умении ярко и пламенно лгать!
В первый же день воцаренья в пышных чертогах Кшесинской
Ленин опутал столицу ложью бунтующих слов.
Лгали Зиновьев и Троцкий, Петерс, Бухарин, Дзержинский,
Каменвы и Луначарский, Радек, Литвинов, Стеклов,
Лгали Крыленко и Красин. Лгут все тринадцать и ныне –
Но уж никто им не верит, в голой российской пустыне...

2.

Расцвет

Все гибнет на Руси – твердили эмигранты –
Наука, творчество и право, и мораль.
Высокие умы и гордые таланты,
И пышные дары, что нам сулил Февраль.
Ах, это клевета, и надо с ней бороться:
Не все под крылышком советского уродца
Увяло, сгнуло, погибло в свете лет, -
О нет!
Кой что и расцвело: советская газета,
За искренность свою достойная похвал,
Торжественно гласит*
«Найвысшего расцвета
Достиг в Республике хозяйственный развал!»

Lolo. Верность себе²¹

*«Советская власть дала голодающим вместо хлеба свинец»
(«Воля России»)*

*«Холера уменьшит количество голодающих –
и обеспечит нашу борьбу с голодом»
(Из речи Троцкого)*

Они во всем себе верны –
И не изменятся до гроба,
Всё так же их пути черны,
В жестоком сердце та же злоба.
Один приветствовать готов,
Как луч спасения, - холеру:
- «Она очистить атмосферу –
И станет меньше жадных ртов».
Другой твердит: «Не страшен голод! –
Жизнь комиссарская легка, -
- Блажен, кто с молодю был молод,
Кто изуверовал в Чека!»

* «Труд» цитирую буквально (Прим. Lolo)

²¹ Мунштейн Л.Г. (Лоло). Пыль Москвы: Лирика и сатира. Париж, 1931. С. 49-50.

А третий шепчет, полон мести:
- «Мы хлеба ждем из разных мест,
Но я боюсь, что с хлебом вместе
Они везут Коммуне – крест!»
Беда, которой нет предела,
Тоска безмерная тоска...
Русь умирает... А Чека
Творит свое лихое дело.
Холера. Голод. Тиф. Цинга.
Поля – сожженная пустыня.
Но В.Ч.К. им дорога,
Как некий символ, как святыня!
Поет в застенках пулемет
Без колебаний, без сомнений, -
И добрый Ленин не уймет
Его кровавых песнопений...
Плывут, плывут издалека
Спасенье, Радость – хлеб желанный...
Но не оставила Чека
Своей работы окаянной!
Все так же их пути черны.
В жестоком сердце та же злоба.
Они во всем себе верны,
Они себе верны – до гроба.

1921 г.

Европейские частушки²²

Сидит милый во дворце
С выраженьем на лице –
Нужен милому заем
И бумажка «признаем».
Нет ни денег, ни бумаги –
Надо ждать еще Гааги,
А потом окажется,
Что Барту куражится.
Надоела Генуя –
В шелк себя одену я
И для развлечения чувств
Прогуляюсь в «Дом искусств».
Там все пышно и богато,
Там есть красные ребята,
А меж ними – маков цвет –
Самый красный наш поэт –

²² Руль. 1922. 20 мая.

Станет в позу среди зальца –
Сунет в рот четыре пальца –
Сразу Лиговкой пахнет,
Испужается народ.

Наши парни-ежики
Пусть в ход и ножики,
Потому они – стихия
И вздыбленная Россия ...

Все совсем себя раздели
Ходят и без трусиков –
Кто был раньше в «Общем деле»,
Стал почти что Кусиков.

Прилетел аэроплан
Из столицы Ленина –
Вышла в нем мадам Дункан
Замуж за Есенина.

Есть сыпняк и голодуха,
Есть Дункан и ритмы духа
И приказ дал Совнарком
Восхищаться Пильняком.

Айседора с новым мужем
Привезла Совдеп сюда...
Были времена и хуже,
Но подлее – никогда.

Lolo. «Финиш» (клочки из дневника)²³

Запах розы и мимозы
Злым дыханьем пошлой прозы
Заглушен
С алчных лиц упали маски ...
«Светлый храм волшебной сказки»
Сокрушен.

*

Нужно вспомнить в час разлуки,
Что запятнанные руки
Жал монарх,
Что Святейший очарован,
Позабыв, что арестован
Патриарх.

*

Финиш... серый, тусклый финиш
Мистер Джордж, ты скоро кинешь
Пьедестал

²³ Руль. 1922. 21 мая.

Не о мире, о «гешефте»,
Не о братстве, а о нефти
Ты мечтал.

*

Полон грез и тайных планов,
Ты от сказочных фонтанов
Ждал чудес.

На вопросе о признании
Красной каторжной компании, -
Молвил «Yes!»

*

У разбойничьего стана
Думал взять дары фонтана,
Уголь, лес...

На вопросы о кредите
Пел сиреной: «Погодите, -
Будет! Yes!»

*

В океане слов ты плавал
Ты играл... А красный Дьявол
Банк метал
Миротворческих прелюдий
Больше нет – и «гибнут люди
За металл!»

*

Пахнет нефтью, куплей, торгом, -
Наступил конец восторгам
Пылких душ.
Вянут розы и мимозы...
В царстве пошлости и прозы
Правит Куш!

Lo!o. Кандидаты (Рифмы невинного свойства)²⁴

Вместо хворого хозяина,
Подыскать другого Каина
Полномочия даны.
Черти крупные и малые
Чертенята захудалые
Делят ризы сатаны.

*

Каша скверная заварена.
- Не позвать ли нам Бухарина?

²⁴ Руль. 1922. 17 июня.

Он – советский Робеспьер!
Иль птенца гнезда осинного,
Хитроватого Литвинова? –
Он резвей, чем фокс-террьер.

*

Кровеносный Троцкий Левушка,
Забубенная головушка
Грозно точит свой кинжал
- Не ему ли, без сумления,
Передать бразды правления,
Чтоб в ежовых Русь держал!

*

В бездне хаоса великого
Слышен рык наркома Рыкова:
«Эй, прошу иметь в виду, -
Я хозяин замечательный, -
До разрухи окончательной
Я Россию доведу!»

*

- «Стойте! – льется речь Чичерина -
Хоть «признание» похерено,
Но с Европой я на «ты».
Вместе с Джорджами и Фантами
Нефтью, углем, лесом, «пактами»
Напущу я темноты!»

*

Пан Дзержинский из застеночка
Сладко шепчет: «Переменочка! –
Здравствуй, встань, проснись Чека!»
Но... Коммуна обесценена...
Потускнело «око Ленина» -
И заря недалека!

Lolo. Cartes postales²⁵

Наркому Чичерину – Берлин.
Вы опьянели от блаженства,
От ласки дам и духовенства,
От королевских пышных блюд...
Устали вы от совещаний,
От слишком щедрых обещаний, -
И вас уже на отдых шлют.

²⁵ Руль. 1922. 25 июня. № 487.

Хотите вы, иль не хотите, -
Вы «отдохните»! ВЦИК сердит:
Вы говорили о кредите-
И потеряли весь кредит.

Вождам коммуны.

Я знаю твердо, что мы у цели,
Что неуместны судьбы законы, -
Что якобинцы друг друга съели,
Как скорпионы!
Вы подражали со дня восстанья,
Нелепо, слепо их каждой бредни, -
Не уклоняйтесь от подражанья
В борьбе последней!
Безумный Ленин судьбою свален
Из строя выбыл, ушел из круга...
Бухарин, Троцкий, Зиновьев, Сталин,
Вали друг друга!

Лери. Аре²⁶

*«Исполнилась годовщина деятельности Ары»
(Хроника)*

Хочу восторженно кричать,
Хочу я звуков марша! –
Сегодня Ара, так сказать,
Немного юбилярша...
Пальба ... Че-ка ... Винтовки ствол ...
Грабеж ... Убийства ... Танки –
И тихим ангелом сошел
В Бэдлам сей честный янки...
А Ара мир несла кругом
И даже укрощала
Американским молоком
Советского шакала.
Ташите Аре поскорей
Голодные доллары,
Ах, нет ведь подвига светлей,
Чем подвиг этой Ары.
Давайте радостно кричать
И – громче звуки марша –
Принцесса Ара, так сказать,
Сегодня юбилярша!..

²⁶ Руль. 1922. 16 июля.

Lolo. «Без руля и без ветрил»
(Из письма европейских пролетариев московским «товарищам»)²⁷

Дорогие товарищи!

Мы взираем на ваше пожарище, -
Но по правде сказать, до сих пор мы
Не постигли советской «платформы».
Не пленяют нас ваши развалины
Ваши Троцкие, Склянские, Сталины...
Непонятна нам ваша наука,
Будто собственность – скверная штука:
Вы ее гениально смели –
И сидите теперь на мели!

Москвичи-пролетарии!

Непонятны нам ваши сценарии.
Нам не нравится Маркс в переделке:
Мы устали от злой перестрелки,
От кровавой борьбы между классами, -
Не желаем мы стать папуасами
И во мгле коммунального чада
Пожирать свое кровное чадо.
Отравили нам сладость химер
Русский опыт и «русский» пример.

И у нас есть луэтики:

Им доступна лишь область эстетики...
Но правление?... Нет, паралистик,
Несмотря на прогресс не политик
«Он» сперва занялся конфискацией,
Вслед за нею - электрификацией,
Вивисекцией и хирургией...
Что он сделал с несчастной Россией?!
Истомил, истерзал, разгромил...
Нет, нам «опыт российский» не мил.

От собранья невинного,
С благосклонным участием Литвинова,
Ничего, кроме новых аварий,
Не получит наш брат-пролетарий,
Если б вас наделили кредитами,
Вы бы их поделили с бандитами.
Или что-нибудь в таком духе...
А народ – помирай с голодухи!
Нет, от ваших бесед лишь изъян
Для «рабочих, солдат и крестьян»!

²⁷ Руль. 1922. 2 августа.

Наш писатель излюбленный,
Не жалея отчизны загубленной,
Издевался над русским народом,
Восхищался «святым сумасбродом»
И его «заразительным хохотом»...
Но, должно быть, во истину плохо там,
Если бывший певец изуверов
Выступает в защиту эсеров:
Видно, нет ни ветрил, ни руля, -
Видно, близок конец корабля!...

Lolo. Genova la Superbe²⁸

Нет ни скандальных слов, ни драки!
Неузнаваем большевик:
Безукоризненные фраки
И светский лоск, и блеск, и шик.
Журчат в стаканах Кьянти, Асти,
Салонный легкий разговор
И комплементы в честь сеньор...
Где же эти звери красно масти?
-Террор?.. Быть может, был в начале –
Был и прошел, как дым густой.
Чека исчезла... - Нест печали
-Сказал недавно А. Толстой.
Не говорит от попустому:
Нельзя не верить А. Толстому, -
И европейская печать,
Себя на этот лад настроив,
Имеет право величать
Толстым оправданных героев.
Конфликт улажен и замят.
Лия волшебный аромат,
Сияет «Genova Superba»...
Но Русь не выйдет без ущерба,
Из этой встречи: дипломат,
Любимец дам, «синьор Чичерин»
Стяжать признание намерен,
А за «признание и кредит»
Он ничего не пощадит:
Родных полей необозримых,
Седых лесов непроходимых,
Ни светлых вод, ни темных недр,
Синьор Чичерин очень щедр.

²⁸ Мунштейн Л.Г. (Лоло). Пыль Москвы: Лирика и сатира. Париж, 1931. С. 69-70.

Король зовет гостей на ужин!
Смеется Джордж, Барту сконфужен:
Путь во дворец открыт «борцам»,
Кричащим дерзко: «Смерть дворцам!»
Спи, здравый разум: ты не нужен!
Спи, сердце: ты бунтуешь зря! –
Король зовет к себе на удин
Тех, кто велел убить царя.

Висбаден, 1922 г.

Lolo. Красным писателям (стихи в альбом)²⁹

*«Бывший Патриарх Тихон должен быть отлучен от церкви,
как враг Советского Богом данного Правительства»
(Из циркуляра архиепископа Антонина)*

Вы кричите в советской рецензии:
«Обязательно Бога – в тюрьму!»
Почему Вы на Бога в претензии –
Я, ей-богу, никак не пойму.

*

Проявили вы бездну бездарности,
В полемически-зломном пылу –
И лишились былой популярности,
Вместо чувства любви, благодарности
Изрыгая на Бога хулу.

*

Ваша дикая месть неестественна.
Красный поп начертал письма
В коих молвил народу торжественно:
«Знайте, братья, коммуна божественна,
Власть Советская Богом дана!»

*

Это сказано очень язвительно...
(слово пастыря станет мечем)
Вы нам посланы Богом, действительно, -
За грехи!... И народы почтительно
Называют вас «Божьим бичем».

*

Почему же в рептильной рецензии
Вы готовите Богу тюрьму?
Почему Вы на Бога в претензии –
Я, ей-богу, никак не пойму...

²⁹ Руль. 1923. 25 апреля.

За Демьяна Бедного Аркадий Бухов.
«Сон Демьяна Бедного»
(Больше чем пародия Аркадия Бухова)³⁰

Дорогой советской прессе от скромного автора.

Пришел я недавно к Ильичу,
Хлопнул покойного по плечу,
И сели мы рядышком оба,
Он – в гробу, я – у гроба,
И начал я прямо:
- «А у нас Ильич, драма:
За границей – послы,
А дома – ослы,
Причем, ослы себя ведут послами,
А послы – ослами.
Если кто что-либо наладит,
Разговорится с Европой немножко,
Прибежит Зиновьев и нагадит,
Как самая неприличная кошка.
Устраивают рауты, встречи,
А результата никакого:
О долгах – целые речи,
А о займе ни полслова»...
Вздохнул Ильич тяжко,
Почесал у себя в затылке,
И ответил бедняжка
(А тон далеко не пылкий):
- «Это ничего, что наши акции
Падают очень стремительно –
Там ведь глухая реакция,
Зато удивительно,
Какой порядок в самой стране!
Сознайся хоть в этом мне».
- «Ах, говорю ему. Ильич, Ильич
Когда ты жил, легко было стричь
Послушное стадо,
А теперь не загнать его и за ограду;
Мы его хворостиной,
А оно нас дубиной,
Троцкого прогнали,
Радек в опале,
Зиновьев лезет на трон,
Каменев сидит под троном,

³⁰ За свободу! 1925. 9 июня.

Каждый коммунист барон,
И ведет себя подлинным бароном.
И такое их развелось количество,
Что не знаешь, кого сиятельством величать,
Кому ура кричать
И кого называть: ваше величество!
По новой коммунистической моде
В нашей партийной колоде
Есть одна тройка, а все остальные тузы».
Тут спросил меня Ильич: «А низы?»
- «Низы, говорю, у нас еще больше печалют,
С верхами у них большое сходство:
Или из-за мест скандалят,
Или устраивают себе воеводства.
У нас не первый блин комом:
В обиходе российском, хорошо знакомо
Ком-безобразия и ком-беспорядки,
Ком-вымогательства и ком-взятки.
Беспардонное ком-грабительство,
Беспечальное ком-жительство,
А кто с этим не знаком
И того даже зовут ком-дураком!»
Печально Ильич отозвался:
- «Как ком-хорошо, что я ком-скончался»
- «Ах, говорю, Ильич, поверьте,
Ваши заветы храним и после вашей смерти.
Узды никогда не ослабим,
Награбленное грабим,
Не выдоенным ни осталось ни одного вымени,
Все кабаки – вашего имени,
В деревнях избы – имени Лассаля,
Все бриллианты раскрали,
Благодушный народ
Потихоньку от голода мрет,
А все никакого толку,
Как от капусты волку»...
Посмотрел на меня Ильич сердито,
И закончились словопрения наши:
- «Довольно, говорит. Демьян, поди ты
К чертовой мамаше...
И так выбрал я себе судьбу –
Каждый день ворочаюсь в гробу:
Над всякой логикой издевательством
Море глупости русской вспенено,

И каждый лезет с доказательством:
«Поступаю по завету Ленина».
Даже так бывает –
Если кто-нибудь чихнет сгоряча,
Так тут же, мерзавец, вставляет:
«Чихаю именем Ильича».
Конечно, все это довольно,
Но скажем, Демьян между нами:
- «Хоть каша мной засолена,
Расхлебывайте ее сами!»
Дружески меня Ильич по коленке хлопнул:
- «Прощай, Демьян, чтоб ты лопнул!»
Закрыв за собой гробовую крышку,
Привинтил ее плотнее на задвижку,
И – конец нашему разговору,
Было это в ночную пору.
А утром пришлось проснуться рану,
Мне Бедному Демьяну,
И хоть сны – буржуазное дело,
Но говорю вам, товарищи смело:
- Спите, коммунисты
Крепко по ночам.
И во сне не шляйтесь к разным Ильичам...

Ли. Частушки³¹

Всех наркомов мне милее
Тот, лежащий в мавзолее –
Взяли бы с него пример
Все вожди СССР!...

Без склероза, без подагры
Наш Зиновьев едет в Гагры –
Это строгий управдел
Так беднягу заболел.

Лери. Брак по расчету (Наблюдательная история)³²

«Муссолини не исключает возможности итало-советского союза.

Это, по его мнению, будет брак по расчету»

(Из телеграмм).

Пред Чекой международной
Стоял пронзительный брюнет
И, как фашист страны свободной,
Слагал ей пламенный сонет.

³¹ Иллюстрированная Россия. 1926. № 7(40). С. 10

³² Там же. № 28 (61) С. 17.

Чека внимала мандолине
И томно молвила: «Итак,
Белогвардеец Мусолини,
Вы предлагаете мне брак».
Он отвечал, сверкнув белками:
«Да, синьорита... да, Чека.
Хоть мало общего меж нами,
Но вот вам сердце и рука».
«Послушайте, а вы не врете.
Ведь брак со мною – мезальянс».
«Я брак наш строю на расчете,
А это лучший альянс»,
«Меня ругали вы когда-то».
«Теперь я уж не то, ей-ей,
Я вас люблю – любовью брата,
А может быть еще сильнее.
Вы отдадите мне бриллианты,
Наряды, золото, меха,
А я вас в общество Антанты
Введу по праву жениха.
Там пить вы станете Кианти,
Забыв советский самогон».
«Ах, комплементщик... Перестаньте
Я вас боюсь. Ступайте вон».
Но так приятно верить фразам
И унести в мечтах слегка.
Но все ж в Чеке работал разум,
И вот промолвила Чека:
«Вы, может быть, не разглядели –
Мой вид не столь уж и красив».
«Мадам, довольно канители –
Я не брезглив... Я не брезглив».
«Я родилась от Коминтерна,
Феликс Дзержинский мой отец.»
«Смеетесь надо мной наверно,
Идемте к мэру, наконец.
Где ваши знаки, ваши лиры».
«Бери, красавец... Я – твоя».
«И будешь ты – царицей мира,
Подруга красная моя».

На свадьбу ели макароны,
Рагу, томаты и крэп д'орж.
И, как папаша посаженный ,

Сидел на свадьбе сам Ллойд Джордж...
Был шафером товарищ Красин.
И вид был дьявольски прекрасен
Невесты – СССР.
На ней был новенький тайер
С фатою цвета свежей крови.
В рубаше черной, наготове,
Сидел расчетливый жених.
Лилось вино в часть молодых,
Кричали поминутно: «горько».
И только чуть блеснула зорька
В просторах неба голубых,
Их отвели в апартаменты.
О, незабвенные молитвы.

Не долго музыка играла,
И драматичен был финал –
Супруга мужа обокрала,
Пока супруг в кровати спал.
Когда же он вскочил в испуге,
То ни костюма, ни супруги,
Ни золотых часов «Лонжин»,
Ни Рафаэлевских картин
Уже не стало и в помине.
И всхлипнул бедный Мусолини,
Заметив вдруг, что и штаны
Его Чекой похищены ...
Исчезло все. Лишь на скамейке
Пред ним кишели ком'ячейки
И размножались на глазах
Во всех решительно углах.
И непривыкший к сей картин,
Позвал на помощь Муссолини.
Открылась дверь. «Ко мне фашисты».
Но перед ним стоял чекист,
Как след дражайшей половины.
И от него-то он узнал.
(Какой позор. Какой скандал),
Что был не только без штанов он,
Но, сверх того, и арестован...

Мораль. Она ясна и так –
С Чекою не вступайте в брак.

Граждане почтенные,
Штатские и военные.
Милости прошу
К нашему шалашу.
Правду узнать не хотите ли,
Как живут коммунисты-грабители?
Вот вам советская панорама
Люди без стыда и срама.
На грабеж калачи тертые,
Дерут с живого и мертвого.
А вот господин Чичерин,
Врет как сивый мерин,
Но в себе очень уверен,
И еще врать намерен:
За вранье деньги платят.
Мы, говорит с Рушид беем
Никаких посулов не жалею.
Подберем себе Персию с Афганистаном,
Закусим еще Туркестаном.
И везде господами станем.
На наш век дураков хватит.
Ограбили мы русскую землю.
Поеду теперь за границу,
Будто бы полечиться,
Посещу Париж и Ниццу,
Крестьянские денежки растряссти...
Господи, прости.

С русских крестьян шкуру снимают,
Английским коммунистам миллионы посылают,
Подносят как на блюде:
Примите, добрые люди.
Это мы совсем добровольно.
А насчет шкуры... так нам не больно.
Ай да советские коммунисты!
Работают чисто,
Или к расстрелу, или в Соловки.
Если кто с ними не согласен,
И покажется им опасен.
А вот еще картина, не во сне, а в явь,
Устроили бунт на острове, на Яве.

³³ Борьба за Россию. 1926. № 12. С. 15-16.

И на кой черт полезли на Яву?
Швырять русские деньги на забаву.
Грабят русского мужика, как угодно.
Насчет грабежа у нас свободно.
Не жалеют крестьянскую спину,
А не вспомнить ли песнь про дубину?
Эх, дубинушка ухнем!
В коммунистов, братцы, бухнем!
Да ухнем, да бухнем, да ух.

Хирьяков А. Раешник³⁴

Здравствуйте, почтенные господа.
Пожалуйте сюда.
Вот вам опять советская панорама.
Все тут, как тут,
Все походя врут.
Никто не говорит прямо.
Видно их обычай таков:
Норовят на грош купить пятаков:
Вот в Москве расстреляны бандиты.
Трибуналу сказали: не суди ты.
Мы в Г.П.У. дело знаем
И без суда расстреляем.
В судах слишком много разговора,
Не отличишь, как раз,
Судью от вора,
А в Г.П.У. все шито и крыто,
Хоть святого выдавай за бандита.
В Г.П.У. не нужна улика,
Своя рука владыка.
Хоть Дзержинского нет, ничего не значит.
Напрасно о нем г. Горький плачет.
Поплачет и перестанет.
О других плакать не станет.
Такая уже мать Софья,
Что о чужих жуликах сохнет.
То был Дзержинский палач,
А теперь о Красине плач.
А вот вам еще картина:
Не из Парижа, не из Берлина,
У коммунистов в Москве горе.
Хоть вешайся, али кидайся в море.
Снюхались они с литовским правительством,

³⁴ Борьба за Россию. 1927. № 6. С.14.

Чтобы принять Литву под покровительство.
И безо всякой оглядки
Завести там советские порядки
Да провела армия литовская:
Ах вы, шпана таковская,
Что за большевистские замашки?
Рраз. И пролетели голуби вверх тормашки –
В Москве знают, что армия штука опасная,
Офицерская дума не ясная...
Ворошилов решил дело наладить,
На 16 тысяч офицеров убавить.
Нам в них, говорит, мало толку,
Пусть кладут зубы на полку.
Как вам, господа офицеры,
Нравятся такие манеры?
Сегодня одних долой, завтра других упрячут,
Это мол ничего не значит.
А чуть что так без малого смущенья,
Разделяют войсками особого назначения,
Те, известно, хуже всякой холеры...
Подумайте, господа офицеры.

Хирьяков А. Раешник³⁵

Послушайте, братцы славу
Про советскую ораву.
Пишут нам, что в Совдепии все гладко,
Всякий день реформа и все в ударном порядке,
Объявили снижение цен на товары.
Вздешевело все, не везут на базары,
Даром отдают: берите, господа комиссары.
Объявили приказ об экономии:
Раз в неделю мойте физиономии,
Чай пейте с сахаром в приглядку, -
Приучайтесь к ударному порядку.
Циркуляр об увеличении зарплаты:
Дать рабочему новые заплаты
На старые пиджаки ставить –
Можно и его позабавить!
А чтоб радовался он не даром,
Наградить его и другим циркуляром,
Чтоб вносил без лишнего разговора
Всякие добровольные сборы.

³⁵ Борьба за Россию. 1927. № 18.

Раз, два, три, не играть в прятки,
Вноси в ударном порядке:
Вноси раза три в год на авиа-флот,
Вноси на содержание кантоцев,
На красные набрюшники для патагонцев,
На коммунистическую пропаганду в Чили,
Да чтоб и мексиканские коммунисты получили.
Вноси на пропой коммунистам английским,
Французским, польским, эстонским, латвийским...
Коммунистов на свете много,
Из рабочего кармана широкая дорога...
А для успеха большевизма во всем мире,
Сделают ее еще шире.
С комиссаров то взятки гладки.
Оберут, как липку в ударном порядке.
Ликвидация безграмотности в порядке ударном.
Педагоги: кухарка с кумом пожарным.
Зато происхождения вполне пролетарского –
Краса заведения господина Луначарского.
Еще циркуляр: вранье не без грации:
Во всем государстве ввести электрификацию!
Электрификацию всей России!
Чего не обещают советские миссии.
Легки на посулы, только в чем причина,
Что взамен электричества в деревнях пучина?
Видно, комиссар врать молодчина!
А неужто это вранье не надоело?
Да не приняться ли братцы за дело?
По несям комиссаров да в ударном порядке!
Да в таком ударном, чтоб сверкали их пятки,
Чтоб бежали все черти да без оглядки!

Хирьяков А. Раешник³⁶

Третий звонок, господа,
Пожалуйте сюда.
Занавес советский поднимается,
Представление начинается:
Картина, достойная удивления:
Замечательные произведения
Коммунистического гения –
Все советские достижения.
Перечислим: общее обеднение,

³⁶ Борьба за Россию. 1927. № 19. С. 14.

Торговли сокращение,
Пижонства распространение,
Молодежи развращение,
Всемерное ограбление
Российского населения,
Голодные без прокормления,
Дети без призрения,
Дома без отопления...
Все эти достижения,
Без всякого сомнения
Результаты самомнения
Коллективного гения
Советского происхождения.
Не думайте, что это пределы
Не упомянуто про расстрелы.
Чем другим, а этим богаты
Коммунистические хваты.
Не сказано про казематы,
Советские подвалы и закоулки,
Про чубаровские переулки,
Про ссылки в Сибирь и Соловки,
И прочие большевистские сноровки.
Не сказали про крестьян разорения,
Про крестьян волнения,
По кровавые их подавления,
Про церквей разгромления,
Над иконами глумления,
Про религиозные гонения...
Вот вам неполные перечисления,
Каковы у нас достижения
Коллективного гения
Большевистского происхождения.

Хирьяков А. Раешник³⁷

Новые картины, господа,
Пожалуйте, сюда!
Столько событий в короткое время:
Скинули англичане большевистское бремя.
Обошлись вежливо пока:
Дали хорошего пинка
За их скверные замашки,
И полетели охальники вверх тормашки.

³⁷ Борьба за Россию. 1927. Приложение к № 31. С.1.

Завопили белугой на все стороны света.
Грозь: попомним вам это!
Рычат и лают, а хвост поджали, -
Видно их здорово прижали.
Так прижали, что от английского пинка
Помутилось и в голове слегка.
Царского убийцу в Варшаве убили,
А большевики благим матом завопили:
- Караул, это англичан интриги;
Это все знают от Баку до Риги! —
Толкуй с ними. Войкова убил герой Коверда,
А они все свое: это, мол, беда
Произошла от английского коварства,
Хотят, мол, разрушить советское государство. —
А пока для большевицкого огорчения
Совершаются новые злоключения.
В Питер в большевицкий клуб неизвестное лицо
Явилось через парадное крыльцо,
Пешком, не в вагоне с немецкой пломбой,
Появилось и ахнуло бомбой.
Тридцать коммунистов ранено в зале,
А кто бросил бомбу ушел, поминай, как звали.
Большевики взвыли, перекошены морды:
- Это, мол, не иначе как английские лорды.
Да почему английские, откуда вы знаете?
- Ах, господа, да как вы не понимаете,
Как ахнула в нас эта бомба,
Глядим, а на ней английская пломба.
А тут еще железнодорожное крушение, -
Опять, конечно, английское покушение. —
Большевицкая шайка ревмя ревет:
Чекиста Опанского вывели в расход.
- Батюшки, помогите, пролетарии всех стран!
В этом деле тоже не без англичан.
Ну, да постой, дай срок,
Мы им тоже пропишем урок, -
Мы тоже виды видали:
Сейчас за Войкова кучу людей расстреляли,
А только сунься, ну ей же ей,
Начнем стрелять и женщин детей! —
На счет убийства беззащитных людей
Это просто у них, бесстыжих зверей.
Братцы! Да что же мы? Совсем одурели что ли?
Пора, наконец, отделаться от этой подлой своры,

Благо положено доброе начало,
Бейте их, мерзавцев, как и чем попало!

Хирьяков А. Раешник³⁸

Походите, господа почтенные,
Статские и военные.
Поглядите, почтеннейшая публика,
Как живет советская республика,
Каковы ее виды на жительство
Под властью воровского правительства?
Все, что добыто народным горбом,
Уничтожено советским гербом –
«Молотом и серпом».
Те расстреляны, те зарезаны ...
Жизни ростки серпом подрезаны,
Тук-тук-тук,
Молота стук.
Представление начинается:
Советский аукцион открывается.
Большевицкая радость, предел восторга –
Продается с аукционного торга ...
Тише, господа, внимание:
Продается Россия, все народное достояние.
Господа иностранцы, не зевайте,
За гроши Россию скорей покупайте.
Кто больше? Тук, тук, тук...
Молотка аукционного стук.
Деньги на стол давайте.
Все продажно, все продает,
Деньги в карман кладем.
Руды свинцовые, цинк, медь, золото ...
Никель, железо, асбест, графит ...
Иностранцы, кто больше? Молоток стучит.
Что кому надо: нефть, уголь, смола, сода,
Кто больше? Аукцион 1928 года.
Концессия: построить 44 завода.
Господа иностранцы, забирайте самое лучшее,
Не упускайте надобного случая:
Продается рубль за пол пятака,
Русская промышленность идет с молотка.
Сахар, масло, кожа, бумага, цемент...
Россию продают, не упускайте момент.

³⁸ Борьба за Россию. 1928. № 8. С.8.

Господа, иностранцы, тук, тук, тук.
Слышите молота стук?
Кто больше? Клад в руки дается:
Россия, вся Россия продается ...
Перебьют. Скорее спешите со всех ног:
Постройку железных дорог,
Овцы, зерно, хлопок, пенька –
Все продается, все идет с молотка.
Тук, тук, тук,
Советского молотка стук:
Продаются большевицкие франты
Краденные бриллианты,
Картины, статуи, жемчуга, медали,
Золото, бронзу... двести лет собирали.
Будет советская власть упрочена –
Россия в гроб заколочена.
Господа, иностранцы, скорей,
Давайте гвоздей.
Стук, хлоп,
Кладите крышку на гром.
Шевелись, ребята живей,
Заколачивай, не жалея гвоздей.
Господа покупатели, вперед:
Мертвая Россия легче сойдет.
Вот вам Россия, Россию берешь?
Нет, стой: здесь не пройдешь!
От ворот поворот
Жив русский народ
Долой молот и серп,
К черту советский герб.
Веселее, смелее, вперед.
Подымайся, русский народ.
За долю свободную,
За долю народную,
Подымайся русский народ,
Пришел твой черед!

Хирьяков А. Раешник³⁹

...Каждый день открываются злоумышления,
Да все больше советского измышления,
Взять хотя бы дело Донбасса...
Малышки приговорительного класса,

³⁹ Борьба за Россию. 1928. № 84. С.7-8.

Пожалуй, поверят, что и вправду заговор тут,
А другим ясно, что сплошь большевики врут.
Крали, тащили, брали взятки...
Чего уж тут играть в прятки?
А когда, наконец, дошло до расплаты,
Заговорили высокие палаты:
Чтоб не подумал рабочий, что мы виноваты,
Объявить, что замешаны лихие супостаты,
Что тут, мол, заговор иностранцев -
Англичан, французов, германцев -
Что, мол, умышляют и прочие народы
Об уничтожении российской свободы,
Что решили погубить русскую нацию,
Вернуть помещиков и устроить реставрацию...
И так далее, и так далее, а в итоге -
Увеличить крестьянские налоги.
Для развития военного дела,
Так, мол, советская власть повелела.
А Донбасс, мол, дело настоящее.
Выбрали и судью подходящего:
Крыленку, хорошего говоруна
И самого бесстыжего вруна.
Врать-говорить -
Не дрова рубить.
На это его станет,
Благо на шее креста нет ...

Ставрогин С. Сталин⁴⁰

Как туча мрачен и угрюм,
В пустых покоях бродит Сталин.
Подавлен в нем мятежный ум
И лик суровый опечален...
«Что делать мне?... Куда идти?..
И в чем спасенье от тревоги?..
Увы, закрыты все пути
И все заказаны дороги.
Кругом болото, смрад и мгла.
Умов тревожное шатанье,
И козни, козни без числа,
И призрак Троцкого в изгнанье...
На дне казенного мешка -
Как в солнце выжженной пустыне,

⁴⁰ Борьба за Россию. 1929. № 120. С. 5-6.

И разбазарен с молотка
На днях последний гвоздь в Берлине.
Спасибо Михелю!... Один
Он честно предан нам доселе,
И если б только не Берлин,
Давно бы на мель мы здесь сели.
Попали, видно, мы впросак...
И дал же здорово я маху,
Сменив на ленинский колпак
Свою грузинскую папаху.

Ох, тяжек, тяжек мой удел!
Почуяв близкую свободу,
Мужик зловеще зашумел,
Как бор дремучий в непогоду.
В нем своеволя вспыхнул дух,
И без стеснения, без пощады
Моих селькоров, словно мух,
Глушит он всюду из засады.
Поля не вспаханы лежат,
Горят советские колхозы
И все настойчивей звучат
Кругом мужицкие угрозы.

А кто сумеет их унять?
Конец бесчинствам кто положит?
И кто деревню обуздать
Рукою властной мне поможет?
Калинин?... Глуп как истукан,
К тому же влюблен, как кот блудливый...
Пьянчужка Рыков?... Микоян?...
Менжинский?... Каменев, фальшивый?
Иль этот гаер, этот шут,
Сей квазимодо пролетарский,
Что Анатолием зовут
И добавляют – Луначарский?
Всё дрянь, ничтожество... всё мразь...
Одни сплошные карьеристы,
Одна чубаровская грязь.
Притом и на руку не чисты»...

И вдруг воскликнул он: «Ишак!
Иль память мне отшибло что ли?
Спасет нас верный Рудзутак
От угрожающей нам доли
Он, правда, туп, но не сыскать
Ему подобного в застенке,

И за меня родную мать
Он, не моргнув, поставит к стенке.
Вопрос решен, и с мужиком
Теперь мы справиться сумеем,
Везде порядок заведем
И все поля кругом засеем.
И, прославляя гений мой,
Воспрянет духом пролетарий
И превратиться в рай земной
Наш бесподобный лупанарий.

Lolo. Вести оттуда⁴¹

Снова оттуда идут
Страшные жуткие вести ...
Казни ... Неправедный суд ...
Мор ... Вакханалии мести.
 Встретила Пасху Москва
 Без колокольного звона.
 Полные скорби слова
 Тихо струились с амвона.
Красный вели хоровод,
Осатаневшие хамы...
Пусть!... Истомленный народ
Шел в уцелевшие храмы.
 Нынче в тринадцатый раз
 С Пасхой боролся Иуда.
 Кончится ль страшный рассказ?
 Вспыхнет ли яркое чудо?
Скоро ль развеется мгла –
Ночи глухой покрывало?
Скоро ли колокола
Вновь запоют как бывало?
 Кто-то мне шепчет: смотри, -
 Близок уж берег желанный...
 Скоро дождемся зари,
 Светом любви осянной!...

⁴¹ Мунштейн Л.Г. (Лоло). Пыль Москвы: Лирика и сатира. Париж, 1931. С. 177.

Научное издание

Урядова Анна Владимировна

Советская Россия 1920-х: восприятие эмиграции

Монография

Редактор, корректор А. А. Аладьева
Компьютерная верстка А. А. Аладьевой

Подписано в печать 19.05.2011. Формат 60 x 84 ¹/₁₆
Усл. печ. л. 22,78. Уч.-изд. л. 21,23. Тираж 150 экз.
Заказ 006/11

Оригинал-макет подготовлен
в Управлении научных исследований и инноваций ЯрГУ

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова
150000, г. Ярославль, ул. Советская, 14

Полиграфический центр СМУК
150000, г. Ярославль, Красный съезд, д. 10В
тел. (4852) 200-121, www.yarcmuk.ru